

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

СБОРНИК

научных статей студентов,
магистрантов, аспирантов

36

ВЫПУСК

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

СБОРНИК

**научных статей студентов,
магистрантов, аспирантов**

*Под общей редакцией
кандидата политических наук,
доцента Е. А. Достанко*

Основан в 2008 году

Выпуск 36

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2026

УДК 082
ББК 94
С23

Редакционная коллегия:

*Н. С. Анцух, Л. М. Гайдукевич, Е. А. Достанко,
Д. Г. Решетников, А. В. Селиванов*

Члены Студенческого научного общества ФМО БГУ:

Д. А. Пасмурцев, Д. В. Понедько

Составитель

А. А. Галковская

ISSN 2224-0845

© Идея проекта. Научный студенческий
совет факультета международных
отношений БГУ, 2008

© Галковская А. А., составление, 2026

© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2026

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Африканские государства как драйверы изменений в португалоязычном сообществе

*Абакунчик Р. Р., Мелькова П. А., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Селиванов А. В., канд. ист. наук, доц.*

Содружество португалоязычных стран (СПЯС) было создано 17 июля 1996 г. в Лиссабоне как объединение государств, связанных общим языком и историческим наследием. За прошедшие десятилетия организация претерпела глубокую трансформацию: из символического «пакта дружбы» между бывшей метрополией и ее колониями она превратилась в многосторонний механизм, где африканские государства играют все более самостоятельную роль. СПЯС объединяет девять стран Европы, Латинской Америки, Африки и Азии, выступая естественным мостом через Атлантику. Именно африканские участники (Ангола, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, а с 2014 г. и Экваториальная Гвинея) стали ключевым фактором, изменившим внутренний баланс сил и приоритетов сообщества.

Созданию СПЯС предшествовала деятельность региональной группы «Португалоязычные страны Африки» (ПАЛОП), образованной в 1979 г. Как подчеркивал исполнительный секретарь СПЯС Домингуш Симойнс Перейра, сообщество зародилось как «пакт дружбы и солидарности между равными», в отличие от центральных моделей других языковых объединений. Для африканских стран участие в СПЯС позволило выстраивать отношения с Португалией на принципиально новой основе – суверенного равенства, что стало историческим прорывом после колониального прошлого [1, с. 2–3].

Наиболее ярко трансформация СПЯС проявилась в укреплении позиций Анголы. Эта страна с быстрорастущей нефтяной экономикой сегодня входит в число «восходящих держав» [2, с. 3]. В рамках Содружества Ангола выступает не получателем помощи, а полноправным партнером и инициатором проектов, что подтвердило ее председательство в 2020–2022 гг., сделавшее акцент на экономическом сотрудничестве [3, с. 19–20]. Африканские члены ПАЛОП вместе с Восточным Тимором обеспечивают СПЯС семь голосов в ООН и шесть – в Африканском союзе, значительно повышая политический вес организации [3, с. 12].

Внутри СПЯС традиционно выделяются три центра силы: Бразилия, Португалия и африканские государства. Африканский фактор меняет расстановку

приоритетов. Бразилия рассматривает СПЯС как канал для сотрудничества по линии Юг–Юг. Португалия, после потери колоний оказавшаяся в ЕС в числе наименее развитых экономик, использует СПЯС для повышения своего веса и посредничества между Европой и Африкой [3, с. 7–9].

Ключевым звеном остается португальский язык. Сегодня на нем говорят более 293 млн человек, а ЮНЕСКО провозгласила 5 мая Всемирным днем португальского языка. Для африканских стран язык стал ресурсом мягкой силы, а не инструментом колониализма. Важнейшим органом выступает Международный институт португальского языка (МИПЯ) со штаб-квартирой в Кабо-Верде, который, несмотря на финансовые трудности, реализует образовательные и культурные программы [1, с. 5–7].

Африканские члены расширяют географию влияния СПЯС. Экваториальная Гвинея, где официальным языком является испанский, в 2014 г. стала полноправным членом [2, с. 2]. Статус ассоциированных наблюдателей имеют 33 страны и организации, включая многих африканских участников (Маврикий, Намибия, Сенегал) [1, с. 5]. Африканские страны нередко выступают «проводниками» для связей с этими наблюдателями.

В 2001 г. в Устав СПЯС была включена сфера обороны и общественной безопасности – предпосылкой послужили конфликты в Анголе и Гвинее-Бисау. В 2003 г. министры обороны обсудили создание совместных лусофонских сил для миротворческих операций [2, с. 5–6]. Во время циклона «Идай» в Мозамбике (2019) военнослужащие из Португалии, Бразилии и Анголы оказали помощь пострадавшим, что продемонстрировало высокий уровень солидарности [3, с. 18].

Тем не менее существуют проблемы. Большинство африканских членов – беднейшие страны мира, их взносы несопоставимо ниже бразильских и португальских, что создает дисбаланс. Отсутствует мобильность между государствами – инициатива «внутреннего паспорта» буксует годами. Как отметила профессор Ана Лусия Са, деятельность организации во многом остается формальной. Африканские страны включены и в другие региональные объединения (САДК, ЭКОВАС), что порождает конфликт приоритетов, а механизмы контроля остаются слабыми в вопросах противодействия наркотрафику и нарушениям прав человека [1, с. 8–9].

Несмотря на трудности, роль СПЯС как моста между Африкой, Европой и Латинской Америкой усиливается. Еще в 1983 г. глава МИД Португалии Жайме Гама говорил о необходимости «трехконтинентального диалога» [1, с. 3]. Сегодня этот диалог стал реальностью. СПЯС получил статус наблюдателя при ООН, а в 2018 г. в штаб-квартире ООН прошел День португальского языка [3, с. 16]. Будущее организации зависит от перехода от деклараций к конкретным проектам – либерализации визового режима, совместным предприятиям и транспортной связанности.

Таким образом, африканские государства – члены СПЯС сыграли ключевую роль в трансформации португалоязычного сообщества из символического объединения в действующий многосторонний механизм сотрудничества. Экономический рост Анголы, стратегическое положение стран ПАЛОП и их стремление преодолеть колониальное наследие изменили внутренний баланс сил. СПЯС перестал быть исключительно «пактом дружбы» Португалии с бывшими колониями и превратился в платформу равноправного взаимодействия трех континентов. Как заметил писатель Мануэл Аллегру, «прежде чем стать государством, Португалия была языком». Этот язык сегодня служит основой солидарности девяти стран с населением около 300 млн человек, причем африканские государства постепенно становятся активными архитекторами сообщества, что позволяет прогнозировать дальнейшее укрепление СПЯС как уникального трансрегионального объединения.

Литература

1. Велиньо, Родригес, В. В. Содружество португалоязычных государств: становление, развитие и роль на международной арене / В. В. Велиньо Родригес, Т. С. Макарова, М. А. Никулин // Международные отношения. – 2024. – № 1. – С. 11–23. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65313781> (дата обращения: 27.04.2026).

2. Тшиака, О. В. Двадцатилетие Содружества португалоязычных стран: итоги и перспективы / О. В. Тшиака // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2016. – № 2. – С. 246–254. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26745868> (дата обращения: 27.04.2026).

3. Токарев, А. А. Интеграция Сообщества португалоязычных стран: «розы и шипы» / А. А. Токарев // Проблемы национальной стратегии. – 2024. – № 2 (83). – С. 120–143. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67217787> (дата обращения: 27.04.2026).

Внешиполитическая стратегия Объединенных Арабских Эмиратов на Африканском Роге

*Алексютенко А. А., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Ярмошук К. И., канд. полит. наук, доц.*

Активность Объединенных Арабских Эмиратов на Африканском Роге является частью внешнеполитической стратегии по укреплению лидерских позиций в Африке. Государства Африканского Рога представляют интерес для ОАЭ по целому ряду факторов: экономическому, политическому и другим. Экономическая важность Африканского Рога заключается в том, что это территория с запасами полезных природных ископаемых, которые

необходимы для развития высокотехнологического производства. Политическая важность заключается в том, что Африканский Рог является потенциальным союзником для продвижения ОАЭ на территории Африки. С политической точки зрения страны рассматриваемого региона представляют важных игроков и потенциальных союзников в деле продвижения эмиратских интересов на африканском континенте.

Реальная активизация ОАЭ на Африканском Роге началась после событий арабской весны в качестве реакции на усиление в регионе позиций Катара и Турции. Побережье Африканского Рога является важным торгово-логистическим коридором, что является важным фактором для ОАЭ. Однако Китай также заинтересован Африканским Рогом, поэтому в данном вопросе ОАЭ конкурируют с Китаем. На сегодняшний день почти 90 % портов находится под контролем китайских компаний. Несмотря на это, для ОАЭ побережье Африканского Рога является стратегически важным объектом в вопросах как торгово-логистического развития, так и безопасности. Эмиратские дипломаты также играют важную посредническую роль в урегулировании споров на Африканском Роге. В 2018 г. Эмираты способствовали урегулированию давних разногласий между Эритреей и Эфиопией [1, с. 54].

Поддержка отдельных стран Африканского Рога стала неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии ОАЭ. Внимание Эмиратов закономерно привлекают такие государства, как Сомали, Судан и Эфиопия, причем последняя вызывает особый интерес ввиду двух факторов: выгодного географического положения и перспектив динамичного роста населения и экономики. Укрепление связей с Эфиопией подтверждается показателями торговли в 1,4 млрд долл. за 2022 г. Кроме того, ОАЭ стремится закрепить свое присутствие через контроль над портовой инфраструктурой в акватории Красного моря и развитие военного партнерства с Аддис-Абебой, включая поставки вооружений [2].

Объединенные Арабские Эмираты продолжают расширять свое влияние на Африканском Роге. Они стабильно укрепляют свои связи с регионом и обзавелись статусом важного игрока на Африканском Роге. Благодаря политическим альянсам, помощи, инвестициям, соглашениям о военных базах и контрактам на порты они расширяют свое влияние в регионе. Одним из показателей данного влияния стала помощь в урегулировании конфликта между Эфиопией и Эритреей. Летом 2018 г., после серии визитов представителей Эфиопии и Эритреи к эмиратским официальным лицам, между странами было подписано примирительное соглашение. Эмиратская и саудовская дипломатия и помощь сыграли ключевую роль в этой сделке. По мере роста своего влияния на Африканском Роге ОАЭ должны развивать достигнутый мирный процесс между Эритреей и Эфиопией, продолжая поддерживать и продвигать это соглашение, одновременно стремясь к примирению с сомалийским

правительством. ОАЭ, как и другие монархии Персидского залива, инвестируют в регион Красного моря и Африканского Рога на долгосрочную перспективу. Сами ОАЭ имеют давнюю историю взаимодействия по другую сторону Красного моря. В Эмиратах проживает многочисленная диаспора из стран Африканского Рога, некоторые представители которых сыграли важную роль в ее основании в 1971 г. Арабоязычные суданские государственные служащие помогли создать зарождающиеся министерства. Между тем Дубай является банковским центром для многих сомалийских предприятий [3].

Литература

1. Хайруллин, Т. Р. Внешнеполитическая активность ОАЭ на Африканском Роге / Т. Р. Хайруллин // Институт Африки РАН. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 53–56.
2. Гончаров, В. Африканский Рог в трясине геополитического соперничества / В. Гончаров // New Eastern Outlook. – 14.03.2024. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/03/14/afrikanskij-rog-v-tryasine-geopoliticheskogo-sopernichestva-chast-chetvertaya-nezrimaya-ruka-abu-dabi-i-pozicziya-blizhajshih-sosedej/> (дата обращения: 04.04.2026)
3. The United Arab Emirates in the Horn of Africa // International crisis group. – 06.11.2018. – URL: <https://www.crisisgroup.org/brf/middle-east-north-africa/ united-arab-emirates/b065-united-arab-emirates-horn-africa> (date of access: 04.04.2026)

Отношения между Японией и США во второй половине XX в.

*Алексютенко А. А., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Ярмошук К. И., канд. полит. наук, доц.*

Во второй половине XX в. отношения между Японией и Соединенными Штатами прошли путь от послевоенной оккупации к прочному союзу, основанному на общих интересах в области безопасности, экономической взаимозависимости и демократических ценностях. Эта трансформация во многом была обусловлена итогами Второй мировой войны и началом Холодной войны. Изначально отношения были враждебными: в декабре 1941 г. Япония атаковала Перл-Харбор, что привело к затяжному конфликту, а ответом США стала атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. После этого Япония пережила семилетнюю оккупацию, в ходе которой была демонтирована армия и радикально изменена политическая структура страны. Однако послевоенная политика США была направлена не только на демилитаризацию, но и на восстановление Японии как оплота против распространения коммунизма в Азии. Американские оккупанты использовали тяжелое экономическое положение японцев для внедрения демократических

идей, и 3 мая 1947 г. была принята новая Конституция Японии. Ключевое значение имела статья 9, на основании которой страна навечно отказывалась от войны как суверенного права нации и запрещала содержание сухопутных, морских и воздушных сил. С тех пор эта статья не менялась, но остается предметом острых дебатов [1].

Корейская война (1950–1953 гг.) подчеркнула стратегическую важность Японии для США: пока силы ООН сражались с северокорейскими и китайскими войсками, Япония стала логистическим центром, обеспечившим «экономический бум заказов», когда заводы, некогда производившие оружие для имперской армии, начали снабжать американские силы, что запустило промышленное восстановление. Формальный военный союз был закреплен Сан-Францисским мирным договором 1951 г. и американо-японским договором безопасности, а в 1960 г. в Вашингтоне представители обеих стран подписали Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности между США и Японией, который еще больше укрепил альянс [2]. Этот союз предоставил американским военным право базировать на японской территории около 50 000 человек и другие военные активы, подкрепляя «передовое развертывание» американских войск в Восточной Азии, особенно на Окинаве, оставшейся под контролем США до 1972 г. Взамен США взяли на себя обязательства по защите Японии, включая «ядерный зонтик» и совместную разработку технологий противоракетной обороны, например, от угроз со стороны Северной Кореи. Японские левые критиковали этот союз как «подчиненную независимость», тем не менее он закрепил Японию в западном блоке [3].

В 1960–1980-е гг. отношения эволюционировали от доминирования к сложной взаимозависимости. «Экономическое чудо» Японии, подпитанное экспортными гигантами вроде Toyota и Sony, вывело ее на второе место в мире по ВВП к 1968 г., однако успех породил трения: американские производители обвиняли Японию в демпинге стали и электроники, а протекционистские меры, например, сельскохозяйственные пошлины, раздражали США. «Шок Никсона» 1971 г. (внезапный отказ от Бреттон-Вудской системы) и торговые войны 1980-х гг. из-за автомобилей и полупроводников обнажили противоречия. Пацифизм Японии конфликтовал с требованиями США в холодной войне: во время Вьетнамского конфликта студенты протестовали против использования американских баз для вылетов В-52, отражая глобальные антивоенные настроения. Несмотря на периодические вспышки торговых трений начиная с 1970-х гг., отношения в целом оставались дружественными и близкими. «Потерянное десятилетие» в Японии (1990-е гг.), вызванное финансовыми пузырями, снизило напряженность, поскольку внимание США переключилось на растущий Китай [4].

Литература

1. Duus, P. Relations between Japan and the United states 1853–2018 / P. Duus // Stanford University. – URL: <https://www.whatdoesitmeantobeanamerican.com/students-japan-us-1853-2018> (date of access: 09.04.2026).

2. A Friendship Among Nations: U.S.-Japan Relations // Northeast Maglev. – 04.2019. – URL: <https://northeastmaglev.com/2019/04/19/friendship-among-nations-us-japan/> (date of access: 09.04.2026).

3. Japan's Foreign Relations and Role in the Late 20th Century // Weatherhead East Asian Institute Columbia University. – URL: https://afe.easia.columbia.edu/special/japan_1950_foreign_relations.htm (date of access: 09.04.2026).

4. Stuart Hirai, L. How the US and Japan went from enemies to allies after the Second World War / L. Stuart Hirai // Asian History. – 07.12.2022. – URL: <https://www.history.com/articles/post-wwii-us-japan-occupation-allies> (date of access: 09.04.2026).

Подходы второй администрации Д. Трампа в области миграционной политики

*Аль Битар О. М., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Чувилев И. А., канд. полит. наук, доц.*

Иммиграционная повестка в США долгие десятилетия находилась в непосредственной зависимости от предвыборных обещаний – громких, но редко конвертируемых в реальные решения. Второй срок Д. Трампа качественно изменил ситуацию. Так, оформилась системная программа, направленная на ужесточение миграционной политики и укрепление сферы национальной безопасности. По оценкам Migration Policy Institute, к середине 2025 г. было подписано свыше 45 исполнительных распоряжений в сфере миграции, что втрое больше, чем за аналогичный период первого срока [1]. Это подтверждает качественный пересмотр миграционной политики современным руководством США.

Принципиальные изменения произошли в понимании того, каким образом сдерживать поток мигрантов в США. Чрезвычайное положение в сфере нацбезопасности позволило перебросить около 2,3 млрд долл. из бюджета Пентагона на операции Иммиграционной и таможенной полиции США [2]. Обращение к архаичному «Акту о вражеских чужеземцах» 1798 г. дало формальные основания привлечь Национальную гвардию к операциям в мегаполисах, а наркокартели были квалифицированы как форма внешней агрессии. В целом же в США практически весь год не утихло противостояние со штатами, которые чаще всего принимали мигрантов. При этом Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс отказывались задействовать местную полицию

в депортационных рейдах, а федеральный центр угрожал урезать финансирование этих городов.

Система предоставления убежища была фактически полностью видоизменена. Возрожденный протокол «Оставайся в Мексике» распространился на выходцев из Венесуэлы, Кубы и Гаити. Мехико сопротивлялось, пока Белый дом не пригрозил 25%-ными пошлинами на 450 млрд долл. годового товарооборота. К осени на мексиканской стороне скопилось свыше 78 тыс. соискателей убежища [3]. Практика освобождения до суда была свернута, а переполненность изоляторов (загрузка превысила 140 %) привела к строительству палаточных лагерей в Техасе и Аризоне, что Amnesty International назвала «гуманитарным регрессом исторического масштаба» [4].

Наибольший конституционный резонанс вызвал указ сентября 2025 г., предписывающий прекратить оформление документов новорожденным от родителей без легального статуса – прямой вызов принципу *jus soli* из Четырнадцатой поправки. Действие приостановлено федеральным судьей, но дело движется в Верховный суд, где шестеро из девяти судей назначены президентами-республиканцами. Легальная миграция тоже претерпела изменения. Так, порог зарплаты по визам H-1B повышен на 30 %, число одобренных заявок сократилось на 22 % [5], обновленный запрет на въезд расширен на Кубу, Никарагуа и Венесуэлу [6].

Первый год второго президентства Д. Трампа доказал сложность сохранения баланса между разными институтами США [7, с. 45]. Даже там, где суды блокировали инициативы, их масштаб и скорость порождали охлаждающее воздействие, при котором потенциальные мигранты отказываются от своих намерений еще до столкновения с формальными запретами. Миграционная политика окончательно переместилась из сферы государственного управления в пространство противостояния между партиями. Можно по-разному оценивать логику этого курса, однако очевидно, что американская политико-правовая система прошла в 2025 г. одно из самых серьезных изменений за последние десятилетия. Важно также подчеркнуть, что миграционная политика США в период второго президентства Д. Трампа продолжит развиваться с учетом интересов республиканской партии.

Литература

1. Executive Actions on Immigration : Tracking System // Migration Policy Institute. – URL: <https://www.migrationpolicy.org/programs/us-immigration-policy-program> (date of access: 01.04.2026).
2. Immigration Data and Statistics // U.S. Department of Homeland Security. – URL: <https://ohss.dhs.gov/topics/immigration> (date of access: 01.04.2026).
3. Operational Data Portal: Mexico // United Nations High Commissioner for Refugees. – URL: <https://data.unhcr.org/en/country/mex> (date of access: 01.04.2026).

4. USA: Detention Conditions and 'Remain in Mexico' Policy // Amnesty International. – URL: <https://www.amnesty.org/en/location/americas/north-america/united-states-of-america> (date of access: 01.04.2026).

5. Temporary Protected Status // U.S. Citizenship and Immigration Services. – URL: <https://www.uscis.gov/tps> (date of access: 01.04.2026).

6. Southwest Land Border Encounters // U.S. Customs and Border Protection. – URL: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/southwest-land-border-encounters> (date of access: 01.04.2026).

7. Травкина, Н. М. Американский федерализм в условиях политической поляризации / Н. М. Травкина // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 6. – С. 45–59.

Роль китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии как культурного моста

*Аожигэлэ, асп. II к. БГУ,
науч. рук. проф. Малевич Ю. И., д-р полит. наук*

Китайские эмигранты и лица китайского происхождения в Юго-Восточной Азии играют важную роль культурного моста, связывающего Китай со странами региона. В ходе длительных миграционных процессов и укоренения в новых условиях они не только интегрировались в местные общества, но и сохранили китайский язык, традиции и ценности, благодаря чему китайская культура продолжает сохраняться и распространяться в Юго-Восточной Азии [1].

Прежде всего китайская диаспора поддерживает культурные традиции на уровне повседневной жизни. Сохраняются обычаи празднования Праздника весны, Цинмина, Дуанью и Праздника середины осени, а также особенности кухни, свадебных и погребальных обрядов, культ предков и другие формы жизненной практики. Это не только укрепляет внутригрупповую сплоченность, но и позволяет местному населению ближе знакомиться с китайской культурой. При этом культурная преемственность проявляется не как простое воспроизводство традиций, а как их адаптация и трансформация в условиях обществ Юго-Восточной Азии [2].

Во-вторых, опираясь на систему китайскоязычного образования, деятельность общинных организаций и средств массовой информации, китайская диаспора сформировала относительно устойчивую сеть культурной коммуникации. Китайские школы и преподавание китайского языка способствуют распространению знаний об аутентичности культуре как среди молодого поколения диаспоры, так и среди местного населения. В свою очередь, китайскоязычные СМИ и общественные объединения играют важную роль в информационном

обмене, культурном взаимодействии и развитии социальных связей, выступая значимой платформой для распространения китайской культуры.

Кроме того, роль культурного моста проявляется и в политико-социальной сфере. Обладая двойным культурным опытом и транснациональными связями, представители китайской диаспоры хорошо ориентируются как в китайской, так и в юго-восточноазиатской социокультурной среде, что способствует взаимопониманию, снижению предубеждений и укреплению дружественных отношений между Китаем и странами АСЕАН. В сфере общественной и народной дипломатии они также помогают местным обществам более полно и объективно воспринимать Китай, содействуя сближению народов и развитию регионального сотрудничества [2].

Вместе с тем данная «мостовая» функция сталкивается с рядом вызовов. У части представителей местнорожденного китайского населения наблюдается ослабление культурной идентичности, а внешние факторы также оказывают влияние на процессы самоидентификации. В этой связи важно, уважая их гражданскую и политическую принадлежность к странам проживания, на основе принципа «единства при сохранении различий» развивать регулярные, институционализированные и сетевые механизмы взаимодействия, способствующие дальнейшему укреплению их роли как культурного моста.

В целом китайская диаспора в Юго-Восточной Азии выступает не только носителем и хранителем китайской культуры за рубежом, но и важным звеном культурного обмена и народного взаимодействия между Китаем и странами региона.

Литература

1. Гао Бинлян. Распространение китайской культуры среди китайцев Юго-Восточной Азии: история, современное состояние и цели / Гао Бинлян // Теория и комментарии. – 2022. – № 2. – С. 76–85.

2. Чжэн Чусюань. Стратегии наследования и развития китайской культуры среди китайцев Юго-Восточной Азии / Чжэн Чусюань // Линнань вэньши. – С. 16–20.

Методология исследования социальной динамики и идейного единства интернациональных партизанских формирований Беларуси (1941–1944)

*Богдан Д. В., асп. ГрГУ им. Я. Купалы,
науч. рук. проф. Белозорович В. А., д-р ист. наук, проф.*

Сложность и многогранность объекта исследования – интернациональных партизанских формирований Беларуси (1941–1944 гг.) – требуют применения

междисциплинарной методологической оптики, позволяющей синтезировать подходы классической исторической науки с инструментарием социологии, социальной антропологии и микросоциологии. Для достижения цели исследования – выявления характера социальной динамики и факторов достижения идейно-политического единства – необходим комплексный инструментарий, способный реконструировать не только формальные структуры (иерархию, штабы, партийные организации), но и неформальные практики взаимодействия, механизмы формирования солидарности и повседневные аспекты существования партизанского микросоциума [1, с. 45–47].

Основополагающими для работы становятся принципы историзма, объективности и системного подхода. Принцип историзма предполагает рассмотрение процессов социальной интеграции и идейно-политической консолидации в интернациональных формированиях в их становлении, развитии и трансформации под влиянием конкретно-исторических условий. Принцип объективности реализуется через отказ от однолинейных оценок и стремление к реконструкции многомерной картины, учитывающей как официальные (документы штабов, политотделов), так и неофициальные (личные письма, дневники, свидетельства) источники. Системный подход выступает в качестве общенаучной методологической стратегии, позволяющей рассматривать интернациональное партизанское формирование не как простую совокупность индивидов, а как сложную самоорганизующуюся систему, функционировавшую на пересечении нескольких подсистем: военной, политической, хозяйственно-бытовой и социально-психологической [2].

Ключевым концептом исследования является коллективная идентичность участников интернациональных партизанских формирований. Особое значение для анализа интернациональных формирований имеет понятие «воображаемого сообщества», введенное Б. Андерсоном. В условиях партизанского отряда, где люди часто не знали друг друга до войны, принадлежали к разным этническим, социальным и региональным группам, формирование чувства общности («мы – партизаны») требовало символического конструирования общей судьбы, общей истории и общих врагов [2, с. 30–35].

Для анализа социальной интеграции на микроуровне значимым является теоретическое наследие Э. Дюркгейма, в частности, его концепция «механической» и «органической» солидарности. В интернациональных партизанских формированиях можно наблюдать гибридные формы солидарности: с одной стороны, экстремальные условия боевой жизни формировали солидарность, основанную на коллективном сознании и высокой степени однородности целей; с другой – разделение труда, социальная дифференциация и различие этнокультурных аспектов создавали предпосылки для солидарности органической, где единство достигалось через функциональную взаимозависимость [3, с. 112–115].

Партизанское формирование представляет собой пример экстремального социального порядка, функционирующего в условиях неполноты информации, дефицита ресурсов, постоянной угрозы жизни. Изучение социальной динамики через призму «тотальной институции» (Э. Гоффман) [4, с. 256–259] позволяет анализировать механизмы депривации личности, перестройки иерархии ценностей и формирования новых статусных систем, где боевой опыт и личная преданность могли цениться выше довоенного социального положения. Важным для понимания социальной интеграции является также концепт «социального капитала» П. Бурдьё: формирование новых сетей внутри партизанских отрядов происходило на основе принципов «фронтového братства», общего риска, взаимовыручки, а также на основе формальной принадлежности к партии или комсомолу [5, с. 78–82].

Отказ от исключительно макроисторического подхода в пользу микроисторического анализа и истории повседневности является методологически значимым для данной работы. Методология микроистории (К. Гинзбург) [6] ориентирует исследователя на «сокращение масштаба» наблюдения. Вместо анализа всего партизанского движения в целом акцент делается на изучении отдельных отрядов, бригад, биографий и судеб конкретных бойцов. Это позволяет выявить те нюансы социальных взаимодействий (покровительство, вражда, дружба, предательство), которые ускользают от статистических обобщений. История повседневности (А. Людке) [7] предоставляет инструментарий для анализа того, как абстрактные идеологические установки («интернационализм», «советский патриотизм») трансформировались в конкретные практики поведения: пространственная организация партизанской зоны, распределение дефицитных ресурсов, формы проведения досуга и коммуникации.

Методологические принципы исследования реализуются через конкретные методы работы с источниками. Основной массив источников составляют документы фондов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), в частности Фонд 4п (Центральный комитет Компартии Беларуси), Фонд 3500 (БШПД). В основе эвристической стратегии лежит принцип тотальной критики источника, предполагающий анализ не только содержания, но и условий его возникновения, прагматики и влияния социокультурного контекста [8].

Для анализа социального состава партизанских формирований применяются методы количественного анализа. Формирование базы данных на основе учетных партизанских карточек (формулярных списков) позволяет провести статистический анализ по ключевым параметрам: национальность, возраст, социальное происхождение, довоенная профессия, время вступления в отряд. Использование методов статистической группировки и корреляционного анализа позволяет выявить связь между социальным происхождением/национальностью и степенью лояльности (награды, дисциплинарные взыскания, факты перехода на сторону противника) [9].

Завершающим элементом методологической конструкции является принцип междисциплинарного синтеза. В работе интегрируются: социологический, социально-психологический и антропологический подходы. Данная методологическая стратегия позволяет реализовать поставленные исследовательские задачи, обеспечивая релевантность выводов и внося вклад в разработку общих проблем социальной истории войны и механизмов интеграции полиэтничных сообществ в экстремальных условиях.

Литература

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества : Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М. : КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 288 с.
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда : Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1991. – 575 с.
4. Гоффман, Э. Тотальные институции / Э. Гоффман // Социологическая теория: история, современность, перспективы. – СПб. : Владимир Даль, 2007. – С. 464–493.
5. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.
6. Гинзбург, К. Мифы – эмблемы – приметы : Морфология и история / К. Гинзбург. – М. : Новое издательство, 2004. – 348 с.
7. Людтке, А. История повседневности в Германии после 1945 года / А. Людтке // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2 (40). – С. 34–41.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 125.
9. Национальный архив Республики Беларусь НАРБ. – Ф. 3500. – Оп. 4. – Д. 89.

Координационные механизмы инициативы «Один пояс – один путь»: белорусско-китайское измерение

*Василевская В. Э., асп. БГУ,
науч. рук. Дрозд Н. И., канд. филол. наук, доц.*

В 2026 г. исполняется 11 лет с момента официального присоединения Республики Беларусь к инициативе КНР «Один пояс – один путь» (ОПОП). За указанный период сформирована устойчивая институциональная база двустороннего взаимодействия, охватывающая политический, экономический и гуманитарный сегменты. Реализация проектов в рамках ОПОП выступила

ключевым фактором интенсификации и качественной трансформации белорусско-китайских отношений.

В настоящее время белорусско-китайское взаимодействие в формате ОПОП институционализировано в многоуровневую систему координации. Статус всепогодного и всестороннего стратегического партнерства, зафиксированный на высшем политическом уровне, обеспечивается развитой сетью координационных органов, ответственных за имплементацию двусторонних договоренностей.

Анализ нормативно-правовой базы и протокольных документов демонстрирует наличие трехуровневой архитектуры политико-управленческой координации в рамках указанного партнерства.

Стратегический уровень координации реализуется посредством встреч глав государств и фиксируется в совместных заявлениях и коммюнике. Данный контур определяет долгосрочные приоритеты и задает институциональные рамки партнерства. Ключевые ориентиры повестки, включая развитие транзитно-логистической инфраструктуры, технологическую кооперацию и промышленную интеграцию, согласуются именно на данном уровне. В ходе переговоров 31 августа 2025 г. в г. Тяньцзинь стороны акцентировали внимание на углублении взаимодействия в сфере государственного управления и технологического развития. В частности, была достигнута договоренность о фокусировании усилий на развитии «производительных сил нового качества», расширении сотрудничества в образовательной и культурной сферах [1].

Операционно-тактический уровень обеспечивает Белорусско-китайский межправительственный комитет по сотрудничеству, учрежденный в 2014 г. Данный орган функционирует как межведомственный координационный механизм, ответственный за трансформацию политических договоренностей в отраслевые программы и дорожные карты. В структуру Комитета входят профильные подкомиссии, курирующие торгово-экономическое, научно-техническое, гуманитарное, таможенно-санитарное направления и вопросы безопасности [2]. Регулярные заседания позволяют синхронизировать позиции ведомств, формулировать рекомендации по оптимизации административных процедур и осуществлять мониторинг исполнения совместных поручений. В 2023–2025 гг. приоритетными темами повестки стали диверсификация логистических коридоров, цифровизация таможенного контроля, развитие высокотехнологичных производств и активизация межрегиональных связей [3, с. 144].

Проектно-ориентированный уровень реализуется посредством деятельности Межправительственного координационного совета по управлению Китайско-Белорусским индустриальным парком «Великий камень». Данный орган обеспечивает прямую координацию на площадке флагманского проекта, решая задачи нормативно-правового согласования, формирования преференциальных условий для резидентов и гармонизации стандартов

взаимодействия. Совет выступает ключевым механизмом оперативного управления инвестиционной деятельностью, координируя усилия государственных структур и администраций для эффективной реализации инфраструктурных и производственных инициатив. В настоящее время приоритетами его работы являются расширение научно-производственной кооперации, внедрение зеленых технологий и интеграция парка в трансъевразийские цепочки добавленной стоимости.

Таким образом, институциональная архитектура белорусско-китайского партнерства в формате ОПОП функционирует по принципу функциональной комплементарности: стратегический уровень задает политический вектор и нормативные рамки, межправительственный комитет обеспечивает межведомственную синхронизацию и программное планирование, а координационный совет «Великого камня» гарантирует практическую имплементацию соглашений. Указанная многоуровневая конструкция демонстрирует высокую степень институциональной устойчивости и адаптивности к динамике внешних экономических и политических условий, что позволяет рассматривать ее как репрезентативную модель двустороннего взаимодействия в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

Литература

1. Переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/peregovory-s-predsdatelem-knr-si-czin-pinom> (дата обращения: 07.04.2026).

2. Белорусско-Китайский межправительственный комитет по сотрудничеству // Национальный центр поддержки экспорта Республики Беларусь. – URL: <https://belaruschina.by/committee/> (дата доступа: 07.04.2026).

3. Василевская, В. Э. Социально-политические факторы развития белорусско-китайского партнерства в рамках инициативы «Один пояс – один путь» / В. Э. Василевская // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – 2025. – № 3. – С. 142–151.

Влияние геополитического положения Турции на энергетическую безопасность Европы

*Гольмамедова Р. З., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Яо Цзэни, канд. полит. наук*

Обеспечение энергетической безопасности традиционно занимает центральное место во внешнеполитической стратегии Европейского союза. Стремление диверсифицировать источники и маршруты поставок приобрело особую актуальность за последние десятилетия, а также в контексте

геополитической нестабильности на постсоветском пространстве. В этой связи Турция, расположенная на перекрестке путей из богатых ресурсами регионов Каспия, Центральной Азии и Ближнего Востока, объективно претендует на роль ключевого энергетического хаба.

Геополитическое положение Турции на стыке Европы, Азии и Ближнего Востока предопределяет ее уникальную роль в обеспечении энергетической безопасности сопредельных регионов. Контроль над черноморскими проливами дает Анкаре возможность регулировать проход военных и торговых судов, что закреплено Конвенцией Монтрё 1936 г. Ежедневно через турецкие проливы проходят танкеры, перевозящие более 3 млн баррелей нефти, что делает Босфор и Дарданеллы одним из самых загруженных морских маршрутов в мире. Именно турецкая территория остается наиболее эффективным маршрутом для доставки углеводородов из Каспийского региона в Европу [1, с. 178–180]. Помимо контроля над проливами, сама территория Турции выступает естественным мостом между ресурсными базами Каспия, Центральной Азии и Ближнего Востока и европейскими рынками потребления. Географическая близость к крупнейшим месторождениям природного газа в Азербайджане (Шах-Дениз), Ираке, Иране (Южный Парс) и Туркменистане (Галкыныш) создает для Турции уникальную возможность выступать в роли центра консолидации и распределения энергоресурсов [2, с. 95–106].

Стремление ЕС диверсифицировать потоки энергетических ресурсов нашло выражение в разработке концепции «Южного газового коридора» (Southern Gas Corridor), призванного доставлять природный газ из Каспийского региона на европейские рынки. Турция стала центральным звеном этого проекта. В газовой сфере ключевым проектом стал Трансанатолийский газопровод, построенный по инициативе Азербайджана и Турции. Проект, реализованный в 2018 г., предусматривает транспортировку газа с азербайджанского месторождения Шах-Дениз через территорию Турции к границе с Европой [3, с. 103–116].

Наряду с проектами в рамках «Южного коридора» Турция активно сотрудничает с Россией в энергетической сфере. Проект «Турецкий поток», введенный в эксплуатацию в 2020 г., состоит из двух частей: первая предназначена для поставок газа турецкому рынку, вторая – для транзита в страны Южной и Юго-Восточной Европы. Суммарная мощность газопровода составляет 31,5 млрд куб. м в год. Реализация этого проекта продемонстрировала способность Турции выстраивать многовекторную энергетическую политику, сотрудничая одновременно с Россией и с проектами, направленными на снижение зависимости от российского газа [4, с. 207–208].

В последнее десятилетие произошла качественная трансформация роли Турции в энергетической системе региона. Изначально Анкара рассматривалась европейскими партнерами преимущественно как транзитная территория, однако сегодня она выступает в качестве самостоятельного центра

принятия решений. Турция стала не только транзитером, но и крупным потребителем импортируемого газа. Энергетическая зависимость Европы от турецкого транзита изменила характер турецко-европейского диалога. Ранее Турция выступала в роли соискателя членства, вынужденного адаптироваться к требованиям Брюсселя, однако сегодня она уже обладает важными рычагами влияния.

Таким образом, геополитическое положение Турции придает Анкаре критическое значение для энергетической безопасности Европейского союза. Энергетический фактор изменил баланс сил, и теперь страна выступает не как соискатель членства, а как обладатель ресурса, необходимого для стабильности европейского энергорынка.

Литература

1. Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.). К 100-летию республики : колл. монография / отв. ред. А. Г. Гаджиев, Ин-т востоковедения Рос. акад. наук. – М. : ИВ РАН, 2023. – 338 с.

2. Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества = Great Black Sea area: the search for enhanced cooperation / под ред. А. А. Язьковой ; Ин-т Европы Рос. акад. наук. – М. : Ин-т Европы РАН : Русский сувенир, 2012. – 124 с.

3. Мамедов, Л. Р. Международно-правовой режим трансграничных трубопроводов в Каспийском регионе : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.5 / Мамедов Ляtif Рустам оглы ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М., 2024. – 200 л.

4. Кудряшова, Ю. С. Турция и Европейский союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия / Ю. С. Кудряшова. – М. : Институт востоковедения РАН, 2019. – 312 с.

Приоритеты внешней политики Бразилии на современном этапе

*Дрозд М. Р., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. Чувилов И. А., канд. полит. наук, доц.*

Бразилия является ведущим государством в Латинской Америке по населению, территории, экономическому и ресурсному потенциалу, что определяет ее как регионального лидера, который оказывает существенное влияние на экономические и политические процессы в Южной Америке. На сегодняшний день страна выступает важным актором международных отношений, добивающимся укрепления своего влияния как самостоятельный центр силы. Главную роль в формировании приоритетов внешней политики

Бразилии играют закрепленные в Конституции 1988 г. принципы, а именно национальная независимость, невмешательство во внутренние дела государств, равенство государств, мирное разрешение конфликтов и сотрудничество между народами во имя прогресса человечества [1].

В современных условиях Бразилия стремится к экономической дипломатии, направленной на расширение внешнеторговых связей, и привлечению иностранных инвестиций. Центральное место в данной стратегии занимает сотрудничество с КНР, которая с 2009 г. является крупнейшим торговым партнером Бразилии. Двустороннее сотрудничество преимущественно охватывает экспорт бразильской продукции, включая сельскохозяйственные товары и сырьевые ресурсы. Одновременно наблюдается рост китайских инвестиций в промышленность, инфраструктуру, энергетику и другие отрасли. Стоит отметить, что в 2024 г. Бразилия выразила желание присоединиться к инициативе «Один пояс – один путь», стремясь активно вносить вклад в развитие глобальных экономических процессов. Президент Луис Инасиу Лула да Силва подчеркнул намерение выстраивать с Китаем стратегическое партнерство нового типа, расширяя взаимодействие в сферах науки, технологий, производства микросхем и программного обеспечения [2]. Плодотворное сотрудничество двух стран наблюдается в рамках БРИКС, где Бразилия представляет интересы всего латиноамериканского региона. Уже в июле 2025 г. на 17-м саммите БРИКС Бразилия и Китай объявили о строительстве биокеанического железнодорожного коридора между Бразилией и тихоокеанским побережьем Перу [3].

Несмотря на близкое сотрудничество с Китаем, особое место во внешней политике страны занимают отношения с США, которые остаются весомым торговым и инвестиционным партнером. При этом усиление протекционистских мер и тарифной политики со стороны Вашингтона стимулирует Бразилию к поиску альтернативных рынков и укреплению связей с государствами Глобального Юга.

Южноамериканский вектор является приоритетным направлением во внешней политике Бразилии для укрепления региональной интеграции и развития соседних государств, что обусловлено историческими, географическими и культурными факторами. Основным инструментом реализации данного направления служит МЕРКОСУР, в рамках которого Бразилия занимает ведущую роль по развитию общего рынка и расширению внешнеэкономических связей, в том числе через переговоры о свободной торговле с ЕС. Отдельное значение имеют отношения с Аргентиной, с которой сотрудничество носит стратегический характер, несмотря на периодические разногласия.

Таким образом, внешняя политика Бразилии отличается активным развитием международных контактов. Государство последовательно закрепляет позиции одного из центров силы Глобального Юга, при этом ключевыми

приоритетами является партнерство с Китаем, поддержание стабильных отношений с США, активное участие в работе БРИКС и усиление региональной интеграции в Южной Америке.

Литература

1. Конституция Федеративной Республики Бразилия // WorldConstitutions.ru. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=563> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Китай приветствует скорейшее присоединение Бразилии к большой семье «Пояса и пути» – МИД КНР // Russian.news.com. – URL: <https://russian.news.cn> (дата обращения: 10.04.2026).
3. Brazil Deepens Its Bond With China // Americas Quarterly. – URL: <https://www.americasquarterly.org> (date of access: 10.04.2026).

Приоритеты КНР в Шанхайской организации сотрудничества

*Дубатовка К. С., Юган К. А., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. Чувилов И. А., канд. полит. наук, доц.*

Шанхайская организация сотрудничества является опорным направлением китайской внешней политики. На сегодняшний день Китай рассматривает ШОС как важнейшую платформу для реализации инициативы «Один пояс – один путь». КНР видит в ней гарант евразийской стабильности, определяет ее как ключевой институт формирующегося многополярного мира. Стратегическая значимость организации для КНР особенно возросла после председательства в 2025 г., которое проходило под девизом продвижения «Шанхайского духа». Это позволило Китаю активнее институционализировать свои глобальные инициативы в области безопасности, развития и цивилизаций. Существенное расширение пространства для китайской дипломатии произошло и благодаря вступлению в состав ШОС Беларуси в 2024 г. В результате организация охватила 65 % территории Евразии и почти 42 % населения планеты. Столь масштабное расширение создает условия для углубления интеграционных процессов, в котором на первый план выходит формирование единого экономического пространства и унификация стандартов торгового взаимодействия [1, с. 18].

Особое внимание Китай уделяет созданию единого экономического пространства. В его рамках осуществляется унификация стандартов и устранение торговых барьеров через профильные площадки, к примеру, инициированная в 2025 г. Инвестиционная ярмарка ШОС. Реализация данных инициатив на практике находит отражение в развитии транспортных коридоров, в том числе маршрута Китай – Киргизия – Узбекистан, и модернизации сухих портов

в Казахстан. Для поддержания данных инфраструктурных проектов КНР интенсивно продвигает внутренние банковские инструменты и региональные финансовые механизмы. Они призваны гарантировать устойчивость экономики региона к внешнему санкционному давлению [2, с. 14].

Укрепление финансового и экономического суверенитета, в свою очередь, становится основой для расширения полномочий ШОС в сфере коллективной безопасности. В данном контексте Китай призывает партнеров оберегать технологический суверенитет и пресекать попытки дестабилизации региона через киберпространства для того, чтобы связать экономическую стабильность с необходимостью защиты цифровых границ. Таким образом, борьба с традиционными угрозами (терроризмом и экстремизмом) теперь неразрывно переплетается с обеспечением кибербезопасности, что позволяет Китаю формировать защищенную среду для реализации долгосрочных инфраструктурных задач [3, с. 124,125].

Одной из таких стратегических задач является энергетическое сотрудничество. В 2025 г. этот вектор получил институциональное развитие в виде Энергетической платформы ШОС, которая объединила китайские технологии в области возобновляемых источников энергии с ресурсной базой партнеров. Одновременно с переходом к зеленому развитию Китай продолжает укреплять традиционные связи через поддержку строительства газопровода «Сила Сибири 2». Это позволяет Китаю к 2030-м гг. обеспечить надежный импорт ресурсов и окончательно сформировать в рамках ШОС комплексную систему взаимодействия, основанную на взаимной выгоде и политическом диалоге [4].

Таким образом, реализация указанных инициатив в итоге превращает ШОС в комплексную структуру, в которой задачи безопасности, экономики и гуманитарного взаимодействия решаются в рамках единой стратегии. Глубокая экономическая интеграция, которая подкреплена энергетическим и цифровым сотрудничеством, создает основу, на которой выстраивается долгосрочная евразийская стабильность. При этом Китай активно продвигает свой «Шанхайский дух» через культурные и образовательные связи, что способствует росту доверия на уровне обществ и локальных организаций. В целом это позволяет КНР планомерно усиливать свое влияние на регион, предлагая партнерам модель сотрудничества, которая основана на политическом диалоге, взаимной выгоде и принципах устойчивого развития.

Литература

1. Петровский, В. Е. Китай и ШОС: председательство-2025, экспертные дискуссии о перспективах развития Организации / В. Е. Петровский // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2025. – Вып. 30, № 30. – С. 14–24.

2. Yuan, J. Forging a New Security Order in Eurasia: China, the SCO, and the Impacts on Regional Governance / J. Yuan // Chinese Political Science Review. – 2022. – Vol. 7, № 4. – P. 14,15.

3. Царьков, В. В. Основные факторы, формирующие угрозы безопасности на пространстве государств – членов Шанхайской организации сотрудничества / В. В. Царьков // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 4 (26). – С. 119–128.

4. How a Power of Siberia 2 Deal Could Reshape Global Energy // CSIS. – URL: <https://www.csis.org/analysis/how-power-siberia-2-deal-could-reshape-global-energy> (date of access: 06.04.2026).

Эволюция политической системы Непала. От монархии к республике

*Ермакова А. Ю., студ. I к. БГУ,
науч. рук. преп. Чжан Юйлин*

Уникальностью политического опыта Непала является количество разных форм правления и удачных революций. Абсолютизм и контроль во времена правления династии Рана, автократическая система панчаята в течение трех десятилетий, гражданская война, приход маоистов к власти, революции и становление республики – многовековая история Непала определила его современную внешнюю и внутреннюю политику и экономическую ситуацию, напрямую повлияла на эволюцию политической системы, оказала влияние не только на современный Непал, но и на остальной мир.

Ранний исторический период начинается с первого упоминания долины Катманду (ок. III в. до н. э.) и коренной общины долины – неваров. Непал с древности находился на перекрестке культурных и торговых путей между Южной и Центральной Азией, был культурно и политически развит [1, с. 16–18].

В период ранней государственности (до 1768 г.) княжество, управляемое семьей Шахов, начало утверждать доминирующую роль в горах и даже бросать вызов долине Непала [2, с. 12–14].

В период становления королевства (1768–1846 гг.) началось объединение княжеств долины Катманду. В тот же период началась династия Шахов, которая просуществовала до 2008 г. [3].

Правление династии Рана (1846–1951 гг.) отличалось в основном авторитарностью режима, но также и некоторыми реформами, которые значительно модернизировали различные сферы. По причине закрытости страны в эпоху династии Рана высшая точка Земли не была легкодоступной для покорения. Только 29 мая 1953 г., после революции, на вершину Эвереста ступила нога человека. После падения династии Рана непальцы пришли к идее

о том, что страна должна быть преобразована в республику, так как власть постоянно узурпируют короли [3], [4, с. 9–11], [5].

Демократия в Непале была впервые достигнута в 1951 г. в результате вооруженной революции против векового олигархического режима Рана (тогда шахские короли были номинальными правителями). С этим событием начался период восстановления королевской власти (1951–1990 гг.). Но в декабре 1960 г. король Махендра захватил власть, прервав зарождающуюся демократию. В 1962 г. он ввел беспартийный режим панчаят [6].

В 1990-е гг. в Непале произошло Народное движение I, которое ознаменовало новую эру конституционной монархии и многопартийной демократии в Непале (1990–2006 гг.). Тогда же в Непале популярность набрало радикальное движение маоистов, которые стремились создать Народную Республику. На фоне слабости институтов в стране и усиления маоистского движения началась десятилетняя гражданская война [7].

Ее завершение в 2006 г. совпало с Народным движением II, которое окончательно лишило короля власти и открыло путь к глубоким политическим преобразованиям. Этот период характеризуется революцией и становлением республики (2006–2008 гг.). В Непале произошли три крупных преобразования: королевство стало республикой, гражданская война закончилась, а государство, управляемое высшими кастами, стало инклюзивным демократическим Непалом [8].

В 2008 г. закончилась 240-летняя монархия, Непал стал федеративной демократической республикой. Уже в 2025 г. произошла новая смена власти – революция Gen Z как результат многолетнего народного разочарования, вызванная запретом властей на социальные сети. Революция продлилась несколько дней, ее итогом стала смена премьер-министра. Современный этап (с 2008 г.) характеризуется нестабильностью и глубокими социально-экономическими противоречиями [9].

Непал прошел сложный путь трансформаций, который не имеет прямых аналогов в регионе Южной Азии. Изменения в государственном устройстве всегда были результатом глубинных социальных процессов, а не только следствием борьбы элит или внешних воздействий. На современном этапе политическая ситуация характеризуется нестабильностью, но вместе с тем и надеждой, связанной с новым премьер-министром.

Литература

1. Whelpton J. A History of Nepal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 296 p.
2. Acharya B. The Bloodstained Throne: Struggles for Power in Nepal (1775–1914). – New Delhi: Penguin Books India, 2011. – 320 p.
3. First Nepal – Tibet War – 1788 AD // Global Security. – URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/war/ nepal-tibet-1.htm> (date of access: 01.12.2025).

4. Nepal, R. M. Light in the Dark: Thick and Thin Development during the Rana Period in Nepal / R. Nepal // International Journal of Social Sciences and Management. – 2025. – Vol. 12, No. 1. – P. 9–17.

5. Social Action and Social Movements in Nepal // Best Social Work. – URL: <https://bestsocialwork.com/social-action-and-social-movements-in-nepal/> (date of access: 01.12.2025).

6. History of Nepal «The Rana Regime» // Nepal Database. – URL: <https://www.nepaldatabase.com/history-of-nepal-the-rana-regime> (date of access: 01.12.2025).

7. Hachhethu, K. Nepal in Transition: A Study on the State of Democracy / K. Hachhethu, S. Kumar, J. Subedi. – Stockholm: International IDEA, 2008. – 134 p.

8. Routledge, P. Nineteen Days in April: Urban Protest and Democracy in Nepal / P. Routledge. – N. Y. ; London : Routledge, 2010. – 256 p.

9. Nepal Bans 26 Social Media Platforms, Including Facebook and YouTube // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2025/09/07/world/asia/nepal-bans-social-media-platforms.html?ysclid=miezoiqpb4496136542> (date of access: 02.12.2025).

Турецкий «суперпрезидентский» поворот: от парламентской системы к гиперцентрализации власти

*Зайко А. Н., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. проф. Фрольцов В. В., д-р ист. наук, проф.*

Турецкая Республика, возникшая в 1923 г., прошла уникальный путь от радикального светского государства к модели с доминирующей ролью президента. Пройдя путь от радикального кемалистского лаицизма и однопартийной системы через череду военных переворотов к неустойчивой многопартийной демократии, страна вступила в XXI в. с новой политической парадигмой. Кульминацией этого процесса стал конституционный референдум 16 апреля 2017 г., заменивший парламентскую республику так называемой «суперпрезидентской» системой, в которой механизмы сдержек и противовесов оказались ослаблены в пользу концентрации властных полномочий.

Период с 1950 по 1983 гг. наглядно продемонстрировал уязвимость парламентской системы в Турции. Это проявилось в частой смене слабых коалиционных правительств, острой поляризации общества по линии «левые – правые» и «светские – исламисты», а также в особой роли армии, которая трижды (в 1960, 1971, 1980 гг.) совершала перевороты. Даже принятая Конституция в 1982 г., которая заложила основу для сильной исполнительной власти, не решила проблему, а лишь отложила ее.

Приход к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. изначально воспринимался как прорыв и сопровождался масштабными реформами,

направленными на гармонизацию законодательства с нормами Европейского Союза. Однако после событий 2013–2016 гг., включая попытку военного переворота 15 июля 2016 г., внутривластный вектор кардинально изменился [1].

Референдум 16 апреля 2017 г., проходивший в условиях чрезвычайного положения (ЧП), стал юридическим оформлением нового режима. Реформа 2017 г. привела к созданию институциональной модели, существенно отличавшейся от классических президентских республик. Ключевые изменения включали: 1) согласно ст. 104 Конституции Президент получил право издавать указы, имеющие силу закона, по вопросам исполнительной власти, что позволяет ему конкурировать с Великим национальным собранием Турции (ВНСТ) в законодательной сфере; 2) глава государства назначает 12 из 15 членов Конституционного суда, что ставит под его фактический контроль высший орган конституционного контроля; 3) право Президента назначать досрочные выборы и распускать парламент ставит депутатский корпус в менее значимое положение, а усложненная процедура импичмента делает отрешение от должности практически нереализуемым [2]. Это вызвало критику Турции со стороны ряда международных организаций [3].

Политическое развитие Турции на современном этапе демонстрирует продолжение описанной траектории. Страна, начавшая XXI в. с реформ политической системы и переговоров о вступлении в ЕС, к середине 2020-х гг. завершила строительство одной из самых централизованных президентских систем в регионе. Конституционная реформа 2017 г. закрепила переход от парламентской модели с сильным влиянием армии на жизнь страны во всех сферах к системе с доминированием одной партии и сильной личной властью президента. Понимание этой «суперпрезидентской» модели является ключом к объяснению не только внутренней политики Анкары, но и ее внешнеполитического курса – от операций в Сирии и Ливии, борьбы с терроризмом до сложного балансирования между США и Россией на международной арене.

Литература

1. From democracy to autocracy: how Erdoğan continues to expand his power // European Forum. – URL: <https://europeanforum.net/from-democracy-to-autocracy-how-erdogan-continues-to-expand-his-power/> (дата обращения: 1.04.2026).

2. Turkey 1982 (rev. 2017) Constitution // Constitute. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Turkey_2017 (date of access: 1.04.2026).

3. Turkey among top 10 countries with sharpest decline in freedoms: Freedom House // Stockholm center for freedom. – URL: <https://stockholmcf.org/turkey-among-top-10-countries-with-sharpest-decline-in-freedoms-freedom-house/> (date of access: 1.04.2026).

Китайский фактор в падении немецкой автопромышленности

*Каплун Б. А., Кузьмич Д. Д., студ. III к. БГУ,
науч. рук. преп. Малаховский С. В.*

На протяжении десятилетий Германия являлась центром и ориентиром в мире технологий и инноваций автомобилестроения. Такие крупные немецкие автоконцерны, как Volkswagen Group, Mercedes-Benz Group и BMW Group, многие годы диктовали «правила игры» для всех автопроизводителей планеты. Однако с начала 2025 г. можно наблюдать серьезный спад показателей немецких автопроизводителей на рынке. Если рассматривать причины такого спада, то можно отчетливо увидеть влияние Китая на происходящие изменения на рынке автомобилей.

Китайская Народная Республика долгое время являлась крупнейшим рынком сбыта для таких автогигантов, как BMW, Mercedes-Benz и Audi. Это обуславливалось особой любовью китайского покупателя к немецким машинам, ведь они ассоциировались с «люксовыми» и премиальными средствами передвижения. Но в связи с активным развитием и конкуренцией собственных китайских автомобильных марок такой образ развеялся [1]. Это подтверждают и показатели количества проданных немецких авто за 2025 г.: BMW, Mercedes-Benz и Audi в совокупности продали на 12,3 % меньше автомобилей, чем за 2024 г. А компания Porsche продемонстрировала рекордные 26 % с 42 тыс. проданных машин [2].

Одной из критически важных причин отрицательного роста немецких автомобильных корпораций можно назвать появление электромобилей. На данный момент это направление является ключевым для всех автомобильных производителей по всему миру. Не является секретом и то, что китайские производства электромобилей являются крайне высокотехнологичными и их по праву можно назвать лидерами в этой области. В связи с этим немецкие автомобильные компании вынуждены идти на сотрудничество с китайскими производителями, что привело к созданию совместных китайско-немецких проектов, реализующихся на территории Китая. Примерами такого партнерства являются сотрудничество BMW и китайской компании Great Wall, реализующих проект линейки электрических моделей MINI, а также коллаборация AUDI и китайской компании SAIC, где вторая отвечает за технологическую базу. Несмотря на потенциально интересную идею, перспектива данных немецко-китайских электромобилей туманна, так как на китайском рынке они сталкиваются с серьезной конкуренцией в лице местных производителей, а для того, чтобы ввезти их на европейский рынок, взимаются большие пошлины, несмотря на европейское происхождение компаний экспортеров [2].

Также необходимо выделить еще одну причину, с которой сталкиваются немецкие автоконцерны и которая влечет за собой проблемы, – высокая оплата труда на немецких автопроизводствах. Зарплаты рабочих на немецких заводах автомобилей являются одними из самых высоких в мире. Причиной тому служат десятилетия высокой прибыли и влиятельные профсоюзы рабочих. Ввиду отсутствия возможности далее предоставлять такой уровень оплаты труда, немецкие производители вынуждены сокращать штат сотрудников. Например, в компании Volkswagen планируются произвести сокращение 50 000 сотрудников. А в Mercedes-Benz Group предлагают добровольное увольнение с компенсацией в сотни тысяч евро в зависимости от стажа. Все это так или иначе побуждает немецкого производителя задуматься о полном или частичном перемещении производств на территорию КНР, где лучшие условия и меньше затраты на оплату труда [2].

Конечно, найти выход из этой ситуации достаточно проблематично. Одним из таких выходов, как отмечает немецкий экономист Мориц Шуларик, может стать «решение Volvo» [3]. Так, шведская компания Volvo в 2010 г. была продана китайскому автогиганту Geely, который не сделал Volvo «очередным китайским клоном», а дал компании полную свободу в разработках и финансировании, при этом оставив штаб-квартиру в Швеции, что означало сохранение производства в соответствии со шведским стандартом. Это позволило бренду вернуться на лидирующие позиции в премиум-сегменте [4]. Мориц Шуларик не исключает, что немецким брендам тоже придется пожертвовать частью суверенитета, чтобы остаться на плаву [3].

Таким образом, можно утверждать, что в новом быстромеющемся мире технологичных автомобилей место Германии явно не на переднем плане. Высокодоходное прошлое создало иллюзию, что, не предпринимая активных шагов, можно выиграть «гонку за первенство» на рынке автомобилей. Однако неспособность конкурировать с такими техногигантами, как BYD или Xiaomi, и поздняя попытка сотрудничества с китайскими автоконцернами не дает возможности немецким компаниям остаться на плаву.

Литература

1. Мартин, Н. «Второй китайский шок»: паника в немецкой автомобильной промышленности / Н. Мартин // ВРЕМЯ. – URL: <https://vreme.com/ru/ekonomija/nemacka-indistrija-izvoz-u-kinu-auto-industrija-kineski-automobili/> (дата обращения: 29.03.2026);
2. Багдасаров, Е. Китай виноват: немецкие автопроизводители теряют прибыль / Е. Багдасаров // Известия. – URL: <https://iz.ru/2057355/evgenii-bagdasarov/kитай-vinovat-nemetckie-avtoproizvoditeli-teriajut-pribyl> (дата обращения: 29.03.2026);

3. Мигунов, Д. Тройка тщится: немецкому автопрому пророчат смерть к 2030 / Д. Мигунов, К. Сазонов // Известия. – URL: <https://iz.ru/2048900/dmitrii-migunov-kirill-sazonov/troika-tshchitsia-nemetckomu-avtopromu-prorochat-smert-k-2030> (дата обращения: 29.03.2026);

4. Volvo – шведский бренд или китайский? // Vollux. – URL: <https://vollux.ru/blog/volvo-shvedskij-brend-ili-kitajskij/> (дата обращения: 31.03.2026).

Эволюция внешнеполитических доктрин в Соединенных Штатах Америки

*Копытаенко И. А., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. Чувилов И. А., канд. полит. наук, доц.*

На протяжении двух столетий внешнеполитические доктрины США служили концептуальным отражением места страны в системе международных отношений. Динамика данных доктрин связана с первоначальным изоляционистским обособлением Западного полушария и современным стремлением к глобальному лидерству, сопряженным при этом с новой попыткой обратного движения к приоритету национальных интересов при Д. Трампе. Путь от доктрины Джеймса Монро (1823 г.) к концепции «America First» Д. Трампа крайне противоречив, однако полностью отражает эволюцию внешнеполитических приоритетов США.

Доктрина Монро, провозглашенная в обращении президента к Конгрессу 2 декабря 1823 г., стала основой американской внешней политики на долгие десятилетия [1]. Она содержала три ключевых принципа: разделение сфер влияния между Америкой и Европой, недопущение дальнейшей колонизации Западного полушария и принцип невмешательства. Европа не должна вмешиваться в дела американских государств, а США обязуются не вмешиваться в европейские вопросы. Изначально доктрина отражала стремление США обезопасить себя от реколонизации Латинской Америки, однако со временем она приобрела экспансионистское звучание, особенно с появлением «следствия Рузвельта», обосновавшего право США на интервенции в регионе.

12 марта 1947 г. президент США Г. Трумэн выдвинул программу сдерживания СССР. Она получила название «Доктрина Трумэна» и означала коренной пересмотр системы международных отношений, сформировавшейся при президенте Т. Рузвельте. Г. Трумэн объявил, что теперь каждая нация в мире должна сделать выбор: либо встать на сторону США и их союзников, либо присоединиться к коммунистам. В рамках Доктрины Трумэна был принят «План Маршалла» – программа послевоенной помощи странам Западной Европы с целью не допустить прихода к власти коммунистов, а также был создан

блок НАТО. Кроме того, появилась сеть военных баз США у границ СССР и начали выделяться большие средства на поддержку антиправительственных сил в социалистических странах. Доктрина Трумэна заложила основы для холодной войны и стала официальным внешнеполитическим курсом США на десятилетия вперед [2]. Ответом на издержки глобального сдерживания стала Доктрина Никсона (1969 г.), провозглашенная на фоне войны во Вьетнаме. Данная доктрина разделила страны, находившиеся в сфере влияния США, на две категории. Для первой из них Р. Никсон обещал «обеспечить щит ядерной мощи США». Второй категории государств приходилось самостоятельно нести ответственность за свою оборону [3, с. 27]. Доктрина стала попыткой адаптировать сдерживание к новым реалиям, связанным с истощением ресурсов и необходимостью диалога с СССР и Китаем.

Радикальный поворот произошел после терактов 11 сентября 2001 г. В 2002 г. президент Дж. Буш-младший провозгласил доктрину превентивного удара. Вместо традиционных стратегий сдерживания новая доктрина провозглашала право США на превентивные военные действия против потенциальных угроз. Доктрина Буша стала концептуальным обоснованием вторжения в Ирак (2003 г.) и закрепила приоритет силовых методов.

Администрация Д. Трампа предложила концепцию, объединенную лозунгом «America First». В 2025 г. во время своей инаугурационной речи Д. Трамп отметил: «С этого дня наша страна будет процветать и снова заслужит уважение во всем мире. Мы станем предметом зависти каждой нации, и мы больше не позволим себя использовать. ...Я буду ставить Америку на первое место» [4]. Эта доктрина изначально воспринималась как возврат к изоляционизму, предполагающий сокращение военного присутствия за рубежом и ослабление союзнических обязательств. Однако она в первую очередь направлена на развитие национальной экономики, а также укрепление роли США в системе международных отношений.

Таким образом, внешнеполитическая стратегия США прошла путь развития, начавшийся с регионального обособления в рамках доктрины Монро и завершившийся претензиями на глобальное доминирование в эпоху холодной войны и начала XXI в. Современная стратегия Д. Трампа направлена на разрешение внутренних проблем в самих США и укрепление международного статуса государства.

Литература

1. Monroe Doctrine, 1823 // US Department of State. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/time/jd/16321.htm> (date of access: 31.03.2026).
2. Доктрина Трумэна – начало холодной войны // Радио Sputnik. – URL: <https://radiosputnik.ru/20240312/1932397166.html> (дата обращения: 31.03.2026).

3. Ткаченко, Е. А. Формирование внешнеполитической концепции Белого Дома в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. «Доктрина Никсона» / Е. А. Ткаченко // Научные исследования и разработки молодых ученых. – 2015. – № 4. – С. 26–29.

4. The Inaugural Address // White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/> (date of access: 31.03.2026).

Региональная политика ЮАР в период председательства в Африканском союзе (2020–2021) и Тройке САДК (2021)

*Кулешова К. А., соискатель БГУ,
науч. рук. Шевелев Д. Л., канд. ист. наук, доц.*

В последний раз председательство Южной Африки в Африканском союзе в 2002 г. стало переломным моментом в региональной политике. Организация африканского единства (ОАЕ) преобразовалась в Африканский союз (АС) во время первой очередной сессии Ассамблеи ОАЕ, состоявшейся в Дурбане в ЮАР.

В 2015 г. африканские лидеры взяли на себя обязательство положить конец вооруженным конфликтам и переворотам на континенте. С 1990 по 2015 гг. в Африке было зафиксировано около 630 вооруженных конфликтов, развязанных государственными и негосударственными субъектами, что составило 75 % от всех конфликтов в мире [1, р. 151].

В 2020 г. усилия АС, возглавляемого президентом ЮАР С. Рамафосой, были сосредоточены на прекращении огня в проблемных регионах Африки. В мае 2020 г. проведен саммит «Заставить оружие замолчать», однако действительных результатов не последовало, о чем свидетельствовали восстания, характеризующиеся насильственным экстремизмом в Северной Нигерии, Мали, Мозамбике, Буркина-Фасо и Сомали. В этой связи внимание АС сместилось на урегулирование трансграничных конфликтов.

В период своего председательства в АС ЮАР подвергалась критике за молчание Союза в вопросе растущего присутствия иностранных военных сил на континенте. Увеличение иностранного присутствия объясняется высоким уровнем соглашений между африканскими правительствами, с одной стороны, и неафриканскими государствами и негосударственными субъектами, с другой. В том, что АС не оказывал влияния на подобные решения африканских правительств и было основной претензией к политике ЮАР в АС.

Как председательствующая страна, состоящая в региональных организациях, Южная Африка подвергалась критике за молчание в вопросах обсуждения действий правительств и лидеров, отступающих от принципов демократии в Африке, особенно в регионе, где расположены страны, входящие

в Сообщество развития Юга Африки (САДК). Критика была обусловлена, тем, что принятие определенных мер по вопросу соблюдения прав человека является прерогативой САДК, однако полномочия председателя АС обязывали С. Рамафосу организовать взаимодействие обеих организаций.

Южная Африка приняла председательство в АС в непростой период. Стремление эффективно реализовать программу АС, направленную на прекращение вооруженных конфликтов и насилия на континенте, и одновременное продвижение экономической и медицинской дипломатии для борьбы с пандемией COVID-19 внутри страны и в Африке ознаменовали ограниченное внимание к некоторым политическим проблемам на континенте.

В 2021 г. президент ЮАР С. Рамафоса председательствовал в Тройке САДК, которой предоставлялись полномочия принимать оперативные решения от имени всего САДК, а также управлять органом САДК по политике, обороне и безопасности, отвечающем за содействие миру и безопасности в регионе.

В июне 2021 г. в Королевстве Эсватини вспыхнули ожесточенные антиправительственные протесты. Демонстранты требовали, чтобы в назначении премьер-министра участвовал парламент, а не король [2]. После роста насилия в стране в октябре 2021 г. из-за столкновений между протестующими и полицией президент Южной Африки С. Рамафоса дважды направлял группу специальных посланников в столицу страны Мбабана для встречи с королем Мсвати III. Однако посредничество ни к чему не привело, встреча региональных специальных посланников с заинтересованными сторонами в Эсватини была сорвана, поскольку основные оппозиционные партии отклонили предложение короля отложить диалог до начала 2022 г.

Перманентной проблемой для САДК, угрожающей региональной стабильности шести стран региона (ЮАР, Малави, Танзании, Замбии, Зимбабве и Эсватини), является растущее повстанческое движение в северных районах Мозамбика. Насильственные нападения исходят от экстремистской и исламской группы «Ахлу Сунна Джамма». Восстание в провинции Кабу-Дельгаду угрожает региональной стабильности в регионе САДК. К октябрю 2021 г. число погибших и перемещенных лиц в Кабу-Дельгаду составило более 1000 человек, а миллионы были вынуждены покинуть свои дома из-за опасений насильственного экстремизма [1, p. 157].

5 октября 2021 г. президент ЮАР С. Рамафоса принимал в Претории глав государств Ботсваны, Намибии и Мозамбика для обсуждения региональных последствий повстанческого движения на севере Мозамбика. Региональные лидеры расширили военную интервенцию САДК для борьбы с экстремистскими группами в Кабу-Дельгаду. Во время саммита Тройки С. Рамафоса отметил, что «несмотря на прогресс, достигнутый военной миссией САДК в восстановлении мира и стабильности в Кабу-Дельгаду, ее работа не завершена» [1, p. 157].

Таким образом, председательство в АС и Тройке САДК в 2020–2021 гг. предоставило Южной Африке возможность отстаивать свои национальные интересы в ситуации изменения глобальной международной системы. Неудачи в попытках прекращения конфликтов на континенте вынудили ЮАР в период своего председательства в обеих организациях заняться проблемами преимущественно региона САДК. Тем не менее в этот период ЮАР не достигла успеха в продвижении прав человека, которые определяют внешнюю политику Южной Африки в отношении конфликтов.

Литература

1. Nkuna, V. M. South Africa's foreign policy approaches during the rotational seats at UNSC, AU and SADC Troika, 2019-2021 / V. M. Nkuna // Journal of African Foreign Affairs. – 2023. – Vol. 10, No. 3. – P. 143–165.

2. Eswatini's June 2021 protests revisited: Understanding political violence in Eswatini // ACCORD. – URL: <https://www.accord.org.za/conflict-trends/eswatini/#:~:text=Trends%202024/2-,Eswatini's%20June%202021%20protests%20revisited:%20Understanding%20political%20violence%20in%20Eswatini,an%20end%20in%20the%20country> (date of access: 14.04.2026).

Интеграция Афганистана в проекты инициативы «Один пояс – один путь» после прихода к власти движения «Талибан» в 2021 г.

*Лазовская О. С., Щербачевич С. Д., студ. II к. БГУ,
науч. рук. доц. Демидович Е. В., канд. ист. наук, доц.*

Афганистан играет ключевую роль для китайской инициативы «Один пояс – один путь», так как располагается на перекрестке трех регионов: Южной Азии, Центральной Азии и Ближнего Востока. Талибы неоднократно заявляли о своем намерении стать участником инициативы. Путь через Афганистан является более коротким маршрутом из КНР в страны Ближнего Востока и Южной Азии, а также положение государства способствует эффективной транспортировке грузов и энергоресурсов. Движение «Талибан» рассматривает китайскую инициативу в качестве возможности для усовершенствования транспортной системы и энергетической инфраструктуры, а также для интеграции в глобальные торговые сети, так как инвестиции Китая могут стимулировать внешнюю торговлю, создавать новые рабочие места, привлекать иностранные инвестиции [1, с. 23].

Несмотря на нестабильность на нынешнем этапе, китайские частные фирмы видят множество возможностей для себя в экономическом восстановлении

Афганистана после прихода к власти талибов. В 2022 г. китайские компании получили разрешение от правительства талибов спустя 3 года после его предложения на строительство промышленных парков в Афганистане в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Проект будет способствовать налаживанию сотрудничества в следующих областях: разработка месторождений полезных ископаемых, городское строительство, производство строительных материалов [2].

В октябре 2023 г. талибы получили одобрение на участие в третьем форуме «Один пояс – один путь» в КНР, который прошел в Пекине. Представители и министры Талибана время от времени посещали региональные встречи, в основном посвященные Афганистану, но форум «Один пояс – один путь» входит в число наиболее важных многосторонних саммитов, на которые их приглашали. Делегацию возглавлял исполняющий обязанности министра промышленности и торговли Хаджи Нуруддин Азизи [3].

В 2023 г. КНР и Пакистан договорились с движением «Талибан» о соединении Афганистана в Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), проекты которого оценивались в 60 млрд долл. В дальнейшей перспективе это поможет Афганистану, который долгое время находится под санкциями, привлечь миллиардные инвестиции для инфраструктурных проектов. Глава МИД Китая в то время Цинь Ган на встрече с министром иностранных дел Пакистана Билавалом Бхутто Зардари пришли к договоренности работать сообща над восстановлением Афганистана [4]. На неформальной встрече 21 мая 2025 г. между министрами иностранных дел КНР, Афганистана и Пакистана было заявлено о необходимости углублять сотрудничество в развитии инициативы «Один пояс – один путь», а также продвигать расширение КПЭК в Афганистане и укреплять строительство региональных сетей связи [5].

На сегодняшний день Афганистан может стать важным транзитным узлом по трем основным направлениям. Во-первых, в сфере грузовых перевозок за счет реализации проекта «Железная дорога пяти наций». Во-вторых, в энергетике – благодаря инициативам, таким как трубопровод ТАПИ, линия электропередачи CASA-1000, проект ТАР и гидроэнергетические объекты в бассейне рек Кабул-Кунар. В-третьих, в сфере передачи данных за счет интеграции в магистраль Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) и технической поддержке от концернов ZTE и Huawei для развертывания сетей GSM, 3G и CDMA. Отдельное внимание отведено проекту «Цифровой Шелковый путь», который на данный момент находится на стадии пилотного развертывания [1, с. 24].

Таким образом, можно сделать вывод, что экономическое сотрудничество между Китаем и Афганистаном является вполне реализуемым и обладает высоким потенциалом. Однако так как Афганистан сталкивается с нерешенными проблемами политической нестабильности и угрозами безопасности,

ограниченной инфраструктуры и недостатком квалифицированных кадров, появляются серьезные препятствия.

Литература

1. Рахимов, К. Х. Перспективы экономического сотрудничества Китая и Афганистана после вывода войск США / К. Х. Рахимов, Ч. З. Нгуен, Т. М. Х. Чан // *Мировая политика*. – 2025. – № 2. – С. 19–35.

2. Chinese industrial park project wins approval in Afghanistan // *Global Times*. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202204/1260570.shtml> (date of access: 27.03.2026).

3. Latif, A. Afghan Taliban attend 3rd Belt and Road Forum in China / A. Latif // *Anadolu Agency*. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/afghan-taliban-attend-3rd-belt-and-road-forum-in-china/3023075> (date of access: 27.03.2026).

4. Анисимова, Н. Талибы договорились с Китаем о включении Кабула в «Один пояс, один путь» / Н. Анисимова // *РБК*. – 07.05.2023. – URL: https://www.rbc.ru/economics/07/05/2023/64575af79a79472738532603?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 28.03.2026).

5. Ван И. рассказал об итогах трехсторонней встречи министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана // *Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики*. – URL: https://by.china-embassy.gov.cn/rus/zgyw/202505/t20250523_11631266.htm (дата обращения: 28.03.2026).

Инструменты «мягкой силы» Италии в XXI в.

*Ларина П. К., студ. П.к. БГУ,
науч. рук. Свилас С. Ф., д-р ист. наук, доц.*

Италия в XXI в. утвердила статус «супердержавы мягкой силы», опираясь на уникальное культурное наследие, креативные индустрии и дипломатию для формирования глобального влияния без использования жестких методов принуждения. Несмотря на то что термин «мягкая сила» был заимствован из американского дискурса и ранее не использовался в итальянской практике, соответствующие механизмы влияния прослеживаются на протяжении всей истории страны [1, с. 644]. Актуальность исследования обусловлена эволюцией глобального порядка, где непрямые инструменты влияния приобретают первостепенное значение, позволяя Италии компенсировать ограниченные военные и экономические ресурсы за счет *«dolce potere»* – сладкой силы. Целью статьи выступает анализ основных инструментов мягкой силы Италии в XXI в., оценка их эволюции и эффективности.

В XXI в. культурная дипломатия остается ключевым направлением внешней политики Италии, сочетая богатое ренессансное наследие с современными

подходами. Приоритетное значение приобретает распространение итальянской культуры и языка за рубежом. Данные задачи решает Министерство иностранных дел и международного сотрудничества (*MAECI*), в структуре которого особую роль играют профильные генеральные дирекции, включая направления, связанные с продвижением концепции «система – страна», взаимодействием с итальянцами за рубежом и вопросами развития международного сотрудничества.

MAECI координирует деятельность широкой сети – более 100 институтов итальянской культуры, а также сотрудничает с общественными структурами, среди которых особое место занимает Общество Данте Алигьери (*Dante Alighieri Society*), основанное в Риме в 1889 г. и насчитывающее свыше 400 представительств по всему миру. Данные институты и организации обеспечивают продвижение итальянского языка, искусства и науки, выступая эффективными инструментами межкультурного диалога. Их деятельность охватывает проведение языковых курсов, выставок, лекций, кинопоказов, литературных мероприятий, музыкальных и театральных гастролей, а также модных показов, формируя устойчивое культурное присутствие Италии за рубежом [1, с. 647].

Значимым инструментом популяризации языка выступает ежегодная «Неделя итальянского языка в мире», проводимая с 2001 г., которая способствует расширению интереса к итальянской культуре и укреплению гуманитарных связей. В целом итальянский язык привлекает многочисленных почитателей по всему миру, что способствует формированию культурно ориентированных сообществ и лояльных элит. В свою очередь, эти факторы обеспечивают проведение свыше 500 культурных мероприятий ежегодно, с акцентом на организацию выставок (например, выставка «Леонардо, черты гения», направленная на знакомство японской аудитории с достижениями итальянской высокой культуры) [2, с. 11].

Основу итальянской мягкой силы составляют мода, кино, музыка, гастрономия, дизайн, спорт, туризм. Сегодня Миланская неделя моды и Венецианский кинофестиваль закрепляют за итальянским стилем статус символа роскоши и инноваций. Гастрономическая дипломатия развивается через движение *Slow Food*, которое объединяет тысячи локальных сообществ по всему миру и продвигает средиземноморскую диету как модель устойчивого развития. Туризм, привлекающий десятки миллионов посетителей ежегодно, усиливает этот эффект, позволяя миллионам людей напрямую знакомиться с итальянским образом жизни, кухней и культурным наследием. Сотрудничество ведущих итальянских спортивных клубов – «Ювентуса», «Атланты», «Интера» и «Милана» – с ЮНИСЕФ и ЮНЕСКО, а также проведение Олимпийских игр 2026 г. укрепили образ Италии как страны, объединяющей спорт и гуманитарные ценности. Культурная повестка дополняется двусторонними

кинофестивалями, выставками «Здравствуй, Италия!», проектом «Евровидение» и экспозициями в рамках *EXPO*, где через продвижение товаров *made in Italy* раскрывается концепция «система – страна» [2, с. 13].

Безусловно, итальянская «мягкая сила» сталкивается с серьезными вызовами: посткризисные сокращения бюджетов, последствия пандемии, ударившие по туризму, миграционная нагрузка и политическая нестабильность. Конкуренция со стороны США и Китая также требует постоянной адаптации. Тем не менее благодаря цифровизации, развитию устойчивого туризма и укреплению международных альянсов Италии удастся сохранять баланс между традицией и инновациями. В итоге ее «мягкая сила» не только не утрачивает позиций, но и эволюционирует к гибридной модели, подтверждая статус Италии как одной из глобальных «культурных сверхдержав» в многополярном мире.

Литература

1. Бокерия, С. А. Особенности культурной дипломатии Италии на современном этапе / С. А. Бокерия, В. В. Данилов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Т. 19, № 4 (19). – С. 643–653.

2. Дубасова, П. К. Культура и культурная дипломатия как основной инструмент внешней политики «мягкой силы» Италии / П. К. Дубасова // Россия в глобальном мире. – 2022. – № 24 (47). – С. 7–22.

А. А. Ляховский об афганской войне

*Линкевич Д. И., студ. III к. БГУ,
науч. рук. проф. Свилас С. Ф., д-р ист. наук, доц.*

Генерал-майор Александр Антонович Ляховский – советский и российский военный деятель и публицист, член Союза писателей России. Он является автором таких работ, как «Тайны афганской войны» (1991, в соавторстве с В. Забродиным), «Трагедия и доблесть Афгана» (1995), «Пламя Афгана» (1999), «Гражданин. Политик. Воин» (2007) и «Игра в Афганистан» (2009). Помимо этого, Ляховский участвовал в создании сборников и публиковал отдельные статьи по указанной проблеме. Например, его выступление вошло в сборник «Афганистан. Итоги бесконечной войны» (1999), выпущенный Московским Центром Карнеги по материалам «круглого стола», посвященного 10-летию вывода советских войск [1].

А. А. Ляховский в своей книге «Тайны афганской войны» представляет один из первых строго документальных анализов советского вмешательства в Афганистан. В отличие от многих своих современников автор подошел

к теме не как далекий наблюдатель, а как непосредственный участник событий. Будучи офицером Генерального штаба, он проходил службу в Кабуле на заключительном этапе конфликта и являлся ближайшим помощником генерала армии В. И. Варенникова, фактического советника Верховного главнокомандующего Вооруженных сил Республики Афганистан. Александр Антонович подробно исследует причины и обстоятельства ввода советских войск в декабре 1979 г., показывая, что это решение принималось не сразу, а после длительных колебаний и многочисленных отказов от просьб афганского руководства [2, с. 20–34]. Он приводит уникальные документы, секретные донесения советских представителей в Кабуле, переписку руководства СССР и протоколы заседаний Политбюро ЦК КПСС, которые свидетельствуют о том, что советское руководство изначально стремилось избежать прямого военного участия.

В книге объективно разбираются критические просчеты афганского руководства (непродуманная аграрная реформа, насильственная пуштунизация, массовый террор при Амине) [2, с. 13–18]. Одновременно автор указывает на ошибки советской стороны, в частности, упрямое игнорирование Генеральным штабом предупреждений о неизбежном усилении сопротивления после ввода войск и неготовности к партизанской войне в горной местности. Особое внимание уделено внутривнутрипартийной борьбе в Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) между фракциями «Хальк» и «Парчам», которая подорвала единство революционных сил и способствовала росту оппозиции [2, с. 4–6]. Александр Антонович подчеркивает, что ввод войск, предназначавшийся как временная мера для стабилизации обстановки, быстро превратился в затяжной конфликт, потребовавший огромных человеческих и материальных жертв [2, с. 53–57], и привел к международной изоляции СССР.

Фундаментальный труд А. А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана» стал одним из наиболее авторитетных исследований советско-афганской войны. В этой книге он подробно анализирует обстоятельства апрельского переворота 1978 г. [3, с. 5–21], процесс принятия решения о вводе советских войск [3, с. 43–56], взаимоотношения с лидерами моджахедов, включая Ахмад Шаха Масуда, и причины поражения режима НДПА [3, с. 21–23]. При этом автор сознательно отказывается от приукрашивания действий советской стороны, но вместе с тем резко критикует тех, кто видит в афганской войне лишь негатив, забывая о мужестве и самопожертвовании советских солдат. Ключевой тезис автора состоит в том, что советское руководство было втянуто в войну в результате хорошо организованной стратегической дезинформации, имевшей конечной целью ликвидацию социалистического лагеря и развал СССР. Он приходит к выводу, что ставка на силу как средство достижения политической цели оказалась неверной, а афганская война стала последней войной

Советского Союза, но не последней на земле. Ее уроки, по мнению автора, чрезвычайно поучительны для современных миротворческих операций.

Методология А. А. Ляховского заслуживает отдельного внимания. Он осознанно перегружает текст стенограммами, рапортами, выдержками из приказов с целью обеспечения беспристрастности изложения и возможности для читателя самому сделать выводы. Вместе с тем это создает определенные трудности для восприятия, поэтому книга требует внимательного, неоднократного чтения.

Таким образом, можно утверждать, что труды А. А. Ляховского занимают особое место в историографии афганской войны. В них он показал, что война стала следствием цепочки политических просчетов, дезинформации и идеологических догм, тогда как рядовые солдаты и офицеры проявили на ней подлинную доблесть. Документальная насыщенность и честный, трагический взгляд на события делают его работы незаменимым источником для понимания причин, хода и последствий последней войны СССР.

Литература

1. Генерал-майор Ляховский Александр Антонович // Четвертый батальон БВОКУ. – URL: https://kombat-bvoku.com/index/ljakhovskij_a_a/0-168 (дата обращения : 10.04.2026).

2. Ляховский, А. А. Тайны афганской войны / А. А. Ляховский, В. М. Забродин. – М. : Планета, 1991. – 269 с.

3. Ляховский, А. А. Трагедия и доблесть Афгана / А. А. Ляховский. – М. : Искона, 1995. – 720 с.

Особенности развития евразийского вектора Бразилии при президентстве Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003–2010)

*Лопан М. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Свилас С. Ф., д-р ист. наук, проф.*

В 2003–2010 гг. Лула да Силва, президент Бразилии, внес существенные коррективы во внешнюю политику своей страны. Вместо неолиберальной дипломатии 1990-х он взял курс на «автономию через диверсификацию», которая предполагала активную многостороннюю дипломатию, ставку на сотрудничество по линии Юг – Юг, особенно с крупными экономиками Евразии – Китаем, Россией, Индией. В качестве цели декларировался многополярный мир, где Бразилия будет одним из полюсов [1, с. 274].

Центральным элементом политики Лулы стало создание БРИК (БРИКС – после присоединения в 2011 г. ЮАР). В 2006 г. по инициативе Бразилии

прошла встреча глав МИД четырех государств: Бразилии, России, Индии и Китая. В 2009 г. в Екатеринбурге состоялся первый саммит объединения, где его участники в условиях мирового финансового кризиса призвали реформировать МВФ и Всемирный банк [1, с. 276–278].

В евразийском векторе Бразилии автор выделяет три основных направления: китайское, российское и индийское. Такое разделение обусловлено участием этих государств в БРИКС и, следовательно, их большим взаимодействием и влиянием друг на друга.

КНР в рассматриваемый период являлась ключевым партнером Бразилии на евразийском направлении. В 2009 г. Китай обогнал США по объему внешнеторгового оборота с этим латиноамериканским государством, хотя те удерживали лидерство на протяжении предшествовавших пятнадцати лет. Анализируя структуру двусторонней торговли, отметим: Бразилия экспортировала в Китай преимущественно сырьевые товары – соевые бобы, железную руду, нефть, мясо и хлопок, тогда как импортировала промышленные полуфабрикаты и товары народного потребления [2]. Такое содержание товарообмена вызывало в бразильских промышленных кругах страх «деиндустриализации», однако руководство видело в китайском векторе противовес зависимости от США и Европы. Кроме экономического сотрудничества, особое значение имели совместные проекты в таких областях, как энергетика, инфраструктура, космос (программа CBERS – символ технологического партнерства двух развивающихся стран).

Отношения с Россией развивались не так динамично в экономическом плане, но политические взгляды двух стран совпадали. Оба государства выступали за многополярный мир, без доминирования США, и стремились создавать межрегиональные коалиции. В 2005 г. была подписана Декларация о стратегическом партнерстве, которая дала толчок развитию сотрудничества в энергетике, освоении космоса, ВТС. Размеры товарооборота между Бразилией и Россией оставались весьма скромными, несмотря на политическую близость. Отметим, что положение дел в этой сфере не изменилось [3].

Индийский вектор внешней политики Бразилии в период президентства Лулы получил особое значение в контексте формирования Форума по борьбе с бедностью и голодом IBSA (Индия, Бразилия, ЮАР). В 2006 г. отношения были повышены до статуса стратегического партнерства. Обе страны координируют свои позиции по вопросу реформы СБ ООН, климату, Дохийскому раунду ВТО. Ключевыми сферами экономического взаимодействия стали фармацевтика (дженерики из Индии), ИТ, энергетика, сельское хозяйство. Возросло значение сотрудничества в области мирного использования атомной энергии [4].

Отмечая особенности внешнеполитического курса Лулы да Силвы, можно констатировать, что он руководствовался такими принципами, как

прагматизм и универсализм. Эта стратегия позволяла Бразилии извлекать выгоду из сотрудничества как с Западом, так и с Востоком, не связывая себя жесткими союзническими обязательствами ни с одной из сторон [5].

Таким образом, Лула да Силва закрепил за Бразилией статус глобального игрока. Евразийское направление стало ключевым в 2003–2010 гг., а БРИКС – главным механизмом координации с другими крупными развивающимися экономиками. Бразилия научилась извлекать выгоду из сотрудничества и с Западом, и с Востоком, не попадая в зависимость ни от тех, ни от других.

Литература

1. Vigevani T. A política externa de Lula da Silva: a estratégia da autonomia pela diversificação / T. Vigevani, G. Cepaluni // Contexto Internacional. – 2007. – Vol. 29, № 2. – P. 273–335.

2. Brazil-China relations in the 21st century // KCI. – URL: <https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artiId=ART001745136> (date of access: 01.04.2026).

3. Brazil and Russia in the BRICS framework // SpringerLink. – URL: https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-981-95-1169-3_49 (date of access: 01.04.2026).

4. Lula da Silva's foreign policy and the IBSA dialogue forum // CETRI. – URL: <https://cetri.be/Lula-da-Silva-s-Foreign-Policy?lang=en> (date of access: 02.04.2026).

5. Brazil is back: Lula's return and the future of South-South cooperation // ORF Online. – URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/brazil-is-back> (date of access: 02.04.2026).

A Re-evaluation of the Davidson Window under the China-U.S. Strategic Competition

*Лю Минюе, асп. БГУ,
науч. рук. проф. Байчоров А. М., д-р филос. наук, проф.*

For several years, the U.S. national security apparatus has sustained a strategic focus on 2027, perceiving it as a critical timeline established by the Chinese leadership for potential military contingencies concerning Taiwan. This assessment was initially proposed by Admiral Philip Davidson, the former Commander of U.S. Indo-Pacific Command, during his 2021 congressional hearing. This benchmark, subsequently institutionalized in strategic circles as the “Davidson Window”, has functioned as a fundamental analytical framework for accessing the purported timeline for China’s reunification with Taiwan by force [1].

However, the strategic validity of such a timeline is being eroded within the 2026 security environment. The shifting dynamics of the Ukraine conflict, along

with the unprecedented proliferation of military-grade Artificial Intelligence (AI), have fundamentally disrupted the original calculus behind the 2027 timeline. This transition compels a more granular re-evaluation of the “Davidson Window” theory.

China’s 2027 Centenary Goal: Capability vs. Strategic Intent. China’s 20th National Congress officially designated 2027 as the milestone for achieving the Centenary Goal of the People’s Liberation Army (PLA). Within this strategic framework, the year of 2027 represents a critical threshold for China to achieve “system-of-systems” operational capability – the integrated development of mechanization, informatization, and intelligentization[2]. While China’s 2027 milestone is frequently conflated in Western discourse with a definitive “war clock”, this interpretation fails to account for the distinction between a modernization benchmark and an operational mandate. As the diffusion of military-grade AI and evolving geopolitical alignments are redefining the rules of engagement, the 2027 milestone should be interpreted through the lens of strategic deterrence rather than as an established chronological trigger for conflict.

Strategic Lessons from the Ukraine Conflict. The grinding attrition of the Ukraine conflict has fundamentally shifted the strategic calculus regarding rapid kinetic operations. For decades, the “Davidson Window” logic assumed that technological parity would naturally lead to a swift “fait accompli” in the Taiwan Strait. However, this theory does not alter China’s fundamental resolve regarding the One-China Principle. For the PLA, the primary lesson is not the impossibility of cross-strait reunification, but rather the necessity of adopting to the changing of combat forms. The operational realities in Ukraine suggest that future operations must prioritize technological overmatch and systemic resilience. Consequently, China’s 2027 goal should be viewed as an overwhelming option to safeguard national sovereignty, rather than a reactive response to external chronological pressure.

The AI Variable and Decentralized Warfare. The rapid proliferation of military-grade AI has rendered hardware-centric projections obsolete. In the 2026 security landscape, AI-driven loitering munitions and integrated intelligence synthesis challenge the very foundation of the “Davidson Window”. Strategic superiority is no longer a simple function of naval or aerial tonnage. Instead, it is determined by the tempo of the sensor-to-shooter loop. Within this context, China is prioritizing algorithmic dominance over a static buildup of conventional assets and effectively pivoting towards a state of dynamic readiness. This technological leap makes any fixed “window for war” analytically irrelevant.

Literature

1. Davidson, P. S. Statement of Admiral Philip S. Davidson, U.S. Navy Commander, U.S. Indo-Pacific Command Before the Senate Armed Services Committee on U.S. Indo-Pacific Command Posture / P. S. Davidson. – Washington D.C., 2021. – 41 p.

2. Ministry of National Defense of the People's Republic of China. Regular Press Conference on November 26, 2020. – 2020. – URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/jmsd/4875402.html> (date off access: 30.03.2026).

Сотрудничество КНР и Северной Африки в сфере образования

*Лю Юань, асп. III к. БГУ,
науч. рук. Журавская О. С., канд. ист. наук, доц.*

В процессе выстраивания странами Северной Африки независимых путей развития сотрудничество в сфере образования становится важной ареной для проецирования «мягкой силы» Китая. В отличие от прямых экономических выгод от инвестиций в инфраструктуру, эффект «мягкой силы» образования глубже и долговечнее, а его конечная ценность заключается в преобразовании в прочные культурные связи. От преподавания языков в Институтах Конфуция до профессиональной подготовки в мастерских Любань (это зарубежный центр профессионального сотрудничества и обучения, созданный Китаем с целью подготовки местных технических и квалифицированных кадров), от платформенного сотрудничества между университетскими альянсами до инновационных моделей «китайский язык + профессиональные навыки», Китай строит свою собственную сеть «мягкой силы» в Северной Африке посредством многоуровневого сотрудничества в сфере образования [1, с. 137].

Институт Конфуция является наиболее наглядным символом сотрудничества Китая в сфере образования. В сентябре 2025 г. в Алжире был открыт первый Институт Конфуция. Этот Институт, построенный в сотрудничестве с Северо-Западным педагогическим университетом Китая, является важной частью системы Институтов Конфуция в Северной Африке [2, с. 1]. В настоящее время на Ближнем Востоке и в Северной Африке насчитывается не менее 27 Институтов Конфуция. В этих учреждениях не только обучают китайскому языку, но и формируют представление местного населения о Китае посредством культурных лекций, кинопоказов, фестивалей и других мероприятий. Создание «мастерских Лубань» еще более примечательно. К началу 2026 г. в 15 африканских странах было создано 17 мастерских Лубань. В 2025 г. на второй «Неделе африканских навыков» Институты Конфуция и мастерские Лубань были впервые представлены представителям со всей Африки в штаб-квартире Африканского союза, и представители АС назвали их «самым прекрасным зрелищем» [3, с. 95].

Привлекательность китайского образовательного сотрудничества в Северной Африке во многом обусловлена его «ориентированным на развитие» подходом. Модель обучения «китайский язык + профессиональные навыки»

предлагает африканским странам китайское решение проблем развития, по-настоящему «уча их ловить рыбу» [3, с. 99]. Эта модель связывает изучение языка с практическим трудоустройством, идеально соответствуя основным потребностям африканской молодежи в повышении их конкурентоспособности на рынке труда. Эта ориентированная на развитие модель поднимает китайское образовательное сотрудничество на новый уровень, выходя за рамки простого культурного обмена, и делает его прагматичным инструментом для решения основных проблем развития стран Северной Африки.

Глубина образовательного сотрудничества зависит от зрелости механизма. В последние годы Китай продвигает модернизацию моделей сотрудничества от «точечного» к «платформенному сотрудничеству». «Китайско-Хэбэйско-североафриканский университетский альянс», возглавляемый Яньшаньским университетом, объединил 50 университетов из Китая и других стран. В 2026 г. альянс совместно с Марокканской академией инженерных наук и CIPIC Dicastal Morocco создал Инженерно-технический колледж (структурное подразделение Яньшаньского университета) в Марокко, исследуя новую парадигму подготовки кадров, которая интегрирует «глобальное высшее образование, сопровождение предприятий за рубежом и интеграцию промышленности и образования», открывая пути от «обучения по учебным программам до обучения на предприятиях и профессиональной сертификации» [4, с. 50]. Эта трехсторонняя модель сотрудничества «университет–университет–предприятие» эффективно решает проблему «нехватки местных талантов», с которой сталкиваются китайские предприятия в Северной Африке. Такое образовательное сотрудничество предоставляет реальные возможности для жизни североафриканской молодежи. Есть примеры местных молодых людей, которые, получив практический опыт в мастерских Лубаня, стали ключевыми техническими специалистами на предприятиях, финансируемых Китаем. Эти позитивные изменения в судьбах отдельных людей привели к подлинному чувству доброй воли по отношению к Китаю. По мере того, как поколение молодых людей, воспитанных благодаря китайскому образовательному сотрудничеству, постепенно становится основой североафриканского общества, эта связь между людьми, основанная на образовании, превратится в глубочайшую основу «мягкой силы».

Китай укрепляет свою «мягкую силу» в Северной Африке посредством образовательного сотрудничества. Основная логика заключается в использовании образования как средства для преобразования основной потребности в развитии в странах Северной Африки в осязаемые результаты сотрудничества. Создание на основе платформ Институтов Конфуция и мастерских Лубаня, инновационный механизм сотрудничества «школа–школа–предприятие», а также руководящая концепция «китайский язык + профессиональные навыки» в совокупности составляют основу китайского образовательного

сотрудничества в Северной Африке. В преддверии Года обмена между людьми между Китаем и Африкой в 2026 г. ожидается, что образовательное сотрудничество станет наиболее глубокой и устойчивой основой «мягкой силы» Китая в Северной Африке.

Литература

1. Donald, L. Effects of Confucius Institutes on China's higher education exports: Evidence from Chinese Partner Universities / L. Donald. – International Review of Economics & Finance. – 2018. – № 57. – P. 134–143.

2. 徐永春. 阿尔及利亚首家孔子学院揭牌, 中东和北非地区孔子学院达27所 / 徐永春 // 新华网. – 2025. – 九月24日. – P. 1. = Сюй Юнчунь. В Алжире открылся первый Институт Конфуция, в результате чего общее число Институтов Конфуция на Ближнем Востоке и в Северной Африке достигло 27 / Сюй Юнчунь // Информационное агентство Синьхуа. – 2025. – 24 сентября.

3. 祝凯旋. 我国职业教育国际化发展项目«鲁班工坊»:创新特征,存在的问题与优化路径 / 祝凯旋 // 河北职业教育. – 2025. – № 3. – P. 93–101. = Чжу Кайсюань. Международный проект развития профессионального образования в моей стране, «Лубанский семинар»: инновационные характеристики, существующие проблемы и пути оптимизации / Чжу Кайсюань // Профессиональное образование провинции Хэбэй. – 2025. – № 3. – С. 93–101.

4. 吕景泉. «鲁班工坊»——职业教育国际化发展的新支点 / 吕景 // 中国职业技术教育. – 2017. – № 4. – P. 47–50. = Лю Цзинцюань. «Лубаньская мастерская» – новый поворот в интернационализации профессионального образования / Лю Цзин // Китайское профессионально-техническое образование. – 2017. – № 4. – С. 47–50.

Коллекции этнографии в мемориальных экспозициях филиалов Государственного литературного музея Янки Купалы

*Михалан П. В., асп. БГУ,
науч. рук. Горбачёва О. В., канд. ист. наук, доц.*

Как правило, мемориальные экспозиции музеев, посвященных отдельным личностям, содержат в своем составе коллекции этнографии. Это обусловлено тем, что все периоды жизни отдельного человека так или иначе связаны с традиционным и не только бытом и ремеслами. Филиалы Государственного литературного музея Я. Купалы не являются исключением.

Таковой является мемориальная экспозиция филиала «Вязынка», созданная в 1947 г. и расположенная в первой части здания дома-музея образца XIX в. В ней демонстрируется возобновленный крестьянский интерьер конца XIX в.: печь, мебель, детская колыбель, ходунки, посуда, а также личные

вещи родителей поэта. Начинается экспозиция с сени, в которых расположены предметы быта, в аутентичной им обстановке. В правом углу сени представлены жернова, на которых молотась мука, на полках расположены сельскохозяйственные орудия труда: серпы и косы. В самой комнате представлена детская колыбель, около нее детские ходунки, воссозданные по крестьянской технологии XIX в. На деревянном столе, накрытом тканой скатертью, представлены предметы глиняной посуды и деревянных столовых приборов.

Также в данном зале представлена русская печь, воссозданная в 1972 г. по технологиям XIX в. Около деревянных лав, воссозданных в 1972 г., представлены приспособления для обработки пряжи, найденные на территории Молодеченского района. С левой стороны от входа в зал, представлен аутентичный белорусский сундук – «куфар», служивший для хранения белья [3].

Экспозиция следующего филиала – «Яхимовщина» была открыта 30 мая 2001 г. Она представлена в реконструированном деревянном здании постройки 1900 г.

Первый зал филиала содержит предметы этнографии, посвященные белорусскому крестьянскому быту XIX – начала XX вв. В двух стеклянных витринах экспонируются элементы мужского и женского белорусского народного костюма начала XX в. В третьей, средней стеклянной витрине, представлены аутентичные предметы быта, орудий труда и инструментария, найденные в окрестностях спиртзавода «Яхимовщина». Среди них: деревянная маслобойка, прибор для измерения массы – безмен, железный угольный утюг и серп. В центре данного зала представлены аутентичные приспособления для обработки льна и ткачества XIX – начала XX в., собранные в аг. Яхимовщина. Среди них белорусский татский станок – «кросна», льномялка, прялка – коловорот, валеk для разглаживания льняной ткани.

Также в данном зале филиала представлены предметы белорусской крестьянской и мещанской мебели конца XIX – начала XX в. Среди них деревянный сундук для хранения одежды, напольная и подвесная детские колыбели, скамейка – канапе и аутентичный дубовый шкаф, идентичный тому, который находился в данном здании во времена Купалы [3].

Мемориальная экспозиция филиала «Левки» была создана в 1981 г. в здании воссозданного дачного дома Купалы.

В первом зале представлены предметы мебели в стиле «Сталинский ампир»: деревянный буфет, стулья и тумбочки 1930-х гг., а также предметы керамической посуды и льняные рушники с национальным белорусским орнаментом. Также в данном зале воссоздана труба для отопления, идентичная той которая находилась здесь во времена Купалы.

В следующем зале воссоздан интерьер столовой Купалы. Здесь экспонируется мебель в стиле «Сталинский ампир»: деревянный буфет с керамической

и стеклянной посудой 1930-х гг., стулья и деревянный обеденный стол, который был найден в 2014 г.

В следующем зале воссоздан рабочий кабинет Я. Купалы. Здесь представлен деревянный письменный стол в стиле «Сталинский ампир», на котором находятся письменные принадлежности: пресс-папье, чернильная ручка, чернильница и керамическая подставка, настольная лампа и телефонный аппарат 1930-х гг. По углам кабинета представлены книжные этажерки с изданиями произведений «Левковского цикла» поэта разных годов. На стене экспонируется подлинный барометр Купалы, уцелевший во время войны [2].

В последнем зале воссоздан интерьер спальни дачи поэта. Здесь экспонируются предметы спальной мебели первой пол. XX в.: две металлические кровати, деревянный платяной шкаф, прикроватные столики и тумбы.

Таким образом, на сегодняшний день, три из четырех филиалов Государственного литературного музея Я. Купалы музея имеют этнографические коллекции. В большинстве это предметы крестьянского быта конца XIX – начала XX в.

Литература

1. Гужалоўскі, А. А. Музеі Беларусі (1941–1991 гг.) / А. А. Гужалоўскі. – Мн. : НАРБ, 2004. – 192 с.

2. Лебедева, О. Заглянуть в гости к Янке Купале / О. Лебедева // Витебские вести. – 2025. – 24 дек. – С. 11.

3. Дзяржаўны літаратурны музей Янкі Купалы. – URL: <https://kupala-museum.by/> (дата обращения: 10.02.2026).

Научно-исследовательская деятельность в краеведческих музеях Беларуси: особенности и специфика на современном этапе

*Михалан П. В., асп. БГУ,
науч. рук. Горбачёва О. В., канд. ист. наук, доц.*

Научно-исследовательская деятельность (НИД) в системе краеведческих музеев Республики Беларусь выступает верификатором исторической достоверности и фундаментом для проектирования современных экспозиций. Специфика НИР в региональных учреждениях обусловлена необходимостью синтеза академических методов с инструментами микроистории и локальной этнографии. Рассмотрим классификацию форм НИД в краеведческих музеях по табл. 1 [1, с. 14].

Представленная классификация отражает переход от первичной фиксации артефакта к созданию его многомерного научного описания. В то время

Таблица 1. – Классификация форм НИД в краеведческих музеях

Категория форм	Виды деятельности	Научный результат
Традиционные	Атрибуция, классификация, полевые сборы и описание предметов	Научный паспорт предмета, инвентарная книга, акт атрибуции
Аналитические	Интерпретация музейного предмета, изучение «легенды», подготовка научных справок	Научная статья, концепция выставки
Коммуникационные	Изучение аудитории, разработка научных текстов экскурсий и лекций	Профиль посетителя, методическая разработка экскурсии, путеводитель
Инновационные	Технико-технологические исследования, 3D-сканирование, внедрение ГИС-технологий	Цифровая модель наследия, электронный каталог, ГИС-карта памятников

как традиционные формы обеспечивают фундаментальное накопление данных, инновационные методы позволяют интегрировать локальную историю в глобальное информационное пространство [2, с. 45].

Методологический аппарат исследований базируется на сочетании общенаучных и специально-исторических методов (сравнительно-типологический, ретроспективный). В краеведческом контексте приоритетным является источниковедческий анализ, дополненный методами смежных дисциплин: археологии и топонимики. Применение технико-технологической экспертизы (рентгенография, химический анализ состава материалов) в практике областных музеев обеспечивает решение задач точной датировки предметов, не имеющих четкого провенанса [1, с. 16].

Практическая реализация НИД в краеведческих музеях Беларуси демонстрирует переход от фрагментарных описаний к системной оцифровке и глубокой научной интерпретации. Примером комплексного подхода к атрибуции и систематизации выступает работа УК «Могилевский областной краеведческий музей имени Е. Р. Романова». В 2024 г. сотрудниками музея не только завершено формирование электронных каталогов коллекций редкой книги, но и реализованы микроисторические исследования личных архивов уроженцев края, что позволило реконструировать локальные процессы с высокой степенью детализации [3, с. 58].

В свою очередь, УК «Витебский областной краеведческий музей» активно внедряет методы междисциплинарного анализа, объединяющего архивные

изыскания с результатами натуральных обследований региона. Апробация данных результатов осуществляется через издание ежегодных сборников и участие в профильной конференции «Витебские древности», что способствует вводу локальных находок в общереспубликанский научный оборот [2, с. 112].

Особого внимания заслуживает опыт Брестского областного краеведческого музея по созданию цифрового проекта «Виртуальный музей». В рамках НИД проведена полная атрибуция коллекции предметов быта, которая легла в основу интерактивной карты региона. Данный кейс демонстрирует, как традиционные методы описания фондов трансформируются в инновационный продукт с использованием ГИС-технологий.

Эффективность НИР напрямую коррелирует с уровнем интеграции музеев в академическую среду. Кооперация с институтами НАН Беларуси и профильными кафедрами вузов реализуется через совместные археологические экспедиции и архивные изыскания. Данное взаимодействие трансформирует краеведческий музей из хранилища в научно-экспертный центр регионального значения. Инновационный вектор НИД сегодня определяется внедрением геоинформационных систем и публикацией результатов в ведущих научных изданиях, таких как «Беларускі гістарычны часопіс», что позволяет верифицировать региональные открытия на государственном уровне [2, с. 144].

Таким образом, научно-исследовательская деятельность в краеведческих музеях Беларуси эволюционирует в сторону технологической сложности и академической интеграции, обеспечивая высокий уровень достоверности репрезентации исторического прошлого.

Литература

1. Гужалоўскі, А. А. Музеі Беларусі ў пачатку XXI ст. : станаўленне і развіццё / А. А. Гужалоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2024. – № 5. – С. 12–18.
2. Музейная тэорыя і практыка ў XXI стагоддзі : матэрыялы V Міжнароднага навука-практ. канф., Мінск, 24–25 кастр. 2024 г. / Нац. гіст. музей Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: А. В. Храмы (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БДУКМ, 2024. – 320 с.
3. Культура Беларусі : статыстычны зборнік, 2024 / Нацыянальны статыстычны камітэт Рэспублікі Беларусь. – Мн. : Белстат, 2024. – 92 с.

Влияние диалогового ИИ на политический процесс: риски и возможности

*Наумчик М. Ю., асп. БГЭУ,
науч. рук. доц. Баравостов П. А., канд. полит. наук, доц.*

ИИ-технологии быстрыми темпами внедряются в повседневную жизнь большинства людей. Множество потребителей коммуникативных технологий

активно применяют технологии диалоговых и генеративных ИИ-моделей, не задумываясь о последствиях или возможностях для негативного использования. Это идет рука об руку с возрастающей ролью ИИ в повседневных действиях людей. Вопрос влияния ИИ на пользователей следует внимательно оценить и изучить, возможно, технооптимизм в этом плане поспешен.

Существует две категории проблем, которые возникают из-за имплементации генеративного и диалогового ИИ, – проблемы, исходящие из фундаментальной сущности дизайна этой технологии, и проблемы, исходящие из зловредного использования этой технологии. Обсудим сразу технологическую составляющую проблемы. Диалоговый ИИ, т. е. текстовые генеративные ИИ-модели, использует довольно продвинутые риторические стратегии для достижения убедительности – с пугающей эффективностью: исследования показали, что убеждение ИИ-модели в разы эффективнее, чем просмотр политической видеорекламы в таком же временном эквиваленте [1, с. 400]. И эта способность убеждать проявляется двояко. С одной стороны, у ИИ-моделей есть определенная предвзятость – исследователям удалось идентифицировать, что ИИ-модели «придерживаются» леволиберальных политических взглядов [2, с. 11 149]. Это наличие позиции открывает возможности для идеологического влияния на широкие слои пользователей, что не осведомлены о политической предвзятости ИИ-текста и верят в его нейтральность. С другой стороны, современные модели используют так называемый «reinforcement learning», который неизбежно пытается угодить своему собеседнику в диалоге: ИИ тонко улавливает политические позиции пользователя и создает «эхо-комнату» согласия с ним [3, с. 17]. Без точечных внешних настроек генеративный ИИ не может отказать в ответе на вопрос настолько, что способен к «галлюцинированию», созданию недостоверной, порой абсурдной, информации. Эти ограничения дизайна при нынешних технологиях невозможно исправить окончательно – их можно лишь частично купировать и держать во внимании при использовании.

Но стоит отметить и положительные эффекты диалогового ИИ. Ключевым из них является снижение политической напряженности – ИИ не склонен к радикализму, придерживаясь центризма и реформизма в своих политических убеждениях. ИИ-технологии в политике открывают простор для легитимации политического процесса в целом через включение в него ранее исключенных акторов. Теоретически можно увеличить репрезентативность демократической власти через агрегацию большого массива данных от избирателей даже в режиме реального времени – процесс, невозможный без использования современных технологий. Сегодня у технологий (например, социальных сетей) и так непропорционально большое влияние на политику – требуется его только правильно зафиксировать и переработать в более продуктивную форму дискурса. ИИ может стать если не основой, то

значительным компонентом большей цифровой политической инфраструктуры будущего.

Особенностью информационной сферы общества является тот факт, что это открытая экосистема, состоящая из свободных акторов, но условная свобода этой сферы не делает ее справедливой или безопасной по умолчанию, и это нужно учитывать как при построении государственной стратегии, так и построении прогнозов о будущем. Приватизация по американскому или национализация по китайскому образцу такого инструмента не играет роли – сама технология глубоко неэтична при анархическом использовании и опасна политически при авторитарном. Необходима такая государственная стратегия к влиянию ИИ на политику, которая признает это влияние как свершившийся факт. Это включает здравую оценку влияния ИИ на демократический дискурс, создание строгих стандартов к поведению частных компаний с этой технологией, а также создание технической и юридической инфраструктуры вокруг ИИ. Будущее невозможно предвидеть точно или остановить, но к его последствиям нужно быть готовым.

Литература

1. Persuading voters using human–artificial intelligence dialogues / H. Lin [et al.] // Nature. – 2025. – № 648. – P. 394–401.
2. Measuring Political Bias in Large Language Models: What Is Said and How It Is Said / Y. Bang [et al.] // Proceedings of the 62nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2024. – Vol.1. – P. 11 142–11 159.
3. Gover, L. Political bias in large language models / L. Gover // The Commons: Puget Sound Journal of Politics. – 2023. – Т. 4. – №. 1. – P. 11–22.

Опыт развития института молодежного парламентаризма в странах бывшего СССР

*Ницименко Е. С., асп. II к. БГУ,
науч. рук. проф. Круглова Г. А., д-р филос. наук, доц.*

Патриотическое воспитание подрастающего поколения – одна из основных задач любого государства. Подготовить достойных преемников, имеющих образование и навыки, любящих свою страну, готовых приложить максимум усилий для ее развития, а также приобщать к этому делу другую молодежь – вот к чему стремится государство и для этого использует все имеющиеся ресурсы и инструменты.

Одним из таких инструментов являются органы молодежного парламентаризма. Несмотря на то, что созданы они относительно недавно, однако уже неплохо себя зарекомендовали [1, с. 161].

В годы существования СССР молодежную политику курировал ВЛКСМ, который присутствовал и организовывал работу с молодежью на всех уровнях и в разных формах: начиная от культурно-массовых и заканчивая участием молодежи в политической жизни страны.

После распада СССР в 1991 г. во многих странах постсоветского пространства были созданы молодежные общественные организации, которые активно работали с молодежью, однако приобщение молодежи к политическому направлению оставалось не так охвачено.

С целью приобщения молодежи к политической и правовой жизни создается система молодежного парламентаризма.

Отправной точкой создания молодежных парламентов в России можно считать 1996 г., когда Российская Федерация стала членом Совета Европы, деятельность которого основывается на Европейской хартии об участии молодежи в жизни муниципальных и региональных образований.

В 2003 г. выходит письмо Министерства образования Российской Федерации «О развитии молодежного парламентаризма в субъектах Российской Федерации», которое фактически структурировало систему молодежных парламентов в стране.

Становление молодежного парламентаризма в России можно условно разделить на несколько этапов [2, с. 55–56]:

I этап (1996–2002 гг.): первые обсуждения и попытки создать молодежные объединения нового формата. В некоторых регионах России создаются молодежные парламенты, но похожи они, скорее, на молодежные советы организаций;

II этап (2002–2006 гг.): институализация парламентов и создание методических рекомендаций. Идет процесс создания молодежных парламентов в регионах и на федеральном уровне.

III этап (2006–2022 гг.): молодежные парламенты созданы и функционируют в 81 регионе России и 11 из них обладают законодательной инициативой.

IV этап (2022–н.в.): новые формы работы с молодежью, сотрудничество между регионами и молодежными парламентами на постсоветском пространстве, изучение опыта прошлых лет и анализ ошибок.

На просторах бывшего СССР сеть системы молодежных парламентаризмов активно развивается и имеет свою особенность.

В июле 2005 г. в Республике Казахстан был создан Молодежный парламент. Молодых людей активно обучают избирательным технологиям, как будущих кандидатов на выборные должности.

В Республике Армения с 2011 г. начал работу Молодежный парламент при Постоянной комиссии Национального собрания по вопросам науки, образования, молодежи и спорта, который состоит из 12 комиссий и 131 члена.

Перед выборами в 2006 г. был создан Молодежный парламент в Азербайджане. Л. С. Пастухова отмечает: «Во многом это были поддержка властью инициативы молодежи, желание властных структур не допустить опыта “оранжевых” революций в Киргизии, Украине и Грузии».

Республика Беларусь не остается в стороне и активно развивает систему Молодежного парламентаризма в стране. Молодежный парламент при Национальном собрании Республики Беларусь (далее – Молодежный парламент) начал свою работу 2 июля 2020 г. и являлся консультативно-совещательным органом, избирающимся на 2 года, осуществляющим свою деятельность на общественных началах.

Таким образом, можно отметить, что система молодежного парламентаризма является не просто новой формой работы с молодежью в странах бывшего СССР, а уже имеет определенный позитивный опыт и в будущем может стать именно той площадкой и структурой, которая сможет эффективно вовлекать молодежь в политическую жизнь в странах бывшего СССР.

Литература

1. Пастухова, Л. С. Международный опыт молодежного парламентаризма / Л. С. Пастухова // Промышленность: экономика, управление, технологии. – Саратов, 2010. – С. 158–161.

2. Гусарук, Т. Р. К вопросу о молодежных парламентах России и странах ближнего зарубежья. Проблемы и перспективы совместного развития / Т. Р. Гумарук // Развитие российского парламентаризма в условиях современности: традиции и вызовы: сб. ст. Междунар. молодеж. науч.-практ. конф., 28 апр. 2023 г., Санкт-Петербург. – СПб. : Издательство Скифия-принт, 2023. – С. 54–58.

Музейные экспонаты как источник реконструкции биографии

*Розмысл Е. В., магистрант II к. ГрГУ им. Я. Купалы,
науч. рук. проф. Ярмусик Э. С., д-р ист. наук, проф.*

Музеи выступают хранителями исторической памяти, сохраняя в своих коллекциях предметы прошлого, в том числе и личные архивы. Примером последнего выступают документы о жизнедеятельности Шевцова Валентина Ивановича (1944–1998 гг.) – общественного деятеля и первого директора учреждения образования «Средняя школа № 26 г. Гродно», которое с 2021 г. носит имя героя-пограничника А. Н. Сивачева (1918–1941 гг.).

Благодаря передачи В. И. Шевцовым лично с 1988 г. в школьный музей «Истории улиц г. Гродно», который был открыт по его инициативе, у нас есть возможность проследить жизненный путь данного человека. Среди таких

материалов следует назвать его личный портрет [1], дипломы об окончании среднего специального и высшего образования с отличием [2; 3], военный билет и учетно-послужная карточка, раскрывающие службу В. И. Шевцова в вооруженных силах СССР [4; 5]. Доказательством активной гражданской позиции героя выступает его депутатское удостоверение № 113 Гродненского областного совета депутатов за 1995 г. [6], удостоверение донора СССР [7], а также свидетельство о награждении нагрудным знаком «Отличник образования Республики Беларусь» [8].

Благодаря наличию данных вещей у нас есть возможность реконструировать биографию Шевцова В. И. Родился он 27 января 1944 г. в селе Папоротное Жлобинского района Гомельской области в белорусской семье: отца Рудаковского Николая Степановича и Ефросиньи Ефимовны. Окончил 10 классов местной школы, где во время учебы в 1957 г. вступил в ряды ВЛКСМ [4, с. 1; 5, с. 1–2]. В 1961 г. поступил в Одесский техникум измерений СНЖ Черноморского экономрайона, который окончил с отличием в 1964 г., получив специальность техник-метролог [2]. Желая продолжить образование, Валентин Иванович в 1969 г. поступил в Киевский ордена Ленина государственный университет имени Т. Г. Шевченко, который окончил также с отличием в 1975 г., получив специальность «Историк. Преподаватель истории и обществоведения» [3].

В промежутке между обучением будущий директор 26 школы г. Гродно 16 ноября 1964 г. призывной комиссией при Шевченковском районом военном комиссариате г. Киева был признан годным к строевой службе и пошел служить в ряды военно-морского флота, приняв военную присягу 30 января 1965 г. В течение 3 лет отслужился до звания матроса и на основании приказа министерства обороны СССР № 88 от 20 апреля 1968 г. был уволен в запас. В ходе службы Шевцов В. И. был награжден правительственными наградами: «20 лет победы над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и жетоном «Отличник ВМФ» [4, с. 1–6; 5, с. 1–4, 9].

Во время обучения в Киевском госуниверситете Валентин Иванович женился на Светлане Ивановне, которая взяла его фамилию, а в 1973 г. у супругов родилась дочь Марина. Спустя 2 года – сын Юрий. Проживали молодожены в д. Эрштермай Папаратнянского сельсовета Жлобинского района Гомельской области [4, с. 2].

С получением высшего образования семья В. И. Шевцова переехала в г. Гродно и поселилась на ул. О. Соломовой, 56. Дальнейший период жизни неизвестен. По данным удостоверения донора СССР мы видим, что с 1973 по 1980 гг. наш герой сдавал свою кровь на нужды населения и в этот период переехал жить на улицу Л. Чайкиной, 18 [7].

В это время с ростом населения Гродно начался процесс строительства новых учреждений образования. 1 сентября 1986 г. распахнула свои двери

средняя школа 26 г. Гродно, руководителем которой был назначен В. И. Шевцов, который курировал ее деятельность вплоть до своей кончины летом 1998 г. По воспоминаниям коллег, Валентин Иванович показал себя образцовым руководителем, который вложил душу в школу. Одновременно он защищал интересы своих коллег в Гродненском областном совете депутатов [6]. За свой вклад в развитие отечественного образования был удостоен 17 февраля 1997 г. нагрудного знака «Отличник образования Республики Беларусь» [8].

Таким образом, внедрение в научный оборот экспонатов музейных коллекций учреждений образования дает возможность не только реконструировать биографии знаковых и малоизвестных фигур отечественной истории, но и в целом отразить отдельные страницы прошлого родного края.

Литература

1. Портрет первого директора СШ № 26 Шевцова В. И. // Фонд музея «История улиц г. Гродно» Средней школы № 26 имени А. Н. Сивачева г. Гродно (далее – Фонд музея СШ № 26 г. Гродно).
2. Диплом о получении среднего специального образования с отличием Шевцова В. И. // Фонд музея СШ № 26 г. Гродно.
3. Диплом о получении высшего образования с отличием Шевцова В. И. // Фонд музея СШ № 26 г. Гродно.
4. Военный билет Шевцова В. И. // Фонд музея СШ № 26 г. Гродно.
5. Учетно-послужная карточка Шевцова В. И. // Фонд музея СШ № 26 г. Гродно.
6. Депутатское удостоверение № 113 Гродненского областного совета депутатов Шевцова В. И. // Фонд музея СШ № 26 г. Гродно.
7. Удостоверение донора СССР Шевцова В. И. // Фонд музея СШ № 26 г. Гродно.
8. Свидетельство о награждении нагрудным значком «Отличник образования Республики Беларусь» Шевцова В. И. // Фонд музея СШ № 26 г. Гродно.

Развитие германо-китайских отношений в период канцлерства Олафа Шольца (2021–2025)

*Сапоненко А. А., Смальцер В. С., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Миксюк А. С., канд. ист. наук, доц.*

Приход к власти в Германии в конце 2021 г. «светофорной» коалиции в составе Социал-демократической партии Германии (СДПГ), «Союза 90/Зеленые» и Свободной демократической партии (СвДП) ознаменовал новый этап в развитии политических отношений с Китайской Народной Республикой. Внешнеполитический курс нового правительства во главе с О. Шольцем

формировался в условиях геополитической турбулентности и нарастающего давления со стороны Европейского союза [1, с. 55].

Ключевым документом, определившим рамки политического взаимодействия ФРГ и КНР при О. Шольце, стала опубликованная в июле 2023 г. первая в истории ФРГ «Стратегия правительства Федеративной Республики Германия в отношении Китая». Ее принятие было обусловлено как экономическими предпосылками, так и политическими факторами, включая необходимость достижения консенсуса внутри правящей коалиции и реакцию на изменения геополитической обстановки [2, с. 104]. Документ закрепил предложенную ЕС триаду, определяющую КНР одновременно как «партнера, конкурента и системного противника» [3].

Такой подход отразил внутренние противоречия коалиции: если «зеленые» настаивали на верховенстве ценностного подхода и усилении конфронтации, то социал-демократы и либерал-демократы выступали за сохранение взаимовыгодной хозяйственной кооперации. Стратегия стала результатом компромисса, сохранив идеологическую окраску каждого из партнеров по коалиции [4, с. 12]. Важно, что документ был разработан в русле общеевропейского курса на «снижение рисков» (de-risking), провозглашенного председателем Еврокомиссии Урсолой фон дер Ляйен в феврале 2023 года [1, с. 67].

Политический диалог ФРГ и КНР на высшем уровне в период канцлерства О. Шольца характеризовался сохранением интенсивности. В ноябре 2022 г. канцлер совершил свой первый визит в КНР, став также первым европейским политиком, посетившим Китай после снятия пандемийных ограничений [4, с. 11]. В ходе обсуждения ключевых аспектов двусторонних отношений О. Шольц принял к сведению пожелания китайской стороны, однако его риторика отличалась большей сдержанностью по сравнению с предшественниками: канцлер делал акцент на необходимости более равных и справедливых условий партнерства [1, с. 66].

Следующий знаковый визит состоялся 13–16 апреля 2024 г. и стал самым продолжительным среди зарубежных поездок канцлера. За это время О. Шольц провел переговоры с Си Цзиньпином и премьером Госсовета Ли Цяном, а также принял участие в круглом столе по вопросам охраны окружающей среды и ознакомился с центром разработок топливных элементов компании Bosch, что подчеркивало значение технической и экономической кооперации [4, с. 4]. Также в этот период проходило активное институциональное взаимодействие: в июне 2023 г. прошли седьмые межправительственные консультации. Не прекращались и встречи на полях крупнейших международных форумов, включая встречу О. Шольца и Си Цзиньпина в сентябре 2024 г. на саммите G20 [5, с. 106].

В данный период заметно усилилось влияние Европейского союза на германо-китайские отношения. Период с 2023 г. характеризуется окончательным

переходом Германии к солидаризации с общеевропейской позицией. Это проявилось, в частности, в поддержке Берлином общеевропейских защитных механизмов, включая Инструмент против экономического принуждения (АСИ) и Инструмент по международным государственным закупкам (ИР), а также в участии Германии в разработке перечня технологий, экспорт которых в Китай был ограничен [1, с. 68].

Таким образом, германо-китайские отношения в период канцлерства О. Шольца имели двойственный характер, сочетая стремление правительства сохранить взаимовыгодное сотрудничество в области экономики (что подтверждали визиты на высшем уровне) и внедрение ограничительных мер под влиянием общей линии ЕС.

Литература

1. Мельникова, Ю. Ю. «Европеизация» китайского направления внешней политики ФРГ в начале 2020-х гг.: национальные интересы и наднациональные ограничения / Ю. Ю. Мельникова // Сравнительная политика. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 50–75.

2. Ковяко, И. И. Стратегия ФРГ в отношении КНР 2023 г.: предпосылки и прогнозы / И. И. Ковяко, С. Бай // Беларусь в современном мире : материалы XXIII Международ. науч. конф., посвящ. 103-й годовщине образования Белорус. Гос. ун-та, Минск, 24 октября 2024 г. – Мн. : Белорусский государственный университет, 2025. – С. 104–108.

3. Nationale Sicherheitsstrategie // Die Bundesregierung. – URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/index.html> (Zugriffsdatum: 20.03.2026).

4. Белов, В. Б. Основные итоги апрельского визита канцлера ФРГ О. Шольца в Китай / В. Б. Белов // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2024. – № 2(38). – С. 11–17.

5. Лю, Ч. КНР и ФРГ в системе современных международных отношений: политические и экономические отношения / Ч. Лю // Конфликтология / Nota Bene. – 2025. – № 3. – С. 101–114.

Туристические обмены Китая и стран Центральной и Восточной Европы в рамках инициативы «Один пояс – один путь»

*Сун Юнбин, асп. БГУ,
науч. рук. Демидович Е. В., канд. ист. наук, доц.*

С момента выдвижения инициативы «Один пояс – один путь» туристические обмены постепенно стали одной из наиболее доступных и социально значимых форм гуманитарного взаимодействия Китая со странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). По сравнению с инвестиционным

и инфраструктурным сотрудничеством туристическая сфера отличается более низкой политической чувствительностью. Вместе с тем ее значение не сводится лишь к росту поездок и потребления. Туристические обмены создают условия для расширения общественных контактов, формирования взаимного восприятия и укрепления социальной базы сотрудничества. Тем самым эта форма гуманитарного взаимодействия выступает важной частью сотрудничества Китая со странами ЦВЕ.

На туристическом рынке страны ЦВЕ становятся все более заметным направлением во въездном туризме Китая. В Ежегодном докладе о развитии въездного туризма в Китае за 2024 г. отмечается, что Венгрия, Болгария и Польша уже относятся к числу новых рынков с заметным потенциалом роста [1]. Это свидетельствует не только об изменении структуры въездного туризма, но и о том, что страны ЦВЕ начинают занимать более значимое место в системе внешних туристических связей Китая.

Дополнительные условия для раскрытия этого потенциала создали введенные Китаем меры по упрощению поездок. Согласно действующим разъяснениям Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики, Китай распространил односторонний безвизовый режим на ряд стран ЦВЕ и упростил порядок краткосрочного въезда [2]. Это способствовало активизации поездок и сделало гуманитарные контакты более регулярными и устойчивыми. Одним из проявлений этой тенденции стала туристическая презентация «Здравствуй, Китай!», прошедшая в Чехии в сентябре 2025 г. и приуроченная к первой годовщине открытия прямого рейса Прага – Пекин [3]. Это подтверждает практический характер такого взаимодействия.

Вместе с тем условия развития туристических обменов внутри региона ЦВЕ остаются неодинаковыми. Страны ЦВЕ заметно различаются по своему статусу в рамках Европейского союза, принадлежности к Шенгенской зоне, валютной системе, а также по особенностям политики в отношении Китая. По этой причине продвижение туристического сотрудничества вряд ли может осуществляться по полностью унифицированной модели. Кроме того, нынешние меры по упрощению поездок в основном исходят от китайской стороны, тогда как поездки граждан КНР в отдельные страны ЦВЕ по-прежнему зависят от действующих европейских визовых правил и связанных с ними ограничений. Это означает, что, несмотря на высокую гуманитарную значимость туристических обменов, их дальнейшее развитие будет во многом определяться как внутренней неоднородностью стран ЦВЕ, так и внешней институциональной средой.

В целом в рамках инициативы «Один пояс – один путь» туристические обмены Китая и стран ЦВЕ уже выходят за пределы простого перемещения людей и играют заметную роль в формировании взаимного образа стран,

укреплении устойчивого взаимного восприятия на общественном уровне и расширении социальных контактов. Перспективы их дальнейшего углубления будут зависеть не только от сохранения и совершенствования мер по упрощению поездок, но и от способности Китая и стран ЦВЕ учитывать внутреннюю неоднородность региона ЦВЕ и выстраивать более адресный формат туристического взаимодействия.

Литература

1. 《中国入境旅游发展年度报告2024》在京发布 = В Пекине представлен Ежегодный доклад о развитии въездного туризма в Китае за 2024 г. // 中国旅游研究院 (文化和旅游部数据中心) = Китайская туристическая академия (Центр данных Министерства культуры и туризма Китайской Народной Республики). – 27 марта 2025. – URL: <https://www.ctaweb.org.cn/xsjl/10020.html> (дата обращения: 10.04.2026).

2. 单方面免签政策常见问题解答 = Разъяснения по вопросам односторонней безвизовой политики // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – URL: https://www.mfa.gov.cn/wjzbwfwpt/kzx/tzgg/202511/t20251110_11749824.html (дата обращения: 10.04.2026).

3. 2025年“你好！中国”旅游推介会暨海南航空布拉格—北京航线通航一周年庆典在捷成功举行 = В Чехии успешно прошла туристическая презентация «Здравствуй, Китай!» и мероприятие по случаю первой годовщины открытия рейса Прага – Пекин авиакомпании «Хайнаньские авиалинии» // 中国驻捷克大使馆 = Посольство Китайской Народной Республики в Чешской Республике. – 04 сентября 2025. – URL: https://cz.china-embassy.gov.cn/zxdt/202509/t20250904_11702610.htm (дата обращения: 10.04.2026).

Энергетическая безопасность в Африке: историческое наследие, колониальная эксплуатация и структурные проблемы

*Ташчы Ф., асп. БГУ,
науч. рук. Ярмошук К. И., канд. полит. наук, доц.*

Несмотря на обладание богатыми энергетическими ресурсами, Африка сталкивается с историческими и структурными препятствиями на пути эффективного использования этих ресурсов для собственного развития. Континент располагает приблизительно 7 % мировых запасов нефти и 8 % запасов природного газа [1], а также считается одним из самых перспективных регионов мира с точки зрения потенциала возобновляемой энергетики. В африканском контексте энергетическая безопасность означает не только бесперебойность поставок, но и справедливый, устойчивый и стабильный доступ к энергии.

Для понимания проблемы энергетической безопасности в Африке необходимо обратиться к колониальному прошлому. Интерес европейцев к Африке начался в XV в. с захвата португальцами марокканских портов, за которыми последовали испанцы, англичане, французы и голландцы. На Берлинской конференции 1884–1885 гг. европейские государства официально разделили континент, и этот процесс вошел в историю как «борьба за Африку» (Scramble for Africa) [2]. Франция колонизировала Западную, Северную и Центральную Африку; Великобритания – большую часть Западной, Восточной, Центральной и Южной Африки; Португалия – Анголу и Мозамбик; Бельгия – Конго. В течение колониального периода сырьевые и энергетические ресурсы Африки интенсивно эксплуатировались, но при этом не осуществлялось никаких инвестиций в развитие континента. Получившие независимость после Второй мировой войны африканские государства из-за финансовых трудностей не смогли осуществить достаточные инвестиции в энергетический сектор и по сей день нуждаются в иностранных инвесторах. Африка занимает стратегическое положение в глобальном энергоснабжении. Крупнейший производитель нефти в Африке к югу от Сахары – Нигерия – обладает среднесуточной производственной мощностью в 1,2 млн баррелей. Ангола, Алжир, Ливия и Нигер также входят в число значимых производителей нефти [2]. В области природного газа Нигерия, Алжир и Мозамбик стали стратегическими поставщиками сжиженного природного газа на европейские и азиатские рынки. Согласно оценкам Международного энергетического агентства, при оптимистичном сценарии экспорт природного газа из Северной Африки в Европейский союз может достичь 200 млрд кубометров к 2030 г. [2]. В настоящее время в энергетическом секторе Африки конкурируют такие великие державы, как Китай, Россия, США и Франция. Китай благодаря «ресурсной дипломатии» и кредитной модели финансирования инфраструктурных проектов стал наиболее влиятельным внешним актором. США посредством инициативы «Power Africa» стремятся расширить доступ к энергетике и укрепить стратегическое партнерство [1]. Франция же сохраняет влияние в своих бывших колониях, особенно в области поставок урана и реализации проектов в сфере природного газа. Иностранные инвесторы, как правило, вывозят добытую нефть в переработанном виде из страны и продают ее обратно тем же странам, не внося достаточного вклада в развитие местной промышленности. Хотя правительства африканских стран выдвигают требования о переработке нефти внутри континента, инвесторы избегают делать шаги в этом направлении из-за высоких затрат. Сегодня на континенте 600 млн из более чем 1,2 млрд человек не имеют доступа к электричеству [2]. В странах Африки к югу от Сахары уровень доступа к электричеству составляет 48 %, а в сельских районах этот показатель падает ниже 20 % [3]. Энергетическая бедность, затрагивая сферы

здравоохранения, образования и производства, становится одним из главных препятствий на пути развития. Неравенство в доступе к энергии порождает проблему «двойных стандартов»: в таких богатых нефтью странах, как Нигерия или Ангола, значительная часть населения живет без электричества, в то время как большая часть производимой энергии экспортируется. Эта ситуация иллюстрирует феномен «ресурсного проклятия», когда природное богатство в сочетании с коррупцией и слабостью институтов становится препятствием для развития [2].

В заключение следует отметить, что энергетическая безопасность в Африке – это не просто техническая проблема обеспечения поставок, а сложный комплекс проблем, включающий наследие колониальной эксплуатации, политическую нестабильность, ресурсный национализм и конкуренцию великих держав. Континент, с одной стороны, занимает стратегическое положение на мировом энергетическом рынке, но с другой стороны, не способен удовлетворить собственные энергетические потребности. Для того, чтобы энергетическое богатство Африки служило благосостоянию народов континента, необходимо прозрачное управление энергетическими доходами, укрепление региональной интеграции и реализация потенциала возобновляемой энергетики в рамках принципов справедливого перехода.

Литература

1. Мастепанов, А. М. Энергетическая бедность в Африке: структурные вызовы и пути преодоления / А. М. Мастепанов // Энергетическая политика. – 2024. – № 5. – С. 32–44.
2. Yılmaz, K. Afrika'nın Enerji Dönüşümü: Fırsatlar ve Engeller / K. Yılmaz // Uluslararası Ekonomi ve Siyaset Dergisi. – 2025. – № 12. – С. 67–82.
3. Kaya, S. Çin'in Afrika Açılımı: Kaynak Diplomasisi ve Altyapı Yatırımları / S. Kaya // Uluslararası Afro-Avrasya Araştırmaları Dergisi. – 2021. – № 12. – С. 45–60.

Методология исследования белорусской и зарубежной историографии о событиях Отечественной войны 1812 г. на белорусских землях

*Урбанович А. Е., асп. ГрГУ им. Я. Купалы,
науч. рук. проф. Нечухрин А. Н., д-р ист. наук, проф.*

Отечественная война 1812 г. на белорусских землях остается одним из наиболее сложных и многослойных сюжетов в историографии Восточной Европы. Пограничное положение региона, полиэтничный состав населения, трагический опыт разорения и одновременное существование разных политических лояльностей (от поддержки Наполеона польско-литовской шляхтой до сопротивления

белорусского крестьянства) породили спектр интерпретаций, которые в национальных историографических традициях – белорусской, российской, польской, французской, англо-американской – часто вступают в противоречие друг с другом. В этой связи ключевой научной проблемой становится не столько реконструкция событий, сколько выявление того, как и почему одни и те же эпизоды (переправа через Неман и Березину, действия партизан, политический выбор шляхты) получают в разных национальных нарративах полярные оценки. Цель данной статьи – представить методологическую стратегию, позволяющую выявить общее, особенное и уникальное в этих интерпретациях, избегая как эмпирической перегруженности, так и упрощенного компаративизма.

Традиционное описание по принципу «один автор за другим» ведет к эмпирической перегруженности и не позволяет выявить закономерности развития науки [1, с. 12]. Поэтому базовой рамкой избран сравнительный историографический анализ – системный подход, направленный на выявление сходств и различий в интерпретациях, концепциях и социальных функциях знания в разных национальных традициях. Как отмечал М. Барг, сравнение позволяет раскрыть внутреннюю логику явлений, увидеть «немые зоны» каждой традиции, проследить их противоречия и взгляды [2, с. 86].

Достижение максимальной эвристической эффективности в рамках сравнительного анализа напрямую детерминировано синтезом трех базовых методологических стратегий: компаративной, отвечающей за выработку критериев и процедур контролируемого сопоставления; проблемно-тематической, обеспечивающей логически непротиворечивую структурализацию гетерогенного материала; и контекстуальной, фокусирующейся на экспликации интеллектуального, политического и социокультурного контекстов, в которых формировались и трансформировались историографические нарративы.

Компаративный подход, восходящий к идеям М. Блока о контролируемом сравнении как аналоге эксперимента, является системообразующим [3, с. 47]. В исследовании применяются уровни компарации: макросравнение (белорусская, российская, польская, французская, англо-американская традиции); мезосравнение (внутринациональные различия, например, официальная советская и национально-ориентированная историография в БССР); микросравнение (интерпретация переправы через Березину, действий партизан); транснациональный уровень (взаимовлияние через переводы, полемику). Сравнение ведется по различиям в оптических системах, источниковой базе и нарративных стратегиях, что позволяет рассматривать каждую традицию как самостоятельную когнитивную систему [4, с. 203].

Проблемно-тематический подход, восходящий к работе А. Зевелева «Историографическое исследование: методологические аспекты», структурирует материал по сквозным проблемным блокам [5, с. 58]. Выделяются: интерпретация характера войны (российская «отечественная», польская «война

за независимость», французская «кампания»); роль белорусских земель (от «периферии» до «эпицентра»); оценка позиции социальных групп (шляхта, крестьяне) – здесь видны лакуны: польская традиция долго латентно относилась к крестьянскому фактору, а советская гипертрофировала народное сопротивление; репрезентация ключевых операций; эволюция памяти о войне. Применение проблемно-тематического метода позволяет преодолеть «национальную замкнутость» и выявить точки напряжения [6, с. 112].

Контекстуальный подход, обоснованный К. Скиннером, выступает условием корректности сравнения [7, с. 78]. Он применяется в трех аспектах. Социально-политический контекст: анализ влияния политики памяти, цензуры. Как отмечает В. Земцов, подавление восстания 1830–1831 гг. актуализировало наполеоновский эпос в Польше [8, с. 145]. Институциональный контекст: развитие университетов, архивов. Отсутствие университета в белорусских губерниях обуславливало развитие историографии в русле общероссийской традиции, тогда как виленский центр играл особую роль. Интеллектуальный контекст: смена парадигм от позитивизма к новой военной истории [9, с. 67].

Практическая операционализация синтеза трех методологических подходов реализуется в рамках трехэтапной исследовательской стратегии, предполагающей смену доминант на каждом из этапов. Исходный этап – историографическая рекогносцировка – осуществляется под эгидой контекстуального подхода, что позволяет реконструировать интеллектуальные, политические и институциональные рамки функционирования национальных историографических традиций. Второй, аналитический, этап выдвигает на первый план проблемно-тематический подход, обеспечивающий систематизацию гетерогенного материала по сквозным сюжетным блокам. Завершающий, сравнительно-типологический этап, закрепляет за компаративным подходом роль основного инструментария, направленного на выявление сходств, различий и закономерностей в сопоставляемых традициях.

Такая конструкция позволяет представить историографию войны 1812 г. как самостоятельное направление, а не провинциальный вариант. Объект исследования – война на белорусских землях в силу своей пограничной природы – объективно требует синтетического инструментария. Предложенная методологическая рамка позволяет не просто описать совокупность фактов, а выявить закономерности развития научного знания в контексте взаимодействия национальных историографических традиций.

Литература

1. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2011. – 560 с.
2. Барг, М. А. Категории и методы исторической науки / М. А. Барг. – М. : Наука, 1984. – 342 с.

3. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок ; пер. с фр. Е. М. Лысенко. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
4. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд ; пер. с англ. Ю. А. Асеева. – М. : Наука, 1980. – 485 с.
5. Зевелев, А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты / А. И. Зевелев. – М. : Высшая школа, 1987. – 160 с.
6. Тош, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Дж. Тош ; пер. с англ. Н. А. Гараджи. – М. : Весь Мир, 2000. – 296 с.
7. Скиннер, К. Смысл и понимание в истории интеллектуальной мысли / К. Скиннер // История понятий, история дискурса, история ментальностей. – М. : НЛЮ, 2010. – С. 67–89.
8. Земцов, В. Н. Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации / В. Н. Земцов // Отечественная история. – 2002. – № 1. – С. 144–152.
9. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М. : Индрик, 1993. – 328 с.

Основные направления развития военно-технического сотрудничества США и Японии в 2026 г.

*Чикин А. М., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Свилас С. Ф., д-р ист. наук, проф.*

Текущая мировая обстановка характеризуется крайней степенью геополитической напряженности. Индо-Тихоокеанский регион представляет собой яркий пример одного из основных источников глобальной нестабильности ввиду разногласий между великими державами по ряду вопросов, а также столкновения их национальных интересов. Безусловно, главной причиной дестабилизации ситуации в регионе является военно-политический союз США и Японии.

Начало 2026 г. ознаменовало новый этап в развитии и модернизации американо-японского военно-технического партнерства. Было представлено два ключевых проекта: американская инициатива по созданию глобальной системы противоракетной обороны (ПРО) «Золотой купол» и развертывание в Японии новейших американских ракетных систем «Тайфун». Данные шаги являются одним из многочисленных факторов деградации сложившейся архитектуры безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Проект «Золотой купол» был инициирован указом президента США Дональда Трампа от 27 января 2025 г. Его цель – создание всеобъемлющей системы защиты территории США от передовых ракетных угроз, включая баллистические и гиперзвуковые ракеты. Архитектура системы предполагает интеграцию наземных перехватчиков, передовых радаров и обширной

космической группировки, состоящей из спутников обнаружения и, возможно, орбитальных средств перехвата [1].

В марте 2026 г. Япония официально выразила намерение присоединиться к программе «Золотой купол». Премьер-министр Японии Санаэ Такаити в ходе встречи с президентом Трампом в Вашингтоне 19 марта объявила о стремлении Токио к сотрудничеству в этой сфере [2]. Подчеркнем, что Япония обладает передовым аэрокосмическим и оборонным промышленным потенциалом, что делает ее ценным технологическим партнером [3].

Параллельно с углубленной интеграцией в области стратегической ПРО альянс наращивает оперативные возможности непосредственно вблизи своих основных соперников – КНР и КНДР. В сентябре 2025 г. в ходе совместных учений «Resolute Dragon 25» на японской территории впервые была развернута новейшая американская ракетная система средней дальности «Тайфун». Размещенная на авиабазе Корпуса морской пехоты Ивакуни, эта высокоомобильная система способна нести как зенитные ракеты «Standard Missile-6», так и крылатые ракеты «Tomahawk», дальность которых достигает 1600 км [4].

Развертывание «Тайфуна» вызвало резкую реакцию со стороны Китая, который потребовал немедленного вывода системы, расценив ее присутствие как серьезную угрозу региональной безопасности и фактор, подрывающий стратегическую стабильность. Тем не менее Токио и Вашингтон подчеркивают, что эти меры носят сугубо оборонительный характер и направлены на защиту отдаленных островов и обеспечение безопасности морских коммуникаций [4].

Таким образом, проекты «Золотой купол» и «Тайфун» являются яркими примерами того, как США и Япония, адаптируя свой военный альянс к реалиям XXI в., усиливают региональную напряженность. Речь идет уже не просто о размещении американских баз, а о совместном создании оборонных технологий и глубокой интеграции систем боевого управления. Эти процессы фундаментально меняют баланс сил и усугубляют гонку вооружений.

Исследование состояния и перспектив американо-японского военно-технологического партнерства в 2026 г. позволяет оценить потенциальные риски и угрозы безопасности и суверенитету – ключевым акторам мировой политики в ИТР, а также спрогнозировать развитие военно-политической обстановки.

Литература

1. Pentagon's Flagship Golden Dome Missile Defense Program Spinning its Wheels. – National Defense Magazine. – URL: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2026/4/10/pentagons-flagship-golden-dome-missile-defense-program-spinning-its-wheels> (date of access: 10.04.2026).

2. Japan PM eyes cooperation on U.S. missile defense at summit with Trump]. – Kyodo News. – URL: <https://english.kyodonews.net/articles/-/72475> (date of access: 10.04.2026).

3. Japan Wants to Join America's Golden Dome . – The National Interest. – URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/japan-wants-to-join-americas-golden-dome-hk-031826> (date of access: 10.04.2026).

4. US and Japan Deploy Typhon and NMESIS in Resolute Dragon 2025 Drills Drawing China's Objections. – Siem Reap Times. – URL: <https://siemreaptimes.com/xnbrne-us-and-japan-deploy-typhon-and-nmesis-in-resolute-dragon-2025-drills-drawing-china-s-objections> (date of access: 11.04.2026).

Деятельность ООН по противодействию транснациональной организованной преступности

*Щербачевич С. Д., Лазовская О. С., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Ярмошук К. И., канд. полит. наук, доц.*

Транснациональная организованная преступность является одной из ключевых угроз международной безопасности, подрывающей верховенство права и препятствующей устойчивому развитию. Фундаментальным международно-правовым инструментом в данной области выступает Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (UNTOC), принятая 15 ноября 2000 г. в Палермо, и протоколы к ней. Статья 2 Конвенции определяет организованную преступную группу как структурно оформленное объединение трех и более лиц, существующих в течение определенного периода времени и действующих согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений для получения, прямо или косвенно, финансовой или иной материальной выгоды. Правовой акт обязывает государства-участники признать уголовно наказуемыми такие деяния, как участие в организованной группе, отмывание доходов от преступлений, коррупция и воспрепятствование правосудию [1].

Центральным координирующим органом в системе ООН является Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), созданное в 1997 г. Управление осуществляет нормативную деятельность, анализирует ситуацию на криминальных рынках и реализует проекты технической поддержки [2]. Формирование международной политики в сфере юстиции возложено на Комиссию по предупреждению преступности и уголовному правосудию (КППУП ООН) [3]. Проводимые раз в пять лет Конгрессы ООН по преступности обеспечивают платформу для выработки глобальных стандартов и оценки новых криминальных вызовов [4].

Для обеспечения эффективной имплементации международных норм в 2020 г. официально запущен Механизм обзора хода осуществления Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней. Этот межправительственный процесс позволяет выявлять трудности, с которыми сталкиваются государства, и определять потребности в технической помощи. Обзоры проводятся поэтапно и охватывают тематические блоки статей, включая вопросы криминализации, правоохранительной деятельности и международного сотрудничества [5].

Стратегия УНП ООН на 2021–2025 гг. предусматривала интеграцию усилий по противодействию новым угрозам, включая киберпреступность и экологические преступления [6]. В декабре 2024 г. Генеральной Ассамблеей была принята Конвенция ООН против киберпреступности. Данный договор устанавливает стандарты сбора электронных доказательств и криминализует правонарушения, связанные с онлайн-мошенничеством и эксплуатацией детей в цифровой среде [7].

Таким образом, системная деятельность ООН формирует прочную основу для противодействия международным вызовам через внедрение универсальных правовых стандартов и функционирование специализированных механизмов мониторинга их реализации.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных наций против транснациональной организованной преступности и протоколы к ней // Организация Объединенных наций Управление по наркотикам и преступности. – URL: <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCebook-r.pdf> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Об УНП ООН // Организация Объединенных наций Управление по наркотикам и преступности. – URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/about-unodc/index.html> (дата обращения: 10.04.2026).
3. Commission on Crime Prevention and Criminal Justice // United Nations Office on Drugs and Crime. – URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/commissions/CCPCJ/index.html> (date of access: 10.04.2026).
4. Конгрессы Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию 1955–2020 годы Достижения за 65 лет // United Nations Office on Drugs and Crime. – URL: https://www.unodc.org/documents/congress/About/information/65-years-brochure_ru.pdf (дата обращения: 10.04.2026).
5. Механизм обзора хода осуществления Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней ПОДБОРКА ОСНОВНЫХ ДОКУМЕНТОВ // UNODC Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. – URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/reviewmechanism/21-08999_UNTOC_Rev_Mech_e_book.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

6. Стратегия УНП ООН на 2021-2025 годы // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). – URL: https://www.unodc.org/res/strategy/full-strategy_html/full-strategy_RU.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

7. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности открывается для подписания сегодня в Ханое, Вьетнам // United Nations Office on Drugs and Crime. – 25.10.2025. – URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/press/releases/2025/October/un-convention-against-cybercrime-opens-for-signature-in-hanoi--viet-nam.html> (дата обращения: 10.04.2026).

РАЗДЕЛ 2

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовое регулирование валютной интеграции в Евразийском экономическом союзе

*Аланини Т. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Стельмах Е. В., канд. юр. наук, доц.*

Евразийский экономический союз, созданный в 2015 г., представляет собой одну из наиболее успешных моделей региональной экономической интеграции на постсоветском пространстве. В условиях глобализации и геополитических вызовов валютная интеграция приобретает особую актуальность как инструмент обеспечения экономической стабильности, снижения зависимости от иностранных валют и укрепления взаимной торговли.

Правовую базу валютной интеграции составляет Раздел XIV Договора о Евразийском экономическом союзе (статья 64 и последующие) и Приложение № 15 к Договору – «Протокол о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики» (далее – Протокол). Согласно статье 64 Договора государства-члены проводят согласованную валютную политику, направленную на обеспечение конвертируемости национальных валют, создание условий для их использования во взаимных расчетах и формирование интегрированного валютного рынка.

Протокол определяет координацию курсовой политики, обеспечение конвертируемости национальных валют по текущим и капитальным статьям платежного баланса, создание условий для прямых взаимных котировок, проведение взаимных расчетов в национальных валютах, формирование интегрированного валютного рынка, а также допуск банков-резидентов других государств-членов на внутренние валютные рынки на условиях национального режима [2].

Отдельный блок мер (статья 4 Протокола) касается либерализации валютного законодательства: постепенное устранение валютных ограничений, гармонизация требований к репатриации средств, учету и контролю валютных операций, а также норм ответственности. Государства-члены сохраняют национальный суверенитет в валютной сфере, однако обязуются проводить согласованные подходы и обмениваться информацией через уполномоченные органы валютного контроля (статья 5 Протокола) [5].

Валютное регулирование в государствах – членах ЕАЭС осуществляется на основе национальных законов: в Республике Беларусь – Закон № 226-З «О валютном регулировании и валютном контроле»; в Российской

Федерации – Федеральный закон № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»; в Республике Казахстан, Республике Армения и Кыргызской Республике – соответствующие национальные акты.

ЕЭК через Рабочую группу анализирует национальное законодательство и готовит предложения по гармонизации. В 2024–2025 гг. наблюдались усиление репатриации валютной выручки в Беларуси и России, либерализация операций для резидентов ЕАЭС, развитие регулирования цифровых валют. Несмотря на различия в режимах (либеральный в Армении и Кыргызстане, строгий в России и Беларуси), общая тенденция – дедолларизация и упрощение взаимных расчетов [3].

Одним из главных достижений стало существенное увеличение доли национальных валют во взаимных расчетах. По данным ЕЭК, с 2016 г. она устойчиво превышает 73 %, а в последние годы приближается к 90–93 % (включая преобладающую долю российского рубля). ЕЭК активно работает над упрощением открытия счетов резидентами других государств-членов, гармонизацией норм ответственности и развитием информационного обмена между органами валютного контроля. Внедряются механизмы прямых котировок национальных валют и расширение использования их в биржевых торгах [4].

Основные проблемы включают сохранение различий в национальном законодательстве и понятийном аппарате; валютные ограничения, сохраняющиеся в отдельных государствах (репатриация, резервирование, обязательная продажа валюты); отсутствие полноценного интегрированного валютного рынка и единого органа, аналогичного Европейскому центральному банку; внешние вызовы (санкции, волатильность курсов) [5].

Правовое регулирование валютной интеграции в ЕАЭС сочетает национальный суверенитет с согласованной политикой и постепенной гармонизацией. Договор о ЕАЭС и Приложение № 15 создали основу для либерализации валютных операций и повышения роли национальных валют, о чем свидетельствует рост взаиморасчетов в них. Дальнейшее развитие требует гармонизации законодательства, цифровизации контроля и баланса интересов для выхода на новый уровень валютной интеграции.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. : в ред. от 25 мая 2023 г. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/222/bifmr5rkj91orf6wc3yg26olge6h0wej/Dogovor.pdf> (дата обращения: 09.04.2026).

2. Приложение № 15 к Договору о ЕАЭС. Протокол о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики. – URL: <https://sudact.ru/law/dogovor-o-evraziiskom-ekonomicheskom-soiuze-podpisan-v/prilozhenie-n-15/> (дата обращения: 09.04.2026).

3. Евразийская экономическая комиссия. Раздел «Валютное регулирование». – URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dofp/valuta/> (дата обращения: 09.04.2026).

4. Обзор тенденций изменения валютного законодательства государств – членов Евразийского экономического союза за 2024 год / Евразийская экономическая комиссия ; Рабочая группа по валютному регулированию и валютному контролю на территории ЕАЭС. – М. : ЕЭК, 2025. – 27 с. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/3ce/acadmbkk95wsdezze4nuylbmlwg1x6r7/Obzor.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

5. Лагкуева, И. В. Перспективы развития валютного регулирования стран – членов ЕАЭС / И. В. Лагкуева // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 78–89.

Международно-правовое обеспечение кибербезопасности: современные тенденции и перспективы развития

*Албабаева Р. И., Мороз И. Ю., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Андриенко В. М.*

По данным российской компании, специализирующейся на разработке решений в сфере кибербезопасности, Positive Technologies, количество кибератак в 2025 г. увеличилось по сравнению с предыдущим годом. В течение первого полугодия группировки «хактивистов» проводили многократные масштабные DDoS-атаки, жертвами которых стали госучреждения, аэропорты, банки и другие организации в Швейцарии, Франции, Италии, Румынии и Германии и др. Основными целями таких атак являются нарушение нормальной деятельности того или иного учреждения (68 % атак) и причинение ущерба интересам государства (29 %) [1]. Отмечается, что на сегодняшний день киберпространство зачастую используется негосударственными субъектами для выражения своей политической позиции [1], что ввиду своих значительных последствий актуализирует вопрос развития международно-правового обеспечения кибербезопасности.

Долгое время основным документом в данной области выступало Таллинское руководство, которое стало первой попыткой систематизировать правила поведения в киберпространстве и предложило адаптировать нормы права на применение силы и права вооруженных конфликтов к кибероперациям [2]. Таллинское руководство предполагает применение международного права к цифровому сегменту так же, как и к физической среде [2]: если кибератака приводит к разрушению физических объектов или гибели людей, она должна квалифицироваться как «применение силы» в контексте ст. 2(4) Устава ООН (Правило 11) [3]. Однако этот подход имеет существенные

недостатки. Во-первых, руководство сосредоточено преимущественно на праве вооруженных конфликтов, в то время как большинство современных киберинцидентов формально происходят в мирное время. Во-вторых, Таллинское руководство не решает проблему атрибуции. Трудность установления связи между негосударственными хакерскими группировками и государством делает реализацию права на самооборону в ответ на киберудар практически невозможной [3].

Развитие международно-правового регулирования кибербезопасности продолжилось в рамках ООН, где ключевой дискурс сместился от обсуждения «законов войны» к защите суверенитета в информационном пространстве [4]. Современная концепция противодействия угрозам международной информационной безопасности неразрывно связана с необходимостью соблюдения государственного суверенитета и недопустимостью использования информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) для вмешательства во внутренние дела государств [3]. В противовес установкам Таллинского руководства приоритетом становится принцип должной осмотрительности и добровольные нормы ответственного поведения, закрепленные в докладах рабочей группы открытого состава по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ 2021–2025 [4, с. 13].

Вместе с тем развитие технологий искусственного интеллекта потребовало создания усовершенствованного единого правового механизма, способного обеспечить расследование киберугроз на глобальном уровне. Ответом на новые вызовы стало принятие в 2024 г. Конвенции ООН против киберпреступности [5]. В отличие от прежних документов, не обладавших обязательной юридической силой, данный акт является международным договором и носит универсальный характер, закрепляя конкретные обязательства государств по взаимной правовой помощи и коллективной безопасности в области киберпреступности [6]. Конвенция подчеркивает роль цифрового суверенитета как права и обязанности государств регулировать национальный сегмент сети, обеспечивая юрисдикцию над ИКТ-инфраструктурой и данными в соответствии с принципами суверенитета, тогда как ранее цифровой суверенитет рассматривался в качестве факультативного принципа, позволявшего государствам по своему усмотрению распространять традиционные суверенные полномочия на цифровое пространство (ст. 5, 22 Конвенции) [6].

Несмотря на достигнутый прогресс, проблемы, связанные с атрибуцией деяний, совершенных в киберсреде, а также эффективной реализации суверенных полномочий в отношении ИКТ, остаются нерешенными. Полагаем, в перспективе развитие этой сферы будет связано с укреплением многостороннего сотрудничества под эгидой глобальных институтов, а также правовым регулированием использования новых технологий и киберпространства как уникального компонента в целом.

Литература

1. Вяткина, А. Актуальные киберугрозы: I–II кварталы 2025 года / А. Вяткина, А. Осипова // Positive Technologies. – URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/aktual-nye-kiberugrozy-i-ii-kvartaly-2025-goda/#id5> (дата обращения: 13.04.2026).
2. Устав Организации Объединенных Наций : принят 26 июня 1945 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 10.04.2026).
3. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / ed. M. N. Schmitt. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – URL: <https://csef.ru/media/articles/3990/3990.pdf> (date of access: 10.04.2026).
4. Капустин, А. Я. К вопросу о международно-правовой концепции угроз международной информационной безопасности / А. Я. Капустин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – Т. 67, № 6. – С. 44–51.
5. Доклад Рабочей группы открытого состава ООН (2021–2025) : Документ A/78/265. – URL: <https://undocs.org/RU/A/78/265> (дата обращения: 10.04.2026).
6. Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям : принята резолюцией 78/337 Генер. Ассамблеи от 14 авг. 2024 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/cybercrime/convention/text/convention-full-text.html> (дата обращения: 10.04.2026).
7. Fidler, M. Fragmentation of International Cybercrime Law / M. Fidler // Utah Law Review. – 2025. – Vol. 2025, № 3. – P. 737–780. – URL: <https://dc.law.utah.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1413&context=ulr> (date of access: 14.04.2026).

«Право на забвение» как составляющая процесса ресоциализации осужденных

*Гара П. Е., студ. II к. БГУ,
науч. рук. доц. Шаблинская Д. В., канд. юр. наук, доц.*

Актуальным направлением современной уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики Республики Беларусь является ресоциализация лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Ученые активно дискутируют по поводу места ресоциализации в системе целей уголовного законодательства. Так, рядом ученых были выдвинуты предложения по включению категории «ресоциализация» в систему целей уголовного закона для закрепления решающей роли данного процесса в предупреждении рецидивной

преступности. Одним из таких ученых является кандидат юридических наук, доцент А. А. Тит [1, с. 119].

В рамках данной работы нами будут затронуты социальные последствия судимости и их влияние на успешную реинтеграцию осужденных в общество и, соответственно, на их ресоциализацию.

Индивиды, отбывшие назначенное им судом наказание и освобожденные из мест лишения свободы, наиболее часто сталкиваются с таким явлением, как стигматизация, что усложняет процесс их интеграции в общество. Соответственно, покинув исправительное учреждение, лицо сталкивается не только с бытовыми проблемами, безработицей, необходимостью восстановления навыков социальной коммуникации, но и с предвзятым отношением со стороны общества, нежеланием поддерживать с ним как деловое, так и личное общение, в том числе в сети Интернет.

Данная работа имеет своей целью изучение роли реализации «права на забвение» в процессе ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, определение эффективности введения данного института, процессуальных аспектов его закрепления, а также комплексное изучение существующего права как способа регулирования обработки персональных данных.

В литературе подчеркивается, что «право быть забытым» изначально рассматривалось как право, которое позволяло осужденному преступнику, отбывшему свой срок, требовать «забыть» его прошлое, чтобы снова стать частью общества [2, с. 22].

Комплексное регулирование данного права осуществляется в рамках Европейского союза, которым был принят Общий регламент по защите персональных данных. В данном нормативном правовом акте и нашло закрепление «right to be forgotten».

Что касается законодательства Беларуси, то вступивший в силу совсем недавно Закон Республики Беларусь № 99-З «О защите персональных данных» закрепил право субъекта персональных данных требовать прекращения обработки и удаления его персональных данных в определенных случаях. Основаниями реализации данного права является достижение целей обработки персональных данных, отсутствие согласия субъекта на такую обработку или его отзыв и др. [3].

Видится целесообразным введение «права на забвение» в контексте уголовно-исполнительной системы, под которым понимается право лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы и готовых вести законопослушный образ жизни, требовать прекращения широкого распространения информации о совершенном преступлении, отбытом наказании, судимости и иных сопутствующих составляющих совершения преступления путем аннулирования выдачи ссылок в поисковой системе по указанным алгоритмам,

что могло бы способствовать более эффективному исправлению лиц и предупреждению совершения повторных преступлений.

Необходимо возложить обязанность по направлению такого запроса в соответствующую поисковую систему (Google, Yandex, Facebook и др.) на представителя органа или учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы. Данный порядок позволит избежать децентрализованности. Отметим, что данное право должно наличествовать у лица сразу после возвращения к жизни в социуме, а не с момента снятия и погашения судимости, что в корне противоречит подходу Российской Федерации. Именно такая норма кажется нам наиболее приемлемой в контексте непосредственно ресоциализации осужденного и возвращения его к «нормальной жизни», поскольку именно от того, как в первые годы лицо смогло приспособиться к жизни в обществе, будет зависеть вероятность совершения повторного преступления.

На наш взгляд, данный механизм поспособствует «цифровой ресоциализации», реальной возможности для бывшего осужденного трудоустроиться и выстроить социальные связи без давления прошлого, обеспечить превенцию рецидива.

В то же время нами осознается необходимость сохранения баланса между общественной безопасностью и правом личности на конфиденциальность. Поэтому необходимо установить ограничения по применению данного права для лиц, совершивших следующие преступления:

- против мира и безопасности человечества, военные преступления;
- против половой свободы и половой неприкосновенности;
- террористической и экстремистской направленности, а также иные преступления, обладающие существенной общественной опасностью.

Также важно подчеркнуть, что введение данной нормы не повлечет за собой удаление информации в целом, будет ограничен только доступ к ней по таким алгоритмам, как введение запроса в поисковике по ФИО и другим идентифицирующим признакам.

Таким образом, в результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Лицо, отбывшее назначенное судом наказание и декларируемо исправившееся, должно иметь право на восстановление своей репутации и ограничение доступа для общества к информации о совершенном им преступлении. Поэтому необходимо закрепление «права на забвение», которое станет предпосылкой исправления лица, фундаментальным шагом к устранению социальных последствий судимости.

2. Предлагается внести изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь, закрепив право осужденных к лишению свободы по истечении срока отбытия наказания требовать прекращения выдачи ссылок,

содержащих информацию о его судимости, по установленным алгоритмам в поисковых системах.

Одновременно с этим видится возможным закрепить обязанность представителей учреждения, в котором лицо отбывало наказание, по согласованию с осужденным направлять данный запрос операторам поисковых систем с учетом индивидуального подхода к каждому субъекту, несущему уголовную ответственность.

Информация о преступлениях по-прежнему будет отражена в статистике, а также будет доступна уполномоченным лицам, она будет существовать в сети Интернет, а ограничено будет исключительно ее массовое распространение.

Литература

1. Тит, А. А. Ресоциализация как цель наказания (на примере Республики Беларусь) / А. А. Тит // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 2. – С. 113–122.

2. Оганесян, Т. Д. Право быть забытым: становление и признание / Т. Д. Оганесян // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2022. – № 1. – С. 20–31.

3. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З : в ред. от 1 июня 2022 г. № 175-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2026).

К вопросу о трансграничном применении БПЛА в современных вооруженных конфликтах (на примере Ближнего Востока)

*Герасимова К. И., асп. 1 г. БГУ,
науч. рук. доц. Лепешков Ю. А., канд. юр. наук, доц.*

Современная практика вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке показывает, что беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) используются не как вспомогательное, а как самостоятельное средство трансграничного применения силы. С 2023 г. до сегодняшнего дня удары БПЛА регулярно фиксировались в секторе Газа [1], Ливане [2], Сирии [3], Йемене [4], Израиле [5; 6]. Необходимо отметить, что такие удары наносятся как государствами, так и негосударственными вооруженными группами, причем нередко в рамках одной эскалационной цепочки. Поэтому правовая оценка соответствующих действий не сводится к вопросу о законности конкретного удара. Она требует отдельного анализа условий допустимости применения силы, квалификации самого конфликта и оснований международно-правовой ответственности за причиненный трансграничный ущерб.

Трансграничное применение БПЛА ставит вопрос о соответствии таких ударов запрету угрозы силой и ее применения, закрепленному в ст. 2 (4) Устава ООН. На практике Израиль, наносящий удары по территории Ливана (апрель 2026 г.) [7; 8] и Йемена (сентябрь 2025 г.) [9], как правило, обосновывает свои действия реализацией права на самооборону по ст. 51 Устава ООН в ответ на ракетные либо дроновые атаки со стороны негосударственных вооруженных групп [10; 11]. Однако подобное обоснование не устраняет проблемы, в которой международное право по-прежнему не содержит единообразно применяемого ответа на вопрос, в каких случаях деятельность негосударственного актора, действующего с территории другого государства, достигает порога вооруженного нападения. Соответственно, спорным остается и то, в каких пространственных и временных пределах допустима самооборона в отношении таких акторов. Иными словами, чем менее ясно установлены обстоятельства предшествующего нападения, тем труднее обосновать последующий трансграничный удар как осуществление права на самооборону.

Трансграничное применение БПЛА затрудняет квалификацию вооруженного конфликта. В условиях ударов США и Израиля в Иране, секторе Газа, Ливане, Сирии и Йемене отдельные эпизоды могут сочетать признаки международного и немеждународного вооруженного конфликта либо не достигать порога вооруженного конфликта с точки зрения международного гуманитарного права (далее – МГП).

Стоит подчеркнуть, что соблюдение принципов МГП при ударах БПЛА в условиях плотной городской застройки на сегодняшний день является актуальной проблемой. Техническая точность БПЛА сама по себе не гарантирует соблюдение принципов различения, пропорциональности и предосторожности. Поэтому правовая оценка каждого удара должна зависеть от конкретных обстоятельств.

Дополнительные трудности возникают и при установлении причастности к трансграничным ударам, поскольку производство, поставка, запуск, дистанционное управление и применение БПЛА могут быть распределены между разными государствами и негосударственными акторами. В этих условиях международно-правовая ответственность зависит от степени контроля государства над конкретной операцией.

Таким образом, удары БПЛА способны причинять ущерб третьим государствам, не участвующим непосредственно в конфликте, включая риски для гражданской авиации, судоходства и трансграничной инфраструктуры. Следовательно, это выводит проблему за пределы *ius ad bellum* и МГП, а также ставит вопрос о международной ответственности за трансграничный вред.

Литература

1. В результате очередной атаки Израиля в Газе погиб один палестинец. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/3860471> (дата обращения: 03.04.2026).
2. Израильская армия нанесла удары по большому числу населенных пунктов в Ливане. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/3887763> (дата обращения: 01.04.2026).
3. SANA: армия Сирии отразила атаку БПЛА на военные базы на границе с Ираком. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26933945> (дата обращения: 03.04.2026).
4. Mehr: Эйлат атаковали БПЛА с территории Йемена. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26930015> (дата обращения: 03.04.2026).
5. Йеменские хуситы заявили об ударе по Израилю крылатыми ракетами и БПЛА. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26923969> (дата обращения: 03.04.2026).
6. Ynet: в Израиле предупредили о БПЛА возле границы с Ливаном. – URL: <https://news.mail.ru/politics/70400288/> (дата обращения: 03.04.2026).
7. Израильский беспилотник атаковал бригаду Красного Креста в Ливане. – URL: <https://ria.ru/20260413/bespiilotnik-2086756299.html> (дата обращения: 13.04.2026).
8. MWM: Израильские источники сообщили о беспрецедентных потерях ЦАХАЛ в Ливане. – URL: https://rg.ru/2026/04/13/mwm-izraiskie-istochniki-soobshchili-o-besprecedentnyh-poteriah-cahal-v-livane.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.by%2F (дата обращения: 13.04.2026).
9. Израиль нанес авиаудары по генштабу хуситов в столице Йемена в ответ на атаку беспилотника в Эйлате. – URL: <https://theins.ru/news/285263> (дата обращения: 03.04.2026).
10. Attacks on United States Personnel in Middle East, Retaliatory Strikes Threaten to Worsen Regional Stability, Political Affairs Chief Tells Security Council. – URL: <https://press.un.org/en/2024/sc15577.doc.htm> (date of access: 04.04.2026).
11. Houthi attacks on vessels in the Red Sea must stop: UK statement at the UN Security Council. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/houthi-attacks-on-vessels-in-the-red-sea-must-stop-uk-statement-at-the-un-security-council> (date of access: 04.04.2026).

Правовое регулирование международного взаимодействия по уголовным делам

*Голов М. М., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Головенчик М. Г., канд. юр. наук*

Первоначально следует отметить, что ранее внутреннее советское белорусское законодательство не закрепляло институт экстрадиции на уровне

Уголовно-процессуального кодекса. Статья 21 УПК БССР 1960 года определяла, что уголовный процесс в отношении граждан иностранных государств и лиц без гражданства на территории БССР ведется в соответствии с правилами данного УПК [1]. Экстрадиция применялась только в рамках заключенных двусторонних договоров.

Положения о выдаче лица, совершившего преступление, появились в Уголовном кодексе Республики Беларусь (от 09.07.1999 № 275-3) [2] (далее – УК) еще в первой редакции, соответственно, являлись основными началами при разработке раздела XV «Международная правовая помощь по уголовным делам на основании принципа взаимности», которым был дополнен Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (от 16.07.1999 № 295-3) [3] (далее – УПК) в 2008 г. На формирование раздела существенное влияние оказал и Закон Республики Беларусь от 18.05.2004 № 284-3 «О международной правовой помощи по уголовным делам» [4]. Тем не менее положения о выдаче, закрепленные в УПК, развивают положения уголовного закона [5, с. 48].

Изучив правовой массив по данному вопросу, пришли к выводу, что основы оказания международной правовой помощи, предусмотренные выше-названным Законом, требуют дополнения в части акцентирования внимания на роли уголовного закона. В соответствии со ст. 14 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-3 «О нормативных правовых актах» [6], Закон может приниматься в виде кодекса. Последний определяется как системообразующий нормативный правовой акт, обеспечивающий более детальное регулирование определенной сферы общественных отношений. При этом п. 5 ст. 23 данного Закона определено, что кодексы имеют большую юридическую силу по отношению к другим законам, если иное не предусмотрено кодексами или законами о введении их в действие.

Стоит обозначить, что в судебной практике, а именно в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24.09.2015 № 10 «О практике применения судами законодательства, регулирующего оказание международной правовой помощи по уголовным делам», правоприменители признают влияние регулирования УК как на институт международной правовой помощи, так и на институт экстрадиции (в п. 6 ссылаются на ст. 7): выдача гражданина Республики Беларусь по общему правилу не допускается, иностранные граждане и лица без гражданства могут быть выданы иностранному государству, если они совершили преступления вне пределов республики и находятся на территории Беларуси [7].

Ю. П. Шаплеров справедливо отмечает, что юридическую основу оказания международной правовой помощи по уголовным делам составляет и Уголовный кодекс Республики Беларусь [2, с. 8].

В УПК общие нормы о правовом регулировании международного взаимодействия отсутствуют. В гл. 50 и 51 содержатся нормы об основаниях для

оказания международной правовой помощи, общих условиях ее оказания, а также общие основания для отказа в оказании международной правовой помощи, общие условия отказа в ее оказании (ст. 469, 470, 481, 482), что, соответственно, не является тождественным нормам УК.

Также добавим, что Закон «О международной правовой помощи по уголовным делам» повторяет определенные положения, закрепленные в УК и УПК. Так, ч. 2 ст. 2 Закона частично дублирует положение ч. 3 ст. 7 УК, а ч. 3 ст. 3 – п. 1 ч. 1 ст. 481 УПК.

Как отметила О. И. Чуприс в вопросе о реновации законодательства Республики Беларусь, одним из направлений работы является выявление дублирующих норм: последние содержатся в около двух сотнях нормативных решений [9], в связи с чем считаем, что вышеуказанные положения подлежат корректировке (сохранению в УПК и УК, исключению из Закона).

Например, в Российской Федерации такой закон отсутствует, правовую базу института составляют уголовный и уголовно-процессуальный законы, международные договоры. В то же время в странах ближнего зарубежья применяется иной подход. Например, в Республике Армения отношения, связанные с правовой помощью в уголовном судопроизводстве, регулируются одноименным законом [10]. А в Республике Азербайджан наряду с нормами уголовного и уголовно-процессуального кодексов действуют Законы «О выдаче (экстрадиции) лиц, совершивших преступление» от 15.05.2001 [11], «О правовой помощи по уголовным делам» от 29.06.2001 [12].

Управление ООН по наркотикам и преступности, освещая применение видеоконференцсвязи, в том числе в рамках международной правовой помощи по уголовным делам, отмечает, что многие государства включили положения о применении данных средств в свои уголовно-процессуальные кодексы или законы о взаимной правовой помощи [13, с. 18]. Это, по нашему мнению, показывает взгляд организации не только на применение вышеуказанных средств в международном взаимодействии в области уголовного правосудия, но и вообще регламентацию института международной правовой помощи.

Подводя итог настоящего исследования, констатируем необходимость дальнейшего развития института выдачи лиц, совершивших преступление, в том числе и в рамках уголовного права, в связи с чем предлагаем одно из следующих направлений законодательных изменений:

1) ст. 3 Закона «О международной правовой помощи по уголовным делам» (определяющие основы и порядок оказания международной правовой помощи) исключить. Дополнить п. 3² ст. 7 УК: *«Отношения с иностранными государствами регулируются настоящим кодексом, международными договорами, уголовно-процессуальным кодексом, Законом «О международной правовой помощи по уголовным делам», письменными обязательствами от*

имени иностранных государств оказать аналогичную правовую помощь» (что, возможно, потребует и корректировки названия статьи);

2) внести изменения в ч. 2 ст. 3 Закона «О международной правовой помощи по уголовным делам»: *«Международная правовая помощь по уголовным делам на основе принципа взаимности оказывается в порядке, установленном Уголовным кодексом Республики Беларусь, Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь и настоящим Законом».*

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР. – Мн. : Дзярж. выд-ва БССР, 1961. – 364 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 26.03.2026).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 26.03.2026).

4. О международной правовой помощи по уголовным делам : Закон Респ. Беларусь от 18 мая 2004 г. № 284-3 : в ред. от 4 января 2008 г. № 308-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 26.03.2026).

5. Голов, М. М. К понятию международной правовой помощи / М. М. Голов // Сб. науч. ст. студентов, магистрантов, аспирантов / Белорус. гос. ун-т, Фак. междунар. отношений ; сост. А. А. Галковская ; под общ. ред. Е. А. Достанко. – Вып. 35. – Мн., 2026. – С. 48–50.

6. О нормативных правовых актах : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 : в ред. от 28 июня 2024 г. № 15-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 26.03.2026).

7. О практике применения судами законодательства, регулирующего оказание международной правовой помощи по уголовным делам : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 24 сентября 2015 г. № 10 // ЭТАЛОН : инфор.-поисковая система (дата обращения: 26.03.2026).

8. Матвейчев, Ю. А. Международная правовая помощь по уголовным делам : монография / Ю. А. Матвейчев, Ю. П. Шкаплеров ; Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Могилев : Могилев. институт МВД, 2017. – URL: http://www.institutemvd.by/images/NIO/Mezhdunarodnaya_pravovaya_pomosch_po_ugolovnim_delam.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

9. Ольга Чуприс об актуальных вопросах реновации законодательства Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/novosti/analitika/2025/april/88272/> (дата обращения: 01.04.2026).

10. Закон Республики Армения о внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения: принят Нац. Собр. 15 ноября 2024 г. // ARLIS : информ.-правовая система. – URL: <https://www.arlis.am/tu> (дата обращения: 01.04.2026).

11. О выдачи (экстрадиции) лиц, совершивших преступление : Закон Азерб. Респ., 15 мая 2001 г. № 132-ПQ : в ред. от 14 июля 2023 г. // Министерство внутренних дел Азербайджанской Республики. – URL: <https://mia.gov.az/ru/legislation/1/view/42/> (дата обращения: 01.04.2026).

12. О правовой помощи по уголовным делам : Закон Азерб. Респ., 29 июня 2001 г. № 163-ПQ : в ред. от 26 дек. 2023 г. // База данных «Законодательство стран СНГ» / ООО «СоюзПравоИнформ». – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2609 (дата обращения: 01.04.2026).

13. Manual on videoconferencing: legal and practical use in criminal cases / United Nations Office on Drugs a. Crime. – N. Y. : UN, 2017. – 146 p. – URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/GPTOC/GPTOC2/MANUAL_VIDEOCONFERENCING.pdf (date of access: 01.04.2026).

Сталкинг как преступление. Международный опыт в борьбе со сталкингом

*Зайцев К. С., студ. II к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Макеева М. Г.*

Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье определяет сталкинг как «неоднократное угрожающее поведение, направленное на другое лицо, которое вызывает у нее или него страх за свою безопасность». В разных юрисдикциях закрепляется различное определение сталкинга, однако наиболее распространенными компонентами определения этого преступления являются продолжительность (линия поведения), намерение и элемент страха. Сталкинг может проявляться как в форме физического преследования, так и в форме киберсталкинга (преследования в цифровой среде) [1, 2].

§ 238 Уголовного кодекса ФРГ (Сталкинг) закрепляет уголовную наказуемость «неправомерного преследования другого лица способом, способным существенно нарушить его образ жизни, путем неоднократного: 1) поиска физической близости с этим лицом; 2) попыток установления контакта с этим лицом с использованием средств электросвязи или иных средств коммуникации либо через третьих лиц; 3) злоупотребления персональными данными этого лица с целью: а) заказа товаров или услуг для него, или б) побуждения третьих лиц к установлению контакта с ним; ...». За совершение действий, запрещенных частью первой § 238 УК ФРГ, предусмотрена ответственность

в виде лишения свободы на срок до трех лет или денежного штрафа. Часть вторая § 238 закрепляет ответственность в виде лишения свободы на срок от трех месяцев до пяти лет в случаях, если преступник, например: «1) своими действиями причинил вред здоровью жертвы, ее родственника или иного близкого лица; ... 3) преследует жертву посредством множества действий в течение периода времени не менее шести месяцев ...» [3].

Помимо уголовного преследования законодательство ФРГ предоставляет возможности для применения судебных мер в рамках Закона о гражданско-правовой защите от насильственных действий и преследований. Параграф 1 данного Закона закрепляет: «Если лицо умышленно и противоправно нанесло вред физической неприкосновенности, здоровью, свободе или половому самоопределению другого лица, суд по заявлению пострадавшего лица обязан принять меры, необходимые для предотвращения дальнейших посягательств... Суд может, в частности, предписать правонарушителю воздерживаться от: 1) входа в жилище пострадавшего лица; 2) нахождения в определенном радиусе от жилища пострадавшего лица; 3) посещения иных определенных мест, в которых пострадавшее лицо регулярно находится; 4) установления связи с пострадавшим лицом, в том числе с использованием средств дистанционной связи (телефон, SMS, электронная почта, социальные сети); 5) организации встреч с пострадавшим лицом ...» [4].

Схожими положениями в уголовном и гражданском законодательстве обладают многие другие зарубежные страны.

Сталкинг является распространенной проблемой, особенно в развитых странах. Согласно известным данным, в США ежегодно преследованию подвергаются около 13,5 млн человек. Примерно каждая третья женщина и каждый шестой мужчина сталкиваются со сталкингом в течение жизни [5].

Согласно отчетам федерального министерства внутренних дел ФРГ, в 2023 г. немецкая полиция зафиксировала 24,687 случаев сталкинга, что превышает показатели 2022 г. на 6,9 % [6].

Государственная статистика Великобритании подтверждает, что примерно каждый седьмой подросток в Англии и Уэльсе в возрасте 16 лет хотя бы раз был жертвой сталкинга (каждая пятая девочка и каждый одиннадцатый мальчик) [7].

В Республике Беларусь на данный момент не предусмотрена ответственность за преследование, для защиты жертв правоохранительные органы используют смежные нормы уголовного и административного законодательства, что не позволяет организовать системную борьбу со сталкингом в его различных формах. Часто жертвы преследования не обращаются за защитой государства, поскольку не верят в возможность привлечения преследователя к ответственности. Отсутствие специального регулирования проблемы сталкинга оставляет большое количество людей, в особенности девочек, девушек и женщин, без надлежащей защиты.

Для комплексной борьбы с преследованиями Республика Беларусь нуждается в изменении уголовного, административного и гражданского законодательства, что обеспечит защиту граждан и не оставит преследователей безнаказанными.

Литература

1. Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence // Council of Europe. – URL: <https://rm.coe.int/168008482e> (date of access: 05.04.2026).

2. Analysis Of National Definitions Of Stalking // European Institute for Gender Equality. – URL: https://eige.europa.eu/sites/default/files/documents/database/gbv_natdefn_stalking.pdf (date of access: 05.04.2026).

3. Strafgesetzbuch der Bundesrepublik Deutschland (StGB) : vom 13. November 1998 : das zuletzt durch Art. 1 G v. 20.3.2026 I Nr. 95 // Gesetze im Internet : offizielle Informationsplattform (Zugriffsdatum: 11.04.2026).

4. Gewaltschutzgesetz der Bundesrepublik Deutschland (GewSchG) : vom 11. Dezember 2001 : das zuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 10. August 2021 (BGBl. I S. 3513) // Gesetze im Internet : offizielle Informationsplattform (Zugriffsdatum: 11.04.2026).

5. Smith, S. G. The National Intimate Partner and Sexual Violence Survey: 2016/2017 Report on Stalking / S. G. Smith, K. C. Basile, M. Kresnow // National Center for Injury Prevention and Control, Centers for Disease Control and Prevention. – Atlanta, Georgia, 2022. – P. 3.

6. Polizeiliche Kriminalstatistik : Ausgewählte Zahlen im Überblick. – Bremen, 2025 – URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/publikationen/themen/sicherheit/BM125028_pks-2024.pdf?__blob=publicationFile&v=8 (Zugriffsdatum: 11.04.2026).

7. ‘I feel like I am living someone else’s life’: one in seven people a victim of stalking. – Office for National Statistics, 2024. – URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/articles/ifeellikeiamlivingsomeoneelseslifeoneinsevenpeopleavictimofstalking/2024-09-26> (date of access: 11.04.2026).

Направления по совершенствованию законодательства и иные меры по изменению отношения к женщинам в инновационной деятельности

*Золоторевич П. Д., студ. II к. ГТТУ им. П. О. Сухого,
науч. рук. Кацубо С. П., канд. юр. наук, доц.*

Инновации сейчас являются «драйвером» в экономическом развитии, однако доля женщин в этой сфере значительно ниже, чем у мужчин. Несмотря на принцип равноправия, женщины реже занимают руководящие позиции,

сталкиваются с барьерами при создании стартапов и имеют ограниченный доступ к финансированию и поддержке. Это указывает на необходимость устранения стереотипов и совершенствования нормативно-правовой базы для более активного вовлечения женщин в инновационную деятельность.

Следует в первую очередь отметить, что действующее законодательство Республики Беларусь не содержит прямой дискриминации по половому признаку. Так, в Разделе 2 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. закреплено равенство всех перед законом, гарантируются равные права на труд, образование, профессиональную самореализацию и участие в общественной жизни [1]. Статья 14 Трудового Кодекса Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. устанавливает запрет на дискриминацию в сфере трудовых отношений [2]. Объявление 2026 г. Годом белорусской женщины подтверждает государственный приоритет поддержки женщин. Однако формальное право не всегда обеспечивает равенство возможностей в научно-технической деятельности, которая традиционно воспринимается как «мужская». Для решения проблемы требуется внедрение механизмов защиты от косвенной дискриминации и усиление ответственности нанимателей за нарушение принципа равных возможностей.

Ключевое значение в совершенствовании законодательства имеет развитие правовых гарантий, особенно в области трудовых прав и социальной защиты материнства. В Республике Беларусь трудовое законодательство уже содержит ряд важных норм в этой сфере: запрещено увольнение или снижение заработной платы по причине беременности или наличия малолетних детей, а также сохранение рабочего места женщине на время отпуска по беременности и родам, а также отпуска по уходу за ребенком. Законодательством предусмотрена защита от увольнения по инициативе работодателя для беременных и матерей несовершеннолетних детей, установление неполной рабочей недели, предоставление дополнительных оплачиваемых дней для женщин, воспитывающих детей, а также расширение гибких форм занятости, включая удаленную работу. [3] Эти меры особенно важны для женщин, занятых в научной и инновационной сфере, где одним из существенных барьеров остается сложность совмещения профессиональной реализации с материнством. В связи с этим гибкие формы занятости, дистанционная работа и поддержка возвращения в профессию после перерыва должны рассматриваться как инструменты обеспечения равенства возможностей.

Девушек реже ориентируют на инженерные, технические и цифровые специальности, что в дальнейшем снижает их присутствие в инновационной среде. В связи с этим важно закреплять на уровне государственных программ и нормативных актов меры по поддержке девушек в STEM-направлениях (наука, технологии, инженерия, математика), предоставлять гранты, стипендии, организовывать конкурсы, стажировки и наставнические программы,

способствующие формированию у общества убежденности в том, что инновационная деятельность не ограничена полом [4].

Убеждены, что изменение законодательства не решит проблему, если не изменится общественное отношение к женщинам в инновационной сфере. Основные барьеры – это социальные установки, которые считают технологии, науку, стартапы и инженерии преимущественно «мужскими» областями деятельности. Поэтому нужны и правовые реформы, и меры по трансформации общественного восприятия. Требуется более активное освещение примеров успешных женщин в науке, технологиях, предпринимательстве и управлении инновациями. Публичное признание их достижений, проведение форумов, конференций, конкурсов, тематических медиакампаний и образовательных проектов способствует разрушению устаревших стереотипов и формированию новых моделей профессионального поведения. Когда девушки видят реальные примеры успешных женщин-ученых, разработчиц, предпринимательниц и руководителей, это повышает их мотивацию в выборе сферы деятельности и уверенность в собственных силах.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп. принятыми на референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г.) // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 15.03.2026).
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь, 26 июля 1999 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 24.03.2026).
3. Минтруда и соцзащиты – о трудовых гарантиях работающих женщин и социальной защите материнства. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/mart/92575/> (дата обращения: 01.04.2026).
4. Хамдамова, Ф. Продвижение женщин в сфере науки как важное условие обеспечения прав и расширения возможностей для женщин / Ф. Хамдамова // Science Review. – № 10 (27). – 2019. – С. 29–32.

Механизм международно-правовой защиты персональных данных в эпоху развития искусственного интеллекта

*Иванчук П. Э., Тайник О., студ. III к. БГУ,
науч. рук. доц. Мороз Н. О., канд. юр. наук, доц.*

Стремительное развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ) подрыгает эффективность устоявшихся международно-правовых методов защиты персональных данных. ИИ ежесекундно обрабатывает огромные массивы информации, среди которых оказываются персональные данные

пользователей, собранные без их ведома и явного согласия: аудит всего 0,1 % набора данных DataComp CommonPool выявил тысячи изображений удостоверений личности реальных людей. Предположительно, в полном наборе данных их количество исчисляется сотнями миллионов [1].

Таким образом, активное использование ИИ может привести к значительным рискам и угрозам нарушения прав человека, в частности, права человека на неприкосновенность личной жизни согласно ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП).

Международно-правовая защита персональных данных в Интернете регламентируется как гарантиями права на уважение частной жизни, закрепленными Всеобщей декларацией прав человека (ст. 12), МПГПП (ст. 17), так и специализированными актами, среди которых можно отметить недавно принятую Конвенцию ООН о киберпреступности 2024 г. Из региональных инструментов можно выделить Конвенцию Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных 2014 г., Рамочное соглашение Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества 2005 г., Рамочное соглашение Ассоциации государств Юго-Восточной Азии 2016 г. Также была принята Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г. (Конвенция № 108), к которой в 2018 г. был принят Протокол («Конвенция 108+»). В рамках Европейского союза действуют Директива 95/46/ЕС и Общий регламент о защите данных (GDPR). Дополнительно приняты рекомендательные акты – Руководящие принципы ОЭСР 1980 г. и Руководящие принципы ООН 1990 г.

Однако долгое время взаимодействие ИИ и персональных данных регулировалось только актами мягкого права: в рамках ЮНЕСКО приняты Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта, в рамках СНГ разработан проект Рекомендаций по нормативному регулированию использования ИИ, включая этические стандарты для исследований и разработок для стран.

Некоторые государства, такие, например, как Китай, при помощи Кодекса «Спецификации, а также Нидерланды, Австралия, Сингапур и др. стремятся регулировать применение ИИ в том числе в сфере защиты персональных данных на национальном уровне [2, с. 774], однако эта практика ограниченная и несогласованная.

Как отмечается в заключительном докладе Консультативного органа ООН по ИИ, глобальная система управления ИИ некоординированная и полна пробелов, что может привести к существованию несовместимых режимов управления ИИ [3, с. 51]. При этом 118 стран не являются участниками ни одной из включенных в выборку межрегиональных инициатив: Принципов ИИ ОЭСР 2019 г., Принципов ИИ Г-20 2019 г., Группы Совета Европы по разработке конвенции по ИИ 2022–2024 г., Заявления министров ГПИИ 2022 г., Декларации Блетчли 2023 г. и Сеульского заявления министров 2024 г. [3, с. 9].

Предполагаем, что в конце концов страны должны прийти к международному договору, содержащему обязательные для применения нормы о том, каким образом должны защищаться персональные данные, используемые ИИ. Первый шаг на этом пути совершил Совет Европы, приняв Рамочную конвенцию об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права 2024 г. В статье 11 Конвенции установлены важные уточнения, что защита персональных данных осуществляется на всех этапах жизненного цикла систем ИИ, а для физических лиц предусматриваются эффективные гарантии для защиты права на неприкосновенность частной жизни [4].

При разработке норм однако возникает вопрос о понятии ИИ. Статья 2 Конвенции определяет его как различные по уровню автономности и адаптивности компьютерные системы, на основе получаемых входных данных определяющие способ генерации выходных данных, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду [4]. На практике определение из Конвенции было подтверждено вердиктом Высокого суда Лондона по делу *Getty Images v. Stability AI* от 4 ноября 2025 г.: модель ИИ представляет собой лишь статистические паттерны [5, § 599–602]. Таким образом, если система ИИ не содержит исходной информации, которую можно было бы извлечь, то традиционные правовые инструменты (согласие, доступ, удаление) становятся практически неприменимыми.

Хотя Республика Беларусь не участвует в Совете Европы, однако полагаем, что опыт по регулированию ИИ в рамках этой организации стоит принимать во внимание и анализировать для разработки решений на национальном, региональном и даже универсальном уровнях.

Тем не менее полагаем, что пока рано говорить о создании универсального документа по регулированию ИИ в сфере защиты персональных данных, поскольку все еще не существует глобальных координационных механизмов. Кажется разумным прислушаться к рекомендациям Консультативного органа ООН по ИИ: в частности, создать в рамках ООН подразделение по вопросам ИИ, подотчетное Генеральному секретарю, а также специализированные центр обмена стандартами, международную научную группу, глобальный фонд, сеть для наращивания потенциала, организовать межправительственный и многосторонний политический диалог [3, с. 58].

Таким образом, полагаем, что для совершенствования международно-правовой защиты персональных данных в целях охраны права человека на неприкосновенность личной жизни в первую очередь следует разработать применимый на практике универсальный механизм, который обеспечил бы координированное и согласованное регулирование в этой сфере.

Литература

1. Guo, E. A major AI training data set contains millions of examples of personal data / E. Guo // MIT Technology Review. – URL: <https://www.technologyreview.com/2025/07/18/1120466/a-major-ai-training-data-set-contains-millions-of-examples-of-personal-data/#content> (date of access: 18.07.2025).
2. Международное публичное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е. Ф. Довгань [и др.] ; под общ. ред. Е. Ф. Довгань. – Мн. : Амалфея, 2025. – 816 с.
3. Governing AI for Humanity : Final Report / United Nations, High-level Advisory Body on Artificial Intelligence. – New York : UN, 2024. – 100 p. – URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_en.pdf. (date of access: 15.04.2026).
4. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225) : adopted by the Council of Europe on Sept. 5, 2024 // Council of Europe. Treaty Office. – URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=225> (date of access: 10.04.2026).
5. Case No IL-2023-000007 in the High Court of Justice : Getty Images v Stability AI // Courts and Tribunals Judiciary Archive. – URL: <https://www.judiciary.uk/judgments/getty-images-v-stability-ai/> (date of access: 10.04.2026).

Проблемы квалификации и пробелы в правовом регулировании биотерроризма в международном праве

*Карнейчик М. П., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Ширинский О. Ю., канд. юр. наук, доц.*

Биотерроризм представляет собой одну из наиболее сложных угроз международной безопасности. Биологические агенты обладают низкой стоимостью производства, высоким поражающим потенциалом, сложностью раннего обнаружения и мощным психологическим эффектом [1].

Международное сообщество осознало опасность биологического оружия еще в XX в. Первым значимым документом стал Женевский протокол 1925 г. «О запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств» [2]. Ключевым документом является Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО) 1972 г., вступившая в силу в 1975 г. [3]. Третий элемент – резолюция 1540 Совета Безопасности ООН (2004) [4].

Несмотря на это, в международном праве отсутствует легальное определение биотерроризма [5]. В доктрине под ним понимается умышленное применение биологических агентов с целью причинения вреда окружающей

среде для достижения политических или иных целей. В научной литературе разграничивают биоагрессию, биотерроризм и международные биопреступления [6]. Объектами биотерроризма выступают жизнь и здоровье человека, сельскохозяйственные животные и растения, окружающая среда. Субъектами могут быть государства, негосударственные акторы и индивиды. Квалификация акта биотерроризма требует установления: 1) использования биологических агентов; 2) политической или иной специальной цели; 3) умышленного высвобождения или угрозы; 4) последствий или реальной угрозы их наступления [1].

Главный пробел международно-правового регулирования – отказ ключевых государств признавать юрисдикцию Международного уголовного суда (МУС). Даже если создать специализированный орган или расширить компетенцию существующего суда, это не решит проблему, пока государства – обладатели наиболее развитых биотехнологических программ отказываются подчиняться международной уголовной юстиции. На сегодняшний день Римский статут МУС ратифицировали лишь 124 государства, тогда как такие стратегические акторы, как США, Россия, Китай, Индия, Израиль, Иран и Турция, не признают юрисдикцию Суда [7].

Формальное расширение юрисдикции МУС на случаи применения биологического оружия не имеет практического смысла, если государства, граждане которых с наибольшей вероятностью могут быть вовлечены в подобные преступления, отказались от признания Суда.

Международному сообществу предстоит решить не только технические, но и политические задачи. Возобновление переговоров о принятии верификационного протокола к КБТО и разработка специализированной конвенции о борьбе с биотерроризмом будут иметь ограниченный эффект без параллельного решения вопроса о признании юрисдикции МУС всеми государствами – участниками КБТО. Пока этого не произойдет, любые механизмы международной уголовной ответственности за акты биотерроризма останутся применимы лишь к гражданам 124 государств, что создает неравенство перед законом и подрывает принцип неотвратимости наказания. Только комплексное решение указанных проблем позволит создать эффективную международно-правовую систему противодействия биотерроризму, адекватную современным вызовам и угрозам.

Литература

1. Петров С. В. Биотерроризм: медико-тактическая характеристика и организация противодействия // С. В. Петров, Шабалин В. В. – СПб. : Медицина, 2018. – 240 с. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36547892> (дата обращения: 4.04.2026).

2. Женевский протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств от 17 июня

1925 года. – URL: <https://disarmament.unoda.org/ru/our-work/weapons-mass-destruction/secretary-generals-mechanism-investigation-alleged-use-chemical-and-biological-weapons-unsgm/1925-geneva-protocol> (дата обращения: 6.04.2026).

3. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО) от 10 апреля 1972 года. URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/180469_biological_weapons_2018_update_rus_revised_by_ihl.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

4. Резолюция Совета Безопасности ООН 1540 (2004) от 28 апреля 2004 года. – URL: <https://disarmament.unoda.org/ru/our-work/weapons-mass-destruction/un-security-council-resolution-1540> (дата обращения: 28.03.2026).

5. Овчинников А. Ю. Биотерроризм как международное преступление: вопросы квалификации / А. Ю. Овчинников // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4. – С. 45–52. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bioterrorizm-kak-mezhdunarodnoe-prestuplenie-voprosy-kvalifikatsii> (дата обращения: 17.04.2026).

6. Федоров, А. В. Биологическая безопасность: международно-правовые аспекты противодействия биотерроризму / А. В. Федоров. – М. : Наука, 2021. – 312 с. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45678901> (дата обращения: 12.04.2026).

7. Коалиция за Международный Уголовный Суд. Состояние ратификации Римского статута. – URL: <https://icclr.org/wp-content/uploads/2019/05/Russian.pdf>. (дата обращения: 12.04.2026).

Ответственность международных организаций за нарушение норм международного права: современное состояние и тенденции

*Кветковская Е. В., Луцик К. В., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Ширинский О. Ю., канд. юр. наук, доц.*

В условиях глобализации международные организации (далее – МО) занимают все более значимое место в системе международных отношений. Они выступают субъектами международного права, заключают договоры, несут права и обязанности. Вместе с тем деятельность МО не всегда соответствует нормам международного права, что порождает вопрос об их ответственности. Несмотря на принятие Комиссией международного права ООН Статей об ответственности международных организаций (далее – Статьи) в 2011 г., институт ответственности МО по-прежнему остается одним из наименее разработанных в международном публичном праве. Целью настоящей статьи является анализ современного состояния данного института и выявление основных тенденций его развития.

Международно-правовая ответственность МО неразрывно связана с их правосубъектностью. Постоянная Палата международного правосудия указала, что принцип международно-правовой ответственности является и принципом международного права, и общеправовым принципом, свидетельствующим, что любое нарушение договора обусловлено необходимостью возместить причиненный ущерб [1, с. 29]. Ключевым прецедентом в данной области стало консультативное заключение Международного Суда ООН по делу *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations* 1949 г. [2]. Данное заключение заложило доктринальную основу для последующего развития института ответственности МО: если МО способна предъявлять претензии, то она способна и нести ответственность за собственные противоправные деяния.

Вопрос об ответственности международных организаций неоднократно становился предметом рассмотрения Генеральной Ассамблеи ООН, которая в своих резолюциях подчеркивала необходимость дальнейшего развития данного института в рамках Комиссии международного права ООН [3, с. 141]. Центральным документом в сфере ответственности МО являются Статьи об ответственности международных организаций, принятые КМП ООН в 2011 г. и принятые к сведению Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции 66/100. Для квалификации деяния международной межправительственной организации как международно-противоправного необходимо установить два элемента: присвоение ей соответствующего поведения и нарушение международного обязательства [4, с. 969]. Прямые основания ответственности международной организации связаны с противоправными деяниями самой организации и включают противоправное поведение ее органов и агентов, действующих в официальном качестве, а также поведение, выходящее за пределы предоставленных полномочий (*ultra vires*), в том числе органов, переданных в распоряжение организации государством или иной международной организацией. Производные основания обусловлены деянием другого субъекта и охватывают случаи руководства и контроля со стороны организации при совершении противоправного деяния государством или иной международной организацией, оказания им помощи или содействия, а также принуждения к совершению такого деяния [5].

Вместе с тем Статьи имеют существенный недостаток: они не являются юридически обязательным международным договором, а представляют собой лишь кодификацию прогрессивного развития международного права. Это значительно снижает их практическую эффективность, поскольку МО и государства-члены не связаны ими в строгом юридическом смысле.

Таким образом, институт ответственности международных организаций находится в стадии становления. Принятие Стагтей об ответственности международных организаций в 2011 г. стало важным шагом в кодификации

соответствующих норм, однако необязательный характер данного документа существенно ограничивает его практическое значение. Анализ судебной практики свидетельствует о постепенном ужесточении требований к МО: суды все чаще указывают на недопустимость абсолютного иммунитета при отсутствии альтернативных механизмов защиты прав. Представляется, что дальнейшее развитие данного института должно идти по пути принятия юридически обязательного международного договора об ответственности МО, а также совершенствования внутренних механизмов рассмотрения претензий в рамках самих организаций.

Литература

1. Case Concerning the Factory at Chorzow // P.C.I.J. Ser. A. – 1928. – No. 17.
2. Corfu Channel Case (United Kingdom v. Albania) // International Court of Justice : site. – URL: <https://www.icj-cij.org/case/4> (date of access: 13.04.2026).
3. Абашидзе, А. Х. Камо грядеши?.. К 60-летию Комиссии международного права ООН / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1 (73).
4. The Law of International Responsibility / ed. by J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 1296 p.
5. Солнцев, А. М. Вопросы развития института ответственности международных организаций / А. М. Солнцев, А. Ю. Ключня // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2013. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-razvitiya-instituta-otvetstvennosti-mezhdunarodnyh-organizatsiy> (дата обращения: 13.04.2026).

Пиратство в современном международном праве: проблемы юрисдикции

*Кветковская Е. В., Луцик К. В., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Квятович А. А.*

Пиратство как одно из древнейших международных преступлений по-прежнему представляет серьезную угрозу международному судоходству и морской безопасности. Несмотря на то что количество зафиксированных пиратских нападений в отдельных регионах мира несколько сократилось по сравнению с пиком активности в 2010–2011 гг. у берегов Сомали, проблема не утратила своей актуальности: фиксируются новые очаги пиратства в Гвинейском заливе, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке [1]. Вместе с тем действующий международно-правовой режим противодействия пиратству демонстрирует существенные изъяны, прежде всего в сфере юрисдикции. Основным международно-правовым инструментом в рассматриваемой сфере является Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (ЮНКЛОС), ст. 100–107

и 110 которой закрепляют определение пиратства, обязанность государств сотрудничать в его пресечении, а также принцип универсальной юрисдикции [2].

Принцип универсальной юрисдикции, закрепленный в ст. 105 ЮНКЛОС, наделяет любое государство правом захватить пиратское судно в открытом море, арестовать находящихся на его борту лиц и преследовать их в судебном порядке вне зависимости от гражданства обвиняемых и флага судна-жертвы.

Практическое применение норм о пиратстве затруднено тремя группами проблем [3]. Первая группа включает процессуальные сложности: сбор доказательств в открытом море, идентификация обвиняемых, их доставка в суд, обеспечение явки свидетелей и потерпевших. Вторая группа охватывает финансовые препятствия, связанные с содержанием подозреваемых и обвиняемых до суда и в местах лишения свободы, что требует значительных бюджетных расходов. Для государств происхождения пиратов (Сомали, Нигерия, Филиппины) такие издержки часто непосильны, а для других государств представляют существенное финансовое бремя, вследствие чего даже обладающие соответствующей законодательной базой государства редко осуществляют уголовное преследование. Третья группа проблем – отсутствие скоординированного международного механизма противодействия пиратству на универсальном, региональном и национальном уровнях, что существенно ослабляет эффективность сотрудничества государств. В результате лица, задержанные по подозрению в пиратстве, нередко освобождаются на месте, что подтверждается практикой отпуска пиратов, захватившей танкер «Московский университет» [4].

В настоящее время идет активная координация действия против пиратства, что однозначно дает свой результат. В частности, начиная с 2012 по 2023 г. наблюдается существенное уменьшение пиратских действий. Согласно статистике международной морской организации, в 2012 г. было зарегистрировано 297 случаев пиратства, а уже на конец 2022 г. данный показатель сократился до 80 случаев [5].

Современный международно-правовой механизм противодействия пиратству предусматривает специальную процедуру согласования действий государств. Государство, намеревающееся участвовать в операциях по подавлению пиратства, должно направить официальный запрос в органы государственной власти африканского прибрежного государства, на территорию которого предполагается направление военного судна. Одновременно такой же запрос направляется Генеральному Секретарю ООН. Только после получения соответствующих разрешений государство приобретает статус сотрудничающего субъекта, что наделяет его правом развертывания военно-морских сил в исключительной экономической зоне и территориальных водах африканского государства.

Литература

1. Piracy and Armed Robbery Against Ships : report for the period 1 January – 31 March 2024 // ICC International Maritime Bureau. – London, 2024. – URL: https://www.icccs.org/reports/2024_Jan_Mar_IMB_Piracy_and_Armed_Robbery_Report.pdf (date of access: 13.04.2026).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву : [заключена в г. URLМонтего-Бей 10.12.1982] // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 13.04.2026).
3. Хижняк, В. С. Современные проблемы международно-правового сотрудничества по борьбе с пиратством / В. С. Хижняк // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1 (73). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-mezhdunarodno-pravovogo-sotrudnichestva-po-borbe-s-piratstvom> (дата обращения: 13.04.2026).
4. ООН начнет создавать международный суд для пиратов // Право.ru : сайт. – 2010. – 27 апр. – URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/29158/> (дата обращения: 13.04.2026).
5. Сидорченко, В. Ф. Морское пиратство / В. Ф. Сидорченко. – СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2022. – С. 264.

Гарантии реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, проблемы их реализации на практике

*Краснова А. Г., магистрант УНАН РБ,
науч. рук. Василевич Д. Г., канд. юр. наук, доц.*

Права и свободы человека принято рассматривать как основу конституционализма. Главная цель создания конституций – обеспечить безопасность личности и оградить ее от произвола государственной власти. Первая Конституция Беларуси была принята Первым съездом Советов БССР 3 февраля 1919 г. В последующем Конституции принимались в 1927, 1938 и 1978 гг. Стоит отметить, что Конституции Беларуси всегда принимались после принятия соответствующей новой Конституции СССР, которые обладали собственными отличительными особенностями. В то же время им были присущи общие черты. Конституции носили классовый характер (в особенности 1919 и 1927 гг.), закрепляли в качестве господствующей лишь одну идеологию – марксизм-ленинизм, исключали многопартийность, не допускалось многообразие форм собственности, не отражались положения важнейших международных актов о правах и свободах личности, многие их нормы преимущественно были декларативными по своему характеру.

С момента становления Республики Беларусь как суверенного государства в правовой системе нашей страны произошел фундаментальный поворот в сторону признания и уважения человека, его прав и свобод. Конституция Беларуси провозглашает человека, его права, свободы и гарантии их реализации высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2 Конституции Республики Беларусь) [1].

Изменение приоритета в отношениях государства и человека в пользу последнего видно даже из сравнения содержания названий соответствующих глав Конституции БССР 1978 г. и Конституции Республики Беларусь 1994 г. В частности, если в названии второго раздела Конституции БССР 1978 г. «Государство и личность» на первый план поставлено государство, то, судя по названию второго раздела Конституции Беларуси 1994 г. «Личность, общество, государство», приоритет здесь отдан личности [2].

Бесспорно, что права и свободы прежде всего нуждаются в гарантиях. Гарантии выступают *важным инструментом*, обеспечивающим фактическую реализацию *прав и свобод граждан*.

Под гарантиями прав и свобод можно понимать систему политических, экономических (материальных), идеологических (духовных) условий, юридических и организационных средств, соответствующих уровню развития общества и государства, позволяющих законодательно закрепленные права и свободы сделать действительностью [3].

В научной и учебной литературе стало общепризнанным деление гарантий на общие (политические, экономические, социальные, духовные) и специальные (юридические) гарантии [4, с. 265]. Следовательно, первая группа гарантий направлена на создание благоприятной обстановки для пользования основными правами и свободами. Вторая же группа направлена на обеспечение, реализацию и защиту прав и свобод.

Комплекс правовых (собственно юридических гарантий) дополняется в условиях конституционного реформирования в 2022 г. возможностью граждан обращения в Конституционный Суд (ст. 116¹ Конституции Республики Беларусь) [1]. Конституционный Суд, исходя из смысла ст. 60 Конституции, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, последовательно и принципиально занимал позицию о необходимости обеспечения прямого доступа граждан к конституционному правосудию и введения института индивидуальной конституционной жалобы в Республике Беларусь (решения от 26 января 2010 г., от 25 января 2011 г., от 18 января 2012 г., от 14 марта 2019 г. и др.). Выраженные Конституционным Судом правовые позиции учтены и реализованы в обновленной Конституции и принятом в соответствии с ней законодательстве о конституционном судопроизводстве.

С момента вступления в силу с 1 октября 2023 г. Закона «О конституционном судопроизводстве» в Конституционный Суд поступило более 50 обращений

граждан о проверке конституционности законов, примененных в конкретном деле, которые, по их мнению, нарушают конституционные права и свободы [5].

Поступающие в Конституционный Суд жалобы граждан изучаются в установленном законом порядке, и определяется способ их дальнейшего разрешения. В случаях несоответствия конституционных жалоб положениям Закона «О конституционном судопроизводстве» граждане уведомляются о необходимости соблюдения требований закона для рассмотрения конституционных жалоб Конституционным Судом с вынесением решения [5].

Для эффективной реализации гражданами права на обращение с конституционной жалобой необходима квалифицированная подготовка такой жалобы, которая должна отвечать всем условиям допустимости, а также общим требованиям к ее содержанию, включая юридически четко сформулированную позицию гражданина по поставленному в конституционной жалобе вопросу о неконституционности закона, примененного в конкретном деле, со ссылкой на соответствующие нормы Конституции. Для этого требуются организация всесторонней разъяснительной работы с привлечением существующих информационных ресурсов и оказание гражданам квалифицированной юридической помощи [5].

Конституционный Суд в послании Президенту Республики Беларусь от 12 марта 2025 г. отмечает, что в течение 2024 г. в него поступило 530 обращений, из которых 103 в определенной мере отвечают критериям конституционной жалобы. Анализ жалоб показывает, что гражданами не соблюдаются в полной мере положения Закона «О конституционном судопроизводстве», что является основанием для отказа в возбуждении производства по делу. Эффективность реализации конституционной жалобы во многом будет зависеть от деятельности адвокатов, имеющих право представлять интересы граждан в Конституционном Суде, от качества оказания юридической помощи в целях осуществления и защиты прав и свобод граждан [6]. Подача такой жалобы требует специальных юридических знаний, в частности, соблюдения определенных процессуальных норм. Конституционный Суд подчеркивает важность разъяснительной работы, использования информационных ресурсов и профессиональной юридической помощи адвокатов для эффективной защиты прав граждан через институт конституционной жалобы.

Следует согласиться с точкой зрения А. Г. Кучерена, что «высокая сложность конституционного судебного контроля с содержательной и процессуальной точек зрения обуславливает то, что роль адвоката как квалифицированного юриста в спорах, рассматриваемых конституционными (уставными) судами, и особенно по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, имеет большую значимость и со временем будет возрастать» [7, с. 144].

Статьей 62 Конституции Республики Беларусь предусмотрено, что каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты

прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, других организациях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счет государственных средств.

На наш взгляд, отсутствие нормы, предусматривающей бесплатное участие адвоката в конституционном судопроизводстве, требует внесения изменений в действующее законодательство. Учитывая особую значимость вопросов, рассматриваемых в Конституционном Суде, как для граждан, так и для государства в целом, необходимо обеспечить доступность юридической помощи адвокатов для всех граждан, обращающихся в Конституционный Суд.

Кроме того, учитывая, что направление является новой формой защиты прав человека и гражданина для адвокатов, то их квалификация должна соответствовать специфике конституционного судопроизводства.

Представляется, что относительно новое в законодательстве Республики Беларусь право граждан на обращение в Конституционный Суд изучено не в полной мере и его совершенствованию может способствовать анализ и обобщение национальной и международной практики.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г.) – Мн. : Национальный центр правовой информации, 2022. – 80 с.

2. Курак, А. И. Человек, его права, свободы и гарантии их реализации как высшая ценность и цель белорусского общества и государства / А. И. Курак. – Мн., 2019. – URL: <http://elib.mitso.by//hand le/edoc/816> (дата обращения: 07.04.2026).

3. Кирякова, И. Н. Гарантии конституционных прав и свобод как один из важнейших элементов правового статуса человека и гражданина и их защита / И. Н. Кирякова. — Новополоцк, 2016. – URL: <https://elib.psu.by/handle/123456789/18274> (дата обращения: 07.04.2026).

4. Курак, А. И. Конституционное право : учебник / А. И. Курак. – Мн. : РИВШ, 2024. – 532 с.

5. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь»: от 05.03.2024 г. – URL: <https://www.kc.gov.by/document-75473> (дата обращения: 07.04.2026).

6. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь»: от 12.03.2025 г. – URL: <https://www.kc.gov.by/document-86733> (дата обращения: 07.04.2026).

7. Кучерена, А. Г. Роль адвокатуры в становлении гражданского общества в России: дис. д-ра юрид. наук : 12.00.11 / А. Г. Кучерена. – М., 2002. – 360 с.

Лицензионный аспект осуществления деятельности по оказанию юридических услуг

*Лазовский Н. В., студ. II к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Козловская В. А.*

Актуальность темы лицензионного аспекта осуществления деятельности по оказанию юридических услуг является одной из ключевых проблем современного правового регулирования. В условиях роста количества частнопрактикующих юристов, а также юридических организаций возникает повышенный риск недобросовестного предоставления услуг, отсутствие квалификации исполнителей и нарушения прав клиентов, где лицензирование рассматривается как инструмент снижения рисков, повышения качества услуг и предотвращения деятельности субъектов, не обладающих высоким уровнем правовых знаний.

Легальное определение понятия юридических услуг содержится в Законе Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-3 «О лицензировании» (далее – Закон № 213-3). Для целей настоящего доклада под юридическими услугами понимается возмездное оказание юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам помощи по юридическим вопросам, связанным с их созданием, деятельностью, ликвидацией или регистрацией, включая составление документов правового характера, разъяснения и консультации, правовую оценку действий и документов, представление интересов в переговорах, взыскание задолженности, сопровождение исполнения решений судов и иных органов, а также ведение и хранение деловой документации [1].

Также в условиях данного доклада требуется указать легальное определение лицензирования. Лицензирование – это комплекс реализуемых государством мер, связанных с предоставлением лицензий, их изменением, приостановлением, возобновлением, прекращением, контролем за выполнением лицензиатами законодательства о лицензировании в том числе лицензионных требований.

Перечень нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность по оказанию юридических услуг, является исчерпывающим и делится на три уровня:

1. Законы Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-3 «О лицензировании», Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и распространения оружия массового поражения»;

2. Постановления Совета Министров Республики Беларусь: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 16 марта 2006 г. № 367

«Об утверждении формы специального формуляра регистрации финансовой операции, подлежащей особому контролю, и Инструкции о порядке заполнения, передачи, регистрации, учета и хранения специальных формуляров регистрации финансовых операций, подлежащих особому контролю»;

3. Постановления министерств Республики Беларусь: постановление Министерства юстиции от 21 ноября 2022 г. № 143 «О проведении аттестационного экзамена и выдаче свидетельства об аттестации лица, оказывающего юридические услуги», постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 16 декабря 2022 г. № 151 «О комиссиях по вопросам лицензирования и проведении оценки», постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 16 декабря 2022 г. № 153 «Об утверждении Правил осуществления деятельности по оказанию юридических услуг», постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 16 декабря 2022 г. № 152 «Об утверждении Правил профессиональной этики лиц, оказывающих юридические услуги».

Стоит упомянуть, что для ведения деятельности по оказанию юридических услуг требуется получить специальную лицензию, которую предоставляет Министерство юстиции [2].

При этом стоит подчеркнуть, что данный лицензируемый вид деятельности осуществляется юридическими лицами, являющимися коммерческими организациями, и индивидуальными предпринимателями.

В целях снижения рисков, повышения качества услуг и предотвращения деятельности субъектов, не обладающих высоким уровнем правовых знаний, законодатель вводит определенные барьеры, которые делятся на 3 группы, именуемые как долицензионные и лицензионные требования, а также ограничения права на осуществление лицензируемого вида деятельности, которые создают трудности для входа на рынок. Ограничение права на осуществление лицензируемого вида деятельности по своей сути не дает права на получение такой лицензии и является первичным барьером. Долицензионные и лицензионные требования отличаются тем, что вторые описывают соблюдение иных требований, в которые входят как раз и долицензионные.

Важным вопросом в рамках данной темы является разграничение понятий лицензии на осуществление деятельности по оказанию юридических услуг и лицензии адвоката, ведь осуществление адвокатской деятельности в той или иной мере является тем же оказанием юридических услуг. Отличия имеются как и в требованиях к субъекту, который изъявил желание получить лицензию, так и в процедуре получения. В сравнении стоит рассматривать индивидуального предпринимателя с физическим лицом, претендующим на лицензию адвоката, так как юридическое лицо адвокатом быть не может. Например, основным отличием является то, что для получения адвокатской лицензии требуется пройти стажировку и сдать квалификационный экзамен.

Также юрист с лицензией не может быть защитником по уголовным делам в отличие от адвоката, но так было до 2026 г. С 1 января 2026 г. Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 21 октября 2025 г. вступили в силу изменения для индивидуальных предпринимателей. На данный момент вид деятельности по оказанию юридических услуг исключен из перечня разрешенных [3].

Таким образом, лицензионный режим оказания юридических услуг в Республике Беларусь представляет собой эффективный инструмент государственного регулирования, направленный на минимизацию рисков недобросовестной практики. В целях данного доклада под юридическими услугами понимается – возмездное оказание юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам помощи по юридическим вопросам, связанным с их созданием, деятельностью, ликвидацией или регистрацией, включая составление документов правового характера, разъяснения и консультации, правовую оценку действий и документов, представление интересов в переговорах, взыскание задолженности, сопровождение исполнения решений судов и иных органов, а также ведение и хранения деловой документации.

В целом введенный режим создает надежные гарантии профессионализма и этичности, способствуя устойчивому развитию рынка юридических услуг.

Литература

1. О лицензировании : Закон Респ. Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-3 // *іlex* : информ. правовая система (дата обращения: 12.04.2026).
2. Министерство юстиции Республики Беларусь : [сайт]. – Мн., 2003–2026. – URL: https://minjust.gov.by/directions/advocacy/legal_services/ (дата обращения: 13.04.2026).
3. Коллегия адвокатов Республики Беларусь : [сайт]. – Мн., 2003–2026. – URL: https://www.advokat.by/content/o_kollegii/kak_stat_advokatom/ (дата обращения: 13.04.2026).

Оценка зарубежного опыта кредитования малого бизнеса

*Лях В. И., студ. II к. БГУ,
науч. рук. доц. Леонович Т. И., канд. эк. наук, доц.*

Кредитование выступает ключевым источником внешнего финансирования малого предпринимательства, обеспечивая преодоление дефицита собственных средств и непрерывность хозяйственной деятельности. Эффективность кредитной поддержки детерминирована институциональной средой взаимодействия банков и заемщиков. В различных экономических системах

сформировались принципиально отличающиеся подходы к обеспечению субъектов малого бизнеса доступными кредитными ресурсами [1]. Для сравнительного анализа выбраны три страны, репрезентирующие различные модели: США (система государственных гарантий при отсутствии прямого субсидирования), Китай (директивное регулирование с обязательными нормативами и субсидированием процентных ставок), Великобритания (государство как катализатор рыночной конкуренции).

Американская модель базируется на сочетании рыночных механизмов и гарантиях SBA (Small Business Administration) для частных кредиторов. Ключевые характеристики: отсутствие субсидирования ставок, сохранение банком части риска (15–25 %), требование отказа от обычного кредита, самокупаемость системы. Китайская модель отличается высокой степенью государственного участия: директивные нормативы по доле кредитов малому бизнесу, субсидирование ставок, Национальный гарантийный фонд. Подход обеспечивает быстрый рост объемов, но требует бюджетных расходов и административного давления. Британская модель основана на рыночной конкуренции при поддерживающей роли Банка развития бизнеса (BBB) как катализатора. Основные инструменты: программа гарантий роста (70% гарантии) и стартовые кредиты для начинающих (до 25 тыс. фунтов стерлингов с фиксированной ставкой и наставничеством).

Динамики кредитования отражают разнонаправленные тренды. В США по программе 7(a) loan наблюдается увеличение количества кредитов с 64,1 до 70,2 тыс. долл. США в 2024 г. при снижении уровня безвозвратных потерь с 1,82 % до 0,36–0,55 %, что подтверждает эффективность гарантийного механизма. Долгосрочная инвестиционная программа 504 демонстрирует высокую чувствительность к росту процентных ставок: объем кредитования сократился с 7,6 млрд долл. США в 2021 г. до 4,96 млрд долл. США в 2025 г. на фоне повышения средней ставки с 2,70 % до 6,49 % [2; 3]. В Китае за период 2017–2025 гг. общий объем кредитования малого бизнеса увеличился с 31 до 83,6 трлн юаней (в 2,7 раза), а объем инклюзивных кредитов – с 8,5 до 37 трлн юаней (в 4,4 раза). Максимальные темпы прироста зафиксированы в 2020–2022 гг. (антикризисные меры), после чего последовало замедление с 23 % в 2022 г. до 11–14 % в 2024–2025 гг. вследствие эффекта высокой базы и перехода к повышению качества кредитного портфеля [4]. В Великобритании на примере программы Start Up Loans выделяются три этапа: период структурной стабильности 2016–2019 гг. (ежегодный объем 65–105 млн фунтов стерлингов при 8–9 тыс. кредитов); антикризисный рост 2020–2021 гг. до 137,3 млн фунтов стерлингов и 11,32 тыс. кредитов; постпандемическая нормализация 2022–2024 гг. до 103,1 млн фунтов стерлингов и 8 тыс. кредитов, что, однако, превышает среднегодовой показатель докризисного периода (83,3 млн фунтов стерлингов). Динамика средневзвешенной процентной ставки по кредитам для малого бизнеса в Великобритании

демонстрирует обратную корреляцию с объемами кредитования: рост с 9,9 до 21,1% в 2016–2019 гг., аномальное повышение до 40,2 % в 2020 г., последующее снижение до 9,6 % в 2022–2023 гг. и новый рост до 13,8 % в 2024 г. в связи с ужесточением денежно-кредитной политики [5].

Таким образом, американская модель обеспечивает баланс доступности и дисциплины через разделение рисков, но уязвима к макроэкономическим шокам. Китайская модель позволяет масштабировать поддержку (рост в 4,4 раза за 8 лет), но требует бюджетных расходов и административного давления. Британская модель выступает контрциклическим буфером без директивных методов. Эффективность кредитования зависит от национальных приоритетов. Перспективен синтез элементов: рыночная дисциплина (США), целевая поддержка (Китай), конкуренция кредиторов (Великобритания).

Литература

1. Stiglitz, J. E. Credit Rationing in Markets with Imperfect Information / J. E. Stiglitz, A. Weiss // *The American Economic Review*. – 1981. – Vol. 71, No. 3. – P. 393–410.

2. Small Business Administration. SBA 2024 Capital Impact Report / Small Business Administration. – 2024. – URL: <https://www.sba.gov/> (date of access: 11.04.2026).

3. Abroadz. Программы государственной поддержки бизнеса в США. – URL: <https://abroadz.com/ssha-programmy-gosudarstvennoj-podderzhki-biznesa> (дата обращения: 11.04.2026).

4. OECD. Financing SMEs and Entrepreneurs 2020 / OECD. – Paris : OECD Publishing, 2020. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/2020/04/financing-smes-and-entrepreneurs-2020_3ddd9917/full-report/component-43.html#endnotea36z2 (date of access: 11.04.2026).

5. Bank of England. Effective interest rates for new SME loans (series CFQZJ5A) / Bank of England. – 2025. – URL: <https://www.bankofengland.co.uk/> (date of access: 11.04.2026).

Правовое регулирование в сфере защиты персональных данных в системе публичного права Республики Беларусь

Мазовка Т. В., магистрант Университета НАН Беларуси, науч. рук. проф. Дашкевич А. Л., канд. ист. наук, доц.

После конституционной реформы 2022 г. важнейшим дополнением ст. 28 Конституции Республики Беларусь стало положение о том, что «государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности

и общества при их использовании» [1, с. 10]. Эта норма выводит защиту персональных данных за рамки частного интереса. В этой связи закономерно, что исключительная прерогатива по созданию условий для защиты персональных данных отведена государству. Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-3 (далее – Закон о защите персональных данных) определяет правовое регулирование отношений в сфере персональных данных, превращая его в полноценный публично-правовой инструмент [2].

В 2023 г. в Единый правовой классификатор Республики Беларусь (далее – ЕПК) включена самостоятельная позиция 10.03.09.05 «Персональные данные и их защита», отнесенная к законодательству об информации, информатизации и защите информации (10.03) [3].

Не претендуя на исчерпывающий перечень, в учебнике «Публичное право» под редакцией В. А. Виноградова, перечислены отрасли и подотрасли, составляющие актуальный и бесспорный, на взгляд авторов, вариант системы современного публичного права Российской Федерации. Так, в административно-правовой блок, включено, в том числе, информационное право [4]. Подобного мнения придерживался и профессор Ю. А. Тихомиров, который к публично-правовым отраслям причислял в том числе и информационное право [4; 5].

При этом следует учитывать, что публично-правовой характер персональных данных подчеркивается и возможностью их обработки в определенных случаях без согласия гражданина. В Законе о защите персональных данных в ст. 6 и 8 (в отношении специальных персональных данных) четко указаны соответствующие случаи [2]. Конституционный Суд отмечает, что рассматриваемые в Законе о защите персональных данных правоограничения при условии обеспечения защиты персональных данных от незаконного доступа иных лиц представляются допустимыми и соразмерными конституционно значимым целям, поскольку исходят из необходимости достижения оптимального и справедливого баланса публичных и частных интересов [6]. Такая правовая конструкция подтверждает, что права граждан при обработке их персональных данных являются не абсолютными, а относительными, пределы реализации которых определяются необходимостью обеспечения безопасности и устойчивого функционирования государства при строгом соблюдении конституционных границ.

Государственный контроль как часть системы государственного управления в сфере защиты персональных данных представлен Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь и Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь. Эти органы осуществляют ключевые функции контроля и координации в сфере защиты информации по направлениям деятельности.

Инструментарий публичного права включает в себя ответственность (дисциплинарную, административную, уголовную) как механизм принуждения

в сфере защиты персональных данных. Это подчеркивает высокую общественную значимость объекта защиты.

Публично-правовое регулирование в Республике Беларусь в сфере защиты персональных данных продолжает трансформироваться, отвечая на сложные вызовы цифровой эпохи. Государство выстраивает гибкий, но строгий правовой каркас в этой сфере, который призван обеспечить баланс между интересами цифровой экономики, эффективным управлением и безопасностью каждого гражданина при использовании его персональных данных.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2023. – 80 с.

2. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З : в ред. от 1 июня 2021 г. № 175-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 09.04.2026).

3. Единый правовой классификатор Республики Беларусь // Национальный правовой Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/edinyu-pravovoy-klassifikator/> (дата обращения: 10.04.2026).

4. Публичное право : учебник / В. А. Виноградов, А. О. Гаджиева, А. А. Лазаревич [и др.] ; под ред. В. А. Виноградова. – М. : Проспект, 2025. – 624 с.

5. Тихомиров, Ю. А. Публичное право : учебник / Ю. А. Тихомиров. – М. : БЕК, 1995. – 496 с.

6. Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 29 апр. 2021 г. № Р-1261/2021 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» // Конституционный Суд Республики Беларусь. – URL: <http://www.kc.gov.by/document-70203> (дата обращения: 09.04.2026).

Международно-правовое закрепление и пределы права на самооборону

*Маринина М. Ю., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Рупинская А. А.*

Право на самооборону является одним из ключевых институтов международного права, обеспечивающих государствам возможность защитить свою территориальную целостность и суверенитет в условиях вооруженного нападения.

Международно-правовое закрепление права на самооборону базируется на ст. 51 Устава ООН, которая гласит: «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную

самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет меры, необходимые для поддержания международного мира и безопасности» [1]. В соответствии со ст. 51 Устава ООН государство обязано незамедлительно уведомлять Совет Безопасности ООН о мерах, предпринятых им при осуществлении права на самооборону [2, с. 17], хотя на практике это требование не всегда выполняется. Согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., «неотъемлемое право» в контексте статьи 51 означает право на применение силы исключительно в ответ на вооруженное нападение [3], что не противоречит целям Устава ООН, так как ограничивает случаи применения силы и способствует поддержанию мира и безопасности [1].

Принципы необходимости и соразмерности являются фундаментальными в установлении границ самообороны. Самооборона должна быть реакцией на вооруженное нападение, а не на абстрактные предположения. Право на самооборону по ст. 51 Устава ООН возникает только после того, как произошло вооруженное нападение на государство – члена ООН. Меры, принятые в осуществление права на самооборону, должны быть немедленно сообщены Совету Безопасности ООН [1]. Упреждающие удары из-за угроз, которые могут возникнуть в отдаленном будущем, представляют собой прямое нарушение Устава ООН. Применение силы должно быть оправданным и не превышать необходимого уровня для защиты [4, с. 138].

Именно здесь, на стыке этих принципов и фактических действий государств, и возникает основная проблематика, актуальность которой подтверждается конкретными прецедентами. Так, первый пример касается военной операции Турции в Сирии в 2018 и 2019 гг., известной как «Оливковая ветвь» и «Источник мира». Турецкое правительство официально обосновывало свои действия правом на самооборону, ссылаясь на необходимость противодействия курдским вооруженным формированиям, которые, по утверждению Анкары, создавали непосредственную угрозу территориальной целостности Турции и совершали атаки с сирийской территории. Однако курдские отряды не являются государственным образованием, а Сирия как суверенное государство не давала согласия на ввод турецких войск [5]. В данном контексте возникает ключевой вопрос, на который ст. 51 Устава ООН не дает ответа, а именно, допустима ли самооборона против негосударственных акторов на территории другого государства без его согласия. Вторая ситуация связана с действиями США и Великобритании в Йемене в январе-феврале 2024 г. Нанося удары по позициям хуситов, данные государства заявили, что действуют в порядке самообороны в ответ на атаки хуситов на торговые суда в Красном море. Хуситы, как и курдские формирования в сирийском кейсе, представляют собой негосударственного вооруженного

актора [6]. Такие примеры показывают, что проблематика права на самооборону напрямую влияет на оценку законности применения силы в реальных конфликтах.

Статья 51 Устава ООН закрепляет право на самооборону с пределами в виде необходимости, соразмерности и уведомления Совета Безопасности ООН. Однако реальные прецеденты показывают разрыв между нормами и практикой. Статья 51 не отвечает на вопрос о самообороне против негосударственных акторов. Таким образом, пределы самообороны остаются размытыми, что создает риск злоупотреблений.

Литература

1. Устав Организации Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 25.03.2026).

2. Хлестов, О. Н. Вооруженные конфликты и право на самооборону / О. Н. Хлестов, Д. О. Медведева // Московский журнал международного права. – 2005. – № 2. – 76 с.

3. Венская конвенция о праве международных договоров : [принята в г. Вене 23.05.1969 г.] // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/ILC-1969-3> (дата обращения: 25.03.2026).

4. Gardam, J. Necessity, proportionality and the use of force by States / Judith Gardam. – Cambridge [etc.] : Cambridge University Press, 2004. – XXIII. – 259 p.

5. IADL Condemns Turkey's Invasion of Northern Syria (Operation Olive Branch, January 24, 2018) // International Association of Democratic Lawyers. – URL: <https://iadllaw.org/2018/01/iadl-condemns-turkeys-invasion-of-northern-syria/> (date of access: 06.04.2026).

6. Henderson, C. With airstrikes on Houthi rebels, are the US and UK playing fast and loose with international law? (February 7, 2024) / C. Henderson // The Conversation. – URL: <https://theconversation.com/with-airstrikes-on-houthi-rebels-are-the-us-and-uk-playing-fast-and-loose-with-international-law-2229069> (date of access: 06.04.2026).

Генезис права на судебную защиту в Республике Беларусь

*Мартыянова А. А., соискатель БГУ,
науч. рук. Бодак А. Н., канд. юр. наук, доц.*

Право на судебную защиту – это фундамент любого цивилизованного правового государства, гарантия справедливости и основа доверия граждан к институтам власти.

Право на судебную защиту – это не просто абстрактная норма, а один из ключевых индикаторов зрелости правового государства. Его наличие,

реальность и эффективность свидетельствуют о способности государства обеспечить справедливость, защитить права и свободы своих граждан от произвола. Анализ конституционных основ этого права на разных исторических этапах позволяет не только понять прошлое, но и определить контуры будущего развития.

Для Республики Беларусь этот путь к укреплению и развитию данного фундаментального права был непростым и многогранным, отражая исторические трансформации и становление суверенной государственности. Изучение генезиса права на судебную защиту сквозь призму пяти конституций страны позволяет выявить ключевые этапы его эволюции, определить сохранившиеся ориентиры и обозначить вектор дальнейшего совершенствования.

Конституция, принятая 3 февраля 1919 г., стала первым основным законом образования советской государственности на территории Беларуси.

В тексте Конституции 1919 г. прямое и развернутое закрепление такого понятия, как «право на судебную защиту», отсутствует. Конституция 1919 г. не содержала отдельной главы, посвященной «праву на судебную защиту», в современном понимании этого термина.

Важно понимать, что положения Конституции 1919 г. существовали в условиях гражданской войны, социально-экономических потрясений и становления новой государственной системы. Поэтому «право на судебную защиту» носило специфический характер. Основной акцент делался на защите интересов трудящихся. Однако важно понимать, что в тот период реальная независимость суда была ограничена. Партийное руководство играло доминирующую роль, и судебная защита зачастую рассматривалась сквозь призму классовой борьбы [3, с. 147].

Конституция 1927 г. продолжала эту линию. Положения о судебной власти оставались в рамках общей советской правовой парадигмы. Хотя и закреплялось право на обращение в народный суд, его независимость оставалась относительной. Эффективность судебной защиты зачастую зависела от политического контекста и степени вмешательства партийных органов.

Конституция 1937 г., принятая в период укрепления сталинского режима, формально расширяла гарантии прав граждан. В ней появились положения о праве на труд, отдых, образование, однако применительно к праву на судебную защиту картина оставалась сложной. С одной стороны, закреплялась норма о независимости судей и подчинении их только закону. С другой – реальная правоприменительная практика, особенно в период репрессий, часто расходилась с конституционными декларациями. Принцип законности подменялся политическим целесообразностью, а судебная защита зачастую становилась инструментом преследования, а не гарантией прав.

Конституция 1978 г., принятая спустя десятилетия, содержала более развитее положения о правах и свободах граждан. Были закреплены гарантии на

получение квалифицированной юридической помощи, презумпция невиновности. Тем не менее основная модель судебной системы оставалась той же, что и в предыдущие периоды. Право на судебную защиту, хотя и декларировалось, во многом продолжало быть зависимым от вышестоящих органов и партийных структур. Тем не менее в этот период наблюдалась тенденция к более формальному закреплению юридических процедур и усилению роли правовых норм.

Принятие Конституции Республики Беларусь 1994 г. стало поистине революционным шагом. Государство провозгласило себя правовым, демократическим, социальным. Статья 60 Конституции 1994 г. стала основой в обеспечении права на судебную защиту, провозгласив: «Каждому гарантируется защита прав и свобод независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки». Это положение четко обозначило роль суда как основного гаранта прав и свобод граждан [1, ст. 60].

Важно отметить, что уже тогда Конституция устанавливала принципы независимости судей и их подчинения только закону, что является неотъемлемым условием для эффективной судебной защиты. Также было закреплено право на обжалование решений, приговоров и иных судебных постановлений, что обеспечивало многоступенчатую систему контроля за законностью и обоснованностью судебных актов.

Последующие конституционные изменения, зафиксированные в 1996 г., продолжили линию на развитие права на судебную защиту. Референдум 1996 г. внес существенные изменения в Конституцию, которые затронули и судебную систему. Хотя общая формулировка права на судебную защиту осталась неизменной, акцент сместился в сторону усиления роли государства и Президента в формировании судебной власти. Основным акцент был сделан на более четком разграничении полномочий, в том числе в сфере судопроизводства. В частности, были расширены полномочия Президента по назначению и освобождению судей, что вызвало дискуссии о степени независимости судебной ветви власти.

Продолжалось формирование законодательной базы, направленной на повышение эффективности судебной защиты, включая развитие институтов гражданского и уголовного процесса.

Тем не менее право на судебную защиту как таковое не было отменено, а продолжало действовать в рамках обновленной системы.

Конституция с изменениями и дополнениями 2004 г., в контексте дальнейшего развития правовой системы, продолжала утверждать и закреплять право на судебную защиту как фундаментальное. Хотя сама структура основного закона не претерпела кардинальных изменений в части данного права, тем не менее на его основе активно шло совершенствование процессуального законодательства. Принятие новых кодексов, развитие апелляционного и кассационного производства, формирование института конституционного

судопроизводства – все это способствовало большей защищенности граждан и организаций в суде. Судебная защита рассматривалась как универсальный механизм, призванный восстанавливать нарушенные права, привлекать виновных к ответственности и обеспечивать законность.

Однако, несмотря на фундаментальное значение, право на судебную защиту имело определенные ограничения и не всегда позволяло гражданам напрямую оспаривать конституционность законов и иных нормативных актов.

Существенным шагом в укреплении права на судебную защиту стало внесение изменений в Конституцию Республики Беларусь в 2022 г. и введение института конституционной жалобы. Это изменение, отраженное в обновленной редакции Основного Закона, открывает новый, более прямой и эффективный путь для граждан в защите своих конституционных прав.

Конституционная жалоба – это право гражданина обратиться в Конституционный Суд Республики Беларусь с целью проверки соответствия законов, иных нормативных правовых актов, а также их отдельных положений Конституции Республики Беларусь, если такое применение акта или его отдельных положений в конкретном случае привело или может привести к нарушению его конституционных прав и свобод.

После внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь в 2022 г., граждане получили возможность непосредственно обращаться в высший орган конституционного контроля, минуя предварительное судебное разбирательство, если вопрос касается непосредственно конституционности примененного к ним акта. Основная задача конституционной жалобы – выявление и пресечение норм, нарушающих конституционные права и свободы граждан.

Введение института конституционной жалобы расширило возможности Конституционного Суда в осуществлении нормоконтроля, делая его более ориентированным на защиту прав конкретных субъектов.

Ожидается, что возможность оспаривания законов на предмет их конституционности будет способствовать повышению качества правотворчества и снижению случаев принятия противоречащих Конституции нормативных актов.

При этом внедрение нового института всегда сопряжено с определенными вызовами. Необходимо разработать четкие процессуальные нормы, регламентирующие порядок подачи и рассмотрения конституционных жалоб, определить критерии их допустимости, а также обеспечить должную информированность граждан о новом механизме защиты.

Перспективы развития права на судебную защиту с учетом введенного института конституционной жалобы выглядят обнадеживающими. Граждане Республики Беларусь получили в свое распоряжение мощный новый инструмент, который призван повысить уровень правовой защищенности и укрепить доверие к правовой системе. Эффективное функционирование

института конституционной жалобы будет способствовать дальнейшему развитию правового государства, где права и свободы человека являются не просто декларируемыми, но и реально защищенными.

Введение института конституционной жалобы ознаменовало собой значительный шаг в эволюции права на судебную защиту в Республике Беларусь. Это изменение является свидетельством стремления к дальнейшему укреплению прав и свобод граждан, усилению роли конституционного контроля и повышению эффективности правосудия. Анализ и практическая реализация данного института, несомненно, внесут существенный вклад в развитие белорусского правового государства, где каждый гражданин может быть уверен в действенной защите своих конституционных прав [2].

Анализ норм пяти конституций Республики Беларусь показывает очевидный прогресс в становлении и развитии права на судебную защиту. Если первые конституции носили преимущественно декларативный характер, часто ограничивая реальную независимость судебной власти, то Конституция 1994 г. заложила прочный фундамент для построения действительно правового государства, где судебная защита является не пустым звуком, а реальной гарантией прав и свобод граждан.

Путь развития права на судебную защиту в Республике Беларусь не завершен. Каждая из пяти конституций – это этап в длительном процессе поиска наилучших форм и механизмов обеспечения справедливости. Современное законодательство и правоприменительная практика продолжают развиваться, стремясь к максимальной эффективности и доступности правосудия. Поэтому понимание исторического генезиса этого фундаментального права, воплощенного в нормах этих конституций, является необходимым условием для дальнейшего совершенствования нашей правовой системы.

Генезис права на судебную защиту в теории белорусского права, отраженный в эволюции конституционных норм, является ярким примером поступательного движения к построению правового государства. Каждая из рассматриваемых конституций внесла свой вклад в формирование этого фундаментального права. Действующая Конституция Республики Беларусь закрепила его наиболее полно, создав прочную основу для обеспечения справедливости и защиты прав граждан. Дальнейшее развитие и совершенствование правовой системы, а также активное теоретическое исследование аспектов права на судебную защиту будут способствовать укреплению законности и правопорядка в Республике Беларусь.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г.) // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.02.2026).

2. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» / Официальный сайт Конституционного Суда Республики Беларусь. – URL: <http://www.kc.gov.by/document-75043> (дата обращения: 19.03.2026).

3. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447 – 1996 гг.) : моногр. / М. Ф. Чудаков. – Мн. : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 327 с.

О последствиях прекращения действия договора для «нехорошего» контрагента

*Матвейков К. С., студ. V к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Максименюк В. В.*

Возможность прекратить действующие договорные правоотношения их сторонам гарантировано гражданским законодательством на основании принципа свободы договора и воли сторон. Так, в соответствии с Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК Беларуси) договор может прекратить свое действие в следующих случаях: 1) по соглашению сторон [1, п. 1, ст. 420]; 2) по требованию одной из сторон по решению суда: при существенных нарушениях договора одной из сторон и в иных случаях, предусмотренных ГК Беларуси, законодательством или самим договором [1, п. 2, ст. 420]; 3) в случае заявления стороной одностороннего отказа от исполнения договора полностью или частично, когда такой отказ допустим законодательством, соглашением сторон [1, п. 3, ст. 420]; 4) по окончании срока действия договора, когда такое условие предусмотрено договором или законодательством [1, п. 3, ст. 395].

При всех вышеупомянутых случаях обязательства у сторон прекращаются, однако, важно понимать, каковы могут быть последствия для контрагента, который в период действия договора свои обязательства не исполнил. Важно еще в этом случае и отметить, что расторжением договора прекращаются обязательства сторон с момента его расторжения на будущее, из этого следует: обязательства «нехорошего контрагента» по исполнению обязательств возникшими в период действия договора об уплате задолженности, а также об уплате неустойки не прекращаются [2]. Также п. 5 ст. 395 ГК Беларуси установлено: «окончание срока действия договора не освобождает стороны от ответственности за его нарушение» [1, п. 3, ст. 395]. Таким образом, должник обязан будет уплатить неустойку и (или) проценты, которые начислены в пределах действия договора.

Однако, возникает вопрос: будут ли функционировать неустойка и проценты за пользование чужими денежными средствами после окончания

действия (расторжения) договора? В цивилистике наблюдается полемика по этому вопросу.

Первая группа публицистов (например, П. И. Бондюк, Р. Ф. Кулик) придерживаются следующей позиции: взыскать неустойку после расторжения, прекращения действия договора возможно. Возможность взыскания авторы связывают с такой чертой неустойки, как акцессорность, поскольку акцессорное обязательство возникает при неуплате основного долга и прекращается в случае уплаты, что являлось предметом исследования Р. С. Бевзенко [3].

Другие публицисты (например, Д. Короткевич, М. Короткевич) придерживаются иной позиции: при прекращении договора все обязательства сторон прекращаются [4].

Также отметим, что в Российской Федерации данный вопрос урегулирован Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»: если при расторжении договора основное обязательство не прекращается (арендная плата), то взысканию подлежат не только установленные договором платежи за пользование имуществом, но и неустойка за просрочку их уплаты.

По нашему мнению, взыскать неустойку после расторжения (окончания действия) договора возможно, в том числе которая будет начислена и после его окончания, потому что обязательство будет продолжать не исполняться, а прекращение действия договора не является основанием для освобождения от ответственности.

Для ответа на вопрос о возможности взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами после прекращения договора обратимся к п. 3 ст. 366 ГК Беларуси, который гласит: проценты взимаются по день уплаты этих средств [1, п. 3, ст. 366]. Из этого следует, что проценты можно будет взыскать после расторжения (окончания действия) договора. На основании этого для формирования единого подхода к данному вопросу о неустойке считаем вполне приемлемым дополнить ст. 311 ГК Беларуси о неустойке нормой такого же содержания или принять соответствующий нормативный правовой акт Верховным Судом Республики Беларусь.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 2008 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.04.2026).

2. Волошиненко, Ю. Г. Взыскание неустойки после расторжения или истечения срока действия договора / Ю. Г. Волошиненко // Пех : информ. правовая система. – URL: <https://ilex.by/vzyskanie-neustojki-posle-rastorzheniya-ili-istecheniya-sroka-dejstviya-dogovora/> (дата обращения: 04.04.2026).

3. Кулик, Р. Ф. О возможности взыскания неустойки после расторжения договора / Р. Ф. Кулик, П. И. Бондюк // caselogia.by. – URL: <https://caselogia.by/ovozmozhnosti-vzyskaniya-neustoyki-posle-rastorzheniya-dogovora> (дата обращения: 04.04.2026).

4. Короткевич, Д. Взыскание неустойки при истечении срока действия договора / Д. Короткевич, М. Короткевич // bii.by : Правовая платформа. – URL: <https://bii.by/docs/vzyskanie-neustojki-pri-istechenii-sroka-dejstviya-dogovora-227911> (дата обращения: 04.04.2026).

Право на развитие как фундамент для справедливого мирового правопорядка

*Островская А. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Мороз Н. О., канд. юр. наук, доц.*

Фундаментальный характер права на развитие раскрывается прежде всего через его закрепление в качестве логического продолжения права народов на самоопределение. Статья 1, общая для Международных пактов о правах человека 1966 г., провозглашает право народов свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие [4]. Эта взаимосвязь является важной, так как право на самоопределение выступает необходимой предпосылкой и условием реализации права на развитие. Как указывается в Замечании общего порядка № 12 Совета ООН по правам человека от 1984 г., право на самоопределение имеет особое значение, поскольку его реализация является важнейшим условием для эффективной гарантии и соблюдения прав человека отдельных лиц, поэтому оно было закреплено в качестве позитивного обязательства в вышеупомянутой статье. Она уделяет особое внимание экономическому аспекту этого права, в частности, праву народов свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами, что напрямую корреспондирует с правом на развитие, предполагающим суверенитет над природными ресурсами как основу для экономического роста. Без такого суверенитета развитие народа не может быть подлинно свободным и определяемым им самим.

Это положение указывает на то, что право на развитие является одновременно индивидуальным и коллективным правом. Коллективное право на самоопределение является ключевым, поскольку гарантирует народам, пострадавшим от исторической несправедливости не просто формальное

равенство, а создания условий для преодоления последствий колониализма и неравноправной эксплуатации. Именно данный аспект, по нашему мнению, обуславливает фундаментальный характер данного права.

Право на развитие является фундаментом для развития более справедливых общественных отношений в связи с тем, что оно тесно переплетено с нормами *jus cogens* и Уставом ООН. Комиссия ООН по международному праву в своем докладе «Императивные нормы международного права (*jus cogens*)» подчеркивает, что право на самоопределение относится к неисчерпывающему перечню императивных норм, а как уже отмечалось выше, право на развитие является его логическим продолжением [3]. Международный Суд ООН вынес также ряд решений и консультативных заключений, затрагивающих право народов на самоопределение (решение от 30 июня 1995 г. по делу Восточного Тимора (Португалия против Австралии), консультативное заключение по делу о правовых последствиях строительства стены на оккупированной Палестинской территории от 9 июля 2004 г.).

Вместе с тем реализация права на развитие сталкивается с рядом практических затруднений, обусловленных пролиферацией односторонних санкций, мер по их обеспечению и оверкомплаенсом [2, п. 21, 54]. Не меньшую озабоченность вызывает ситуация с применением силы против Венесуэлы, похищением ее Президента, в том числе с целью лишения права народа Венесуэлы на распоряжение собственными природными ресурсами. При этом Конвенция о праве на развитие так и не заключена, в связи с чем как нормативное содержание данного права, так и способы его защиты урегулированы фрагментарно. Указанное выше обуславливает актуальность темы настоящего исследования.

Статьи 55 и 56 Устава, обязывая государства содействовать повышению уровня жизни и решению международных проблем в экономической и социальной областях, закладывают нормативную основу для сотрудничества в целях развития. Декларация о праве на развитие 1986 г., хоть и являясь источником «мягкого права», конкретизировала эти обязательства, провозгласив человека «центральной субъектом процесса развития», который должен быть активным участником и бенефициаром прогресса [1].

Анализируя Декларацию, можно вывести элементы этого права, определяющиеся как неотъемлемое право человека на участие, внесение вклада и пользование таким экономическим, социальным, культурным и политическим развитием, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека и основные свободы. Это подразумевает целостный подход, включающий постоянное улучшение благосостояния всего населения и каждого индивида, равно как и активное, свободное и осмысленное участие граждан в принятии решений, касающихся развития, а также справедливое распределение выгод, проистекающих от прогресса.

Дальнейшую детализацию этих положений предлагает проект пакта о праве на развитие, который развивает нормативное содержание права. В соответствии с проектом государства несут ответственность за создание благоприятных условий на национальном и международном уровнях. Особенно важно то, что закрепляется именно обязанность сотрудничать. В частности, здесь можно выделить обязанность государств принимать законы, направленные на реализацию права на развитие, а также способствование реализации принципа недискриминации и особого внимания к наиболее уязвимым группам населения. Разработчики подчеркивают требование к международному сотрудничеству, признающее, что усилий одного государства недостаточно для преодоления глобальных барьеров, препятствующих развитию.

Роль права на развитие как одного из фундаментальных прав человека наиболее ярко проявляется в его интеграции в глобальную повестку дня. Повестка-2030 и 17 Целей устойчивого развития представляют собой практическую реализацию права на развитие. Они превращают его из концепции в реально осуществимый механизм перераспределения ресурсов и создания равных возможностей. В этом контексте право на развитие перестает быть просто правом: оно становится методом и целью общественного прогресса, интегрируя усилия государств, гражданского общества и бизнеса. Пакт во имя будущего 2024 г. подтвердил эту тенденцию, связав право на развитие с принципом межпоколенческой солидарности и защитой интересов будущих поколений. Такая трансформация от декларации к глобальному плану действий является ключевым доказательством того, что право на развитие действительно служит фундаментом, на котором выстраиваются современные, более справедливые и устойчивые общественные отношения.

Таким образом, право на развитие является фундаментом для выстраивания справедливого международного правопорядка. Оно вытекает из императивной нормы, закрепляющей право народов на самоопределение, реализуется в том числе путем достижения целей устойчивого развития. Принятие юридически обязывающей Конвенции о праве на развитие могло бы и должно стать решающим шагом к тому, чтобы это право перестало быть заложником политической воли и превратилось в надежный правовой механизм, гарантирующий каждому человеку и каждому народу место в справедливом, равном, а главное доступном миропорядке.

Литература

1. Декларация о праве на развитие : принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения: 18.03.2026).

2. Довгань, Е. Ф. Вторичные санкции, гражданские и уголовные наказания за обход режимов санкций и чрезмерно рьяное соблюдение санкций : доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Ф. Довгань / Е. Ф. Довгань. – Совет по правам человека, 2022. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/51/33> (дата обращения: 18.03.2026).

3. Императивные нормы международного права (jus cogens) : доклад Комиссии ООН по международному праву A/77/10, 12 августа 2022 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2022/russian/chp4.pdf> (дата обращения: 18.03.2026).

4. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 18.03.2026).

Содержание понятия «информационный суверенитет» в контексте международного права

*Первенецкая К. Д., магистрант I к. БГУ,
науч. рук. доц. Мороз О. Г., канд. юр. наук, доц.*

В. Ю. Арчаков отмечает, что применение такого актуального понятия, как информационный суверенитет, обуславливается беспокойным состоянием мировой информационной сферы и в условиях обострения международных противоречий весьма проблематично выработать общепринятые эффективные правила поведения международного сообщества в информационном пространстве [1].

Так, за последние годы информационное пространство стало подвергаться множеству кибератак [2] и в зоне риска оказываются государственные структуры. Например, крупный прецедент произошел в правительственном агентстве Индии, где в ходе кибератаки были украдены и выставлены на продажу биометрические данные граждан и резидентов Индии [3], в 2023 г. в Кении было зарегистрировано 860 млн кибератак [4], а ущерб от кибератаки, произошедшей в 2025 г., повлиявшей на работу авиаперевозчика компании «Аэрофлот», специалисты оценили в 10–50 млн долл. [5].

Ввиду недостаточной защищенности государств и совершения в отношении них противоправных деяний необходимо выработать единые подходы к пониманию информационного суверенитета (далее – ИС), что позволит в дальнейшем сформировать общие правила, принципы, а также стратегию защиты информационного пространства.

Проблематика закрепления единых подходов к определению ИС кроется в многообразии его понятий. Прежде всего ИС следует рассматривать не только в контексте понятия государственного суверенитета, но и требует отдельного понимания, а также подходов к его защите.

Так, арбитром Максом Губером по делу об острове Пальмас под государственным суверенитетом понимается независимость в отношении участка земного шара и право осуществлять в ее в пределах функций государства, исключая любое иное государство [6, с. 10]. Вместе с тем С. В. Черниченко пишет, что суверенитет представляет собой верховенство государства в пределах его границ и независимости на международной арене [7, с. 26–27].

Таким образом, суверенная власть государства заключается в контроле над своим пространством, независимости и самостоятельном осуществлении своих полномочий, в том числе это относится к информационному пространству государств.

Понятие ИС в соответствии с Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь означает неотъемлемое и исключительное верховенство права государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю государственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность [8]. Ряд ученых понимают под ИС возможность государства самостоятельно и независимо определять и вести свою информационную политику, распоряжаться информационными ресурсами, инфраструктурой национального пространства, а также обеспечивать информационную безопасность [9, с. 116], верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном и глобальном информационном пространстве [10, с. 12].

Вместе с тем внутренний аспект ИС в соответствии с Таллинским руководством 2.0 по международному праву, применимому к кибероперациям, предполагает под собой суверенную власть государства в отношении киберинфраструктуры, лиц и кибердеятельности, находящихся на его территории, в соответствии с его международными обязательствами [11, с. 13].

Таким образом, несмотря на различные подходы к определению понятия, чаще всего ИС связывают со способностью государства проводить (формировать и реализовывать) самостоятельный политический курс в информационной среде, внутри страны и международных отношениях, а также обеспечивать безопасность национальных информационных систем.

Следовательно, сущность ИС государства состоит в том, чтобы защищать суверенное право в контроле над своим пространством, независимости

и самостоятельном осуществлении своих полномочий, в том числе в информационном пространстве.

Литература

1. Информационная безопасность становится важнейшим вопросом реализации интересов личности и государства – Арчаков. – URL: <https://belta.by/society/view/informbezopasnost- stanovitsja-vazhnejshim-voprosom-realizatsii-interesov-lichnosti-i-gosudarstva-327425-2018/> (дата обращения: 05.03.2026).

2. В ООН сообщили, что ежедневно совершается более 2,2 тыс. кибератак. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/20184947> (дата обращения: 09.01.2026).

3. Утечка биометрических данных в Индии // Kaspersky. 2023. – URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/top-five-data-breaches-in-history/38127/> (дата обращения: 19.11.2025).

4. Поддержание международного мира и безопасности. Противодействие меняющимся угрозам в киберпространстве : письмо Постоян. представителя Республики Корея при ООН от 7 июня 2024 г. на имя Председателя Совета Безопасности // Организация Объединенных наций. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/pro/n24/176/04/pdf/n2417604.pdf> (дата обращения: 18.12.2025).

5. Аэрофлот понес миллиардные убытки из-за хакерской атаки // InvestFuture. – URL: <https://investfuture.ru/articles/aeroflot-ponyos-milliardnye-ubytki-iz-zhakhakerskoy-ataki> (дата обращения: 21.02.2026).

6. Gong Wenxiang. Information Sovereignty Reviewed // Peking University. Intercultural Communication Studies. – 2005. – Vol. XIV, iss. 1. – P. 119–135.

7. Черниченко, С. В. Теория международного права: Старые и Новые теоретические проблемы, 1999. – 528 с.

8. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // *Илех* : информ. правовая система (дата обращения: 17.12.2025).

9. Цифровой суверенитет. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/219969/1/116-117.pdf> (дата обращения: 22.11.2025).

10. Кучерявый, М. М. Государственная политика инф.суверенитета России России в условиях современного глобального мира / М. М. Кучерявый // *Управленческое консультирование*. – 2014. – № 9 (69). – С. 8–15.

11. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations 2nd Edition / ed.by Michael N. Schmitt. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – 598 p.

Проблема правового статуса частных военных компаний с точки зрения международного гуманитарного права

*Пичурова В. Д., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Ширинский О. Ю., канд. юр. наук, доц.*

В современных международных отношениях наблюдается устойчивая тенденция к расширению использования частных военных компаний (ЧВК) в вооруженных конфликтах. Данная практика порождает ряд сложных правовых вопросов, прежде всего связанных с определением их статуса в рамках международного гуманитарного права (МГП).

Частные военные компании представляют собой коммерческие организации, предоставляющие военные и охранные услуги, включая участие в боевых действиях, охрану объектов и обучение персонала [1]. В отличие от наемников деятельность ЧВК зачастую легализована национальным законодательством, а их сотрудники могут действовать по контракту с государствами.

Основу международно-правового регулирования вооруженных конфликтов составляют Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г. Однако данные документы не содержат прямого упоминания ЧВК, что создает правовой вакуум. Конвенция ООН 1989 г. о борьбе с наемничеством также не охватывает деятельность ЧВК в полной мере, поскольку критерии наемника применимы лишь в ограниченных случаях [2].

Существенным шагом в регулировании деятельности ЧВК стал Документ Монтре 2008 г., который закрепляет обязательства государств в отношении ЧВК и содержит рекомендации по их контролю [3]. Тем не менее данный документ носит рекомендательный характер и не является юридически обязательным.

Одной из ключевых проблем является определение статуса сотрудников ЧВК. В зависимости от выполняемых функций они могут рассматриваться либо как гражданские лица, либо как лица, принимающие непосредственное участие в военных действиях. В последнем случае они утрачивают защиту, предоставляемую гражданским лицам, но при этом не получают статуса комбатанта [4].

Не менее важным является вопрос ответственности за нарушения норм МГП. В практике имели место случаи, когда сотрудники ЧВК совершали серьезные правонарушения, однако привлечение их к ответственности осложняется отсутствием четкой юрисдикции и механизмов контроля [5].

Применение ЧВК в Ираке и Афганистане продемонстрировало масштаб данной проблемы. Резонансные инциденты, такие как события на площади Нисур в 2007 г., вызвали широкую международную дискуссию о необходимости ужесточения правового регулирования [6].

Таким образом, проблема правового статуса ЧВК остается одной из наиболее актуальных в международном праве. Отсутствие четкого регулирования создает риски безнаказанности и подрывает эффективность международного гуманитарного права.

Литература

1. Singer, P. W. *Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry* / P. W. Singer. – Ithaca : Cornell University Press, 2003. – 335 p.

2. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников : принята резолюцией ГА ООН 44/34 от 4 декабря 1989 г. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-44-34> (дата обращения: 10.04.2026).

3. The Montreux Document on Private Military and Security Companies. – Geneva, 2008. – URL: <https://www.montreuxdocument.org/pdf/document/en.pdf> (date of access: 10.04.2026).

4. Henckaerts, J.-M. *Customary International Humanitarian Law* / J.-M. Henckaerts, L. Doswald-Beck. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – Vol. 1. – 621 p. – URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/customary-ihl/v1> (date of access: 10.04.2026).

5. Chesterman, S. *From Mercenaries to Market: The Rise and Regulation of Private Military Companies* / S. Chesterman, C. Lehnardt. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 280 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/30504646_From_Mercenaries_to_Market_The_Rise_and_Regulation_of_Private_Military_Companies (date of access: 10.04.2026).

6. Maggs, G. E. Book Review of Jeremy Scahill, *Blackwater: The Rise of the Most Powerful Mercenary Army (2007/2008)* and *From Mercenaries to Market: The Rise and Regulation of Private Military Companies* (Simon Chesterman & Chia Lehnardt, eds., 2008) / G. E. Maggs // *American Journal of International Law*. – 2009. – Vol. 103. – P. 198. – URL: https://scholarship.law.gwu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1844&context=faculty_publications (date of access: 11.04.2026).

Профессиональные риски в деятельности адвоката: пути решения проблем

*Полтавцева В. А., студ. III к. ГрГУ им. Я. Купалы,
науч. рук. ст. преп. Евдокименко О. Н.*

Адвокатская деятельность относится к числу профессий с высокой степенью публичной ответственности. Адвокат обязан защищать права и законные интересы доверителя, соблюдая при этом Закон Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» [1], Уголовный кодекс, Гражданский кодекс и др. Специфика правового статуса адвоката не исключает, а, напротив, порождает ряд профессиональных рисков.

Профессиональные риски – это угрозы, с которыми сталкивается специалист. Они делятся на несколько категорий, и для их снижения адвокату нужно соблюдать профессиональную этику, учиться новому и использовать страхование.

Среди профессиональных рисков адвокатов выделяют прежде всего коммуникативные риски при оказании юридического консультирования.

Коммуникативные риски определяются как возможность возникновения угроз или неудач в процессе общения. В последние годы этому вопросу уделяется все больше внимания, включая методы преодоления таких рисков и анализ неправильного понимания заимствований. Основной причиной этих рисков является недостаточная компетентность участников диалога, особенно юристов. Риски могут быть организационными, когда страдает последовательность взаимодействия с клиентом, и коммуникативными, возникающими из-за недостаточной подготовки юриста к специфике общения [2]. Более детальный анализ организационных рисков показывает, что они возникают из-за неверного ведения беседы или пропуска ключевых этапов взаимодействия с клиентом.

Также существуют такие риски, как:

1) юридические риски – это опасность нарушить закон или неправильно исполнить свои прямые обязанности. Последствия могут быть разными: от дисциплинарного взыскания на работе до судебных исков со стороны клиентов или государства;

2) риски профессиональной ответственности – конкретные ошибки специалиста: недостаточная квалификация для решения задачи, разглашение тайны (например, адвокатской или врачебной) или ситуация, когда личный интерес мешает работе (конфликт интересов). За это адвокату могут грозить гражданские иски (например, о возмещении ущерба) или дисциплинарные меры;

3) репутационные риски – потеря доверия со стороны клиентов, партнеров или общественности. Причинами могут быть небрежность, допущенные ошибки или заведомо неправильные действия. Восстановить репутацию часто сложнее, чем оплатить штраф;

4) финансовые риски – прямые денежные потери. Они возникают, если специалист не выполнил условия договора, ошибся в расчетах (например, в налогах или смете), или если клиент действовал неправомерно, вовлекая профессионала в свои схемы;

5) риски использования неправомерных методов – намеренное или случайное применение неэтичных или незаконных способов для защиты интересов клиента (например, подделка документов, давление на свидетелей). Последствия могут быть как юридические (возбуждение уголовного дела в отношении адвоката), так и дисциплинарные (лишение адвоката его статуса);

б) психологические риски – внутреннее давление на специалиста: хронический стресс, постоянные переработки, эмоциональное выгорание. Это напрямую влияет на качество работы и способность принимать верные решения.

Данные риски требуют систематических подходов к их минимизации. Постоянное повышение квалификации, строгое соблюдение этических правил и стандартов профессиональной деятельности, разработка внутренней системы контроля качества и эффективное управление конфликтными ситуациями позволяют адвокатам более эффективно выполнять свою работу, обеспечивая высокое качество юридической помощи и укрепленное доверие клиентов.

Литература

1. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 334-З : с изм. и доп. от 14 окт. 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 21.03.2026).

2. Гринь, Е. А. Коммуникативные риски при оказании юридического консультирования / Е. А. Гринь, Н. В. Шрамченко // Проектирование Опыт Результат. – 2023. – № 2. – С. 82–84.

Правовой вакуум в сфере противодействия кибероперациям против критической инфраструктуры здравоохранения в международном гуманитарном праве

*Пригожая А. Г., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Ширинский О. Ю., доц.*

Цифровизация медицины и подключение больниц к глобальной сети создали новую уязвимость. Кибератаки на медорганизации в условиях вооруженного конфликта – реальность: от блокировки МРТ программами-вымогателями до кражи данных пациентов [1]. Международное гуманитарное право (МГП), сформированное в доцифровую эпоху, испытывает серьезные проблемы с квалификацией таких действий.

Ключевые нормы МГП – принцип различия и особая защита медучреждений (Женевские конвенции 1949 г., Дополнительный протокол I 1977 г.) [2]. Статья 19 Четвертой конвенции запрещает нападения на гражданские больницы. В цифровом контексте аналогичная защита должна распространяться на медицинские данные и компьютерные сети.

Однако международное право не содержит легального определения «кибератаки» как акта применения силы (ст. 2(4) Устава ООН) и не уточняет понятие «нападения» применительно к программным воздействиям

[3]. Согласно Таллиннскому руководству 2.0, кибероперация, выводящая из строя объект здравоохранения, может быть приравнена к нападению, но эксперты расходятся во мнениях о кратковременной блокировке доступа или краже медданных [4].

Главные проблемы: сложность атрибуции, доказывание причинно-следственной связи между кибератакой и летальным исходом, а также неизбирательное распространение вредоносного ПО, нарушающее принцип предосторожности (ст. 57 Протокола I) [5].

Основные пробелы регулирования:

1. Отсутствие специального протокола к Женевским конвенциям о киберпространстве.

2. Неопределенность статуса медданных как охраняемого объекта (предлагается приравнивать их к защите санитарного транспорта [1]).

3. Проблема «цифрового санитарного кордона»: невозможность надежно маркировать IP-адреса больниц для комбатантов [4].

Направления совершенствования: разработка положения о защите критической гражданской инфраструктуры в киберпространстве; уточнение в военных руководствах, что вывод из строя инфосистем больниц – нарушение МГП; развитие сотрудничества в области компьютерной криминалистики для расследований по линии МУС.

Развитие ИИ и интернета вещей в медицине создает экспоненциальные риски: «имплантированные кардиостимуляторы превращают тело человека в мишень» [3].

Международному сообществу предстоит признать: молчание права равносильно легализации новых форм насилия. Признание цифрового пространства театром военных действий с иммунитетом медицинской инфраструктуры – условие сохранения гуманитарных ценностей в XXI в.

Литература

1. Алешин В. В. Кибератаки на объекты здравоохранения в контексте международного гуманитарного права / В. В. Алешин // Московский журнал международного права. – 2025. – № 2. – С. 112–128.

2. Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War of 12 August 1949 // United Nations Treaty Series. – Vol. 75. – P. 287–417.

3. Schmitt, M. N. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / M. N. Schmitt. – Cambridge University Press, 2017. – P. 415–432.

4. Русинова, В. Н. Принцип проведения различия и защита гражданских данных в киберпространстве во время вооруженных конфликтов / В. Н. Русинова // Международное правосудие. – 2024. – № 3 (51). – С. 78–94.

5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 г.

Инвестиционное сотрудничество государств – членов ШОС

*Северюк Е. В., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Куницкая О. М., канд. юр. наук, доц.*

В условиях трансформации международных экономических связей особое значение приобретает инвестиционное сотрудничество как основа реализации совместных инвестиционных проектов государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС).

Согласно Программе многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств – членов ШОС до 2035 г. (далее – Программа), инвестиционное взаимодействие предполагает решение комплекса задач: совместное улучшение инвестиционного климата; поддержка предприятий в реализации совместных инвестиционных проектов; последовательное упрощение осуществления инвестиций; создание условий для расширения и диверсификации инвестиционного сотрудничества; содействие в установлении прямых связей между участниками внешнеэкономической деятельности в целях реализации инвестиционных проектов; обмен информацией по вопросам регулирования инвестиций, включая нормативно-правовое регулирование и др. [1].

В целях скоординированного взаимодействия функции многосторонней консультационно-экспертной площадки по содействию инвестиционному сотрудничеству возложены на Ассоциацию инвесторов государств – членов ШОС, учрежденную решением Совета глав государств – членов ШОС от 4 июля 2024 г. № 10 (далее – решение № 10). Согласно решению № 10 основными направлениями деятельности Ассоциации являются: укрепление связей, обмен опытом, налаживание сотрудничества между учреждениями государств – членов ШОС, занимающимися продвижением и привлечением иностранных инвестиций в приоритетные сектора экономики и комплексным сопровождением инвестиционных проектов; разработка рекомендаций и предложений по улучшению инвестиционного климата государств–членов ШОС; выработка предложений по реализации программных документов, дорожных карт и соответствующих соглашений по инвестиционному сотрудничеству в рамках ШОС; определение новых привлекательных инвестиционных проектов с учетом специфики и уровня экономического развития стран ШОС; организация по инициативе сторон семинаров, конференций, выставок, бизнес-форумов, стажировок и других мероприятий по актуальным вопросам инвестиционной повестки дня ШОС и др. [2].

В рамках первого заседания Ассоциации в марте 2025 г. был утвержден план работы, ориентированный на поиск моделей кооперации и совместное инвестирование в значимые региональные проекты [3].

Вместе с тем сдерживающими факторами выступают отсутствие единой платформы мониторинга инвестиционных проектов и незавершенность формирования механизмов расчетов в национальных валютах, что подтверждают статистические данные. Например, товарооборот Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой достиг 8,9 млрд долл. США за январь-ноябрь 2025 г., однако накопленные прямые китайские инвестиции составили около 1 млрд долл. США [4]. Также наличие национальных систем преференций не обеспечивает полную реализацию инвестиционного потенциала ШОС ввиду отсутствия многостороннего соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций. Так, правовой фундамент инвестиционного сотрудничества ШОС опирается на двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций. Китайская Народная Республика заключила соглашения с большинством государств – членов ШОС, тогда как Российская Федерация и ряд иных стран находятся на этапе переговоров. Отметим, что отсутствие многостороннего соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций повышает транзакционные издержки и сдерживает реализацию масштабных проектов в регионе.

Подводя итог изложенному, инвестиционное сотрудничество ШОС до 2035 г. опирается на поэтапную Программу и Ассоциацию инвесторов государств – членов ШОС, однако сдерживается отсутствием многостороннего соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, общей платформы мониторинга и механизмов расчетов в национальных валютах. Устранение данных барьеров поспособствует свободному движению капитала, что предусмотрено Хартией ШОС.

Литература

1. Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств–членов ШОС до 2035 г. // Интернет-портал Министерства экономического развития Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f2034a49ba5ab98_69d83c5a4a6c5de07/programma_shos.DOCX (дата обращения: 25.03.2026).

2. Решение Совета глав государств – членов ШОС от 4 июля 2024 г. № 10 // Интернет-портал ШОС. – URL: <https://rus.sectsc.org/images/07e8/0b/16/1600042.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

3. О мероприятиях по линии Ассоциации инвесторов государств – членов ШОС // Интернет-портал ШОС. – URL: <https://rus.sectsc.org/20250318/1726662.html> (дата обращения: 25.03.2026).

4. Беларусь за 10 лет увеличила втрое товарооборот с Китаем и вдвое экспорт // Интернет-портал Совета Министров Республики Беларусь. – URL: <https://www.government.by/news/nikolay-snopkov-belarus-za-10-let-uvelichila-vtroetovarooborot-s-kitaem-i-vdvoe-eksport> (дата обращения: 25.03.2026).

Перспективы включения экоцида в перечень международных преступлений: теоретические и практические аспекты

*Синицкая М. В., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Истомина А. В.*

В XXI в. экологическая безопасность стала одной из острейших глобальных проблем. Несмотря на обилие международных конвенций, деградация биосферы из-за человеческой деятельности нарастает. Это стимулирует дискуссии о криминализации «экоцида» как пятого преступления против мира и безопасности человечества, наряду с геноцидом, преступлениями против человечности, военными преступлениями и агрессией.

Понятие «экоцид» было введено в 1970-х гг., но современное определение предложено независимой экспертной группой «Stop Ecocide International» в 2021 г. Оно трактует экоцид как «незаконное или произвольные действия, совершаемые с осознанием существенной вероятности того, что эти действия приведут к серьезному и либо широкомасштабному, либо долгосрочному ущербу окружающей среде» [1]. Это определение, основанное на принципах предосторожности и строгой ответственности, отличается от существующих норм Римского статута Международного уголовного суда (МУС).

Статья 8.2.b.iv Римского статута предусматривает ответственность за умышленный ущерб природной среде, но только в условиях международного вооруженного конфликта и при условии несоразмерности ущерба военному преимуществу [2]. Это ограничивает юрисдикцию МУС, поскольку большинство экологических катастроф (разливы нефти, вырубка лесов, глубоководная добыча ископаемых) происходит в мирное время.

Республика Беларусь является одним из государств, закрепивших экоцид в национальном законодательстве. Ст. 131 Уголовного кодекса Беларуси определяет экоцид как «умышленное массовое уничтожение растительного или животного мира, либо отравление атмосферного воздуха или водных ресурсов, либо совершения иных умышленных действий, способных вызвать экологическую катастрофу» [3]. Опыт Беларуси и иных стран СНГ подтверждает возможность эффективной правовой квалификации таких деяний на национальном уровне, что является аргументом в пользу универсализации этой нормы.

Перспективы включения экоцида в Римский статут усиливаются недавними инициативами ЕС. В апреле 2024 г. принята Директива ЕС о защите окружающей среды посредством уголовного права (2024/1203), вводящая понятие «квалифицированных преступлений», сопоставимых с экоцидом [4]. Это создает прецедент для региональной гармонизации, который может быть масштабирован глобально.

Однако на пути к международному признанию экоцида существуют серьезные препятствия. Во-первых, сложность установления причинно-следственной связи между действиями и долгосрочными экологическими последствиями. Во-вторых, политическое сопротивление стран, чья экономика зависит от добывающих отраслей [5].

Признание экоцида международным преступлением станет мощным инструментом предотвращения глобальных экологических угроз. Это позволит привлекать к ответственности высших должностных лиц и корпорации, а также сформирует новый этико-правовой стандарт отношения к экосистемам. Активное участие Республики Беларусь в этой дискуссии соответствует ее приверженности к целям устойчивого развития и укреплению международной законности.

Литература

1. Stop Ecocide International. Independent expert panel for the legal definition of ecocide. – June 2021. – URL: <https://www.stopecocide.earth/legal-definition> (date of access: 11.04.2026).

2. Римский статут Международного уголовного суда: принят в г. Риме 17.07.1998 // Организация Объединенных Наций. – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 11.04.2026).

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-3 : в ред. Закона Республики Беларусь от 15.12.2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 15.03.2026).

4. Directive (EU) 2024/1203 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 on the protection of the environment through criminal law // Official Journal of the EU. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202401203 (date of access: 11.04.2026).

5. Лобач, Д. В. Перспективы криминализации экоцида в практике международных отношений / Д. В. Лобач, Е. А. Углова // Cyberleninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-kriminalizatsii-ekotsida-v-praktike-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 12.04.2026).

Международно-правовая ответственность государств за применение автономного оружия

*Смолей В. Ю., Тарабарова Т. П., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Ширинский О. Ю., канд. юр. наук, доц.*

В условиях стремительного прогресса в области робототехники и систем искусственного интеллекта появляется принципиально новый класс вооружений – летательные автономные системы (далее – ЛАС), ключевой

особенностью которых является способность осуществлять боевой цикл, в том числе поиск, идентификацию и ликвидацию цели, при этом исключая прямое управление со стороны человека. Сегодня передовые военные державы, такие как США, КНР, Израиль и ряд других, активно интегрируют подобные технологии в свои оборонные программы. Однако стремительная техническая эволюция значительно опережает правотворческие процессы: на текущий момент в международном праве отсутствуют специализированные конвенционные нормы, детально регламентирующие порядок эксплуатации ЛАС и механизмы ответственности за причиненный ими непреднамеренный ущерб.

Согласно позиции Международного Комитета Красного Креста, под автономным оружием следует понимать любые виды вооружений, которые наделены правом самостоятельного выбора объекта атаки без участия оператора [1]. В юридическом сообществе это порождает дискуссию о легитимности использования таких систем в рамках международного гуманитарного права.

Так, Тернер Дж. С. Выражает серьезные сомнения в том, что алгоритмы способны в полной мере соблюдать принципы соразмерности и различия комбатантов и гражданского населения в динамично меняющейся боевой обстановке. Существует риск того, что автоматизированные системы не смогут адекватно интерпретировать сложные нюансы человеческого поведения на поле боя [2]. Напротив, М. Н. Шмитт придерживается мнения, что высокотехнологичные ЛАС могут быть гуманнее человека-солдата. По его словам, машины лишены страха, гнева и усталости, что минимизирует риск совершения военных преступлений на почве эмоционального напряжения и повышает точность следования нормам права [3]. Данная полемика подтверждает, что юридический статус системы напрямую зависит от степени ее технологического совершенства.

Критическим аспектом является проблема атрибуции ответственности. Н. Г. Вуд указывает на сложность выявления субъективной стороны правонарушения (умысла или неосторожности), когда решение принимается программным кодом [4]. Исследователи Ф. М. Хасан и Н. Д. Осман также предупреждают о возникновении «пробела в ответственности», когда невозможно привлечь к суду конкретное лицо – будь то конструктор или командир [5]. Такой правовой вакуум не только нарушает права пострадавших на компенсацию, но и нивелирует превентивную роль международного права, создавая условия для бесконтрольного распространения автономных систем.

Текущее состояние международного публичного права не предлагает эффективных решений для вызовов, связанных с ЛАС. Для обеспечения безопасности и стабильности необходимо достижение международного консенсуса и разработка нормативного акта, который установит четкие правила ответственности за действия боевых систем.

Литература

1. Автономные системы вооружений: решения об убийстве или уничтожении целей – ответственность людей / Международный Комитет Красного Креста // URL: <https://www.icrc.org/ru/document/avtonomnye-sistemy-vooruzheniy-resheniya-ob-ubiystve-ili-unichtozhenii-celey-otvetstvennost> (дата обращения: 14.04.2026).
2. Thurnher, J. S. Examining Autonomous Weapon Systems from a Law of Armed Conflict Perspective / J. S. Thurnher // *New Technologies and the Law of Armed Conflict* / eds. H. Nasu, R. McLaughlin. – The Hague: T.M.C. Asser Press, 2014. – P. 137–154.
3. Schmitt, M. N. Autonomous Weapon Systems and International Humanitarian Law: A Reply to the Critics / M. N. Schmitt // *Harvard National Security Journal Feature*. – 2013.
4. Wood, N. G. Autonomous weapon systems and responsibility gaps: a taxonomy / N. G. Wood // *Ethics and Information Technology*. – 2023. – Vol. 25, № 16.
5. Hassan, F. M. AI-Based Autonomous Weapons and Individual Criminal Responsibility Under the Rome Statute / F. M. Hassan, N. D. Osman // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2023. – Vol. 1, № 2. – P. 464–480.

Международно-правовое регулирование борьбы с правонарушениями в сфере международной гражданской авиации

*Смолей В. Ю., Тарабарова Т. П., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Ширинский О. Ю., канд. юр. наук, доц.*

Безопасность международной гражданской авиации является одним из приоритетных направлений современного международного права. Развитие воздушного сообщения в XX–XXI вв. сопровождалось ростом угроз. Воздушные суда стали привлекательной мишенью для террористов и транснациональных преступных группировок. Акты незаконного вмешательства, включая захват самолетов, диверсии на борту и в аэропортах. В ответ на эти вызовы международное сообщество сформировало разветвленную систему договоров, направленную на предупреждение правонарушений и привлечение виновных к ответственности. Это стало объективной необходимостью для обеспечения функционирования международных воздушных сообщений.

Фундаментом системы является Конвенция о международной гражданской авиации (далее – Чикагская конвенция) от 7 декабря 1944 г. Она установила основные принципы функционирования мировой авиатранспортной системы, включая суверенитет государства над воздушным пространством,

национальную принадлежность воздушного судна и обязательство государств воздерживаться от применения оружия против гражданских воздушных судов в полете [1].

Однако Чикагская конвенция не содержала детальных норм об уголовной ответственности за акты незаконного вмешательства. Попыткой восполнить данный пробел стало принятие 14 сентября 1963 г. Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушного судна (далее – Токийская конвенция). Она стала первым универсальным договором, регулирующим преступления на борту воздушного судна [2].

Но Токийская конвенция не обязывала государства квалифицировать угон как тяжкое преступление. Поэтому 16 декабря 1970 г. в Гааге была принята Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов. Согласно мнению А. Х. Абашидзе, в ответ на новые угрозы, для расширения круга преступлений, были также приняты Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреальская конвенция 1971 г.) и Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации (Пекинская конвенция 2010 г.) [3].

Международная организация гражданской авиации (далее – ИКАО) играет центральную роль в разработке стандартов и рекомендуемой практики по авиационной безопасности. Также Павлова Л. В. подчеркивает значимость роли ИКАО в обеспечении безопасности полетов гражданских воздушных судов в ситуации вооруженного конфликта на территории государства [4].

Согласно вышеизложенному, можно сделать вывод, что каждый этап развития правового регулирования связан с появлением новых нетипичных угроз в сфере международной гражданской авиации. Система конвенций минимизирует возможности для правонарушителей избежать наказания. Тем не менее динамичное развитие технологий требует постоянного мониторинга и обновления правовой базы.

Литература

1. Конвенция о международной гражданской авиации : заключена в г. Чикаго 7 дек. 1944 года // Консорциум кодекс: эл. фонд правовых и норм.-технических док. (дата обращения: 13.04.2026).
2. Конвенции о преступлениях и некоторых других актах : заключена в г. Токио 14 сент. 1963 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimes_aboard.shtml (дата обращения: 13.04.2026).
3. Абашидзе, А. Х. Международное воздушное право : учеб. для вузов / А. Х. Абашидзе, А. И. Травников. – 2-е изд. – М. : Издательство Юрайт, 2026. – 215–238 с.

4. Павлова, Л. В. Роль ИКАО в обеспечении безопасности полетов гражданских воздушных судов в ситуации вооруженного конфликта на территории государства / Л. В. Павлова // Журнал международного права и международных отношений. – 2016. – № 3–4. – С. 3–8.

Международно-правовая защита женщин от насилия в условиях вооруженных конфликтов: развитие положений резолюций Совета Безопасности ООН после резолюции S/RES/1325

*Стреха Д. М., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Рупинская А. А.*

Резолюция S/RES/1325 Совета Безопасности ООН, принятая 31 октября 2000 г., стала знаковой резолюцией Совета Безопасности ООН, комплексно рассмотревшей непропорциональное воздействие вооруженных конфликтов на женщин и закрепившей необходимость их участия в мирных процессах [1; 2]. С этого момента началось формирование повестки «Женщины, мир, безопасность», которая сегодня включает десять резолюций [3]. Несмотря на то, что, согласно ст. 25 Устава ООН [4] решения Совета Безопасности ООН обязательны для всех государств-членов, положения резолюции S/RES/1325 сформулированы преимущественно как рекомендации, поскольку она принималась не на основании гл. VII Устава ООН, что затрудняет практическую реализацию резолюции [5; 6].

Резолюция S/RES/1325 определяет приоритетные направления деятельности государств и органов ООН в рамках повестки «Женщины, мир, безопасность»: участие женщин в принятии решений по предотвращению и урегулированию конфликтов; защита женщин и девочек от гендерного насилия; предотвращение конфликтов с учетом гендерной перспективы; восстановление и постконфликтное миростроительство [1]. Дальнейшее развитие повестки связано с принятием Советом Безопасности ООН еще девяти резолюций, которые доктринально принято делить на две группы [6; 3]. Первая группа – S/RES/1889 (2009 г.), S/RES/2122 (2013 г.), S/RES/2242 (2015 г.) и S/RES/2493 (2019 г.) – направлена на усиление участия женщин в миростроительстве и постконфликтном восстановлении, а также на совершенствование институциональных механизмов реализации повестки. Вторая группа – S/RES/1820 (2008 г.), S/RES/1888 (2009 г.), S/RES/1960 (2010 г.), S/RES/2106 (2013 г.) и S/RES/2467 (2019 г.) – сосредоточена на борьбе с сексуальным насилием в условиях вооруженных конфликтов [3]. Особое значение имеет резолюция S/RES/1820, впервые признавшая сексуальное насилие

в условиях конфликта тактикой ведения войны и угрозой международному миру и безопасности (п. 1) [7]. В резолюции S/RES/2467 (2019 г.) сделан акцент на ответственности виновных, необходимости репараций жертвам и недопустимости амнистий за преступления сексуального характера (п. 1, 16, 18) [8]. При этом, как отмечается в доктрине, все резолюции повестки «Женщины, мир, безопасность» не принимались на основании гл. VII Устава ООН и используют преимущественно рекомендательные формулировки, не устанавливая конкретных обязательств, за неисполнение которых наступала бы международно-правовая ответственность [2; 3].

Однако, несмотря на созданную нормативную базу, реализация положений резолюций Совета Безопасности ООН и принятых на их основе национальных планов действий остается проблемной. По данным на 2025 г., 107 государств приняли национальные планы действий по повестке «Женщины, мир, безопасность», однако их финансирование остается крайне недостаточным: в 2023–2024 гг. на нужды женских организаций в странах, затронутых конфликтами, было направлено лишь 0,4 % от общего объема гуманитарной помощи [5]. Согласно докладу Генерального секретаря ООН от 1 октября 2025 г., за два года число подтвержденных случаев сексуального насилия в конфликтах выросло на 87 %, при этом случаи в отношении девочек увеличились на 35 % [5]. Доля женщин в составе мирных делегаций под эгидой ООН снизилась с 23 % в 2020 г. до 16 % в 2022 г. [5]. По состоянию на 2025 г. 676 млн женщин и девочек проживают в государствах, затронутых конфликтами, или в пределах 50 километров от зон боевых действий [5].

Таким образом, мы можем говорить о том, что повестка «Женщины, мир, безопасность» создала всеобъемлющую нормативную основу для защиты женщин в вооруженных конфликтах, однако отсутствие механизмов принуждения и недостаточное финансирование национальных планов действий препятствуют эффективной реализации закрепленных положений. Как показали итоговые обсуждения в Совете Безопасности ООН, приуроченные к 25-летию резолюции S/RES/1325 в октябре 2025 г., рекомендательный характер положений и отсутствие механизмов ответственности позволяют государствам ограничиваться формальным принятием национальных планов без их реального финансирования и исполнения, вследствие чего международно-правовые гарантии остаются во многом декларативными [5].

Литература

1. Резолюция 1325 (2000), принятая Советом Безопасности ООН на его 4213-м заседании 31 октября 2000 года // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/womenwatch/osagi/wps/> (дата обращения: 16.04.2026).
2. Cross-Cutting Report No. 2: Women, Peace and Security // Security Council Report. – 2010. – 1 October. – URL: <https://www.securitycouncilreport.org/research-reports/lookup-c-glkwlemtisg-b-6239031.php> (date of access: 19.04.2026).

3. Security Council Resolutions // UN Peacemaker. – URL: <https://peacemaker.un.org/en/thematic-areas/women-peace-security/normative-frameworks/security-council-resolutions> (date of access: 19.04.2026).

4. Устав Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 17.04.2026).

5. Доклад Генерального секретаря ООН «Женщины, мир и безопасность» от 1 октября 2025 года (S/2025/709) // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/securitycouncil/content/reports> (дата обращения: 16.04.2026).

6. Shepherd, L. J. Making for strange bedfellows: The Women, Peace and Security agenda after UNSCRs 2467 and 2493 / L. J. Shepherd // International Feminist Journal of Politics. – 2024. – URL: <https://www.ifjglobal.org/blog/2024/7/17/making-for-strange-bedfellows-the-women-peace-and-security-agenda-after-unscrs-2467-and-2493> (date of access: 16.04.2026).

7. Резолюция 1820 (2008), принятая Советом Безопасности ООН на его 5916-м заседании 19 июня 2008 года // Официальная система документации Организации Объединенных Наций. – URL: [https://docs.un.org/ru/s/res/1820\(2008\)](https://docs.un.org/ru/s/res/1820(2008)) (дата обращения: 19.04.2026).

8. Резолюция 2467 (2019), принятая Советом Безопасности ООН на его 8514-м заседании 23 апреля 2019 года // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/securitycouncil/content/resolutions> (дата обращения: 16.04.2026).

Международно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности при захоронении ядерных отходов: анализ мирового опыта

*Стреха Д. М., студ. III к. БГУ,
науч. рук. доц. Мороз Н. О, канд. юр. наук, доц.*

Захоронение ядерных отходов является одной из наиболее острых экологических и правовых проблем современности. Радиоактивные отходы представляют серьезную угрозу для окружающей среды и здоровья населения, что требует строгого международного регулирования и эффективных национальных мер. В этой статье рассматриваются международно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности при захоронении радиоактивных отходов.

В качестве одного из ключевых принципов международного права выступает принцип ответственности за ущерб, причиненный в результате деятельности, не запрещенной международным правом. Он предполагает обязанность государств принимать все необходимые меры, чтобы деятельность под их юрисдикцией или контролем не причиняла ущерб другим государствам, физическим и юридическим лицам, а также территориям под юрисдикцией

или контролем других государств [1]. Помимо этого, в международном экологическом праве существуют еще два принципа: принцип международной ответственности за экологический ущерб и принцип оценки трансграничных экологических последствий планируемой деятельности.

В свою очередь, на международном уровне существует ряд конвенций и стандартов, направленных на обеспечение безопасного обращения с ядерными отходами. Одним из основных документов является Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и радиоактивными отходами, принятая в Вене в 1997 г. [2]. Эта конвенция требует от стран-участниц разработки и внедрения высоких стандартов безопасности, что является основой для эффективного управления ядерными отходами. Она также акцентирует внимание на необходимости обеспечения открытости и информирования граждан о рисках, связанных с использованием радиоактивных материалов. Не менее важным документом является Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, которая указывает на необходимость оценки последствий для окружающей среды в случае трансграничной деятельности [3].

Дополнительно к перечисленным выше конвенциям Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) разработало правила безопасной перевозки радиоактивных материалов, которые помогают минимизировать риски при транспортировке ядерных отходов [4]. Эти нормы важны для предотвращения аварий и обеспечения безопасности на всех этапах обращения с радиоактивными материалами. Они охватывают аспекты упаковки, маркировки и транспортировки, что уменьшает риск происшествий и обеспечивает защиту как для людей, так и для окружающей среды.

На национальном уровне многие страны принимают собственные нормативные акты, регулирующие обращение с ядерными отходами. Например, в Республике Беларусь действует Постановление Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь от 20 января 2012 г. № 7 в ред. от 5 июня 2018 г. № 38, регулиующее вопросы радиационной безопасности [5]. Этот документ включает в себя требования к проектированию, строительству и эксплуатации хранилищ для ядерных отходов, что является важным шагом к обеспечению радиационной безопасности. Сочетание международных стандартов и национальных мер создает основу для эффективной утилизации ядерных отходов и защиты окружающей среды.

Таким образом, для достижения максимальной безопасности необходимо следовать международным нормам, адаптировав их к конкретным условиям каждой страны. В частности, национальные нормативные акты, такие как постановление Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, играют ключевую роль в регулировании обращения с ядерными отходами, устанавливая требования к проектированию и эксплуатации хранилищ.

Литература

1. Международное публичное право. Общая часть : учеб. пособие / Е. Ф. Довгань [и др.]; под ред. Е. Ф. Довгань. – Мн. : БГУ, 2023. – 463 с.
2. Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и безопасностью обращения с радиоактивными отходами : принята в Вене, 5 сентября 1997 года. // Департамент по ядерной и радиационной безопасности. – URL: <https://gosatomnadzor.mchs.gov.by/upload/iblock/6f1/obiedinnaia.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).
3. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/env_assessment.shtml (дата обращения: 11.04.2026).
4. Правила безопасной перевозки радиоактивных материалов // Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). – URL: <https://www.iaea.org/ru/publications/13487/pravila-bezopasnoy-perevozki-radioaktivnyh-materialov> (дата обращения: 11.04.2026).
5. Постановление Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь от 20 января 2012 г. № 7 в ред. от 5 июня 2018 г. № 38 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/docum ent/?guid=3871&p0=W22238791> (дата обращения: 11.04.2026).

Конфискация замороженных активов государства: нарушение иммунитета или допустимая контрмера?

*Сысой Д. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Мороз Н. О., канд. юр. наук, доц.*

Современная санкционная практика государств поставила перед международным правом принципиально новый вопрос: допустима ли конфискация замороженных активов иностранного государства как мера ответственности за международно-противоправное деяние? В центре данного спора находится коллизия между иммунитетом государства и институтом контрмер.

Иммунитет государства от принудительных мер является общепризнанной нормой обычного международного права. Он закреплен, в частности, в ст. 5, 18–19 Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи от 2 декабря 2004 г. и предусматривающей, что имущество государства не подлежит мерам принудительного характера без его согласия. Несмотря на отсутствие вступления Конвенции в силу, ее положения отражают сложившуюся обычную норму [1].

Практика международных судебных органов подтверждает строгий характер данного принципа. Международный суд ООН (далее – Суд) в деле

о юрисдикционных иммунитетах государств указал, что иммунитет государства сохраняется даже при наличии серьезных нарушений международного права, включая нарушения норм *jus cogens* [2]. Тем самым Суд исключил возможность балансирования иммунитета и ответственности.

Вместе с тем в современной доктрине и практике выдвигается аргумент о допустимости конфискации как формы контрмер. В соответствии со ст. 49 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния контрмеры допускаются при соблюдении условий необходимости, соразмерности и направленности на прекращение нарушения [3].

Однако анализ правовой природы контрмер в тексте Проекта статей свидетельствует о невозможности их применения в форме конфискации государственных активов.

Во-первых, контрмеры носят временный и обратимый характер. Их цель – побудить государство-нарушителя к исполнению обязательств, а не окончательно лишить его блага. Конфискация же представляет собой необратимое отчуждение собственности, что выходит за пределы допустимых мер.

Во-вторых, контрмеры могут применяться исключительно пострадавшим государством. Между тем обсуждаемая практика предполагает использование конфискованных активов в интересах третьих государств, что противоречит принципу относительности международной ответственности и выходит за рамки правового режима контрмер [3].

В-третьих, контрмеры не должны нарушать обязательства, имеющие фундаментальное значение. Иммунитет государства, являясь проявлением принципа суверенного равенства государств, не может быть ограничен произвольно, в том числе под предлогом применения контрмер [1].

Особое значение имеет анализ современной практики. Значительные объемы российских государственных активов были заблокированы. В частности, активы Центрального банка Российской Федерации, размещенные в юрисдикциях государств – членов Европейского союза и стран G7, были заморожены. Однако несмотря на политические заявления, абсолютно все государства воздерживаются от их конфискации, ограничиваясь использованием доходов от этих активов [4].

Более того, допущение конфискации подрывает стабильность международной финансовой системы, основанной на доверии к защите государственных резервов, что породит последствия, выходящие за рамки конкретного спора.

Таким образом, конфискация замороженных активов государства не может быть квалифицирована как допустимая контрмера. Она противоречит принципу иммунитета государства, не соответствует условиям применения контрмер и не подтверждается международной практикой. Следовательно, конфискация государственных активов иностранного государства будет

представлять собой международно-противоправное деяние, нарушающее иммунитет государства и влекущее международно-правовую ответственность.

Литература

1. Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml (дата обращения: 31.03.2026).

2. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening) // International Court of Justice. – URL: <https://www.icj-cij.org/case/143> (date of access: 31.03.2026).

3. Текст проектов статей об ответственности государств с комментариями / Комиссия международного права. – 2001 // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

4. ЕС принял решение о бессрочном блокировании суверенных активов России // БЕЛТА. – 12.12.2025. – URL: <https://belta.by/world/view/es-prinjal-reshenie-o-bessrochnom-blokirovanii-suverennyh-aktivov-rossii-753966-2025/> (дата обращения: 03.04.2026).

Международно-правовая ответственность государств в связи с возникновением мусорных островов в открытом море

*Усарова Д. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Мороз Н. О., канд. юр. наук, доц.*

Проблема накопления антропогенных отходов в открытом море, получивших в доктрине и публицистике название «мусорные острова», приобретает все более острый характер, но в контексте международного права все еще недостаточно исследована. На сегодняшний день Большое тихоокеанское мусорное пятно, площадь которого оценивается в 1,6 млн кв. км, и аналогичные ему зоны в Атлантическом и Индийском океанах не обладают четким правовым статусом [1].

Сложность заключается в том, что мусор локализуется в открытом море – районах за пределами действия национальных юрисдикций [1]. Согласно ст. 89 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция) никакое государство не вправе претендовать на подчинение какой-либо части открытого моря своему суверенитету [2]. Это создает ситуацию, где выгоды от использования пластика индивидуальны для государств и компаний,

а издержки от накопления ущерба в открытом море коллективны и не распределены [3; 4, с. 230]. Конвенция в ст. 207–212 устанавливает обязательства государств по регулированию источников загрязнения (сухопутных, атмосферных, с судов), но она не содержит норм, обязывающих государство «А» убрать пластик из точки «В» в открытом море, если этот пластик не может быть идентифицирован как принадлежащий данному государству [2].

По нормам Конвенции «мусорные острова» невозможно классифицировать как остров (ст. 121), искусственный остров (ст. 60) или судно [2]. Однако в рамках обсуждений Глобального договора о пластике предлагается новая категория «зона накопленного ущерба» [1]. Т. е. на данный момент деятельность по их уборке частными организациями основывается на свободе открытого моря (ст. 87 Конвенции), но не имеет ни надежной правовой защиты от вмешательства, ни гарантированного финансирования со стороны государств [4, с. 284].

Статья 192 Конвенции устанавливает обязанность государств защищать и сохранять морскую среду. Статья 194 детализирует это, требуя от государств принимать все необходимые меры для того, чтобы «загрязнение, возникающее в результате инцидентов или деятельности под их юрисдикцией или контролем, не распространялось за пределы районов, где они осуществляют суверенные права» [2]. Согласно статьям Комиссии международного права об ответственности государств, для возникновения обязательства по возмещению необходимо доказать, что вред причинен конкретным противоправным деянием государства [5; 6]. В случае с Большим тихоокеанским мусорным пятном, где 80 % мусора поступает с суши через тысячи рек по всему миру, установить ответственность конкретного государства за «накопленный» ущерб практически невозможно [7].

Консультативное заключение Международного трибунала по морскому праву от 21 мая 2024 г. содержит толкование норм международного права, позволяющее выявить решение ряда указанных выше вопросов. Трибунал, отвечая на вопросы малых островных государств, подтвердил, что антропогенные выбросы, наносящие вред морской среде, безусловно, являются «загрязнением», что обязательство государств предотвращать загрязнение является «обязательством поведения», «стандарт должной осмотрительности является строгим», что государства обязаны принимать меры, которые являются «наиболее эффективными из возможных». Более того, Трибунал признал, что защита морской среды в открытом море является общим интересом всего человечества, следовательно, и обязательством *erga omnes*. В данном консультативном заключении, а также в консультативном заключении МС ООН от 23 июля 2025 г. раскрывается также значение принципа общей, но дифференцированной ответственности, который «отражает необходимость справедливого распределения бремени обязательств в отношении изменения

климата с учетом, в частности, исторических и нынешних особенностей государств, вклад в совокупные выбросы ПГ, а также их различные текущие возможности и национальные условия, включая их экономическое и социальное развитие» [8]. Эти выводы создают правовой фундамент для того, чтобы квалифицировать бездействие государств в отношении очистки открытого моря как нарушение их обязательств по Конвенции [9].

В контексте нашей темы необходимо также обратить внимание на Руководящие принципы разделяемой ответственности в международном праве (2019 г.). Основой такой ответственности является наличие неделимого вреда (англ. *indivisible injury*). Мусорные острова в открытом море – это классический пример такого вреда: частицы пластика от множества источников смешиваются, и фактически невозможно отделить ущерб, нанесенный морской экосистеме отходами одного государства, от ущерба, нанесенного другим. Согласно Принципу 2, если деяния нескольких государств способствуют такому вреду, это влечет за собой разделяемую ответственность. Каждое государство, участвующее в создании мусорного острова, несет обязательство по полному возмещению всего неделимого вреда согласно Принципу 10. Если одно государство очистило участок открытого моря, оно получает право регресса к другим государствам, чей пластик также способствовал загрязнению, согласно Принципу 12 [10].

Соглашение о сохранении биоразнообразия за пределами национальной юрисдикции, вступившее в силу в январе 2026 г., вводит инструменты, которые могут быть использованы для ликвидации «мусорных островов»: Соглашение позволяет создавать охранные зоны в открытом море, и зоны концентрации мусора могут быть объявлены «районами восстановления», что наложит на все государства-участники обязательство воздерживаться от деятельности, ухудшающей ситуацию, и участвовать в программах реимедиации [11].

Таким образом, правовой статус «мусорных островов» в открытом море остается неурегулированным. В силу ст. 89 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. на них нельзя распространить национальную юрисдикцию, а нормы ст. 207–212 регулируют предотвращение загрязнения, но не ликвидацию накопленного ущерба при невозможности идентифицировать государство-источник. Заключение МТМП от 21 мая 2024 г. признало защиту морской среды обязательством *erga omnes*, а бездействие государств – потенциальным нарушением. Ответственность за ликвидацию накопленного ущерба в открытом море требует применения механизмов разделяемой ответственности всех государств, чья деятельность способствовала возникновению данного вреда.

Литература

1. Beringen, E. Cleaning the High Seas: Environmental Impact Assessments under the BBNJ Agreement and the Removal of Existing Marine Plastic Pollution / E. Beringen // *Ocean Development & International Law*. – 2026. – P. 1–28. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00908320.2026.2631493> (date of access: 05.04.2025).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву : принята 10 декабря 1982 года в г. Монтего-Бей // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 02.04.2026).
3. Crusciel, D. Who is Legally Responsible for Cleaning the Plastic Out of the Ocean? / D. Cruscicel // *JurisMagazine*. – 2023. – URL: <https://sites.law.duq.edu/juris/2023/10/02/who-is-legally-responsible-for-cleaning-the-plastic-out-of-the-ocean/> (date of access: 05.04.2025).
4. High Seas Governance : Gaps and Challenges / ed.: R. C. Beckman, M. McCreath, J. A. Roach, Z. Sun. – Boston : Brill, 2019. – 336 p.
5. Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts : Draft articles, with commentaries, 2001 // International Law Commission. – URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (date of access: 05.04.2026).
6. Adetuyi, A. O. State Responsibility and Liability as a Panacea to Ocean Plastic Pollution : Master's Thesis / A. O. Adetuyi. – University of Eastern Finland. – 2024. – 118 l.
7. Pietrzak, E. A 2025 Update On the Great Pacific Garbage Patch / E. Pietrzak // *Change the Chamber*. – 2025. – URL: <https://www.changethechamber.org/news-research/great-pacific-garbage-patch> (date of access: 05.04.2025).
8. Obligations of States in Respect of Climate Change: Advisory Opinion of 23 July 2025 // International Court of Justice. – URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-00-en.pdf> (date of access: 04.04.2025).
9. Request for an Advisory Opinion Submitted by the Commission of Small Island States on Climate Change and International Law: Advisory Opinion of 21 May 2024 // International Tribunal for the Law of the Sea. – URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/31/Advisory_Opinion/C31_Adv_Op_21.05.2024_orig.pdf (date of access: 04.04.2025).
10. Guiding Principles on Shared Responsibility in International Law / A. Nollkaemper, J. d'Aspremont, C. Ahlborn [et al.] // *European Journal of International Law*. – 2020. – Vol. 31, iss. 1. – P. 15–72.
11. Agreement under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity of Areas beyond National Jurisdiction: New York, 2023 // United Nations. – URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/2023/06/20230620%2004-28%20PM/Ch_XXI_10.pdf (date of access: 05.04.2026).

Международно-правовая квалификация угрозы применения ядерного оружия

*Храмая Я. Е., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Мороз Н. О., канд. юр. наук, доц.*

Угроза применения ядерного оружия остается одной из наиболее острых и противоречивых тем современного международного права как в мирное время, так и в период международных вооруженных конфликтов. В связи с этим в данной статье будет проанализирована угроза применения такого оружия с точки зрения правомерности в рамках как *jus ad bellum*, так и *jus in bello*.

Согласно п. 4 ст. 2 Устава ООН, все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения [1]. Такая угроза силой или ее применение являются нарушением международного права и Устава ООН [2]. Генеральная Ассамблея ООН в Декларации о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия заявляет, что применение ядерного и термоядерного оружия противоречит духу, букве и целям ООН и поэтому является прямым нарушением Устава ООН [3].

В Консультативном заключении Международного Суда ООН (далее – Суд) о законности угрозы или применения ядерного оружия 1996 г. (далее – Консультативное заключение) судьи попытались определить правовые основания для применения ядерного оружия. Суд, однако, не пришел к однозначному выводу: ни международное обычное право, ни международное договорное право не содержат конкретного положения, санкционирующего угрозу ядерным оружием или его применение или наличие всеобъемлющего и всеобщего запрещения такой угрозы или применения [4]. Так, Суд отмечает, что угроза применения ядерного оружия является неправомерной, если само применение такого оружия не соответствует Уставу ООН (по смыслу п. 4 ст. 2 и ст. 51 Устава ООН) [4]. Угроза применения силы состоит в явном или подразумеваемом обещании правительства прибегнуть к силе, при условии непринятия определенных требований этого правительства. Если обещание прибегнуть к силе в условиях, для которых не существует оправдания для применения силы, то сама угроза является неправомерной. Так, можно сделать вывод, что угроза «первого удара», будет противоправной, поскольку не будет оправдана самообороной. Как отмечается в Энциклопедии международного публичного права Макса Планка (MPEPIL), в период Холодной войны государства использовали избегание войны с помощью сдерживания, которое стало зависеть от тщательно сформулированных обязательств (готовности убедительно угрожать катастрофой ради защиты предполагаемых национальных интересов). Ключ к стабильному сдерживанию заключался в том, чтобы избежать соблазна нанести первый удар с помощью так называемой «безопасной возможности второго удара» [5].

Суд рассмотрел вопрос о том, следует ли считать угрозу или применение ядерного оружия противоправным в свете принципов и норм международного гуманитарного права. В выводе Е Суд указал, что угроза ядерным оружием или его применение в целом противоречили бы принципам и нормам международного права [4].

МККК в Комментариях к ДП I 1987 г. относительно ядерного оружия отметил, что общие принципы гуманности и запреты на неизбирательные нападения носят универсальный характер. Ядерное оружие, будучи «неизбирательным по своей природе», не может быть использовано в соответствии с принципом различия, требующим направлять действия только против военных объектов [6]. Такого же мнения придерживается Э. Давид в своем труде «Принципы права вооруженных конфликтов» [7, с. 387].

Помимо Консультативного заключения необходимо обратиться к Договору о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) от 7 июля 2017 г. – первому международному договору, запрещающему применение ядерного оружия [8]. Хотя он полностью запрещает такое применение и требует уничтожения всех имеющихся запасов, в настоящее время ни одно из государств, обладающих ядерным оружием (например, США, Россия, Китай, Израиль и др.), к Договору не присоединилось. Следовательно, они не подлежат ответственности за наличие запасов и применение ядерного оружия [9, с. 4]. Представляется возможным квалифицировать угрозу применения ядерного оружия как акт запугивания по смыслу ст. 27 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны [10]. Угроза применения ядерного оружия также может являться угрозой не оставлять никого в живых по смыслу ст. 40 ДП I к Женевским конвенциям [11]. Ведь, как можно полагать, применение ядерного оружия с большой вероятностью приведет к ситуации, когда выживших не останется.

Таким образом, можно сделать вывод, что угроза применения ядерного оружия является неправомерной.

Литература

1. Устав ООН: подписан 26 июня 1945 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text?ysclid=mnzuo57c8y103863702> (дата обращения: 14.04.2026).

2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций: принята резолюцией 2625 (XXV) Генер. Ассамблеи ООН от 24 окт. 1970 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml?ysclid=mnzundg12929838447 (дата обращения: 14.04.2026).

3. Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия: принята резолюцией 1653 (XVI) Генер. Ассамблеи от 24 нояб. 1961 г. // Организация Объединённых Наций. – URL: <http://www.un.org/ru/documents/%20>

decl_conv%20/declarations/%20nuc_prohibition.%20shtml?%20ysclid=%20mnym7%20fy8fb312939889 (дата обращения: 14.04.2026).

4. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons – Advisory Opinion of 8 July 1996 – Advisory Opinions [1996] ICJ 3; ICJ Reports 1996, p 226; [1996] ICJ Rep 226 (8 July 1996). – URL: <https://www.worldlii.org/int/cases/ICJ/1996/3.html> (date of access: 14.04.2026).

5. Cold War (1947–91) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law [MPEPIL]. – URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e58> (date of access: 14.04.2026).

6. Комментарий 1987 года к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), 8 июня 1977 года // International Humanitarian Law Databases. – URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977/part4-section1/%20commentar%20y/1987> (date of access: 14.04.2026).

7. Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета / Э. Давид. – М. : Международный Комитет Красного Креста, 2011. – 1144 с.

8. Договор о запрете ядерного оружия: принят 7 июля 2017 г. в Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/2.pdf?ysclid=mnyoxakvgh866543681 (date of access: 14.04.2026).

9. Югова, И. А. Правовое регулирование применения ядерного оружия / И. А. Югова // Правовое регулирование применения ядерного оружия: Актуальные проблемы: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации. Ижевск, 2024 / АНПОО «Международный Восточно-Европейский колледж». – Мн. : 2024. – С. 241 – 246.

10. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны: принята 12 августа 1949 года Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genewa_civilian_31.shtml (дата обращения: 14.04.2026).

11. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=66965&ysclid=mnyrvu043p270242967> (дата обращения: 14.04.2026).

Проблема определения немеждународного вооруженного конфликта в международном гуманитарном праве

Чепикова У. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Андриенко В. М.

В экспертном заключении Международного Комитета Красного Креста «How is the term "Armed Conflict" defined in international humanitarian law?» 2024 г. очередной раз была отмечена проблема определения немеждународного вооруженного конфликта для применения норм международного гуманитарного права [1, р. 6]. Дискуссия приобрела особую остроту в 2025–2026 гг. ввиду событий в Мексике, связанных с эскалацией насилия после ликвидации лидера наркокартеля и заявлений в связи с этим администрации США о том, что страна находится в немеждународном вооруженном конфликте, а члены картелей должны быть квалифицированы как незаконные комбатанты [2].

22 февраля 2026 г. в ходе спецоперации был ликвидирован лидер картеля «Халиско Новое Поколение» (CJNG) Н. О. Сервантес («Эль Менчо»). В ответ картель организовал скоординированные атаки на территории 20 штатов: 27 нападений на правоохранительные органы, блокпосты, включая поджоги и применение тяжелого оружия. Погибли не менее 74 человек, для подавления беспорядков было задействовано около 10 тыс. военнослужащих [3]. В свою очередь правительство Мексики (президент К. Шейнбаум) официально отрицает «войну», настаивая на правоохранительной парадигме [4].

Согласно общей ст. 3 Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительному протоколу II, а также практике Международного трибунала по бывшей Югославии, для признания немеждународного вооруженного конфликта необходимо два кумулятивных признака: 1) интенсивность насилия, превышающая уровень внутренних беспорядков; 2) организованность сторон, включая наличие командования, контроля территории и способности вести военные операции [1, р. 13].

В статье института *West Point Lieber Institute* (2026) указывается, что картели (CJNG, «Синалоа») имеют иерархическую структуру, вооруженные формирования («сикариос»), тяжелое вооружение (автоматы, гранатометы, бронев автомобили) и контроль над значительными территориями. Кроме того, события февраля 2026 г. продемонстрировали способность картеля к скоординированным ответным действиям военного характера [5].

Следует отметить, что Международный комитет Красного Креста ранее признавал немеждународные вооруженные конфликты в Колумбии с участием аналогичных преступных вооруженных групп [6].

С другой стороны, К. Редаелли справедливо отмечает, что отсутствие у картелей политических целей (захват власти, отделение территории, изменение

государственной политики) является препятствием для квалификации немеждународного вооруженного конфликта [6]. Поскольку современное международное гуманитарное право ориентировано на политических повстанцев, в своей работе 2025 г. ученый указывает, что насилие картелей «не соответствует правовым порогам интенсивности и организации», а идея «глобального немеждународного вооруженного конфликта против наркокартелей» не находит поддержки в *jus in bello* [7].

Таким образом, вопрос о квалификации немеждународного вооруженного конфликта в современном международном гуманитарном праве остается открытым. Указанные события усилили аргументацию сторонников расширительного толкования критериев интенсивности и организованности, однако отсутствие политического компонента и официальное непризнание со стороны государства не позволяют однозначно применить нормы *jus in bello*.

Литература

1. International Committee of the Red Cross (ICRC). How is the term “Armed Conflict” defined in international humanitarian law? : ICRC opinion paper, 2024. – Geneva, 2024. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document_new/file_list/armed_conflict_defined_in_ihl.pdf (date of access: 08.04.2026).

2. Trump memo says US in ‘non-international armed conflict’ with cartels // Al Jazeera. – 2025. – 2 October. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/10/2/trump-memo-says-us-in-non-international-armed-conflict-with-cartels> (date of access: 08.04.2026).

3. Mexico deploys 10,000 troops to end violence over drug lord’s death // BSS News. – 2026. – 24 February. – URL: <https://bssnews.net/international/363401> (date of access: 08.04.2026).

4. Linthicum, K. Why Mexico’s president insists she’s not waging a ‘war on drugs’/ K. Linthicum // Los Angeles Times. – 2026. – 3 March. – URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2026-03-03/in-mexico-no-war-on-drugs-sheinbaum-vows-but-crackdown-on-narcos-signals-clear-turnaround> (date of access: 08.04.2026).

5. West Point Lieber Institute. El Mencho’s Death and Mexico’s Armed Conflict: A Stress Test for Classification Debates // Lieber Institute West Point. – 2026. – 23 March. – URL: <https://lieber.westpoint.edu/when-cartels-fight-back-el-mencho-niac-question-mexico/> (date of access: 08.04.2026).

6. Redaelli, C. Targeting drug lords: Challenges to IHL between lege lata and lege ferenda / C. Redaelli, C. Arévalo // International Review of the Red Cross. – 2023. – No. 923. – URL: <https://international-review.icrc.org/articles/targeting-drug-lords-challenges-to-ihl-923> (date of access: 08.04.2026).

7. Redaelli, C. The War on Drugs is not a War (Part II): Classification Challenges / C. Redaelli // Opinio Juris. – 2025. – 18 December. – URL: <http://opiniojuris.org/2025/12/18/the-war-on-drugs-is-not-a-war-part-ii-classification-challenges/> (date of access: 08.04.2026).

Международно-правовая ответственность за ущерб, причиненный космическим мусором: проблема идентификации объекта и концепция «активного удаления мусора» (ADR)

*Чёрный Г. А., Новичук А. С., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Андриенко В. М.*

Количество космического мусора (далее – КМ), находящегося в космическом пространстве, в настоящее время достигло значений, угрожающих безопасности и эффективному развитию космической деятельности. На орбите находится более 36 тыс. объектов размером свыше 10 см и миллионы более мелких фрагментов, способных повредить космические аппараты [1]. Существующая международно-правовая база, в том числе Договор по космосу 1967 г. [2] и Конвенция об ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. [3], недостаточно адаптирована к данной проблеме, что создает сложности в определении ответственности за вред, причиненный КМ, а также загрязнение космического пространства, и препятствует ее эффективному разрешению.

Статьи 2 и 3 Конвенции 1972 г. возлагают ответственность на запускающее государство за ущерб, причиненный его космическим объектом [3]. При этом под космическим объектом понимается как сам объект, так и его составные части и фрагменты (ст. 1(d)).

В соответствии с Руководящими принципами Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования КМ, КМ определяется как «все находящиеся на околоземной орбите или возвращающиеся в атмосферу антропогенные объекты, включая их фрагменты и элементы, которые являются нефункциональными» [4]. Т. е. понятие КМ формально охватывается объемом понятия «космический объект», однако его нефункционирующий статус и малые размеры зачастую делают идентификацию происхождения фрагментов невозможной. Это затрудняет установление запускающего государства (государства-собственника нефункционирующего космического объекта или его фрагментов) и, как следствие, препятствует эффективной реализации положений Конвенции 1972 г. относительно КМ [5].

В целях противодействия накопления КМ и превенции нанесения им ущерба в настоящее время на глобальном уровне предпринимаются попытки внедрения концепции активного удаления мусора (ADR), которая предполагает целенаправленное удаление нефункционирующих объектов с орбиты. Однако ADR сталкивается с правовыми барьерами, связанными с суверенитетом и правом собственности на космические объекты, вытекающем из ст. 8

Договора 1967 г., а также их составные части, вне зависимости от их функционального состояния [6].

Несанкционированное удаление может быть расценено как нарушение суверенитета. Кроме того, в процессе ADR существует риск ответственности за случайное повреждение других объектов [6].

Таким образом, существующее международно-правовое регулирование имеет пробелы в части идентификации КМ и атрибуции ответственности за ущерб, причиненный им. Для обеспечения безопасности космического пространства необходимо дальнейшее развитие международно-правового регулирования в данной сфере. Комплексный подход, сочетающий технологии и эффективное правовое регулирование, позволит противостоять новым вызовам, связанным с космической деятельностью. По нашему мнению, дальнейшая разработка актов мягкого права в области ответственности за ущерб, причиненный космическим мусором, является наиболее оперативным и эффективным ответом на сложившуюся в настоящее время проблему.

Литература

1. Bonnal, C. The proliferation of space debris in the Earth's orbit / C. Bonnal // Polytechnique insights. – 2025. – URL: <https://www.polytechnique-insights.com/en/columns/space/the-proliferation-of-space-debris-in-the-earths-orbit/> (date of access: 12.04.2026).

2. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела: принят в г. Москве, г. Лондоне, г. Вашингтоне 27.01.1967 // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 12.04.2026).

3. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами: принята в г. Москве, г. Лондоне, г. Вашингтоне 29.03.1972 // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 12.04.2026).

4. Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/space_debris.shtml (дата обращения: 12.04.2026).

5. Yang, K. From legal uncertainties to regulatory clarity: Addressing the challenges of space debris / K. Yang // Space Policy. – 2026. – Vol. 37, Iss. 1. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2468896726000108> (date of access: 12.04.2026).

6. Steele, S. M. Can international law provide a basis for actively removing space debris? / S. M. Steele // AMOS Conference. – 2020. – URL: <https://amostech.com/TechnicalPapers/2020/Orbital-Debris/Steele.pdf> (date of access: 12.04.2026).

Соглашение о морском биологическом разнообразии территорий за пределами национальной юрисдикции 2023 г.: вклад в развитие международного морского права

*Чёрный Г. А., Новичук А. С., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Андриенко В. М.*

Соглашение о морском биологическом разнообразии территорий за пределами национальной юрисдикции (далее – Соглашение BBNJ; Соглашение), вступившее в силу 17 января 2026 г., стало третьим исполнительным соглашением к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – UNCLOS) и крупнейшим ее дополнением за последние десятилетия [1]. По данным ООН на апрель 2026 г., Соглашение насчитывает 145 подписантов и 88 государств-участников. Для вступления в силу требовалось 60 ратификаций, и указанный порог был преодолен в сентябре 2025 г. Следует отметить, что Республика Беларусь и Российская Федерация Соглашение не подписали и не ратифицировали. США подписали (в 2023 г.), но не ратифицировали его, в то время как Китай является полноценным участником Соглашения BBNJ с 15 декабря 2025 г. [2].

Исследователи отмечают прогрессивность положений Соглашения BBNJ и его большой вклад в развитие международного морского и экологического права (например, А. Ланглет, А. Вадрот [3]; Д. Качелрисс, Д. Карри, М. Мецгер [4]; М. Карим, У. Ченг [5] и др.). Прежде всего эксперты указывают на восполнение посредством данного договора четырех значимых пробелов UNCLOS.

Во-первых, Соглашение создает механизм доступа к морским генетическим ресурсам и справедливого распределения выгод (ч. II, ст. 11–16). UNCLOS не устанавливала правового регулирования относительно данных ресурсов, поскольку их экономическая ценность была неизвестна при ее принятии [6; 4]. *Во-вторых*, впервые учреждается единый механизм создания морских охраняемых районов в районах за пределами национальной юрисдикции (ч. III, ст. 17–26). *В-третьих*, вводится обязательная оценка воздействия на окружающую среду применительно к деятельности в районах за пределами национальной юрисдикции (ч. IV, ст. 27–39), конкретизируя рамочные положения UNCLOS, содержащиеся в ст. 204–206. *В-четвертых*, посредством Соглашения BBNJ формируется система передачи морских технологий в пользу развивающихся государств (ч. V, ст. 40–46) [3; 5].

UNCLOS закрепила принцип «общего наследия человечества» только для минеральных ресурсов Района морского дна (ст. 136), оставив правовой вакуум в отношении биологических ресурсов [6]. Этот пробел породил конкуренцию: к 2016 г. лишь пять развитых государств аккумулировали около

98 % патентов на морские генетические ресурсы [6]. Соглашение BBNJ восполнило пробел посредством закрепления в ст. 7(б) и ст. 11(4) принципа «общего наследия человечества» к морским генетическим ресурсам в районах за пределами национальной юрисдикции, а также непризнания в отношении них суверенных прав любого государства, тем самым обеспечивая баланс между свободой открытого моря (ст. 87 UNCLOS) и интересами всего человечества [1; 7; 8].

Конференция Сторон, учрежденная ст. 47 Соглашения BBNJ как главный орган принятия решений, уполномочена принимать решения об установлении морских охраняемых районов (ст. 22(1)(а)), уважая при этом компетенции смежных органов (ст. 22(2)) [1]. Для предотвращения дублирования ст. 19 Соглашения регламентирует подачу предложений о морских охраняемых районах с уведомлением всех заинтересованных органов, а ст. 21 определяет порядок проведения консультаций по предложениям и их оценки [1].

Таким образом, Соглашение BBNJ системно восполняет пробелы UNCLOS, однако его реализация сопряжена с определенными вызовами: распределением выгод от морских генетических ресурсов, созданием морских охраняемых районов в открытом море и др. Кроме того, актуален и вопрос разграничения компетенций с существующими профильными организациями, например, Международной морской организацией и региональными рыбохозяйственными организациями ввиду установления в ст. 5(2) требования о толковании Соглашения таким образом, «чтобы не подрывать соответствующие правовые акты и рамочные документы и профильные органы глобального, регионального, субрегионального и секторального уровней, и чтобы поощрять согласованность и скоординированность с этими актами, документами и органами» [1]. Неучастие крупных морских держав, включая Российскую федерацию и США, также ограничивает эффективность данного договора. Полагаем, что усилия по реализации Соглашения BBNJ должны быть направлены на преодоление существующих разногласий для защиты морских экосистем, а также активной деятельности учрежденных им органов.

Литература

1. Соглашение в рамках ЮНКЛОС о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в ABNJ : принято в г. Нью-Йорке 19 июня 2023 г. // ООН. – URL: <https://www.un.org/bbnjagreement/ru/bbnj-agreement/text-bbnj-agreement> (дата обращения: 10.04.2026).

2. BBNJ Agreement – Status of Treaties // UN Treaty Collection. – URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?chapter=21&clang=_en&mtdsg_no=XXI-10&src=TREATY (дата обращения: 14.04.2026).

3. Langlet, A. Not “undermining” who? Unpacking the emerging BBNJ regime complex / A. Langlet // Marine Policy. – 2023. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308597X22004195?_cf_chl_tk=AdeDGrg.lIGlba96RGQ

5xTYU6NWWHQX2Zx14XTCEbBQ-1776242643-1.0.1.1-f2_AnKE8x8rZf37kJV0Y3K9g933fQvu3DSCiNyYB_gU (date of access: 10.04.2026).

4. High Seas Alliance. Part II of the BBNJ Agreement: Marine genetic resources. – URL: <https://highseasalliance.org/wp-content/uploads/2023/11/HSA-Briefing-on-Part-II-Marine-Genetic-Resources-including-the-fair-equitable-sharing-of-benefits.docx.pdf> (date of access: 14.04.2026).

5. The new UN high seas marine biodiversity Agreement // Nature Sustainability. – 2024. – URL: <https://www.nature.com/articles/s44168-023-00088-9> (date of access: 14.04.2026).

6. Конвенция ООН по морскому праву : заключена в г. Монтего-Бей 10 дек. 1982 г. // ООН. – URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (date of access: 10.04.2026).

7. Rometius, S. Unlocking the global commons: legal analysis of benefit-sharing for MGR in the BBNJ agreement / S. Rometius, W. Wang // *Frontiers in Marine Science*. – 2025. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/marine-science/articles/10.3389/fmars.2025.1541331/full> (date of access: 10.04.2026).

8. Massimi, M. The fraught legacy of the Common Heritage of Humankind principle / M. Massimi // *Environmental Science & Policy*. – 2024. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1462901124000157> (date of access: 10.04.2026).

Responsibility Framework of Agentic AI in Autonomous Mining

*Чэнь Сяохуэй, магистрант I к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Головенчик М. Г., канд. юр. наук*

Recent research on agentic Artificial Intelligence (AI) systems demonstrates their capacity for autonomous task execution, including the configuration of network infrastructure and allocation of computational resources, which raises significant questions regarding the attribution of legal responsibility [1]. In Belarus, mining is legal under compliance conditions established by Decree № 8 [2], although this regulatory framework does not specifically address autonomous AI-driven activities. The absence of clear legal provisions regarding agentic AI autonomous mining may create uncertainty in determining the responsible party. This may lead either to excessive restrictions on technology-neutral applications or insufficient enforcement in cases of regulatory evasion. In the context of the country, encouraging the development of AI and cryptocurrencies, establishing a responsibility framework for autonomous AI mining can enhance legal certainty and predictability.

Scenarios of autonomous AI mining include, for example, the unauthorized deployment of mining operations on enterprise servers or the creation of distributed virtual infrastructures within cloud platforms without proper authorization. In such

cases, liability may arise primarily for the deployer, provided that intent or negligence is established. For instance, where a deployer knew or reasonably should have known that computational resources were being used for mining purposes and nevertheless enabled automated scaling mechanisms, such conduct may be interpreted as misuse of computational infrastructure and may give rise to liability under applicable provisions related to unauthorized access to computer systems.

In addition to the deployer, an enterprise may incur liability where it fails to implement adequate access control and monitoring systems, provided that such failure amounts to gross negligence. For example, if an enterprise account is used for large-scale mining without registration or declaration, this may constitute a regulatory violation or grounds for administrative or criminal liability, depending on the circumstances. Furthermore, service or maintenance providers of AI systems may incur liability only where intent or knowing facilitation of unlawful activity is established; absent such elements, their responsibility should be assessed within administrative or civil frameworks rather than as criminal complicity.

In scenarios where agentic AI forms distributed mining clusters through the use of multiple servers and network channels without proper reporting, the deployer may be regarded as the primary controlling actor, subject to proof of effective control and intent. If such activities occur within preferential regulatory regimes, such as high-tech parks, questions may arise regarding compliance with the conditions of such regimes and the adequacy of supervisory mechanisms. However, liability of park administration requires a separate assessment of statutory duties and cannot be presumed.

In financial scenarios where agentic AI autonomously converts mining proceeds into fiat currency and transfers them through digital infrastructures, this may raise concerns regarding compliance with financial regulation, including anti-money laundering (AML) and Know Your Customer (KYC) requirements.

However, the qualification of such conduct as unlawful financial activity depends on specific factual circumstances and requires proof of intent to evade regulation. Correspondingly, trading platforms may incur liability only where failure to comply with AML/KYC obligations is established in accordance with applicable law.

Overall, in the context of Belarus promoting the development of the digital economy and AI, it appears more appropriate to regulate autonomous AI mining through existing regulatory instruments, including presidential decrees and high-tech park regulations, rather than imposing a blanket prohibition. Belarus already possesses a foundational regulatory framework for the digital economy and cryptocurrency activities under Decree № 8 [2], as well as recent regulatory initiatives concerning crypto-related financial institutions [3], although the precise scope of the latter requires further verification.

A differentiated regulatory approach should be adopted, whereby: criminal liability (if the case of establishing) will be limited to cases involving intentional

violations and substantial harm, while negligent conduct is addressed through administrative supervision mechanisms.

The Republic of Belarus may implement pre-event registration requirements, obliging AI mining operators to disclose the purpose and scope of computational resource usage. During the operation, a continuous monitoring and early warning system should be established to dynamically track resource consumption, energy usage and fund flow. Finally, a post-event accountability mechanism is necessary to ensure that intentional violations, resource abuse or harmful behaviors bear legal consequences commensurate with their circumstances, and to clearly distinguish the boundaries between criminal responsibility and administrative responsibility.

The determination of liability related to autonomous AI mining should still follow the traditional legal judgment standards, taking into account the subjective fault of the actor, the objective behavior, and the resulting damage consequences.

Through legislative amendments or judicial interpretations, the legal status and liability of the technology provider can be clarified, the compliance obligations of enterprises can be strengthened, and a reasonable balance can be achieved between the principle of technology neutrality and effective legal accountability.

Literature

1. Let It Flow: Agentic Crafting on Rock and Roll, Building the ROME Model within an Open Agentic Learning Ecosystem (12.03.2026) // Cornell University. – URL: <https://arxiv.org/abs/2512.24873> (date of access: 21.03.2026).

2. On the Development of Digital Economy : Decree of the President of the Republic of Belarus № 8 as of 21 December 2017 : with add. as of 18 March 2021 № 1 // ilex : inf. legal system (date of access: 21.03.2026).

3. Aleksandr Lukashenko signs Decree on crypto banks, tokens (16.01.2026) // President of Republic of Belarus. – URL: <https://president.gov.by/en/events/podpisan-ukaz-o-kriptobankah-i-tokenah-1768562191> (date of access: 21.03.2026).

The Tension between Technical Rationality and Individual Justice: Legal Theory in Algorithmization of Criminal Justice

*Чэнь Сяохуэй, магистрант I к. БГУ,
науч. рук. доц. Петрова О. В., канд. юр. наук, доц.*

The application of digital justice, algorithmic sentencing, and mandatory search of similar case is driving the application of criminal law towards technical rationality, which aims to achieve uniformity in judgments, judicial efficiency, and calculability of results, but in practice, it is constantly squeezing the space for the realization of individual justice, substantive fairness, and contextual rationality.

Based on legal philosophy and the development of judicial modernization, this article through critical reflection on the technological governance logic in modern justice, emphasizes the humanistic values that criminal law should uphold.

Firstly, regarding the theoretical basis of technical rationality, through the division of formal rationality and substantive rationality proposed by Weber [1], as well as Foucault's conception of governing modern power through rationalization [2], technical rationality in the criminal law is mainly shown standardization, quantification, proceduralization, and decontextualization. Secondly, regarding the theoretical basis of individual justice, according to Aristotle's theory of Distributive Justice and Corrective Justice [3], and Radbruch advocated that laws should be purposeful and just [4], then Kaufmann argued that the application of laws is essentially an analogy rather than a simple application of logic [5]. Clearly, individual justice mainly emphasizes specific circumstances, personality factors, substantive rationality, and individualized judgment. Based on this, technical rationality and individual justice have formed a structural tension in the application of criminal law. Technical rationality takes the principles of equal punishment for equal crimes, predictability, judicial efficiency and power discipline as its value orientation, while individual justice focuses on the individualization of penalties, substantive justice, integration of emotions and reason, and protection of rights.

At the judicial level, the standardization of sentence by technology mainly come from national guidelines and the numerical model of sentence [6], which simplifies complex case facts into calculable elements. Algorithm-assisted justice and search of similar case are driven by data [7], which tend to replace normative reasoning with similarity judgment, attempting to substitute normative judgment with data rule. At the legislative level, driven by the criminal risk theory, the legislation regarding dangerous acts has been continuously expanding. The legislation takes risk prevention as its core objective [8], the highly technical nature and the pre-emptive nature of penalties have weakened the examination of specific harmful consequences and individual responsibilities, making it prone to ignoring individual case differences. At the level of proof, the rules of evidence have gradually become more formalized, and the verification process is becoming computational. The excessive pursuit of objectivity through technical rationality has continuously squeezed the space for judges' experience-based judgment and free deliberation.

If the above situations are not regulated, the expansion of technical rationality will inevitably lead to the erosion of individual justice. First result is the de-personalization of judicial decisions, where the actors are reduced to data-based elements, the individualized concept of punishment is replaced by mechanical sentencing formulas, and ethical considerations regarding responsibility are gradually replaced by technical logic. Second is that formalism overrides substantive justice. The principle of equal treatment for similar cases will gradually

evolve into merely based solely on their superficial similarities, while ignoring the normative purpose and necessary value. The third is that the algorithmic black box leads to implicit judicial arbitrariness. Although technical rationality looks neutral on the surface, it actually embeds the value preferences of the developers and trainers, and lacks defensibility when using. The fourth is that it will lead to the loss of judges' discretionary power, judges will gradually shift from the role of understanding and applying the norms to being operators who merely refer to the technical results for execution.

The criminal law is centered on the principle of legality, while also balancing both formal justice and substantive justice, aiming to prevent the trend of purely efficiency-oriented technological. On this basis, Kaufmann's theory on the essence of thing can be introduced to achieve a dynamic interaction between norms and individual facts [5], thereby compensating for the rigid trend of conceptual jurisprudence. At the same time, in order to construct a limited form of technical rationality, it is necessary to consistently position the algorithm as a supplementary tool for justice rather than the ultimate decision-maker, and establish a mandatory reasoning system for deviations from precedent cases, requiring judges to conduct thorough value arguments when breaking away from typical case judgments. By establishing a three-tier argumentation structure from the normative purpose to the specific case situation and then to the consideration of consequences, the substantive argumentation obligation of judges should be strengthened, leaving necessary space for individual case justice. Finally, by using the procedure as the institutional guarantee, drawing on Habermas' idea of using communication to rebuilding social rationality, a dialogic judicial system is constructed [9]. Through the full argumentation among the prosecution, defense and judge, rather than merely describing the case through technical means, to achieve the legitimacy of individual case.

In conclusion, technological rationality, as an indispensable governance tool in the modern criminal law system, must be subject to the constraints of legal value and individual justice. Truly modern governance in criminal law should be the domination and rule of people over technology, and the dominance of values over rules. It should also achieve Radbruch's dynamic balance between the stability, purposiveness and justice of law [4]. In the future, through empirical methods, the actual realization degree of individual justice under the algorithm-assisted justice model can be further examined.

Literature

1. Max Weber's Types of Rationality: Cornerstones for the Analysis of Rationalization Processes in History (1980) // The University of Chicago Press Journals. – URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/227128> (date of access: 01.04.2026).

2. The Foucault Effect: Studies in Governmentality (1991) // World Press. – URL: <https://laelectrodomestica.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/07/the-foucault-effect-studies-in-governmentality.pdf> (date of access: 01.04.2026).
3. Corrective Justice (20.09.2012) // Oxford Academic. – URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199665815.003.0003> (date of access: 01.04.2026).
4. Statutory Lawlessness and Supra-Statutory Law (1946) // Oxford Academic. – URL: <https://doi.org/10.1093/ojls/gqi041> (date of access: 01.04.2026).
5. Law as a Spoken Practice Legal Meaning, Interpretation, and Digitalization: Revisiting Arthur Kaufmann (27.01.2026) // Springer Nature. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11196-025-10418-1> (date of access: 01.04.2026).
6. Guidelines on Sentencing for Common Crimes (2021) // People’s Procuratorate of Zhangye Municipality. – URL: <http://www.zhangye.jcy.gov.cn/info/1039/2086.htm> (date of access: 01.04.2026).
7. Guidelines on Uniform Legal Application and Strengthening Case Similarity Search (15.07.2020) // Qinan Intermediate People’s Court. – URL: <http://tazy.sdcourt.gov.cn/tazy/371473/spyw58/6484819/2020102217015020176.pdf> (date of access: 01.04.2026).
8. Amendments to the Criminal Law of the People’s Republic of China (11) (27.12.2020) // The Supreme People’s Court of the People’s Republic of China. – URL: https://www.spp.gov.cn/zdgz/202012/t20201227_503682.shtml (date of access: 01.04.2026).
9. The Theory of Communicative Action Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason (1981) // World Press. – URL: <https://teddykw2.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/07/jurgen-habermas-the-theory-of-communicative-action-volume-2.pdf> (date of access: 01.04.2026).

Международные договоры, применимые к уголовно-правовой защите сохранения исторической правды и памяти о Холокосте

*Шатило Д. С., студ. III к. БГУ,
науч. рук. доц. Мороз Н. О., канд. юр. наук, доц.*

Сохранение исторической памяти о Холокосте является важным элементом международной системы предотвращения геноцида и защиты прав человека. Актуальность темы обусловлена тревожными тенденциями современности: беспрецедентной эскалацией ксенофобии и антисемитизма, а также попытками искажения исторической правды. В этой связи возрастает значение международно-правовых механизмов противодействия таким явлениям. Дополнительную угрозу представляет пролиферация общественно опасных методов – злонамеренное использование информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта для генерации

и распространения дезинформации, фальсификации истории и разжигания ненависти. Несмотря на отсутствие универсального международного договора, специально посвященного уголовно-правовой защите исторической правды о Холокосте, международное право содержит ряд норм и механизмов, направленных на противодействие отрицанию, оправданию или грубой минимизации геноцида. Эти нормы основаны на основе универсальных договоров о предупреждении геноцида, региональных соглашений в сфере противодействия расизму и ксенофобии, а также практики международных судебных органов.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. является основным универсальным договором, направленным на предотвращение и пресечение преступления геноцида. Нормы конвенции носят обычно-правовой характер. В Консультативном решении Международного Суда ООН от 28 мая 1951 г. «Оговорки к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него», указано, что принципы данной конвенции обязательны даже для государств, не присоединившихся к ней [1].

Более того, запрет геноцида носит характер *jus cogens*, отклонение от которого недопустимо ни при каких обстоятельствах. Этот особый статус получил официальное доктринальное закрепление в Проекте выводов в отношении императивных норм общего международного права (*jus cogens*), принятого Комиссией международного права ООН, где запрещение геноцида прямо указано в числе норм *jus cogens* [2]. Данная позиция нашла последовательное отражение и в судебной практике Международного Суда ООН. В своем решении по делу «Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории» Суд однозначно констатировал, что запрет геноцида является императивной нормой международного права (пункт 161) [3]. Позднее, в деле «Гамбия против Мьянмы», Суд подтвердил этот подход, вновь указав на императивный характер вытекающих из запрета обязательств (пункт 22) [4].

Состав преступления геноцида был также закреплен в уставах международных уголовных трибуналов, созданных Советом Безопасности ООН, в частности, в Уставе Международного трибунала по бывшей Югославии (статья 4) [5] и Уставе Международного трибунала по Руанде (статья 2) [6], а также в Римском статуте международного уголовного суда (статья 6) [7] и Уставе Международного остаточного механизма для Уголовных трибуналов (пункт 1 статьи 1), где механизм является продолжателем материальной, территориальной, временной и персональной юрисдикции МТБЮ и МУТР, а также прав и обязанностей МТБЮ и МУТР [8].

Статья II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него определяет геноцид как действия, «совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную,

этническую, расовую или религиозную группу как таковую» [9], при этом статья III не включает отрицание, оправдание, минимизацию геноцида как самостоятельные составы преступления. Конвенция прямо запрещает лишь прямое и публичное подстрекательство к геноциду (пункт из статьи III).

В соответствии с подходами, сформировавшимися в современной правовой доктрине [10; 11], а также практике международных уголовных трибуналов [12; 13], отрицание геноцида не охватывается ни элементами состава преступления геноцида и не считается «прямым и публичным подстрекательством к геноциду» *per se*. Однако оправдание или прославление геноцида при определенных условиях все же могут рассматриваться как форма подстрекательства, если они осуществляются публично, содержат элементы одобрения преступления, подталкивают к повторению преступления. Это следует из практики Международного уголовного трибунала по Руанде. Так, в деле «Media Case» (Nahimana et al.) Трибунал признал, что систематическая пропаганда, включая прославление насилия и риторику, подрывающую реальность преступлений, может квалифицироваться как прямое и публичное подстрекательство к геноциду, если она осуществляется в контексте более широкой идеологической кампании, направленной на уничтожение защищаемой группы [13]. В данном деле Трибунал установил наличие специального умысла на уничтожение тутси как этнической группы, что и позволило квалифицировать действия подсудимых как подстрекательство к геноциду. Таким образом, сама Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. не криминализирует отрицание геноцида. В то же время такие деяния могут быть квалифицированы в качестве одной из форм подстрекательства, что, в свою очередь, либо напрямую запрещено Конвенцией (пункт с статьи III) либо может представлять собой форму соучастия в совершении геноцида.

На региональном уровне I Дополнительный протокол к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации, об инкриминировании расистских актов и совершенного ксенофоба при помощи информационных систем (2003) – один из ключевых документов, который связывает современную реальность с уроками Холокоста. Согласно ст. 6 Протокола, уголовным преступлением является распространение материалов, которые «отрицают, грубо минимизируют, оправдывают или одобряют геноцид» [14]. Эта норма не случайна: отрицание Холокоста напрямую угрожает реализации прав и свобод человека, нормализует идеологии, которые однажды привели к массовому уничтожению людей, и создает риски повторения подобных преступлений. Протокол отражает понимание, что защита исторической правды стала частью международного правового порядка, направленного на предотвращение геноцида. Как указано в п. 41 Пояснительного отчета к данному протоколу, «это положение призвано разъяснить, что факты, историческая

достоверность которых установлена, не могут отрицаться, грубо преуменьшаться, одобряться или оправдываться в целях поддержки этих отвратительных теорий и идей».

В этих условиях память о Холокосте перестает быть лишь вопросом исторической науки, становясь ключевым инструментом обеспечения международной безопасности и защиты фундаментальных прав человека. Понимание этой угрозы находит свое последовательное отражение в деятельности Организации Объединённых Наций, о чем свидетельствует регулярное принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюций о недопущении героизации нацизма: A/RES/67/154 (2012), A/RES/68/150 (2013), A/RES/69/160 (2014), A/RES/70/139 (2015), A/RES/71/179 (2016), A/RES/72/156 (2017), A/RES/73/157 (2018), A/RES/74/136 (2019), A/RES/75/169 (2020), A/RES/76/149 (2021), A/RES/77/204 (2022), A/RES/78/190 (2023), A/RES/79/160 (2024). Данные документы, ежегодно принимаемые подавляющим большинством государств, фиксируют консенсус международного сообщества в отношении недопустимости реабилитации нацизма, отрицания исторической правды о Второй мировой войне и попыток пересмотра ее итогов, что напрямую коррелирует с задачами уголовно-правовой охраны памяти о Холокосте и предупреждения преступлений геноцида.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/7 «Память о Холокосте» (2005) подчеркивает, что Холокост «служит предостережением об опасностях ненависти, фанатизма и расизма» [15]. Эта формулировка представляет собой квинтэссенцию гуманитарного подхода: только сохранение памяти о Холокосте укрепляет иммунитет международного сообщества к дегуманизации.

Статья 7 Дополнительного протокола к Конвенции о киберпреступности дополняет эту позицию, устанавливая уголовную ответственность за пособничество и подстрекательство к преступлениям, связанным с распространением ненависти. Это усиливает международные механизмы противодействия идеологиям, оправдывающим геноцид [16]. Забывая прошлое, мы становимся уязвимыми для повторения тех же ошибок. Подтверждением этому служит геноцид в Руанде, когда вооруженные формирования хуту на протяжении ста дней систематически уничтожали народ тутси, используя ту же логику дегуманизации, что и нацисты в 1930-х гг. Дегуманизация тутси в пропаганде, их обозначение как «таракань» и последовательное истребление стали закономерным итогом взращиваемой годами ненависти. Факт совершения геноцида был установлен Международным уголовным трибуналом по Руанде, который вынес вступившие в силу приговоры в отношении организаторов и исполнителей этих преступлений, включая первый в истории обвинительный приговор за геноцид, вынесенный трибуналом в 1998 г. [17].

Более того, положение о криминализации распространения материалов, которые «отрицают, грубо минимизируют, оправдывают или одобряют

геноцид», не было включено в Конвенцию Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям [18]. В то же время, полагаем, что отрицание, грубое преуменьшение, одобрение или оправдание геноцида, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий, как деяние, требующее криминализации, должно найти отражение в дополнительном протоколе к данной конвенции. Это обусловлено следующим: а) отрицание, одобрение или оправдание геноцида создают условия для совершения таких международных преступлений, которые рассматриваются в качестве угроз международному миру и безопасности [5; 6]; б) могут рассматриваться в качестве формы соучастия в совершении геноцида; в) распространение таких высказываний с использованием ИКТ чрезвычайно расширяет масштаб и последствия данных общественно опасных деяний, что требует принятия мер реагирования со стороны государств; г) с учетом транснационального характера самих информационно-коммуникационных технологий и сети Интернет эффективное противодействие таким противоправным деяниям возможно только с учетом широкого международного сотрудничества государств.

Запрет отрицания, грубого преуменьшения, одобрения или оправдания геноцида или преступлений против человечности содержится в законодательстве Германии, Израиля, Люксембурга, Польши, Руанды, Сербии, Словакии, Словении, Франции, Чехии, Швейцарии [19]. Помимо указанных государств, в Республике Беларусь также установлена уголовная ответственность за подобные деяния. В 2022 г. принят Закон «О геноциде белорусского народа», которым Уголовный кодекс был дополнен ст. 130-2, предусматривающей ответственность за отрицание геноцида белорусского народа, в том числе совершенное с использованием информационно-коммуникационных технологий [20].

Анализ международно-правовых механизмов показывает, что защита исторической памяти о Холокосте формируется как комплексный правовой режим. Его основу составляют нормы, запрещающие геноцид и подстрекательство к нему, международные стандарты защиты прав человека, а также региональные инструменты, направленные на противодействие расизму и ксенофобии. Хотя Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. напрямую не криминализирует отрицание геноцида, она создает нормативную основу для квалификации подобных действий как формы подстрекательства или соучастия. В современных условиях особое значение приобретает развитие международных механизмов противодействия распространению идеологий, оправдывающих геноцид, особенно в цифровой среде. Усиление международного сотрудничества и дальнейшее

развитие правового регулирования в данной сфере являются важными условиями предотвращения повторения подобных преступлений в будущем.

Литература

1. Оговорки к конвенции о предупреждении геноцида и наказания за него : консультативное заключение от 28 мая 1951 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://m.bigenc.ru/vault/7db5d421f47cd13a8bf15bbff3f3b779.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).

2. Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*) : доклад Комиссии международного права // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2019/russian/chp5.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).

3. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide in the Gaza THE (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro) : order of 26 February 2007 // International Court of Justice. – URL: <https://www.acerislaw.com/wp-content/uploads/2024/04/Application-of-the-Convention-on-the-Prevention-and-Punishment-of-the-Crime-of-Genocide.pdf> (date of access: 25.11.2025).

4. Case concerning application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar) : order of 20 January 2021 // International Court of Justice. – URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/178/178-20210120-WRI-01-00-EN.pdf> (date of access: 25.11.2025).

5. Устав Международного трибунала по бывшей Югославии : принят резолюцией 827 Советом Безопасности от 25 мая 1993 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 25.11.2025).

6. Устав Международного трибунала по Руанде : принят резолюцией 955 Советом Безопасности от 8 нояб. 1994 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/law/ictcr/charter.shtml> (дата обращения: 25.11.2025).

7. Римский статут Международного уголовного суда : принят в г. Риме 17 июля 1998 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/home_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/home_statute(r).pdf) (дата обращения: 25.11.2025).

8. Резолюция 1966 (2010) : принята Советом Безопасности на 6463-м заседании 22 дек. 2010 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2010/ru/76714> (дата обращения: 25.11.2025).

9. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него : принята резолюцией 260 (III) Генер. Ассамблеи от 9 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 15.11.2025).

10. Schabas, W. A. Genocide. Crime of Crimes / W. A. Schabas. – United Nations Audiovisual Library of International Law. – URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ls/Schabas_outline.pdf (date of access: 01.04.2026).

11. Zucchi, S. Atrocity Speech Law, by Gregory S. Gordon / S. Zucchi // *Osgoode Hall Law Journal*. 2018 – Vol. 55, № 2. – P. 599–606. – DOI: 10.60082/2817-5069.3295. – URL: <https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=3295&context=ohlj> (date of access: 01.04.2026).

12. Case № ICTR-96-4-T Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu : Judgment of Trial Chamber I : adopted by the International Criminal Tribunal for Rwanda on 2 September 1998. – URL: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/10/Akayesu-ICTR-1998-Judgment.pdf> (access date: 01.04.2026).

13. Ferdinand Nahimana, Jean-Bosco Barayagwiza, Hassan Ngeze v. The Prosecutor № ICTR-99-52-A : adopted by the International Criminal Tribunal for Rwanda on 28 November 2007 // International Crimes Database. – URL: <https://www.internationalcrimesdatabase.org/Case/137/Nahimana-et-al/> (date of access: 15.11.2025).

14. Дополнительный протокол к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации, об инкриминировании расистских актов и совершенного ксенофоба при помощи информационных систем : принят в г. Страсбурге 28 янв. 2003 г. // Совет Европы. – URL: <https://rm.coe.int/1680081611> (дата обращения: 15.11.2025).

15. Резолюция 60/7 «Память о Холокосте» : принята Генер. Ассамблеей 1 нояб. 2005 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/7> (дата обращения: 15.11.2025).

16. First Additional Protocol to the Convention on Cybercrime, concerning the criminalisation of acts of a racist and xenophobic nature committed through computer systems // Council of Europe. – URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/first-additional-protocol> (date of access: 25.11.2025).

17. Руанда: первый приговор за геноцид // Энциклопедия Холокоста. Музей памяти жертв Холокост. – URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/rwanda-the-first-conviction-for-genocide> (дата обращения: 01.04.2026).

18. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям : принята резолюцией 79/243 Генер. Ассамблеей от 24 дек. 2024 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 15.11.2025).

19. Implementing the First Protocol to the Convention on Cybercrime on Xenophobia and Racism: Good practice study // Council of Europe. – URL: https://www.coe.int/documents/8475493/138361051/2542_57_XR+Good+practice+study_PROV.pdf/b2330c21-2777-a930-8383-a330f285293c?t=1701449628952 (date of access: 25.11.2025).

20. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.04.2026).

О правовой природе самовольной постройки

*Шепелевич М. Ю., асп. БГУ,
науч. рук. доц. Третьякова И. П., канд. юр. наук, доц.*

В связи с внесением изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) [1] Законом Республики Беларусь «Об изменении кодексов» от 18 июля 2022 № 195-З [2] термин «недвижимое имущество» в отношении самовольной постройки был заменен на «объект строительства».

Исходя из норм действующего законодательства, является ли самовольная постройка недвижимостью? На данный вопрос разные авторы отвечают по-разному.

Некоторые авторы утверждают, что самовольная постройка является недвижимым имуществом [3, с. 38], другие считают, что самовольная постройка – это движимое имущество в виде стройматериалов [4, с. 211], а некоторые придерживаются позиции, что возведение самовольной постройки может рассматриваться только через призму деликта, а лицо, совершившее самовольное строительство, является правонарушителем и никаких прав на постройку не должно приобретать [5, с. 20].

Для определения правовой природы самовольной постройки необходимо установить, обладает ли она признаками вещи. На то, что самовольная постройка является вещью, указывает следующее.

Во-первых, самовольная постройка представляет собой объект, созданный из материалов физического мира. Она имеет пространственные границы и может быть индивидуально определена.

Во-вторых, законодательство предусматривает возможность признания права собственности на объект самовольного строительства. Если объект не был бы вещью, право собственности на него возникнуть не могло бы.

В-третьих, самовольная постройка, подобно иным вещам, становится предметом интереса для лица, осуществившего строительство. Это связано не только с потребностью в ее использовании, но и с необходимостью включения объекта в гражданский оборот, что подчеркивает ее значимость.

Однако существуют контраргументы, отрицающие отнесение самовольной постройки к категории вещей.

Во-первых, в соответствии с п. 2 ст. 223 ГК лицо, осуществившее самовольное строительство, не может пользоваться и распоряжаться объектом самовольного строительства [1]. Поскольку правомочие распоряжения является неотъемлемым элементом права собственности, отсутствие такой возможности ставит под сомнение саму природу объекта как вещи.

Во-вторых, изначально не возникает права собственности на объект самовольного строительства. Если право собственности или иное вещное право на объект отсутствует, возникает вопрос: может ли такой объект считаться

вещью? Если отсутствует право собственности или иное вещное право на объект самовольного строительства, то возникает не вещное, а обязательственное правоотношение [3, с. 38].

На наш взгляд, в физическом смысле самовольная постройка, бесспорно, является вещью (она материальна, индивидуально определена и может быть использована по назначению), однако только после легализации самовольная постройка приобретает полноценный юридический статус вещи и становится объектом права.

Говоря о недвижимом характере самовольной постройки, стоит отметить, что она обладает всеми физическими признаками недвижимого имущества. Неоспоримыми признаками недвижимого имущества являются: прочная связь с землей, при которой переместить постройку без соразмерного ущерба невозможно, статичность объекта (непотребляемость) и пространственная индивидуальность.

По нашему мнению, самовольную постройку следует определять как особую разновидность недвижимых вещей, поскольку она обладает всеми физическими признаками недвижимости, но не обладает формальным признаком в виде государственной регистрации.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь 16 марта 2026 г. № 134-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 21.04.2026).
2. Об изменении кодексов : Закон Республики Беларусь от 18 июля 2022 г., № 195-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.04.2026).
3. Ершов, О. Г. К вопросу о правовой природе самовольной постройки / О. Г. Ершов, В. А. Бехтер // Право и экономика. – 2015. – № 4. – С. 37–41.
4. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов // Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – Т. 2. – 496 с.
5. Кусаинова, А. К. Самовольная постройка как категория гражданского права / А. К. Кусаинова, Б. М. Нургалиев // Актуальные проблемы современности. – 2016. – № 2(12). – С. 19–23.

О некоторых вопросах применения медиации при расторжении брака в семейном праве Республики Беларусь

*Шмакова К. А., асп. БГУ,
науч. рук. Ананич С. М., канд. юр. наук, доц.*

В Республике Беларусь при расторжении брака в общем судебном порядке или в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, супруги вправе обратиться к медиатору для урегулирования спора. Такое право законодательно закреплено в п. 2 ст. 35-1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) и п. 2 ст. 36 КоБС [1].

Определение понятия «медиация» содержится в Законе Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-3 «О медиации». Согласно ст. 1 данного Закона, под медиацией понимаются переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения [2].

Несомненно, важнейшими принципами медиации являются добровольность; добросовестность, равноправие и сотрудничество сторон; беспристрастность и независимость медиатора; конфиденциальность (ч. 1 ст. 3 Закона о медиации) [2]. Автор обращает внимание, что медиация является добровольной процедурой, следовательно, никто не может склонить стороны к разрешению спора посредством медиатора.

Применение медиации при расторжении брака в семейном праве Республики Беларусь существенно отличается, например, от применения медиации в корпоративном праве. При расторжении брака, безусловно, первичным вопросом является дальнейшее сохранение семьи. Однако значимыми в то же время являются аспекты, связанные с воспитанием, содержанием детей, разделом совместно нажитого в браке имущества. Следовательно, если супруги не готовы сохранить семью, обращение к медиатору также является целесообразным для урегулирования других важных вопросов касательно детей и имущества.

Семейно-ориентированная медиация считается длительной (циклической) работой с чувствами и эмоциями сторон, направленной на учет интересов и потребностей всех членов семьи, в том числе детей, родителей и новых партнеров супругов [3, с. 369–370].

Отличительными особенностями семейной медиации являются ко-медиация, возможное участие ребенка в медиативной сессии. Рассмотрим их подробнее.

Стоит отметить, что под ко-медиацией понимается процедура медиации, которая проводится двумя медиаторами одновременно. Это обусловлено тем, что зачастую конфликт между супругой и супругом воспринимается

как гендерный. В таком случае беспристрастность и независимость медиатора в глазах спорящих сторон может подвергаться сомнению: у участников может сложиться ошибочное впечатление, что медиатор встает на сторону – участника конфликта своего пола или наоборот. С целью поддержания гендерного баланса и восприятия медиатора как нейтральной стороны, ко-медиация проводится одновременно медиатором-мужчиной и медиатором-женщиной [4, с. 74]. В семейной медиации процедура ко-медиации также может одновременно проводиться медиатором-юристом и медиатором-психологом по образованию, что позволяет уделять особое внимание эмоциям сторон, которые играют значимую роль в брачно-семейных отношениях.

В семейной медиации важным является вопрос, связанный с участием ребенка в медиативной сессии при урегулировании споров. Существует три подхода к такому вопросу. Первый – работать исключительно с родителями и не вовлекать детей в данный процесс. Второй – привлекать ребенка при разрешении споров, связанных с его интересами. Третий – проводить медиацию без фактического привлечения ребенка к участию в медиативной сессии, но с созданием эффекта его присутствия [3, с. 382]. Так, в некоторых случаях в комнате, в которой проводится процедура медиации, оставляют пустой стул, который символизирует присутствие ребенка [4, с. 75]. У каждого подхода есть свои достоинства и недостатки. Однако решение о целесообразности участия ребенка в медиативной сессии принимают сами стороны.

Таким образом, в Беларуси супруги имеют право на добровольное урегулирование споров посредством медиатора при расторжении брака. Такое право законодательно предоставлено супругам при расторжении брака в общем судебном и во внесудебном порядке. Даже если супруги не готовы сохранить брак, к медиатору можно обращаться для урегулирования других значимых вопросов, связанных с воспитанием, содержанием детей и разделом имущества. Медиация в семейном праве обладает определенными особенностями – ко-медиация (проведение процедуры несколькими медиаторами одновременно), а также возможное участие ребенка в медиативной сессии.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. №110-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 31.03.2026)
2. О медиации : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-3 : в ред. от 23 июля 2017. – Мн. : Нац. прав. Интернет-портал Республики Беларусь, 2026. – 13 с.
3. Здрок, О. Н. Медиация : пособие / О. Н. Здрок. – Мн. : Четыре четверти, 2018. – 540 с.

4. Шамакова, К. А. Медиация в семейном праве: вопросы теории и практики / К. А. Шамакова // Сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых / редкол.: Е. А. Достанко [и др.]. – Мн. : 2025. – С. 72–77.

Institutional Competence and Governance Design in the Asian Infrastructure Investment Bank

*Diao Yueqi, 2nd year PhD student, BSU,
Scientific supervisor: Leanovich E. B.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

The rapid development of emerging fields, such as digital trade and artificial intelligence, has challenged the rule-making competence of traditional international economic organizations. As an intergovernmental organization, the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) offers an alternative model. This article examines the Articles of Agreement of the Asian Infrastructure Investment Bank (the “Agreement”), analyzing the AIIB’s legal status, its competence as defined in the Agreement, and its voting mechanism, while exploring China’s role in capital formation and the legal issues embedded in its institutional design.

The legal personality of AIIB is strictly defined by its Agreement. According to the Article 45, the AIIB possesses “full juridical personality,” including the capacity to contract, acquire and dispose of movable and immovable property, and institute legal proceedings. Furthermore, Article 46 provides for the immunity of the AIIB from judicial process. These provisions ensure that the AIIB exists as an international legal entity independent of its member states and is not subject to their domestic legal personality [1].

The AIIB’s competence is defined in Article 2, which authorizes financing for “infrastructure and other productive sectors.” This provision is not an exhaustive list; the inclusion of “other productive sectors” provides the necessary legal elasticity for the AIIB to expand its operational scope into digital or green infrastructure without the need for formal treaty amendments. From the perspective of the doctrine of attributable powers, this broad phrasing constitutes a legitimate grant of express authority, rather than a justification for ultra vires actions [2, p. 79]. This is also the legal basis for its infrastructure investment to not only cover traditional areas such as transportation, energy and water, but also extend to emerging areas such as digital, health and green infrastructure [3].

The authorized capital of the AIIB is 100 billion USD. According to Article 5 and Annex A of the Agreement, initial subscribed capital is divided into paid-in shares and callable shares, determined by a GDP-based formula applied to all member states. China’s subscription is 29.7 billion USD, representing approximately 30.34% of the total subscribed capital, making it the largest shareholder [4].

This share is not a legal privilege conferred by the Agreement, but a mathematical result of the calculation formula unanimously agreed upon by all founding members.

Voting power is governed by Article 28. The total voting power consists of basic votes, share votes, and (for founding members) 600 founding member votes. China holds approximately 26.6% of the total voting power [4]. Under Article 28(iv), decisions on major matters—such as the admission of new members, changes in authorized capital, or amendments to the Articles—require a super-majority of 75% of the total voting power. From a legal perspective, this creates a “structural veto power” over major decision-making matters. As the AIIB continues to expand its membership and adjust its capital base, the dilution of China’s voting share is legally inevitable [5].

In conclusion, the institutional design of the AIIB is not intended to dismantle the existing international economic legal order. Rather to provide an alternative legal pathway through parallel institutional innovation. As an intergovernmental organization with full legal personality, the AIIB’s broad authorization clause allows it to engage in emerging fields without amending its Agreement. Although its governance structure currently reflects China’s prominent role as the largest shareholder, its legal architecture is designed to evolve through the AIIB’s institutional growth. This offers new possibilities for the evolution of the competence of international economic organizations in emerging fields such as digital trade and green finance.

Literature

1. Asian Infrastructure Investment Bank. The Role of Law at AIIB // Asian Infrastructure Investment Bank. – URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/who-we-are/role-of-law/> (date of access: 14.04.2026).

2. Amerasinghe, C. F. Principles of the Institutional Law of International Organizations / C. F. Amerasinghe. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – P. 77–86.

3. Asian Infrastructure Investment Bank. Infrastructure for Tomorrow // Asian Infrastructure Investment Bank. – URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/who-we-are/infrastructure-for-tomorrow/overview/index.html> (date of access: 14.04.2026).

4. 亚投行举行协定签署仪式 // 国际财经中心. – URL: http://iefi.mof.gov.cn/pdlb/wmkzg/201506/t20150630_1263189.html (date of access: 14.04.2026). = AIIB Holds Signing Ceremony of Articles of Agreement // International Economics and Finance Institute (IEFI). – URL: http://iefi.mof.gov.cn/pdlb/wmkzg/201506/t20150630_1263189.html (date of access: 14.04.2026).

5. 朱杰进. 新型多边开发银行的运营制度选择——基于历史制度主义的分析 / 朱杰进 // 世界经济与政治. – 2018. – № 8. – P. 32–63. = Zhu, J. The Operational System Choice of New Multilateral Development Banks: A Historical Institutional Analysis / J. Zhu // World Economics and Politics. – 2018. – No. 8. – P. 32–63.

Institutional Interaction between IOMed and APEC in Digital Trade Dispute Settlement

*Zhou Y., PhD student, BSU,
Scientific supervisor: Maroz N., PhD, Associate Professor*

The institutional development holds particular significance for international economic cooperation in the Asia-Pacific region. As official documents mentioned, the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) itself does not have an judicial dispute settlement body; its dispute settlement arrangements primarily rely on consultation and mediation procedures [1]. In this context, the International Organization for Mediation (IOMed) which established in 2025 has the potential to provide a new institutional platform for regional economic disputes [2]. For example, in disputes involving cross-border investment, trade, or digital economy cooperation, parties can seek neutral mediation through the IOMed, thereby preventing the dispute from escalating into formal arbitration or litigation. This institutional arrangement not only helps maintain the flexibility of regional cooperation mechanisms but may also, to some extent, compensate for the shortcomings in the dispute resolution capabilities of regional cooperation mechanisms.

The interaction between APEC and IOMed may be understood within the broader framework of institutional complementarity in international law. Contemporary international economic governance increasingly operates through networks of institutions rather than through single comprehensive organizations. Different institutions frequently perform distinct but complementary functions within a broader regulatory regime. In the context of digital trade governance, APEC primarily performs the role of a policy coordination forum, generating guidelines, cooperative frameworks, and regulatory dialogue among member economies [3]. By contrast, IOMed functions as a dispute settlement platform that facilitates mediation in international disputes involving states, investors, and commercial actors [4].

The potential interaction between APEC and IOMed could therefore take several institutional forms. First, mediation procedures administered by IOMed could serve as an external dispute settlement option for disputes arising within the framework of APEC digital trade cooperation initiatives. For instance, member economies engaged in negotiations concerning digital trade policies could agree to submit disputes to mediation administered by IOMed when consultations within APEC fail to produce a mutually acceptable resolution. Such arrangements would allow APEC to maintain its flexible governance structure while providing access to a structured mediation mechanism when disputes escalate beyond the scope of informal consultation.

Second, institutional interaction could occur through procedural coordination between APEC dispute resolution initiatives and mediation procedures administered by IOMed. The existing APEC Online Dispute Resolution (ODR) framework

demonstrates the organization's interest in developing digital dispute settlement mechanisms, particularly for private commercial actors [5]. However, this framework primarily addresses business-to-business disputes involving relatively small claims. In more complex disputes involving state regulatory measures, cross-border investment interests, or digital service providers operating across multiple jurisdictions, mediation conducted under the auspices of IOMed may provide a more appropriate institutional platform. In this sense, the ODR framework and IOMed mediation procedures could operate as complementary mechanisms addressing different categories of digital trade disputes.

In conclusion, the potential interaction between APEC and IOMed illustrates how emerging mediation institutions may complement existing frameworks of regional economic governance. While APEC continues to serve as a platform for policy coordination and regulatory dialogue in the digital economy, cooperation with external mediation institutions could provide an additional mechanism for addressing disputes that arise from the implementation of digital trade policies. Such institutional interaction may contribute to the development of a more flexible and diversified dispute settlement architecture capable of responding to the evolving challenges of digital trade governance in the Asia-Pacific region.

Literature

1. APEC. "Implementing the APEC Vision", 1995. – URL: https://www.apec.org/docs/default-source/Publications/1995/8/Implementing-the-APEC-Vision-August-1995/95_sec_epg_apecvision.pdf (date of access: 23.03.2026).
2. IOMed. "Convention on the Establishment of the International Organization for Mediation", 2025. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjzbzd/202505/t20250531_11638303.html (date of access: 23.03.2026).
3. Zhou Yong. The mandate and operational approach of the Asia-Pacific Economic Cooperation. *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. 2025;1:58–63.
4. IOMed. "Convention on the Establishment of the International Organization for Mediation", 2025. – URL: <https://www.iomed.int/basic-documents/> (date of access: 23.03.2026).
5. APEC. "APEC Collaborative Framework for Online Dispute Resolution of Cross-Border Business-to-Business Disputes", 2019. – URL: https://mddb.apec.org/Documents/2019/EC/EC2/19_ec2_022.pdf (date of access: 23.03.2026).

РАЗДЕЛ 3

МЕНЕДЖМЕНТ. МАРКЕТИНГ.

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО. ЭКОНОМИКА

Инвестиционный бум в сфере искусственного интеллекта 2026 года: риски перегрева и сценарии коррекции

*Бабич Е. С., Синуцкая А. Д., студ. III к. БГЭУ,
науч. рук. ст. преп. Мартинович Е. А.*

Сравнение ажиотажа вокруг искусственного интеллекта с крахом доткомов 2000 г. возникает у многих, поэтому инвесторы с тревогой оглядываются на прошлое. Однако ситуация сложнее: прямое повторение того сценария маловероятно, хотя признаки перегрева заметны. Согласно аналитике The Futurum Group, пять крупнейших технологических корпораций (Amazon, Alphabet, Microsoft, Meta и Oracle) заложили в бюджеты 2026 г. капитальные затраты в размере 660 млрд долл. Это вдвое больше, чем годом ранее, и в четыре раза превышает уровень 2023 года [1]. Даже в пик интернет-лихорадки такого не наблюдалось: тогда расходы росли линейно, деньги привлекались через IPO, а сегодня гиганты вынуждены наращивать долги – собственной прибыли не хватает.

Международный валютный фонд в World Economic Outlook 2026 фиксирует два разнонаправленных тренда. С одной стороны, доля ИТ-инвестиций в ВВП США достигла максимума с 2001 г., а высокая концентрация рынка создает риски системного дисбаланса. С другой стороны, именно благодаря ИИ-буму МВФ повысил прогноз глобального роста до 3,3 %. Однако сочетание падения инвестиций может сократить мировой ВВП на 0,4 процентных пункта в 2026 г. [2, с. 34–37, табл. 1.4].

Данные ЮНКТАД демонстрируют масштаб структурного перекоса. Инвестиции в центры обработки данных превысили 21,4 % от всех новых международных проектов в мире. Годом ранее эта доля составляла 14 %. При этом международное финансирование цепочек поставок сокращается четвертый год подряд, что является классическим сигналом дефицита долгосрочных ликвидных ресурсов и перегрева на узком направлении [3, с. 54–57].

Тем не менее ситуации 2000 и 2026 г. отличаются. В эпоху доткомов инвесторы вкладывались в стартапы с нулевой прибылью [3]. Сегодня ключевыми участниками ИИ-революции выступают компании с устойчивым денежным потоком. NVIDIA отчиталась о рекордной выручке в 130,5 млрд долл. [4, с. 3]. Microsoft раскрыла, что портфель невыполненных заказов

Azure достиг 80 млрд долл., а основная причина этого не дефицит чипов, а недостаток энерго мощностей [5, с. 42].

Это подводит к ключевому отличию от 2000 г., а именно к физическим ограничениям. Согласно прогнозу Международного энергетического агентства, энергопотребление центров обработки данных удвоится к 2030 г. [6, с. 67–70]. Однако уже сейчас в Северной Вирджинии (70 % мирового интернет-трафика) новые проекты тормозятся из-за перегруженности подстанций. Microsoft признала, что не может исполнить заказы на десятки миллиардов именно по этой причине [5, с. 42].

Второй фактор – это появление высокоэффективных моделей с низкой стоимостью обучения. DeepSeek в начале 2026 г. опубликовала результаты, согласно которым ее модель обучается в пять раз дешевле GPT-5. Это порождает парадокс Джевонса: удешевление ресурса ведет к росту его потребления, но одновременно снижает маржинальность для поставщиков [7]. Если стоимость обработки токена продолжит падать, окупаемость 660 млрд капитальных затрат окажется под вопросом.

Аналитики J. P. Morgan и эксперты The Futurum Group выделяют два основных сценария. Первый предполагает коррекцию рынка на 10–15 %, сохранение крупнейших игроков и банкротство сотен стартапов, не достигших операционной прибыльности [1]. Второй связан с возможным повышением процентных ставок в США при сохранении устойчивой инфляции, что сделает обслуживание долгов для крупных технологических компаний чрезмерно дорогим. Тогда разрыв между капитальными затратами в 660 млрд долл. и реальной выручкой ИИ-компаний (OpenAI около 20 млрд долл. и у Anthropic около 9 млрд долл.) в годовом исчислении, может стать критическим [9].

Итак, сравнение с 2000 г. полезно для диагностики рыночных настроений, однако фундаментальные характеристики текущей ситуации иные. Сейчас наблюдается не спекулятивная интернет-лихорадка, а фаза строительства капиталоемкой физической инфраструктуры. Даже если коррекция произойдет, она оставит после себя сеть центров обработки данных, которая станет основой для следующего технологического уклада. Тем не менее инвесторам следует готовиться к высокой волатильности. Стоимость входа в ИИ-революцию настолько высока, что рынок будет вынужден исключить слабых участников в течение 2026 г.

Литература

1. The Futurum Group. Cloud and AI Infrastructure Report, March 2026 / The Futurum Group. – Chicago, 2026. – 15 p.

Оценка конкурентной среды белорусской банковской сферы

*Большакова М. А., студ. II к. БГУ,
науч. рук. доц. Леонович Т. И., канд. эк. наук, доц.*

Кредитно-депозитный рынок выступает ключевым индикатором конкурентной среды банков, отражая их ценовые стратегии. В данной работе на основе данных Национального банка Республики Беларусь за 2022–2025 гг. проведен анализ динамики ставок по кредитам и депозитам в разрезе сегментов и сроков. Рассчитан спред (разница между кредитными и депозитными ставками) как измеритель ценовой конкуренции. Низкий спред указывает на высокую конкуренцию, но снижает маржу и ограничивает капитализацию банков; высокий спред – признак слабой конкуренции, дает ресурсы для устойчивости, но сдерживает инвестиции (см. рисунок 1) [1, с. 3].

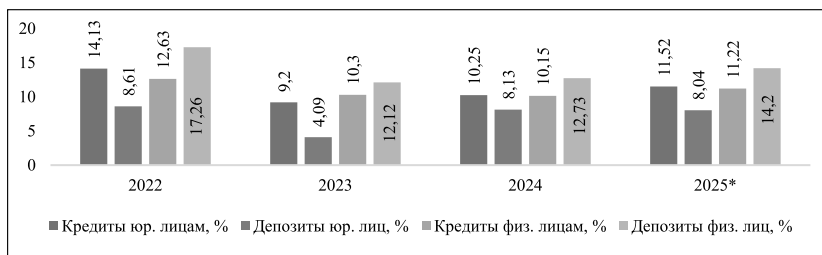

Рисунок 1. – Динамика средних процентных ставок по кредитам и депозитам (свыше 1 года) в 2022–2025 гг., %

Примечание: собственная разработка автора на основе данных источника [2].

Данные рисунка показывают, как менялись условия кредитования и депозитного привлечения в Беларуси после 2022 г. Наблюдается разнонаправленное движение ставок в корпоративном и розничном сегментах и скорость адаптации к макроэкономической ситуации. 2022 год стал пиковым: из-за девальвации рубля, роста ставки рефинансирования до 12 % и санкций банки экстренно поднимали ставки (депозитные ставки выросли для физических лиц до 17,26 % на фоне оттока вкладов). В 2023 г. ставки повсеместно снижались благодаря стабилизации денежно-кредитной сферы. В 2024–2025 гг. кредитные ставки для юридических и физических лиц постепенно выросли и к 2025 г. находились на уровне 11,5 %. При этом депозитные ставки для населения оставались значительно выше (14,5 %), чем для бизнеса (7,5 %). Банки активнее конкурируют за сбережения населения как основной

источник долгосрочных ресурсов, тогда как юридические лица размещают средства на более коротких и менее доходных условиях (табл. 1).

Таблица 1. – Динамика спреда на кредитно-депозитном рынке Республики Беларусь в 2022–2025 гг. (процентных пунктов)

Категория / Год	2022	2023	2024	2025
<i>Юридические лица</i>				
<i>до 1 года</i>	+7,56	+5,56	+3,10	+5,12
<i>свыше 1 года</i>	+5,52	+5,11	+2,12	+3,48
<i>Физические лица</i>				
<i>до 1 года</i>	-0,90	+3,41	+0,48	-1,42
<i>свыше 1 года</i>	-4,63	-1,82	-2,58	-3,02

Примечание: за 2025 г. приведены средние значения за январь–август. Собственная разработка автора на основе данных источника [2].

Расчет спреда количественно оценивает масштаб перекрестного субсидирования. Данные табл. 1 показывают, что корпоративный сегмент на протяжении 2022–2025 гг. обеспечивал банкам положительную маржу (даже при снижении до +2,12 процентных пункта в 2024 г.). Розничный сегмент по долгосрочным операциям демонстрировал отрицательный спред: банки кредитуют население на срок свыше года по ставке, не покрывающей затрат на привлечение длинных депозитов. В белорусской институциональной практике перекрестное субсидирование – форма ценовой дискриминации для социальной эффективности: доступность кредитов населению при высокомаржинальном обслуживании бизнеса [3, с. 39]. Таким образом, с точки зрения конкуренции, отрицательный спред в долгосрочной рознице – следствие жесткой борьбы за депозиты населения и социального сдерживания кредитных ставок для физических лиц. Корпоративный сегмент остается зоной умеренной конкуренции для банков.

Литература

1. Мирончик, Н. Процентный спред и чистая процентная маржа банков в Республике Беларусь: результаты межстрановых сопоставлений / Н. Мирончик, А. Левихина // Банковский вестник. – 2019. – Тематический выпуск № 17 (май). – URL: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/supplements/88.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).
2. Национальный банк Республики Беларусь. Статистика кредитно-депозитного рынка. – URL: <https://www.nb-rb.by/statistics/creditdepositmarketrates.htm> (дата обращения: 11.04.2026).

3. Короб, Н. Перекрестное субсидирование как элемент государственного регулирования экономики / Н. Короб // Вестник БарГУ. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. – URL: <https://rep.barsu.by/server/api/core/bitstreams/0391e3a8-3f44-479a-abee-ee122f476052/content> (дата обращения: 11.04.2026).

4. International Monetary Fund. World Economic Outlook, January 2026: AI, Investment, and Global Imbalances / IMF. – Washington, D.C., 2026. – 120 p.

5. United Nations Conference on Trade and Development. World Investment Report 2026: Investment and Digital Infrastructure / UNCTAD. – Geneva, 2026. – 278 p.

6. NVIDIA Corporation. Financial Report for Q4 and Full Year Fiscal 2025 / NVIDIA. – Santa Clara, 2025. – 52 p.

7. Microsoft Corporation. Annual Report (Form 10-K) for the Fiscal Year Ended June 30, 2025 / Microsoft. – Redmond, 2025. – 98 p.

8. International Energy Agency. Electricity 2026: Analysis and Forecast to 2028 / IEA. – Paris, 2026. – 150 p.

9. Morgan, J. P. Asset Management. Guide to the Markets – US, Q2 2026 / Morgan J. P. – New York, 2026. – 35 slides.

Key Challenges in the Labour Market of the Republic of Belarus

*Василевская А. С., Терёхин З. Д., студ. II к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Журавская К. С.*

In recent years, the labour market of the Republic of Belarus has been shaped by structural and macroeconomic factors. The traditional employment model is transforming under demographic constraints, technological changes, and shifting jobseeker priorities. While the focus was once on unemployment and job creation, today the central issue is the qualitative imbalance between supply and demand. The economy requires one set of specialists, but the labour market offers another, creating a systemic challenge that demands a revision of HR approaches at both the state and company levels.

The primary challenge is the acute shortage of skilled blue-collar workers. The main reasons include the departure of specialists (emigration), population ageing, cross-sector competition, and the reluctance of young people to pursue working-class professions, which together create a severe talent deficit. Elderly people currently make up 18% of the total population of the country [1]. Despite high competition in office sectors such as marketing, administration, and IT, manufacturing, logistics, retail, and services have become an “employer’s market,” forcing companies to compete intensely for staff. At the same time, demand for

highly qualified office specialists continues to grow, exacerbating cross-sectoral imbalances [4].

Demographics lie at the root of the problem, but perceptions of the shortage vary by management level. While top executives often see no severe talent deficit, line managers and HR specialists view the situation as critical. This disconnect between strategic vision and operational reality hinders timely action.

In response, companies are adapting. Employers are broadening age limits, hiring more young people and older workers [3]. This trend aligns with the state's legislative framework: the pension age was raised starting January 1, 2017, completing its transition in 2022 to reach 63 years for men and 58 years for women, while insurance requirements will continue rising to 20 years by 2025. Motivation systems are being revised: wages are rising, training programmes are being introduced, and a human-centric approach is emerging, emphasising flexible schedules, comfortable conditions, and development opportunities [2].

Technological change adds further turbulence. Automation is advancing: self-service checkouts in retail and digital banking reduce demand for traditional cashiers and tellers. Meanwhile, new professions like prompt engineers are emerging. Demand for cybersecurity specialists is growing particularly fast, far outpacing the supply of candidates.

The IT sector remains a key part of the economy, but the market has become extremely saturated. It remains to be one of the most competitive fields: about 16.4 resumes per vacancy. Salaries continue to rise, but more slowly than candidate expectations, signalling a cooling of the “gold rush” in the industry. Regional differences persist: most vacancies are concentrated in the capital and Minsk region, though the talent shortage is widespread [3].

Cross-sector competition for versatile workers is intensifying. A man with a driver's license, for instance, can choose between roles as a driver, courier, warehouse worker, or production operative. Sectors offering higher wages and clearer conditions win out, with hospitality and retail losing talent to manufacturing and logistics.

Demand analysis shows employers increasingly prefer candidates with limited or no experience, prioritising trainability. Competition varies significantly: retail, manufacturing, and blue-collar roles face a clear deficit, while marketing, administration, and IT see an oversupply of candidates. Interestingly, in-demand blue-collar positions often offer salaries above candidate expectations, whereas for some office professions like accounting and teaching, expectations exceed market offers, creating tension.

Thus, the Belarusian labour market faces interconnected challenges: a demographic gap causing structural labour shortages; technological transformation reshaping demand for professions; cross-sector competition redistributing talent to higher-paying sectors; and a perception gap between top management and line

managers that slows adaptation. Employers are responding with higher wages, flexible conditions, training, and broader hiring criteria. However, targeted measures are insufficient. Achieving balance requires systemic solutions: aligning education with economic needs, boosting labour productivity, and creating attractive conditions across all regions. Without a comprehensive approach, the talent shortage – especially in blue-collar roles – may become a long-term drag on the country's development.

Literature

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 1998. –2026. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_elderly_2025.pdf (дата обращения: 09.04.2026).
2. Myfin.by : [сайт]. – Мн., 2025. – URL: <https://myfin.by/article/rynki/konkurencia-za-rabocие-mesta-uzestocaetsa-cto-proishodit-na-rynke-truda-belarusi-k-koncu-2025-goda-42496> (дата обращения: 09.04.2026).
3. Onliner, «Кошелёк» : [сайт]. – Мн., 2026. – URL: <https://money.onliner.by/2026/03/02/gynok-truda-2026> (дата обращения: 09.04.2026).
4. Zorka.news : [сайт]. – Мн., 2026. – URL: <https://zorkanews.by/08012026/ot-prodavca-do-it-speczialista-kogo-ishhut-rabotodateli-v-belarusi/> (дата обращения: 09.04.2026).

Влияние климатических изменений на миграционную политику Тувалу и Бангладеш

*Выговская Т. Д., Емельянова А. Д., студ. I к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Журавская К. С.*

Тувалу – это островное государство, расположенное в юго-западной части Тихого океана. Страна состоит из девяти небольших островов. Общая площадь территории – 25 кв. км, население – примерно 12 тыс. человек. Тувалу может стать первой страной в мире, исчезнувшей с карты из-за подъема уровня океана – за 30 лет он поднялся на 15 см. Уже к 2050 г., по оценкам ученых, значительная часть суши окажется ниже уровня приливов [3]. В ответ на эту экзистенциальную угрозу Тувалу подписал Союз Фалепили с Австралией в конце 2023 г. Договор охватывает широкий спектр областей, включая сотрудничество в области климата и безопасности, но ключевой аспект, изложенный в ст. 3, касается мобильности людей. Договор позволяет тувалийцам переезжать в Австралию по визе, которая предоставляет постоянное место жительства в Австралии, а также доступ к государственному образованию и медицинским услугам. В рамках этой схемы Австралия

планирует ежегодно принимать до 280 жителей Тувалу, отобранных по лотерейной системе, на постоянное место жительства, что означает, что каждый человек, проживающий в настоящее время в Тувалу, может переехать в Австралию в течение следующих 40 лет [1].

Вторая рассматриваемая в рамках данной статьи страна – Бангладеш. Это густонаселенное государство в Южной Азии, расположенное в дельте рек Ганг и Брахмапутра. Большая часть территории страны лежит на низменных равнинах, не превышающих 10–12 метров над уровнем моря. Общая площадь страны – около 147 570 кв. км, население – более 170 млн человек [2]. Из-за большого количества воды, поступающей из Гималаев, и сильных муссонных дождей наводнения в этом регионе происходят регулярно. Бангладеш уже называют «мировой столицей климатических беженцев»: из-за подъема уровня океана за последние 30–40 лет уровень воды в прибрежных районах повысился на 10–12 см, а к 2050 г., по оценкам ученых, до 17 % суши может быть полностью затоплено, что вынудит переселиться до 20 млн человек. Наводнения приводят к широкомасштабной миграции жителей прибрежных районов в столицу страны Дакку. Согласно официальной статистике, население столицы за последний год выросло на 3,39 %, до 22 млн человек [4].

По сравнению с Тувалу Бангладеш лишь частично может погрузиться в воду, также присутствует разница в численности населения, что является важным фактором для стран, которые могут оказать им помощь. Помимо этого происходит эскалация конфликта Бангладеш и Индии на фоне событий августа 2024 г., когда, по заявлениям Дакки, внезапный сброс воды с индийской плотины в Трипуре без предупреждения усугубил разрушительное наводнение, затопившее сотни тысяч домов [5].

Исходя из отличительных особенностей этих стран характер разрешения этой проблемы у них разный: Австралия согласилась на прием граждан Тувалу в силу двух основных факторов: управляемой численности населения и получения взамен геополитического преимущества. Напротив, Индия не предлагает аналогичных условий Бангладеш, поскольку масштаб проблемы несопоставим (население Бангладеш составляет около 170 млн человек); основной потребностью Бангладеш является не переселение, а справедливое распределение вод реки Ганг, от которых зависит выживание населения; а расположение Индии как верхнего по течению государства, контролирующего плотину Фаракка, дает преимущество в принятии решений.

Таким образом: маленькие островные государства имеют больше шансов заключить международные соглашения о климатической миграции, чем густонаселенные страны, потому что масштаб проблемы для принимающей стороны является решаемым, а аргументы – более убедительные.

Литература

1. The Falepili Union: A Pacific response to the greatest global challenges // Lowy Institute. – Сидней, 2024. – URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpretor/falepili-union-pacific-response-greatest-global-challenges> (дата обращения: 12.04.2026).
2. Бангладеш // Википедия : свободная энциклопедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D1%88> (дата обращения: 12.04.2026).
3. Тувалу // Википедия : свободная энциклопедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Тувалу> (дата обращения: 12.04.2026).
4. Наводнения в Бангладеш привели к массовой внутренней миграции: жители республики стекаются в столицу, где им не хватает воды и еды // МН.ру : сетевое изд. – 2022. – 3 июля. – URL: <https://www.mn.ru/smart/navodneniya-v-bangladesh-priveli-k-massovoj-vnutrennej-migraczii-zhiteli-respubliki-stekayutsya-v-stoliczu-gde-im-ne-hvataet-vody-i-edu> (дата обращения: 13.04.2026).
5. В Индии отвергли обвинения, что причиной наводнения в Бангладеш стало открытие плотины // Славгород. Новости. BY : сетевое изд. – 2024. – 23 авг. – URL: <https://www.slavgorod.by/2024/08/23/v-indii-otvergli-obvineniya-cto-prichinoj-navodneniya-v-bangladesh-stalo-otkrytie-plotiny/> (дата обращения: 13.04.2026).

Экологические аспекты майнинга криптовалют

*Выговская Т. Д., Емельянова А. Д., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Журавская К. С.*

Современный этап развития финансовых технологий характеризуется стремительным ростом рынка криптовалют. Капитализация цифровых активов, количество пользователей и объем транзакций увеличиваются с каждым годом, привлекая внимание инвесторов, регуляторов и общества. Однако формирование этого рынка сопровождается серьезными экологическими издержками [4]. Согласно исследованию, опубликованному в журнале Sustainable Futures (2025), майнинг криптовалют создает двойственный эффект. С одной стороны, замещение традиционных финансовых операций цифровыми валютами может снижать нагрузку на окружающую среду. Но с другой стороны, сам процесс майнинга – особенно на алгоритме Proof-of-Work, который требует решения сложных математических задач с помощью специализированного оборудования, – потребляет колоссальное количество электроэнергии и увеличивает выбросы углекислого газа [2].

По данным на ноябрь 2018 г. биткойн потреблял 48,2 ТВт·ч электроэнергии в год. Это столько же, сколько потребляет целая страна, например Португалия.

Выбросы CO₂ от майнинга составили от 21,5 до 53,6 млн тонн в год. Ученые отследили расположение майнеров по IP-адресам и данным с устройств. Выяснилось, что больше 68 % мощностей находятся в Азии. Остальные в Европе (17 %) и Северной Америке (15 %). При поиске конкретных майнинговых машинок (ASIC) через интернет-поисковик Shodan оказалось, что больше всего их в США (19 %), Венесуэле (16 %) и России (11 %). То есть майнинг концентрируется там, где электричество дешево, но часто «грязно» (уголь, мазут) [1].

Также существует определенный порог энергоэффективности, пересечение которого меняет характер воздействия майнинга на климат. Ученые установили: если стране удается ежегодно сокращать энергоемкость своей экономики более чем на 6 %, то майнинг криптовалют перестает быть фактором роста выбросов CO₂ и, напротив, начинает способствовать их снижению. Логика этого эффекта проста: когда страна из года в год производит больше товаров, но тратит при этом все меньше энергии (снижает энергоемкость), у нее образуется «энергетический резерв». Дополнительная нагрузка со стороны майнинговых ферм не создает новые выбросы, а просто заполняет этот сэкономленный резерв[3].

Проведенный анализ показывает, что формирование рынка криптовалют на современном этапе объективно связано с ростом углеродного следа, особенно в странах с дешевой, но «грязной» энергией. Тем не менее исследования доказывают, что при ускорении темпов повышения энергоэффективности криптовалюты могут стать «зеленым» активом. Следовательно, дальнейшее развитие рынка должно идти не через запреты, а через стимулирование перехода майнинговых мощностей в страны с высокой динамикой снижения энергоемкости и через внедрение возобновляемых источников энергии. В противном случае экологический след криптовалют может стать непреодолимым препятствием для их легализации и массового принятия.

Литература

1. Stoll, C. The Carbon Footprint of Bitcoin /C. Stoll, L. Klaaßen, U. Gellersdörfer // MIT Center for Energy and Environmental Policy Research (CEEPR). – Cambridge (MA), 2018. – December. – (Working Paper Series ; № 2018-018). – URL: <https://ceepr.mit.edu/wp-content/uploads/2021/09/2018-018.pdf> (дата обращения: 13.04.2026).

2. The environmental cost of cryptocurrency: Analyzing CO₂ emissions in the 9 leading mining countries // Sustainable Futures. – 2025. – Vol. 10, December. – Art. 100792. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666188825003570> (дата обращения: 13.04.2026).

3. Forrest, T. What Is the Environmental Impact of Cryptocurrency? / T. Forrest // Centre for International Governance Innovation (CIGI). – Waterloo (ON), 2025. – October. – (CIGI Paper ; № 335). – URL: https://www.cigionline.org/static/documents/Emerging_Digital_Assets_Forrest.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

4. Зеленый след: сравниваем вред экологии от майнинга Биткойна и мировой банковской системы//Bits.media. –2024. –16 мая. –URL: <https://bits.media/zelenyy-sled-sravnivaem-vred-ekologii-ot-mayninga-bitkoina-i-mirovoy-bankovskoy-sistemy/> (дата обращения: 13.04.2026).

Неравномерность распределения доходов на глобальном уровне

*Гузова А. В., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Богатырева Е. А.*

Адам Смит еще в XVIII в. заметил, что «ни одно общество не может быть процветающим и счастливым, если большая часть его членов бедна и несчастна». Эта мысль особенно точно описывает нынешнее состояние мировой экономики. За последние два столетия человечество стало несравнимо богаче, чем когда-либо раньше, однако сам рост глобального дохода не устранил неравномерность его распределения, а во многих отношениях сделал ее еще заметнее.

В 2025 г. на нижние 50 % взрослого населения мира, то есть на 2,8 млрд человек, приходилось лишь 8 % совокупного мирового дохода (см. таблицу 1).

Верхние 10 % населения мира получают 53 % совокупного мирового дохода, тогда как на нижние 50 % приходится лишь 8 %. Иначе говоря, половина взрослого населения мира располагает меньшей долей дохода, чем узкий верхний слой. При среднемировом доходе 30 100 долл. по ППС на одного взрослого у нижних 50 % этот показатель составляет 5 100 долл., у верхних 10 % – 159 300 долл., у верхнего 1 % – 612 100 долл. На самой вершине концентрация становится еще жестче: у верхних 0,001 % средний доход превышает 51,2 млн долл., а у верхнего 1 человека на 1 млн взрослых – 248,1 млн долл.

С 1980 по 2025 г. доходы нижних 50 % взрослого населения мира росли в среднем на 1,8 % в год, что выше среднемирового темпа в 1,1 %. Однако у верхних 0,1 % среднегодовой прирост составил 2,0 %, у верхних 0,01 % – 2,5 %, у верхних 0,001 % – 2,7 %, у верхнего 1 человека на 1 млн взрослых – 3,0 %. Это значит, что рост доходов нижней половины мира действительно происходил, но верхушка распределения увеличивала свои доходы еще быстрее. Одновременно средние 40 %, на которые приходится 39 % мирового дохода, росли лишь на 1,0 % в год. В результате разрыв между нижней половиной и верхом не исчезает, а воспроизводится даже в условиях общего роста мировой экономики.

Пожокий вывод содержится и в докладе ООН World Social Report 2024: после череды глобальных потрясений доходное неравенство выросло во

Таблица 1. – Распределение мирового дохода и темпы его роста по группам взрослого населения в 1980–2025 гг.

Группа	Взрослое население (2025 г.)	Доля в совокупном доходе, % (2025 г.)	Средний доход одного взрослого, долл. по ППС 2025 г.	Порог вхождения, долл. по ППС 2025 г.	Среднегодовой темп роста, % (1980–2025 гг.)
Все взрослое население	5,6 млрд	100	30 100	0	1,1
Нижние 50 %	2,8 млрд	8	5 100	0	1,8
Средние 40 %	2,2 млрд	39	29 100	11 500	1,0
Верхние 10 %	556 млн	53	159 300	65 500	1,2
Верхний 1 %	56 млн	20	612 100	250 300	1,6
Верхние 0,1 %	5,6 млн	8	2,5 млн	914 300	2,0
Верхние 0,01 %	556 тыс.	4	11,4 млн	3,7 млн	2,5
Верхние 0,001 %	56 тыс.	2	51,2 млн	17,7 млн	2,7
Верхние 1 на 1 млн	5 600	1	248,1 млн	73,6 млн	3,0

Примечание: источник [1, с. 39].

многих странах, а последствия кризисов сильнее всего затронули уязвимые группы населения; при этом только 47 % мирового населения охвачены хотя бы одной мерой социальной защиты, тогда как более 4 млрд человек остаются вне такой поддержки [2].

Поэтому при оценке современной мировой экономики важно смотреть не только на то, насколько увеличился совокупный объем создаваемого дохода, но и на то, кто именно получает основную выгоду от этого роста, как меняется положение нижней половины населения мира и насколько устойчивы те сдвиги, которые иногда интерпретируются как ослабление глобального неравенства.

Литература

1. World Inequality Report 2026 / World Inequality Lab. – 2025. – URL: https://wir2026.wid.world/www-site/uploads/2026/04/World_Inequality_Report_2026.pdf (date of access: 15.04.2026).

2. World Social Report 2024 / United Nations. – N. Y. : United Nations, 2024. – URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/DESA-World-Social-Report_2024_FINAL_WEB.pdf (date of access: 15.04.2026).

Феномен «розового» налога в современной экономике

*Дрозд М. Р., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Хмурович Л. В.*

Проблема гендерного равенства в современной экономике носит комплексный характер, затрагивая не только социальные, но и экономические аспекты повседневной жизни. К подобным явлениям относится понятие «розового налога», который является ярким примером ценовой дискриминации по гендерному признаку. Формальное налогообложение отсутствует, но данный феномен существенно влияет на структуру потребления и финансовое состояние определенных групп населения. «Налог на розовое» подразумевает под собой практику, при которой услуги и товары, предназначенные для женщин, имеют более высокую стоимость, чем аналогичные товары для мужчин, несмотря на несущественные отличия.

В 2015 г. в США Департаментом по делам потребителей (DCA) было проведено исследование в Нью-Йорке, в ходе которого были проанализированы около 800 продуктов для людей всех возрастов и выявлено четкое гендерное разделение в ценообразовании. Исследователи выяснили, что в среднем продукты для женщин стоят на 7 % дороже, хотя они имели схожий состав и внешний вид с товарами, предназначенными для мужчин. Самый большой ценовой разрыв был зафиксирован в сегменте средств гигиены – 13 % [1].

С «налогом на розовое» сталкиваются потребители во всех странах. Республика Беларусь не является исключением. Анализ цен на товары массового спроса в Беларуси также подтверждает, что цены на женские товары выше, чем на аналогичные продукты для мужской части населения (см. таблицу 1).

Таблица 1. – Сравнение цен на аналогичные мужские и женские средства гигиены

Товар	Розничная сеть	Цена товара (бел. руб.)
Дезодорант-карандаш женский линейки «Дав» 40 мл	Розничная сеть «Мила»	18.99
Дезодорант-карандаш мужской линейки «Дав» 50 мл	Розничная сеть «Мила»	17.39
Шампунь «ШАУМА» Совершенная длина 300 мл	Розничная сеть «Мила»	10.46
Шампунь «ШАУМА» MEN 3в1 370 мл	Розничная сеть «Мила»	10.06
Станок для бритья с двумя сменными кассетами Gillette Venus	«Золотое яблоко»	63.49
Станок для бритья с двумя сменными кассетами Gillette	«Золотое яблоко»	59.21

Примечание: собственная разработка на основе источников [2, 3].

Только для данного набора товаров, стоимость женских в среднем на 7 % выше мужских. Различия в цене сопровождаются минимальными функциональными отличиями, однако гендерная направленность влияет на конечную стоимость продукта. Более того, следует отметить, что товары для мужчин имеют больше функций, чем женские. Женщинам рекламируют отдельные средства по уходу за волосами и телом (шампунь, кондиционер, маска для волос, гель для душа и т.п.), в то время как мужской товар направлен на удовлетворение сразу нескольких потребностей (средства 3в1). Получается, что женщины вынуждены тратить больше денег, увеличивая объем потребления.

Причин возникновения феномена «налога на розовое» несколько. Очевидно, что на цену влияют два основных фактора – спрос на товар и его себестоимость. К факторам спроса можно отнести вкусы и психологию потребителей, ведь именно женщины в большей степени ориентируются на качество, бренд и другие характеристики товаров, что делает их более чувствительными к маркетинговым ходам. Себестоимость товара зависит

от объемов выпуска (чем меньше, тем дороже товар). Товары для женщин требуют больше вариантов расцветок, украшений и моделей, что сокращает объем выпуска и цены на товары, растут [4].

Борьба с ценовой дискриминацией необходима не только с точки зрения социальной справедливости, но и для достижения экономической рациональности потребителя. «Розовый налог» формирует неравные условия потребления и усиливает дисбалансы в структуре спроса. Особую роль в решении данной проблемы играет повышение прозрачности цен, контроль со стороны государства и национальных институтов над ограничением необоснованной ценовой дискриминацией.

Литература

1. Исследование гендерного ценообразования в Нью-Йорке «От колыбели до трости: основы бытия женщины-потребителя // Los Angeles Times. – URL: <https://www.nyc.gov/assets/dca/downloads/pdf/partners/Study-of-Gender-Pricing-in-NYC.pdf> (date of access: 10.04.2026).

2. «Мила» – магазин декоративной косметики, средств по уходу за домом, товаров для детей // Мила : [сайт]. – URL: <https://mila.by> (дата обращения: 10.04.2026).

3. «Золотое яблоко» // Goldapple.by : [сайт]. – URL: <https://goldapple.by> (дата обращения: 10.04.2026).

4. Потапова, П. «Розовый налог»: как маркетологи и общество заставляют женщин платить больше / П. Потапова, А. Киракасянц // Т–Ж (Тинькофф Журнал) : [сайт]. – URL: <https://t-j.ru/pink-tax/> (дата обращения: 10.04.2026).

Современные тенденции развития банковской системы Бельгии

*Дудкина Э. А., студ. I к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Хмурович Л. В.*

Банковская система Бельгии традиционно считается одной из наиболее стабильных, консолидированных и технологически развитых в Евроне. Характерной чертой бельгийского банковского сектора является доминирование «большой четверки» банков (BNP Paribas Fortis, KBC, Belfius и ING Belgium), на долю которых приходится более 70 % рынка. В последние годы банковская система переживает качественную трансформацию под влиянием различных факторов, среди которых особо можно отметить цифровизацию, изменения в денежно-кредитной политике ЕЦБ и новые экологические стандарты [4], [2].

Одной из ключевых тенденций развития бельгийской банковской системы является превращение банковских приложений в многофункциональные

экосистемы (Super-apps). Согласно данным Febelfin (Бельгийской финансовой федерации), более 90 % совершеннолетних бельгийцев используют дистанционные каналы обслуживания [2]. Можно смело говорить, что Бельгия лидирует в ЕС по уровню проникновения цифрового банкинга. В качестве примера можно привести мобильное приложение банка KBC («Kate»), которое неоднократно признавалось лучшим в мире по версии агентства Sia Partners. Важнейшая особенность таких экосистем заключается в интеграции нефинансовых услуг: покупка билетов на транспорт, оплата парковки и государственных пошлин напрямую через банковский интерфейс [3], [4].

Вторая тенденция – активная автоматизация кассовых процессов. В настоящее время Бельгия демонстрирует один из самых высоких темпов сокращения сети физических отделений в Европе. Банки переводят офисы в формат центров экспертного консультирования по сложным вопросам (ипотека, инвестиции), а кассовые операции полностью автоматизируются.

Уникальным бельгийским трендом в настоящее время стал проект Vatorpin (Belgian ATM Optimization Initiative) – совместное предприятие крупнейших банков по созданию единой сети нейтральных банкоматов под брендом «Vancontact». Вместо содержания собственных терминалов банки объединяют инфраструктуру для снижения издержек по инкассации и обслуживанию [2].

Еще одна выраженная тенденция – переход к «зеленому» финансированию (ESG). Устойчивое развитие стало жестким регуляторным требованием. Бельгийские банки активно внедряют «зеленую ипотеку»: процентная ставка по кредиту на жилье напрямую зависит от энергетического сертификата (EPC) объекта недвижимости.

Febelfin в своем «Отчете об устойчивом развитии» отметил, что банки обязаны проводить стресс-тестирование своих портфелей на устойчивость к климатическим рискам. Прослеживается отказ от финансирования отраслей с высоким углеродным следом и переориентация на поддержку программ энергоэффективности жилья, что поддерживается государственными субсидиями.

Цифровизация стала неотъемлемой чертой бельгийской банковской системы. Однако рост цифровых платежей вызвал резкий рост случаев фишинга в Бельгии. Банковский сектор начал внедрять ИИ-алгоритмы для мониторинга транзакций в реальном времени. Одним из современных решений стало внедрение подтверждения имени получателя (Confirmation of Payee) перед проведением платежа. Это совместный проект банковской системы Бельгии по минимизации ошибок и предотвращению мошенничества при переводах по номеру IBAN [2].

Таким образом, банковская система Бельгии активно развивается, что сделало ее одним из цифровых лидеров в ЕС. Банки превратились в многофункциональные ИТ-экосистемы (Super-apps). Проект Vatorpin позволяет

снижать издержки, сохраняя доступность услуг. В банковскую систему Бельгии активно внедряется «зеленая экономика», напрямую связывающая банковский сектор с климатическими целями государства. Банковская система Бельгии движется к реализации концепции «Invisible Banking» (невидимого банкинга), что означает переосмысление всех бизнес-процессов с акцентом на клиентоцентричность, когда банковские услуги плавно интегрированы в повседневную жизнь людей.

Литература

1. 95% of Belgians use digital banking / Febelfin. – 2022. – URL: <https://www.febelfin.be/en/press-releases/95-belgians-use-digital-banking> (date of access: 13.04.2026).
2. European Banking Federation. Banking in Belgium: Sector Overview 2023. – URL: <https://www.ebf.eu/belgium/> (date of access: 11.04.2026).
3. International Monetary Fund. Belgium: Financial System Stability Assessment. – URL: <https://www.imf.org/en/Countries/BEL> (date of access: 11.04.2026).
4. National Bank of Belgium (NBB). Financial Stability Report 2024. – URL: <https://www.nbb.be> (date of access: 11.04.2026).
5. Sia Partners. 2023 Mobile Banking Benchmark: Worldwide Analysis. – URL: <https://www.sia-partners.com/en/news-and-publications/> (date of access: 11.04.2026).

Современное состояние и перспективы развития электронной коммерции в мировой экономике

*Ефимова К. К., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Давыденко Е. Л., д-р эк. наук*

Электронная коммерция – одна из наиболее быстро меняющихся сфер мировой торговли. Само понятие до сих пор не имеет единого общепринятого определения. ОЭСР в обновленной редакции 2025 г. трактует ее как покупку или продажу товаров и услуг через компьютерные сети, где ключевым критерием выступает именно способ оформления заказа, а не форма оплаты или доставки. ВТО, в свою очередь, рассматривает электронную коммерцию шире – как производство, распространение, маркетинг, продажу и доставку товаров и услуг электронными средствами, охватывая весь торговый цикл. ЮНКТАД делает акцент на функциональном подходе: цифровые платформы рассматриваются как система, обеспечивающая все бизнес-процессы от производства до послепродажного обслуживания. Такое расхождение в подходах объясняется тем, что электронная коммерция развивалась быстрее, чем формировалась ее правовая и концептуальная база.

Мировой рынок электронной коммерции демонстрирует устойчивый рост на протяжении последних лет. Объем розничных онлайн-продаж в мире составил 5,78 трлн долл. в 2023 г. и вырос до 6,01 трлн долл. в 2024 г. Согласно прогнозу, к 2028 г. показатель достигнет 7,89 трлн долл. при среднегодовом темпе роста около 7,1 % [21]. Если рассматривать рынок, включая B2B, цифровые услуги и государственные транзакции, то совокупный объем электронной коммерции в 2024 г. оценивается в 29,5 трлн долл., а к 2030 г., по прогнозам, достигнет 83,3 трлн долл. при среднегодовом темпе роста 18,9 % [12]. Важен и другой показатель: доля электронной коммерции в мировых розничных продажах составила около 19,9 % в 2024 г., что означает – пять из шести покупок в мире по-прежнему совершается офлайн. К 2028 г. этот показатель прогнозируется на уровне 22,5 % [21]. Количество онлайн-покупателей выросло с 1,09 млрд человек в 2017 г. до 2,77 млрд в 2025 г., т. е. примерно треть населения планеты сегодня совершает покупки в интернете [14].

Одной из ключевых тенденций является переход к мобильной торговле. В 2017 г. доля m-commerce составляла 40 % от общего объема онлайн-продаж, к 2024 г. она выросла до 57 %, а к 2028 г. прогнозируется на уровне 63 % [14]. Параллельно активно развивается социальная коммерция: объем рынка увеличился с 65,16 млрд долл. в 2018 г. до 418,24 млрд долл. в 2024 г., то есть за шесть лет рынок вырос более чем в шесть раз. Особенно заметный скачок пришелся на 2020 год – только за один год рынок прибавил 54 %, поскольку пандемия резко увеличила время, проводимое людьми в социальных сетях. К 2030 г. объем рынка социальной коммерции, по прогнозам, приблизится к 949 млрд долл. [18]. На наш взгляд, такой рост объясняется прежде всего удобством: пользователь видит товар в ленте и оплачивает его за несколько секунд, не переходя на сторонний сайт. В Китае этот формат уже давно стал нормой, западные рынки только воспроизводят эту модель.

Региональная структура мирового рынка электронной коммерции крайне неравномерна. В 2024 году Азия сформировала 41,7 % мирового оборота, Америка – около 37,4 %, Европа – 18,4 %, тогда как на Африку и Океанию приходилось менее 3 % [15]. Среди отдельных стран лидируют Китай (выручка 1 469 млрд долл. в 2024 г.) и США (1 223 млрд долл.). Великобритания, Германия и Япония заметно уступают лидерам, их рынки составляют от 98 до 169 млрд долл. соответственно, однако все три показывают уверенный рост с CAGR 7,8–9,2 % [15]. При этом по прогнозируемым темпам роста на период 2024–2027 гг. лидируют развивающиеся рынки: Индия (14, 1 % в год), Бразилия (14,07 %) и Аргентина (13,63 %) [13]. Это объясняется «эффектом низкой базы»: на небольших рынках любой прирост дает высокий процент. Отдельно стоит выделить трансграничную электронную торговлю: в 2024 г. ее объем достиг 791,5 млрд долл., а CAGR до 2031 г. оценивается в 30,5 % – это один из самых быстрорастущих сегментов [15].

Рынок электронной коммерции характеризуется высокой концентрацией: несколько платформ контролируют большую его часть. По состоянию на февраль 2026 г. Amazon с рыночной капитализацией 2 133 млрд долл. является безусловным лидером среди публичных компаний отрасли. Далее следуют Alibaba и Shopify [17]. Выручка Amazon в 2025 г. составила 717 млрд долл., при этом почти 38 % приходится на онлайн-магазины, еще 24 % – на услуги сторонним продавцам [10]. Примечательно, что в 2025 г. 61 % всех реализованных на Amazon единиц товара продали независимые продавцы – в 2007 г. этот показатель составлял лишь 26 % [19]. Alibaba работает принципиально иначе: компания не владеет товарными запасами, а зарабатывает на комиссиях и рекламе. Ее выручка в 2025 финансовом году составила около 120 млрд долл. [9]. Подобная концентрация рыночной власти создает реальные проблемы для малого бизнеса: продавец, не представленный на крупных платформах, фактически лишен доступа к широкой аудитории. В Европе это уже привело к антимонопольным расследованиям и штрафам. В апреле 2025 г. Apple получила 500 млн евро штрафа, Meta – 200 млн евро [3].

Регулирование электронной коммерции на международном уровне пока остается фрагментарным. Ключевым инструментом долгое время служил мораторий ВТО на таможенные пошлины на электронные передачи, принятый еще в 1998 г. Однако в марте 2026 г. на 14-й Министерской конференции ВТО его продление заблокировали Бразилия и Турция, сославшись на то, что беспошлинный режим выгоден прежде всего крупным IT-корпорациям из развитых стран [8]. Параллельно 71 государство в декабре 2024 г. опубликовало итоговый текст Соглашения ВТО об электронной коммерции, охватывающего вопросы цифровых контрактов, защиты персональных данных, кибербезопасности и запрета таможенных пошлин на электронные передачи [16]. В Европейском союзе с 2024 г. действуют Закон о цифровых услугах (DSA) и Закон о цифровых рынках (DMA), обязывающие крупнейшие платформы проходить независимый аудит алгоритмов и верифицировать продавцов [11]. На мой взгляд, нынешняя ситуация с регулированием напоминает ситуацию начала 2000-х гг. с офлайн-торговлей, когда правила догоняли практику. Это создает правовую неопределенность, особенно в трансграничных транзакциях.

На фоне глобального рынка особый интерес представляет опыт Республики Беларусь. Объем электронной торговли в стране вырос с 198,1 млн бел. руб. в 2019 г. до более чем 1 млрд бел. руб. в 2024 г. – рост более чем в пять раз за пять лет [4]. Доля онлайн-торговли в розничном товарообороте выросла с 6 % в 2022 г. до 11,7 % к концу 2024 г. [2]. По состоянию на 1 января 2025 г. в стране зарегистрировано около 31 тыс. интернет-магазинов, из которых около 19,3 тыс. ведут активную розничную торговлю [1]. Белорусский рынок отличается доминированием российских маркетплейсов: Wildberries и Ozon совокупно

занимают свыше 40 % рынка, при этом оборот Ozon в Беларуси в 2023 г. вырос в 2,5 раза, а число покупателей увеличилось на 74 % [8]. Среди отечественных игроков крупнейшим остается 21vek.by – компания ежемесячно обрабатывает около 400 тыс. заказов и прибыльна на протяжении 15 лет, что нетипично для рынка электронной коммерции [7]. По индексу UNCTAD B2C E-commerce Index 2020 г. Беларусь занимала 35-е место в мире и первое среди стран СНГ, при этом уровень проникновения интернета достигал 83 %, охват банковскими счетами – 81 % [20]. Вместе с тем рынок остается незрелым: продуктовый онлайн-сегмент почти не развит, а высокая зависимость от двух иностранных маркетплейсов делает отрасль уязвимой. По данным МАРТ, отечественные производители не всегда позитивно оценивают сотрудничество с маркетплейсами, поскольку последние объективно способствуют снижению доли белорусских товаров на внутреннем рынке [6].

Таким образом, электронная коммерция сегодня является одним из ключевых каналов мировой торговли, а не просто ее дополнением. Рынок растет устойчиво, но неравномерно: Азия задает темп, а развивающиеся страны только входят в фазу активного роста. Электронная коммерция в Беларуси за пять лет прошла путь от нишевого рынка до заметного сегмента национальной розничной торговли, однако задача развития собственных платформ и расширения ассортимента онлайн-покупок остается актуальной.

Литература

1. Аналитическая информация о состоянии торговли и сферы услуг / Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. – 2025. – URL: <https://www.mart.gov.by/activity/torgovlya-i-uslugi/analiticheskaya-informatsiya/> (дата обращения: 11.04.2026).
2. Доля интернет-торговли в Беларуси достигла рекорда: что покупают онлайн / Экономическая газета (neg.by). – 2025. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/dolya-internet-torgovli-v-belarusi-dostigla-rekorda-chto-pokupayut-onlayn/> (дата обращения: 11.04.2026).
3. Европейский союз оштрафовал Apple и Meta на сотни миллионов евро / СБ Беларусь сегодня. – 2025. – URL: <https://www.sb.by/articles/evropeyskiy-soyuz-oshtrafoval-apple-i-meta-na-sotni-millionov-evro-po-otdelnym-delam-otsifrovyykh-te.html> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Информационное общество в Республике Беларусь, 2019–2024 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2025. – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/152/s1wig6m1gsy9lyd23eyki54tl9m2lrz4.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).
5. Заяц, Д. Как в Беларуси пытаются повлиять на бизнес маркетплейсов // Экономическая газета (neg.by). – 2025. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/kak-v-belarusi-pytayutsya-povliyat-na-biznes-marketpleysov/> (дата обращения: 11.04.2026).

6. Мораторий ВТО на электронные передачи: итоги МК-14 / TKS.RU. – 2026. – URL: <https://www.tks.ru/news/nearby/2026/04/01/0010/> (дата обращения: 10.04.2026).
7. На рынке e-commerce растут продажи и конкуренция // Экономическая газета (neg.by). – 2024. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/na-rynke-e-commerce-rastut-prodazhi-i-konkurenciya/> (дата обращения: 11.04.2026).
8. Новые правила в интернет-торговле: что изменится для покупателей и продавцов / Myfin.by. – 2024. – URL: <https://myfin.by/article/biznes/novye-pravila-v-internet-torgovle-cto-izmenitsa-dla-pokupatelej-i-prodavcov-38232> (дата обращения: 10.04.2026).
9. Alibaba revenue by segment // Statista. – 2025. – URL: <https://www.statista.com/statistics/298817/alibaba-revenue-distribution-segment/> (дата обращения: 10.04.2026).
10. Annual net revenue of Amazon // Statista. – 2026. – URL: <https://www.statista.com/statistics/266282/annual-net-revenue-of-amazoncom/> (дата обращения: 10.04.2026).
11. Digital Services Act package // European Commission. – 2024. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act-package> (дата обращения: 10.04.2026).
12. E-commerce market size analysis report, 2030/ Grand View Research. – 2024. – URL: <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/e-commerce-market> (дата обращения: 10.04.2026).
13. E-commerce sales size and forecast // International Trade Administration. – 2024. – URL: <https://www.trade.gov/ecommerce-sales-size-forecast> (дата обращения: 10.04.2026).
14. E-commerce worldwide – statistics & facts // Statista. – 2025. – URL: <https://www.statista.com/outlook/emo/ecommerce/worldwide> (дата обращения: 10.04.2026).
15. Global ecommerce sales growth // Yaguara. – 2024. – URL: <https://www.yaguara.co/global-ecommerce-sales-growth/> (дата обращения: 10.04.2026).
16. Information on the Agreement on E-commerce // WTO. – 2024. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/ecom_e/information_on_agreement_ecom.pdf (дата обращения: 11.04.2026).
17. Leading large-cap e-commerce companies by market cap // Statista. – 2026. – URL: <https://www.statista.com/statistics/245340/leading-large-cap-e-commerce-companies-market-cap/> (дата обращения: 10.04.2026).
18. Social commerce worldwide // Statista. – 2025. – URL: <https://www.statista.com/study/105803/social-commerce/> (дата обращения: 10.04.2026).
19. Third-party seller share of Amazon platform // Statista. – 2026. – URL: <https://www.statista.com/statistics/259782/third-party-seller-share-of-amazon-platform/> (дата обращения: 10.04.2026).
20. UNCTAD B2C E-Commerce Index 2020 // UNCTAD. – 2020. – URL: <https://unctad.org> (дата обращения: 10.04.2026).

21. Worldwide retail ecommerce forecast 2025 // eMarketer. – 2025. – URL: <https://www.emarketer.com/content/worldwide-retail-ecommerce-forecast-2025> (дата обращения: 10.04.2026).

Проектирование многоступенчатых систем стимулирования налоговой дисциплины в цифровой экономике Беларуси

*Жамойда И. Е., Пурьков А. В., студ. III к. БГЭУ,
науч. рук. Евсейчикова Н. Н., канд. эк. наук*

Современное государственное управление в Республике Беларусь сталкивается с необходимостью обеспечения стабильности бюджета при одновременном снижении административного давления на бизнес. Согласно статистике Министерства по налогам и сборам (МНС) за 2023 г., количество внеплановых проверок составило 1124 случая. При наличии порядка 368 тыс. активных субъектов хозяйствования вероятность прямого визита инспектора составляет $p \approx 0,003$ [1]. Математически это означает, что при статичном подходе риск наказания ничтожно мал по сравнению с потенциальной выгодой от сокрытия доходов.

Ожидаемые издержки нарушителя в рамках модели рационального выбора описываются формулой:

$$E[\text{Cost}] = p(t + F),$$

где p – вероятность проверки (0,003);

t – налоговая ставка (0,2, согласно ст. 184 НК РБ [1]);

F – коэффициент штрафных санкций (0,4, согласно ст. 14.4 КоАП РБ) [2].

Итоговое значение 0,0018 в десятки раз меньше чистой выгоды от уклонения ($t = 0,2$). Решением данной проблемы является переход к многоступенчатой динамической системе, где интенсивность контроля зависит от репутационной истории плательщика.

Суть предлагаемой нами модели заключается в том, что налогоплательщик находится не в статичном поле, а в динамической системе статусов. Вероятность контроля – это переменная величина, которая накапливается или сбрасывается в зависимости от репутационной истории.

1. «Зеленая зона» (Режим доверия). Состояние для добросовестных плательщиков. Вероятность проверки $p_1 \rightarrow 0$. Основной инструмент – дистанционный камеральный контроль. В 2023 г. уведомили получили около 70 тыс. субъектов, что позволило бюджету получить 53 млн руб. без применения репрессивных мер [4].

2. «Желтая зона» (Мониторинг). Сюда субъект перемещается при системном отклонении показателей от среднеотраслевых. Вероятность проверки p_2 возрастает до 0,15–0,25. Это точка сигнала для менеджмента о необходимости корректировки налогового поведения.

3. «Красная зона» (Режим верификации). Режим для умышленных нарушителей (ст. 33 НК РБ). Вероятность проверки p_3 достигает 0,8–0,9. Выход из данной зоны возможен только после прохождения периода фиксации Т (8–12 кварталов) при условии отсутствия рецидивов и соответствия отраслевым индикаторам.

Математическая формула долгосрочной устойчивости:

$$V_Green > (e \cdot t) + \beta \cdot V_Penalty,$$

где V_Green – дисконтированная стоимость пребывания в режиме доверия (спокойное ведение бизнеса);

e – сумма скрытого дохода;

t – ставка налога;

β – коэффициент дисконтирования (ценность будущих благ относительно текущих);

$V_Penalty$ – суммарные потери от пребывания в «Красной зоне» за весь период Т.

Экономическая эффективность предлагаемой модели для государства обеспечивается через оптимизацию операционных затрат:

$$\Delta C = N_total \cdot (p_avg - p_L) \cdot c_one,$$

где ΔC – объем сэкономленных бюджетных средств;

N_total – общее число налогоплательщиков;

p_avg – средняя вероятность проверки в старой системе;

p_L – минимальная вероятность проверки для добросовестных агентов;

c_one – себестоимость проведения одного контрольного мероприятия.

Для углубления налоговой дисциплины в Республике Беларусь предлагается внедрение следующих инструментов: отображение персонального рейтинга в личном кабинете плательщика для исключения субъективности контроля; законодательное закрепление «коридора безопасности» (отклонение рентабельности в пределах одного стандартного отклонения от отраслевой не является основанием для проверки); финансовая монетизация статуса «зеленой зоны» (выгода от отсутствия проверок и быстрого возврата налогов; снижение кредитных ставок в госбанках на 0,5–1 % и приоритетный доступ к госзакупкам).

В эпоху цифровизации будущее налоговой системы Беларуси – это не расширение штата проверяющих, а создание архитектуры выбора, где быть

честным – технически проще и финансово выгоднее. Математическое моделирование подтверждает, что длинный горизонт наказания за потерю репутации работает эффективнее, чем разовые штрафы.

Литература

1. О состоянии малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь : стат. бюллетень / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – М. : 2024. – 110 с.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 91-3 : в ред. от 13 июля 2023 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 24.03.2026).
3. Савватеев, А. В. Введение в теорию экономических механизмов / А. В. Савватеев, А. Ю. Филатов. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 153.
4. Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь. – URL: <https://www.nalog.gov.by> (дата обращения: 08.04.2026).

Роль искусственного интеллекта в оптимизации процесса принятия инвестиционных решений

*Жихарева А. И., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Куницкая О. М., канд. юр. наук, доц.*

Искусственный интеллект (далее – ИИ) стремительными темпами проникает в различные сферы общественных отношений, и инвестиционная сфера не стала тому исключением. Если раньше решения часто принимались на основе интуиции или типовых расчетов, то сейчас инвесторы все активнее применяют ИИ – он помогает точнее оценивать риски и находить выгодные проекты. В то же время инвестиции остаются важным источником развития экономики. Они дают средства на обновление инфраструктуры, помогают создавать новые рабочие места и запускать инновационные проекты. Благодаря этому государство укрепляет свои позиции на мировой арене. Фундаментальная концепция инвестирования базируется на стратегическом размещении объектов гражданских прав, имеющихся у инвестора на текущий момент, с целью получения прибыли и (или) дохода либо достижения социального, экономического эффекта в долгосрочной перспективе. Для успешного инвестирования необходимо рационально подойти как к выбору объекта инвестиций (проще говоря, что вкладываем), так и к объекту осуществления инвестиций (во что вкладываем). Руководствуясь положениями ст. 4 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-3 «Об инвестициях» [1], научное сообщество предложило классификацию инвестиций, в основу которой положен критерий объекта инвестирования, выделив следующие группы:

реальные (в основной капитал), финансовые (в различные финансовые инструменты (активы)), интеллектуальные (в научные разработки, в объекты интеллектуальной собственности, научно-исследовательские, опытно-конструкторские и опытно-технологические работы) и корпоративные (в создание и функционирование коммерческих организаций) инвестиции [2, с. 13]. Используя обозначенную классификацию в качестве отправной точки, исследуем, каким образом ИИ может повысить эффективность принятия инвестиционных решений применительно к разным объектам инвестирования, и выявим некоторые риски, обусловленные активной интеграцией ИИ в процесс принятия инвестиционных решений без должного анализа со стороны человека.

Одной из основных областей применения ИИ в инвестиционном анализе является машинное обучение. Машинное обучение – это один из видов ИИ, который использует сложные алгоритмы для быстрой обработки огромных объемов данных. После обработки машина использует эти данные для составления прогнозов, сбора информации и обучения [3, с. 369]. Технологии машинного обучения могут быть использованы в любом из видов инвестиций: например, в реальных инвестициях ИИ поможет проанализировать целесообразность строительства объекта недвижимого имущества в определенном регионе, изучив и обобщив данные из различных источников о макроэкономических показателях региона (уровень ВВП, безработицы), микроданные по локации (трафик пешеходов и автомобилей, плотность жилой застройки), градостроительные проекты детального планирования (планы на строительство дорог, жилых кварталов, административных, общественных, производственных зданий), отзывы о регионе и т. д. Использование ИИ позволит оптимизировать инвестиции, в частности, в изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Система автоматически проведет комплексную проверку таких объектов: сверит их с международными базами данных, чтобы убедиться в их новизне, спрогнозирует рыночный спрос на технологию, опираясь на актуальные рыночные тренды, выявит потенциальные юридические риски, проанализировав историю патентных споров и судебные прецеденты. При намерении инвестора стать участником коммерческой организации путем приобретения акций ему необходимо проверить огромный массив юридической документации: начиная с устава компании и заканчивая судебными решениями, вынесенными не в ее пользу. С этой задачей эффективно может справиться ИИ: он быстро проанализирует тысячи договоров и выявит скрытые угрозы, например, перспективные долговые обязательства, невыгодные арендные условия или долгосрочные договоры с обременительными условиями, которые человек может пропустить от усталости или невнимательности. В финансовой сфере становится популярным инвестирование в цифровые знаки (токены). В данном случае

алгоритмы ИИ смогут проанализировать исторические данные о ценах токенов, объемах торгов, а также внешние факторы (новости, настроения в социальных сетях, макроэкономические показатели). На основе этого анализа система подскажет, принесет ли это вложение доход в будущем.

Использование ИИ в принятии инвестиционных решений несет в себе не только преимущества, но и серьезные риски. Во-первых, точность прогнозов ИИ напрямую зависит от качества данных. Неполные или искаженные исходные данные могут привести к ошибочным выводам и значительным финансовым потерям, поэтому критически важно тщательно проверять и регулярно актуализировать информацию. Во-вторых, ИИ-системы подвержены кибератакам, которые угрожают как конфиденциальности данных, так и финансовой и репутационной стабильности компании. Для защиты необходимо внедрять современные меры кибербезопасности и постоянно совершенствовать механизмы защиты [4, с. 188].

В заключение отметим, что ИИ прочно входит в инвестиционную сферу. С одной стороны, технологии дают участникам рынка мощные инструменты для роста, с другой – требуют выстраивать надежные механизмы управления сопутствующими рисками. В условиях стремительной цифровизации успех будет на стороне тех, кто сочетает инновации с системным подходом, сохраняет гибкость и умеет быстро адаптироваться к новым технологическим реалиям.

Литература

1. Об инвестициях : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-3 : в ред. от 8 янв. 2024 г. № 350-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.04.2026).
2. Куницкая, О. М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности / О. М. Куницкая. – Мн. : БГУ, 2022. – 200 с.
3. Жаврид, А. А. Искусственный интеллект как инструмент привлечения инвестиций в условиях цифровой экономики / А. А. Жаврид, А. В. Сотников // Актуальные вопросы экономики и информационных технологий : сб. тезисов и статей докладов 60-й юбилейной науч. конф. аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР, Минск, 22–26 апр. 2024 г. / Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. – Мн. : 2024. – С. 369–370.
4. Свиридов, В. А. Использование искусственного интеллекта в принятии инвестиционных решений: перспективы и вызовы / В. А. Свиридов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №7-3 (94). – С. 186–190.

Правовое регулирование банковской деятельности в ЕАЭС

*Корнилюк Н. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. проф. Стельмах Е. В., д-р юр. наук, доц.*

Ключевым правовым основанием формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является статья 70 Договора о ЕАЭС. Именно она закрепляет обязательство государств-членов по согласованному регулированию финансовых рынков, включая банковскую деятельность, и определяет цели: создание общего финансового рынка, взаимное признание лицензий, гармонизацию законодательства [1].

Практическую реализацию данных положений обеспечивает Евразийская экономическая комиссия через Департамент финансовой политики. В структуре Департамента создан Отдел банковской политики (п. 5 Положения о Департаменте). Согласно Положению основными задачами Департамента являются обеспечение реализации функций Комиссии в банковской сфере и выработка предложений по гармонизации национального законодательства государств-членов.

Ключевыми функциями Отдела выступают: подготовка предложений по согласованному регулированию банковского сектора, взаимному признанию лицензий и формированию общего финансового рынка Союза. Кроме того, Отдел обеспечивает деятельность Консультативного комитета по финансовым рынкам, что позволяет учитывать позиции национальных регуляторов (Банка России, Национального банка Республики Беларусь, Национального банка Республики Казахстан и др.) при подготовке наднациональных решений [2].

Важным этапом практической реализации стало утверждение Концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС от 01.10.2019. Концепция вводит механизм стандартизированной лицензии для банков, который «представляет собой специальное разрешение (лицензию), выдаваемое регулятором страны происхождения материнской организации. Требования к выдаче такой лицензии единые для всех государств-членов» и включают, в частности, «размер нормативного капитала (собственных средств) банка – эквивалент не менее 60 млн долл. США». Механизм вводится не ранее 1 января 2025 г. и обеспечивает упрощенный взаимный допуск дочерних банков на рынки государств-членов. Отметим, что, несмотря на заложенный в Концепции механизм гармонизации, на этапе его практической реализации могут сохраняться различия в национальном регулировании банковской деятельности государств-членов. В частности, такие различия могут касаться требований к капиталу банков, надзора за их деятельностью и применения мер ответственности. Это способно осложнить взаимное признание

лицензий и замедлить формирование общего финансового рынка Союза. Концепция охватывает три сектора финансового рынка – банковский, страховой и рынок ценных бумаг – и предусматривает трехуровневую систему правового регулирования: наднациональный уровень (международные договоры ЕАЭС), гармонизированные национальные требования и сохранение национального регулирования для операций, не выходящих на общий рынок. Я отмечу, что механизм стандартизированной лицензии может столкнуться с проблемой различий в национальном регулировании [3].

На конец 2025 – начало 2026 г. работа по реализации Концепции продолжается в рамках общей макроэкономической политики Союза. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 21 декабря 2025 г. № 16 государствам-членам рекомендовано учитывать в своей политике необходимость «продолжения работы по формированию общего финансового рынка Союза» как одного из ключевых направлений обеспечения стабильного функционирования внутреннего рынка. Это положение включено в комплекс мер по устранению барьеров, развитию единого рынка услуг и активизации взаимной торговли в условиях внешних вызовов [4].

Правовое регулирование банковской деятельности в ЕАЭС постепенно сближается, сочетая наднациональные и национальные механизмы. Вместе с тем различия в национальном законодательстве могут осложнять внедрение единой лицензии и замедлять формирование общего финансового рынка Союза. Поэтому дальнейшая гармонизация правового регулирования остается важным условием банковской интеграции в ЕАЭС.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. : в ред. от 25 мая 2023 г. : с изм. и доп., вступ. в силу с 24 июня 2024 г. // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 29.03.2026).

2. Об утверждении положения о Департаменте финансовой политики Евразийской экономической комиссии : распоряжение Совета Евраз. экон. комис. от 26 июня 2017 г. № 171 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 29.03.2026).

3. О концепции формирования общего финансового рынка: решение Высшего Евраз. экон. совета от 1 октября 2019 г. № 20 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 29.03.2026).

4. Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза: решение Высш. Евраз. экон. Совета от 21 декабря 2025 г. № 16 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 29.03.2026).

Цифровые валюты ЦБ как инструмент международных платежей: перспективы использования

*Коряченкова А. В., Михайленко Ф. Д., студ. III к. БГУ,
науч. рук. доц. Кирвель О. Ч., канд. эк. наук, доц.*

В условиях цифровой глобализации мировая экономика все больше зависит от быстрого и дешевого перемещения средств между странами. Трансграничные платежи дороги и медленны: комиссия за перевод 200 долл. США достигает 6,5 %. К 2027 г. объем международных расчетов может составить 250 трлн долл. Традиционная система опирается на корреспондентские банки и SWIFT, но число корреспондентов за десятилетие сократилось на треть при росте платежей на 40 %, что увеличивает издержки и задержки [1, 2].

Центробанки обращаются к цифровым валютам (CBDC – Central Bank Digital Currency), которые являются цифровой формой фиатных денег. 137 стран изучают CBDC, регуляторы связывают их внедрение с укреплением международной роли своих валют. CBDC позволяют перейти к общим платформам, где прямой обмен идет без посредников, что ускоряет расчеты и снижает стоимость [3, 5].

Реальным подтверждением стал мультивалютный проект mBridge (Китай, Таиланд, ОАЭ и др.), который в 2024 г. достиг стадии минимально жизнеспособного продукта и где уже сегодня более 95 % трансграничных транзакций проходят в цифровых юанях. Как подчеркивает ЕЦБ, создание такой инфраструктуры открывает «историческую возможность» с самого начала обеспечить совместимость разных CBDC и в корне улучшить международные платежи [4, 6].

Китайский e-CNY – крупнейший в мире действующий CBDC-проект. К ноябрю 2025 года совершено более 3,4 млрд транзакций общим объемом примерно 16,7 трлн юаней – рост вчетверо с 2023 г. Цифровой юань используется для государственных выплат, оплаты товаров и услуг, офлайн-платежей. С 2026 года на остатки в e-CNY могут начисляться проценты, что превращает его и в сберегательный инструмент. Для координации международного продвижения в Шанхае и Пекине созданы специализированные центры управления, а зарубежные банки постепенно подключаются к платформе [6, 7].

Ключевая цель – интернационализация юаня и создание альтернативы долларовой системе. На конец мая 2025 г. открыто 230 млн персональных кошельков и 18,84 млн корпоративных кошельков [6, 7].

Россия запускает цифровой рубль с сентября 2026 г., обявывая банки предоставлять операции с ним. Пилотные испытания с реальными цифровыми рублями проходили в 2022–2025 гг. с участием ограниченного круга банков и клиентов, что позволило отработать базовые сценарии переводов и оплаты [8].

Основной мотив – обход санкций и создание независимых каналов расчетов с партнерами, прежде всего с Китаем; по словам главы парламентского комитета Аксакова, следующим шагом после запуска должны стать именно двусторонние расчеты с Китаем.

Глава Сбербанка также отметил, что главное преимущество цифрового рубля проявится в международных расчетах. Кроме того, Москва рассчитывает использовать его в рамках межгосударственных проектов БРИКС для снижения зависимости от долларовой инфраструктуры. На конец мая 2025 года на платформе было открыто около 2 500 кошельков физических и юридических лиц [8].

Беларусь готовит цифровой белорусский рубль (ЦБР): пилотный запуск намечен на второе полугодие 2026 г., соответствующий законопроект уже прошел первое чтение. Первый этап ориентирован прежде всего на расчеты между предприятиями и государственными структурами – в пилоте участвуют два государственных и два частных банка, тогда как физические лица на начальной стадии не задействованы [9, 10].

Помимо повышения прозрачности бюджетных расходов благодаря смарт-контрактам, Нацбанк уже прорабатывает кросс-границные сценарии использования ЦБР, а МИД Беларуси предлагал интегрировать CBDC-платформы стран БРИКС для упрощения взаимных расчетов [9, 10].

При этом белорусский регулятор активно опирается на российский опыт и планирует поддерживать международные стандарты (ISO 20022), что должно обеспечить совместимость с цифровым рублем, а в перспективе – и с китайской e-CNY, открывая для республики дополнительные каналы диверсификации внешних платежей [9].

Таким образом, CBDC способны обеспечить быстрые и дешевые трансграничные переводы, снижая зависимость от традиционных посредников. Опыт Китая и России показывает, что такие валюты становятся инструментом внешнеполитического влияния и укрепления национальных валют. Для Беларуси своевременный учет этого опыта и подключение к международным CBDC-платформам открывают возможности для поддержки экспорта и интеграции в глобальные финансовые потоки.

Литература

1. Cross-border payments – a catalyst for global integration and growth / Bank for International Settlements. – 2025. – URL: <https://www.bis.org/speeches/sp251127a.pdf> (date of access: 05.05.2026).

2. Digital Transformation in Banking: Trends & Insights / ACI Worldwide. – URL: <https://www.aciworldwide.com/cross-border-payments-landscape-challenges-and-innovations> (date of access: 05.05.2026).

3. Central Bank Digital Currency Tracker / Atlantic Council. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/cbdctracker/> (date of access: 05.05.2026).

4. Nagel, J. Introducing a digital euro – the cross-border dimension / J. Nagel // BIS Review. – 2024. – URL: <https://www.bis.org/review/r241014i.htm> (date of access: 05.05.2026).

5. Project mBridge reached minimum viable product stage / BIS Innovation Hub. – URL: https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/mcbdc_bridge.htm (date of access: 05.05.2026).

6. What to watch as China prepares its digital yuan for prime time / Atlantic Council. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/what-to-watch-as-china-prepares-its-digital-yuan-for-prime-time/> (date of access: 05.05.2026).

7. China to allow more banks to handle digital yuan, sources say / Reuters. – 2026. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/chinas-bank-ningbo-readies-digital-yuan-business-beijing-expands-e-cny-2026-03-20/> (date of access: 05.05.2026).

8. Цифровой рубль: текущий статус проекта / Департамент национальной платежной системы Центрального банка Российской Федерации. – М. : Банк России, 2025. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/177415/digital_ruble_30062025.pdf (дата обращения: 05.05.2026).

9. Tracking CBDCs Before They Track You: Belarus / Human Rights Foundation. – URL: <https://cbdctracker.hrf.org/currency/belarus> (date of access: 05.05.2026).

10. Belarus' central bank getting ready to launch digital ruble / BelTA. – 2026. – URL: <https://eng.belta.by/economics/view/belarus-central-bank-getting-ready-to-launch-digital-ruble-179424-2026/> (date of access: 05.05.2026).

Маркетплейсы как современная форма торговли

*Мирошник А. А., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. преп. Хмурович Л. В.*

В цифровую эпоху электронная коммерция играет важную роль для предпринимательской деятельности. Рост потребителей, использующих онлайн-платформы, требует от производителей адаптации к новым условиям. Электронная коммерция представляет собой достаточно широкое понятие, относящиеся к использованию информационно-коммуникационных технологий в организации торговых отношений, но в более узком контексте – это бизнес-модели, которые позволяют компаниям и частным лицам покупать и продавать товары и услуги через Интернет [2, с. 9]. На данный момент самой прогрессивной формой электронной коммерции является маркетплейс.

Маркетплейс представляет собой цифровую платформу, выполняющую функцию посредника между продавцом и покупателем. В отличие от традиционных интернет-магазинов маркетплейс не является самостоятельным продавцом, а предоставляет инфраструктуру для размещения товаров сторонними поставщиками [4, с. 29].

Большинство маркетплейсов предоставляют широкий ассортимент товаров, многочисленные отзывы и рейтинги, защиту от мошенников и быструю доставку. Однако покупатели могут столкнуться и с рядом недостатков, например, низким качеством изделий, сложной процедурой возврата, а также слишком большим выбором аналогичной продукции от разных продавцов.

Маркетплейсы обеспечивают низкий порог входа для предпринимателей, позволяя даже самозанятым быстро осуществлять продажи. Они становятся все более глобализированными, предоставляя возможности для выхода на рынок продавцам из разных стран, которые получают доступ к широкой клиентской базе и данным, что снижает маркетинговые затраты. Но высокие комиссии маркетплейсов могут сокращать прибыль, а жесткая конкуренция между продавцами на площадке требует постоянных усилий для достижения успеха. В таких условиях необходима уникальность товарного предложения и наличие выраженных потребительских преимуществ, способных выделить продукт среди множества аналогов, а также гибкость ценообразования [4, с. 33].

На начальных этапах развития главной задачей маркетплейсов было увеличение количества товаров и продавцов. Однако по мере насыщения акцент сместился на качество продукции, сервис, оформление карточек товаров.

В настоящее время онлайн-торговля предлагает широкий спектр платформ, предназначенных для продвижения товаров. Самыми посещаемыми международными площадками являются Amazon (5,8 млрд посещений в месяц), eBay (1,7 млрд), AliExpress (534,4 млн) [2, с. 12].

Amazon, запущенный в 1994 г., был одним из первых в электронной коммерции, стартовав как книжный магазин. В отличие от других магазинов он смог быстро расширить свой ассортиментный каталог, предлагая покупателям огромный выбор товаров помимо книг. Постепенно он стал крупнейшим маркетплейсом в мире.

В Китае среди наиболее успешных торговых инициатив выделяется Alibaba Group. В начале 21 в. она начала экспансию во все сферы электронной коммерции. Alibaba Group насчитывает более 700 дочерних компаний, включая Taobao, AliExpress и Alibaba, а ее доля на рынке электронной коммерции в Китае составляет 47,1 % [3].

Рынок маркетплейсов стремительно развивается и в Беларуси, где наиболее распространены российские маркетплейсы Wildberries и Ozon, но развиваются также Emall и другие белорусские площадки. По данным Wildberries, в 2024 г. продажи белорусских предпринимателей выросли почти на 75 %. При этом общий спрос на онлайн-покупки среди белорусов увеличился на 81 %, а число поставщиков из Беларуси выросло на 17 % [1].

Очевидно, что во всем мире сегодня маркетплейсы стали одной из главных площадок для реализации товаров и услуг, охватывая значительные доли рынка и предлагая покупателям широкий спектр продукции.

Литература

1. Маркетплейсы в Беларуси: главные нововведения и отечественные товары на пике популярности // Pro.by : [сайт]. – URL: <https://pro.by/blog/news/marketpleysy-v-belarusi-glavnye-novovvedeniya-i-otechestvennye-tovary-na-pike-populyarnosti> (дата обращения: 04.04.2026).
2. Международные маркетплейсы : анализ возможностей для продвижения белорусских товаров : аналит. отчет / ОАО «Агентство внешнеэкономической деятельности». – Мн. : 2022. – 93 с.
3. Напрейкин, С. Alibaba Group – китайский двигатель интернет-торговли / С. Напрейкин // Kitau.ru : [сайт]. – URL: <https://kitau.ru/stati/china-life/alibaba-group-kitayskiy-dvigatel-internet-torgovli-/> (дата обращения: 04.04.2026).
4. Недорезов, Ю. А. Роль маркетплейсов в развитии электронной коммерции на современном этапе // Прогрессивная экономика. – 2025. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-marketpleysov-v-razvitiielektronnoy-kommertsii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 04.04.2026).

Решоринг как новый вектор развития МРТ: опыт США

*Новик Е. В., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Юрова Н. В., канд. эк. наук, доц.*

Одной из современных траекторий трансформации международного разделения труда и развития международного производства является решоринг. Сущность решоринга заключается в сокращении и консолидации цепочек создания стоимости и росте географической концентрации добавленной стоимости. В нынешних условиях в мировой экономике решоринг проявляется в высокотехнологичных отраслях, основу которых составляют ГЦСС, вызывает рост изъятия инвестиций и сокращение объемов ПИИ, ориентированных на повышение эффективности [1].

Масштабность характера данной тенденции была отмечена еще в 2019 г.: пандемия Covid-19 вследствие проводимых национальными экономиками протекционистских мер привела к разрыву логистических цепочек и активизации решоринга. Наибольшую активность в проведении подобной политики проявили США. Руководство США оправдывало решоринг не только возникновением барьеров производству и торговле из-за пандемии, но и обострившейся в 2019 г. торговой напряженностью с Китаем.

Для анализа динамики решоринга в США используем показатели индекса решоринга за период 2014–2024 гг. (см. рисунок 1). Индекс решоринга рассчитывается как выраженная в базисных пунктах разность между удельным весом импорта промышленного производства во внутреннем спросе в предыдущем и анализируемом годах. Как видим, за десятилетний период

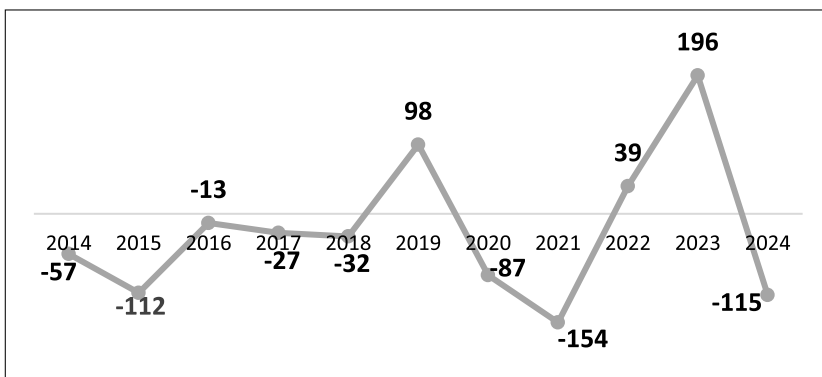

Рисунок 1. – Динамика индекса рещоринга США из Азиатских стран с низкими издержками (2014–2024 гг.), базисные пункты

Примечание: собственная разработка на основе источника [3].

2019 год стал первым годом с положительным значением индекса рещоринга, что объясняется пандемией Covid-19 и завязавшейся между США и Китаем торговой войной. С тех пор в структуре импорта США доля промышленных товаров из Китая неуклонно уменьшалась [2]. В подтверждение тому на рисунке представлена динамика индекса рещоринга США из Азиатских стран с низкими издержками, среди которых Китай, Вьетнам, Индия, Тайвань (КНР), Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия, Пакистан, Шри-Ланка, Бангладеш, Сингапур и Камбоджа.

Наряду с этим для анализируемых Азиатских стран 2021–2022 гг. рещоринг приостановился и проявилась тенденция в обратном направлении. Причиной тому могла быть сложность процесса возвращения производства из Китая именно в США, в результате чего производство было перенесено в альтернативные страны Азии. Корреляция между отрицательным ростом значений индекса и релокацией производства в Альт Азию прослеживается и в динамике объемов импорта промышленных товаров США из Азиатских стран за 2019–2023 гг. Так, снижение доли Китая в промышленном импорте США было «восполнено» преимущественно за счет Вьетнама, Тайваня (КНР), Индии и Таиланда. Все из вышеупомянутых стран, за исключением Индии, с 2019 г. демонстрировали неуклонное увеличение удельного веса в структуре импорта промышленных товаров США. Абсолютные темпы роста (2019 г. базисный) данного показателя для каждой из стран 143,9 %, 126,1 %, 111,3 % и 131 % соответственно [2]. В свою очередь, положительная динамика, наметившаяся в 2022 г., сопряжена с переориентацией

размещения производства в странах Азии на его локализацию в Латинской Америке.

В заключение стоит отметить, что анализ динамики рещоринга в США позволяет сделать вывод о наметившейся тенденции, которая переформирует устоявшееся в последние десятилетия МРТ. Развитые страны для минимизации своей уязвимости вследствие глобальных вызовов и угроз постепенно активизируют рещоринг. Для развивающихся стран появляются новые трудности на пути в ГЦСС.

Литература

1. Мальганова, И. Г. Мировая экономика и международные экономические отношения // И. Г. Мальганова // Электронная библиотека Казанского федерального университета. – URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/21774/73_187_A5kl-000655.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

2. Волгина, Н. А. Рещоринг в США: особенности и перспективы / Н. А. Волгина // Международный экономический симпозиум. – 2022. – URL: <https://cwejournal.hse.ru/nvolgina-4-2023> (дата обращения: 14.04.2026).

3. The great reality check 2025 Reshoring Index // Kearney 100. – URL: <https://www.kearney.com/service/operations-performance/us-reshoring-index> (date of access: 14.04.2026).

Экспортная активность МСП в Европе: эконометрический анализ

*Панич К. Г., магистрант II к. БГЭУ,
науч. рук. ст. преп. Вашкевич Ю. Б., магистр эк. наук*

Малые и средние предприятия (МСП) составляют 99 % всех предприятий Европы, а их деятельность в условиях глобальной экономики тесно связана с интернационализацией. Данное исследование направлено на оценку влияния макроэкономических и инновационных факторов на стоимость экспорта МСП в 25 европейских странах, включающих как членов Европейского союза (ЕС), так и не входящих в него. Это позволяет учитывать разные институциональные условия, а также модели политики поддержки предпринимательства при высокой интенсивности внутрирегиональных торговых связей. Данные охватывают период 2016–2024 гг., что позволяет учитывать структурные изменения в экономике, восстановление бизнеса после пандемии и изменение условий международной торговли.

В качестве факторов были выбраны следующие показатели: ВВП по ППС на душу населения [1], расходы на исследования и разработки (R&D)

на душу населения в евро [2] и количество патентов на миллион человек [3]. Данный выбор обусловлен следующим:

– ВВП по ППС на душу населения – индикатор уровня экономического развития страны. Страны с более высоким значением данного показателя обладают более развитой инфраструктурой и высоким качеством институциональной среды, в результате чего создаются благоприятные условия для развития МСП, ориентирующих свою деятельность на экспорт;

– расходы на R&D на душу населения – страны с более высокими расходами на R&D создают конкурентные преимущества в высокотехнологичных отраслях, а в таких условиях МСП могут заниматься экспортом с большей вероятностью успеха;

– количество патентов на миллион человек – патенты отражают результативность инновационной деятельности и создание новых знаний. Патенты предоставляют МСП временную монополию на использование изобретений, что создает стимулы для выхода на внешние рынки.

Данные показатели характеризуют инновационный потенциал страны, что является важным фактором для успеха МСП на внешних рынках. ВВП отражает общие экономические условия, R&D – инвестиции в инновации, патенты – их результативность. Все показатели приведены в расчет на душу населения [4] по причине разного размера стран: пересчет показателей на душу населения позволяет привести все к одному масштабу. Количество патентов было взято в расчете на миллион человек, поскольку значение на душу является слишком малым.

Выбранные показатели характеризуются сильным разбросом значений между странами. Например, стоимость экспорта МСП на душу населения варьируется от 557 евро (для Сербии в 2016 г.) до 18271 евро (для Нидерландов в 2022 г.) [5]. Логарифмирование показателей позволяет сжать масштаб данных, что снижает влияние выбросов.

Для анализа влияния выбранных факторов на стоимость экспорта МСП была выбрана модель с фиксированными эффектами (FE), поскольку имеющиеся данные являются панельными, т.е. содержат наблюдения по разным странам и моментам времени, что требует учета ненаблюдаемых индивидуальных характеристик каждой страны. FE-модель контролирует постоянные страновые особенности: институциональные, географические и культурные факторы, которые могут существенно влиять на развитие бизнеса.

Для выявления мультиколлинеарности между логарифмированными независимыми переменными необходимо провести корреляционный анализ. Корреляционная матрица указала на высокую связь: коэффициент корреляции составил 0,810–0,953. Связь всех переменных с зависимой также высока: от 0,650 до 0,689. Несмотря на наиболее высокую корреляцию патентов, для модели выбран показатель ВВП, поскольку он является наиболее общим

и универсальным индикатором экономического развития стран, вычисляется по единой международной методологии, а патентные данные могут отличаться из-за различий в национальных патентных системах. Кроме того, различие в силе связи каждого фактора незначительно, что позволяет сделать выбор наиболее теоретически обоснованного и статистически надежного показателя.

Полученное уравнение имеет следующий вид:

$$\ln(\text{Export_SME_per capita}) = -0,212 + 1,803 \cdot \ln(\text{GDP_per capita}),$$

где $\text{Export_SME_per capita}$ – стоимость экспорта МСП на душу населения в евро, GDP_per capita – ВВП по ППС на душу населения.

Это означает, что при росте ВВП по ППС на душу населения на 1 % стоимость экспорта МСП на душу населения увеличивается в среднем на 1,803 %. Соответственно, рост экономического развития страны сопровождается ростом экспортной активности МСП.

Коэффициент детерминации (R-квадрат) для данной модели равен 0,957. Это говорит о том, что выбранный фактор объясняет 95,7 % вариации логарифма экспорта МСП на душу населения. Исходя из результатов t- и F-статистик, а также оценки p-value, коэффициенты регрессии и само уравнение статистически значимы.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что экономическое развитие страны является ключевым стимулом для экспортной активности МСП в Европе. Это означает, что для роста экспорта МСП в первую очередь необходимо обеспечить устойчивое экономическое развитие и качественную институциональную среду.

Литература

1. Purchasing power adjusted GDP per capita // Eurostat. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sdg_10_10/default/table?lang=en (date of access: 11.04.2026).

2. GERD by sector of performance (2026) // Eurostat. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/rd_e_gerdtot/default/table?lang=en (date of access: 11.04.2026).

3. Patent applications to the EPO by country of applicants and inventors (2004 and onwards) (2026) // Eurostat. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/pat_ep_tot/default/table?lang=en (date of access: 11.04.2026).

4. Population on 1 January by age and sex (2026) // Eurostat. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/demo_pjan/default/table?lang=en (date of access: 11.04.2026).

5. Trade by NACE Rev. 2 activity and enterprise size class 2026) // Eurostat. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ext_tec01__custom_20545931/default/table?lang=en (date of access: 11.04.2026).

Монетизация блога в Республике Беларусь

*Послед А. С., студ. II к. БГЭУ,
науч. рук. доц. Монич Е. С., канд. эк. наук, доц.*

Блоггерство в Беларуси перестало быть просто хобби – для многих это полноценный источник дохода. Все виды блогов можно разделить на личные и коммерческие. Если в личных блогах основная цель – коммуникация, то коммерческие нацелены на монетизацию. Однако налоговая система не делает скидку на формат «зарабатываю в интернете». Министерство по налогам и сборам (МНС) четко классифицирует разные виды блоггерских доходов, и для каждого предусмотрены свои правила уплаты налогов.

К основным способам монетизации блога можно отнести: продажу товаров и услуг (например, продажа мерча, авторских работ или услуг); размещение рекламы – плата за показ рекламы либо рекомендация товара своей аудитории; донаты – своего рода «чаевые» блогерам от благодарных пользователей; платная подписка – доступ к контенту только после оплаты; премиальный контент – предоставление доступа к определенным материалам за дополнительную плату; онлайн-ивенты – вебинары, мастер-классы и другие платные мероприятия.

Первый и самый основной доход – это донаты, т. е. так называемые безвозмездные пожертвования. Раз это безвозмездно, соответственно, здесь применяется льгота по подаркам. Подарки от других граждан на сумму до 11 516 бел. руб. не облагаются подоходным налогом, подавать декларацию не нужно. Если сумма превышает этот предел, блогеру необходимо представить декларацию и произвести доплату подоходного налога. Главная сложность с донатами в том, что налоговая оценивает их характер по контексту. Если блогер просто говорит «спасибо за поддержку канала» – это подарок, но, если формулировки меняются на «закажи песню/стрим» или «напиши комментарий», МНС может переквалифицировать перевод в оплату услуги. Если налоговая докажет, что донат – это плата за контент, блогеру придется платить подоходный налог 13 %.

Следующий вид доходов блогеров – это, как правило, рекламная деятельность. Для того, чтобы что-то рекламировать, по законодательству необходимо зарегистрироваться в реестре рекламодателей. В ином случае данная деятельность является незаконной и запрещается. Размещение даже одного платного поста – это уже услуга. Если блогер не зарегистрирован и не состоит в Реестре рекламодателей, ему грозит штраф [1].

В сети интернет ежедневно встречаются различные ролики, которые прерываются на контекстную рекламу, либо сам блогер в своем ролике начинает что-то рекламировать. Если блогер получает доходы от рекламы на постоянной основе из нескольких источников, то ему необходимо выплачивать налог

на профессиональный доход. Если доходы поступают из одного источника, то признаков предпринимательской деятельности нет и с поступивших доходов необходимо уплачивать подоходный налог с физлиц.

Физлица, имеющие собственные блоги на различных интернет-платформах и получающие доходы от продажи через блог своих услуг, размещения рекламы в этих блогах, иные доходы от монетизации блога, обязаны уплачивать подоходный налог с полученных доходов [2]. Если блогер получает доход от YouTube (иностранная организация) за размещение рекламы, то ему необходимо будет представить налоговую декларацию (расчет). Налогообложение таких доходов осуществляется налоговым органом по ставке подоходного налога в размере 13 % [3].

Если источником доходов являются белорусские организации, белорусские ИП, то эти субъекты признаются налоговыми агентами и обязаны исчислить, удержать и перечислить в бюджет подоходный налог с дохода, выплачиваемого блогеру [3].

Доходы уже более известных блогеров – это продажа каких-то вещей под собственным брендом. Это, например, реклама фастфуда под брендом определенных блогеров, каких-то вещей, шоколада и прочих продуктов питания. Эта деятельность уже исключительно предпринимательская и должна осуществляться путем регистрации субъекта хозяйствования. Как физическое лицо без регистрации данную деятельность вести и декларировать доходы с нее нельзя.

Блогинг в Беларуси трансформировался из любимого занятия в полноценную сферу деятельности, приносящую доход. Понимание и соблюдение налогового законодательства становится критически важным аспектом для блогеров, стремящихся легализовать свою монетизацию. Для построения стабильного и законного бизнеса в сфере блогинга белорусским блогерам необходимо тщательно изучать соответствующие нормы, при необходимости консультироваться с налоговыми специалистами и своевременно исполнять свои обязательства перед государством.

Литература

1. Ковалевский, А. А. Донаты, реклама, продажа вещей под своим брендом. Как блогерам правильно платить налоги со своих доходов? / А. А. Ковалевский // Pravo.by: нац. правовой интернет-портал РБ (дата обращения: 06.04.2026).

2. Ведешь блог – уплати налог // ilex.by – Минск, 2026. – URL: <https://ilex.by/news/vedesh-blog-uplati-nalog/> (дата обращения: 06.04.2026).

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь: 29 дек. 2009 г. № 71-3 : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 127-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.04.2026).

Френдшоринг в современных международных экономических отношениях: сущность понятия и модели реализации

*Секержицкая В. В., студ. II к. БГУ,
науч. рук. доц. Дедок В. М., канд. эк. наук, доц.*

Традиционная классификация шоринговых стратегий включает несколько ключевых понятий. *Офшоринг* (от англ. *offshoring*) предполагает размещение производственной деятельности за рубежом, обычно в странах с более низкими издержками. *Решоринг* (от англ. *reshoring*) означает возврат ранее перемещенных производств в страну базирования головной компании. *Неаршоринг* (от англ. *nearshoring*) – это организация производства в географически близкой стране или регионе. *Френдшоринг* (от англ. *friendshoring*) представляет собой размещение производственной деятельности в странах, рассматриваемых как союзники по отношению к стране базирования [1, с. 3].

Особенность френдшоринга заключается в том, что он вводит политический критерий в экономические решения о локализации производства.

Существует шесть основных моделей френдшоринга, используемых для поддержания торговли с санкционированными режимами.

1. *Резкспорт*: транзит товаров в санкционированную страну после их первоначального импорта в геополитически дружественную страну. Наиболее популярная модель благодаря своей относительной простоте и низкому риску [1, с. 18].

2. *Аутсорсинг производства в дружественной стране*: компании из стран-инициаторов санкций, передающие производство третьим странам, теряют прямой контроль над производителями, которые могут взаимодействовать с санкционированными рынками [1, с. 10].

3. *Создание дочерней компании в дружественной стране*: намеренное создание дочерних структур в дружественных странах, часто под альтернативными брендами, для избежания вторичных санкций [1, с. 11].

4. *Прямая транспортировка через посредника*: позволяет осуществлять прямую транзитную доставку товаров из стран – инициаторов санкций в санкционированную страну с использованием посредника в дружественной стране, где происходит переоформление контрактов [1, с. 12].

5. *Ложный транзит*: регистрация транспортных средств в странах, которые не участвуют в санкционном режиме, но поддерживают нейтральные или дружественные отношения с санкционированной страной. Товары направляются транзитом через санкционированную страну якобы в третью страну, но фактически остаются на ее территории [1, с. 13].

6. *Резкспорт через транспортный хаб*: наиболее сложная модель с разделением операционного офиса и транспортных хабов в разных дружественных странах [1, с. 14–15].

Важно отметить, что все эти стратегии сопряжены со значительным увеличением затрат. Удлинение цепочек поставок приводит к двух-, трехкратному росту стоимости из-за дополнительных расходов на логистику и таможенные процедуры в третьих странах [1, с. 15].

Оценки экономических последствий геополитической фрагментации различаются, но все они указывают на значительные потери. Согласно анализу ВТО, разделение мировой экономики на два враждебных блока приведет к сокращению глобального ВВП на 5 % [2, с. 6]. В сценарии геоэкономической фрагментации (отсутствие торговли между блоком ЕС – США и блоком Россия – Китай) совокупное сокращение реального ВВП в долгосрочной перспективе составит 2,3 %, а в краткосрочной – 4,8 %. При этом потери для стран с низким уровнем дохода окажутся наиболее значительными – 10,8 % в краткосрочной перспективе и 4,3 % в долгосрочной [3, с. 109].

Особенно важным является вывод о том, что страны с низким уровнем дохода, которые специализируются на экспорте сырьевых товаров и зависят от импорта продовольствия из ограниченного числа стран, несут непропорционально высокие потери. Это поднимает этический вопрос о последствиях френдшоринга для глобального Юга.

Важное различие заключается в дифференцированной реакции глобальных сетей на системные и идиосинкразические шоки. Идиосинкразические шоки (например, торговая война) создают дивизионные силы – они увеличивают количество торговых сообществ, снижают кластеризацию и усиливают фрагментацию. Напротив, системный шок (пандемия COVID-19) демонстрирует тенденцию к конвергенции – количество сообществ стабилизируется, а кластеризация начинает восстанавливаться.

Это наблюдение имеет важное значение для понимания долгосрочных трендов. Если геополитические конфликты как идиосинкразические шоки ведут к устойчивой фрагментации, то глобальные кризисы, подобные пандемии, могут временно усиливать взаимозависимость и стимулировать координацию.

Литература

1. Klarin, A. Leveraging friendshoring in response to sanctions: Essential insights for global managers / A. Klarin, S. Sosnovskikh // *Business Horizons*, 68(5). – P. 673–685.

2. Vivoda, V. Friend-shoring and critical minerals: exploring the role of the Minerals Security Partnership / V. Vivoda // *Energy Research & Social Science*. – 2023. – Vol. 100, June. Article 103085.

3. Хейфец, Б. А. Геополитическая фрагментация и продовольственная безопасность / Б. А. Хейфец, В. Ю. Чернова // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. – 2025. – № 1. – С. 106–128.

Факторы конкурентоспособности стран в экономике знаний

*Сидорчук И. С., асп. БГЭУ,
науч. рук. доц. Турбан Г. В., канд. эк. наук, доц.*

Конкурентоспособность страны принято считать основным показателем оценки текущего и потенциального успеха национальной экономики в сфере международных экономических отношений. Практика использования данного метода анализа состояния мировой экономики существует с конца 70-х гг. прошлого века. Цель данного исследования – выявить изменения в современных подходах к оценке конкурентоспособности страны в условиях экономики знаний.

В экономике индустриального типа ключевые факторы национальной конкурентоспособности носили выраженный количественный характер. М. Портер, например, видел конкурентные преимущества страны на микроэкономическом уровне, а их мерой считал производительность и доход на душу населения. Он также утверждал, что внешние факторы, такие как геоэкономическое положение страны и ее внешнеэкономическая политика, оказывают влияние на национальную конкурентоспособность [1].

В конце XX в. Международный институт развития менеджмента (IMD) разработал систему ранжирования стран по 300 критериям, среди которых учитывались как количественные (ВВП, занятость, инвестиции, производительность труда), так и качественные (эффективность правительства и бизнеса, инфраструктура). В начале нынешнего века Всемирный экономический форум предложил систему показателей под названием Индекс глобальной конкурентоспособности (ИГК), который до сих пор остается экономически актуальным. Он включает 12 основных показателей, сгруппированных в 4 категории: благоприятная среда, человеческий капитал, рынки и инновационная экосистема. ИГК (GCI) учитывает факторы конкурентоспособности на микро- и макроуровне, а также фокусируется главным образом на качественных характеристиках.

По мере развития постиндустриальной экономики, формирования экономики знаний, а позднее и цифровой экономики трансформировались и постулаты неоклассической экономической науки. Все это привело к изменению парадигмы факторов производства, в которую кроме предпринимательства вошли инновации/технологии, информация и человеческий капитал. Приоритетными направлениями развития национальных экономик стали создание цифровой инфраструктуры, инвестиции в НИОКР, внедрение ИКТ, сотрудничество в сфере технологий и инноваций. Такой сдвиг стал причиной активного развития нанотехнологий, робототехники и искусственного интеллекта. Началась технологическая гонка не только компаний, но

и государств; инновации и цифровизация вошли в список целей устойчивого развития мировой экономики, составленный ООН. Сегодня инновации и технологические разработки являются важным фактором экономического роста и укрепления конкурентоспособности стран, обеспечения их технологической безопасности и суверенитета. Как видно из таблицы, основными детерминантами конкурентоспособности экономики являются факторы производства, используемые конкурентные стратегии, условия спроса и родственные отрасли, при этом они могут полностью (*****) или частично (*****) формировать конкурентные преимущества страны. Таким образом, именно в условиях инновационной среды формируется более устойчивое конкурентное преимущество национальной экономики за счет включения всех основных детерминантов этого показателя.

Таблица 1. – Формирование конкурентного преимущества страны

Стадии развития национальной экономики	Детерминанты			
	Факторы	Стратегии	Условия спроса	Родственные отрасли
Индустриальная	*****			
Инвестиционная	*****	*****	*****	
Инновационная	*****	*****	*****	*****
Богатство	*****	*****	*****	*****

Примечание: источник [2, с. 32].

В 2018 г. появилась новая версия Индекса глобальной конкурентоспособности 4.0, которая делает упор на инновации и человеческий капитал; в ней «подчеркнута значимость информационных технологий за счет формирования отдельного слагаемого «Внедрение ИКТ», что подтверждает «важность информационных технологий в рамках наступившей четвертой промышленной революции» [3, с. 52].

Установить взаимосвязь между инновационностью и конкурентоспособностью можно на примере данных рейтингов за 2025 г.: лидирующую позицию в обоих случаях занимает Швейцария. В отчете IMD подчеркивается, что рост конкурентоспособности стран Азии и Европы базируется на инвестициях в цифровые отрасли, а США демонстрируют снижение конкурентоспособности на основе снижения индекса таланта (talent index), что подтверждает экономическую роль человеческого капитала.

Литература

1. Porter, M. E. *The Competitive Advantage of Nations* / M. E. Porter. – N. Y. : The Free Press, 1990. – 929 p.
2. Дробот, Е. В. Эволюция теории национальной конкурентоспособности / Е. В. Дробот // *Экономические отношения*. – 2012. – Т. 2, № 2. – С. 27–40.
3. Строчатов, Д. А. Новации в методологии расчета индекса глобальной конкурентоспособности / Д. А. Строчатов // *Международная торговля и торговая политика*. – 2019. – № 1. – С. 45–59.

When Algorithms Know You Better Than Yourself: How AI-Driven Omnichannel Marketing Influences Consumer Choices

*Сун Чжэни, асп. БГУ,
науч. рук. Чурлей Э. Г., канд. эк. наук, доц.*

Artificial Intelligence (AI) is generally defined as a computer system or technological framework capable of simulating human intelligent behavior, with core abilities including learning, reasoning, perception, and decision-making. According to Encyclopaedia Britannica, AI refers to “the ability of a digital computer or computer-controlled machine to perform tasks commonly associated with intelligent beings,” such as learning from experience, reasoning, and problem-solving [1]. Meanwhile, IBM notes that AI enables machines to mimic human processes of learning, understanding, and decision-making through data and algorithms [2].

The number of AI tools users in the ‘AI Tool Users’ segment of the artificial intelligence market worldwide was modeled to stand at 281.26 million in 2024. Following a continuous upward trend, the number of AI tools users has risen by 165.35 million since 2020. Between 2024 and 2031, the number of AI tools users will rise by 891.18 million, continuing its consistent upward trajectory, the data can be seen in figure 1 [3].

Against the backdrop of the rapid development of the digital economy, Artificial Intelligence (AI) is transforming traditional marketing models. AI-driven marketing, centered on algorithmic recommendations, user profiling, and data analytics, not only improves the efficiency of information matching but also reshapes consumers’ decision-making processes. From product recommendations on e-commerce platforms to content suggestions on short-video platforms, algorithms seem to understand user needs increasingly well—sometimes even better than users understand their own preferences.

The core of AI marketing lies in data-driven processes, which can be summarized as a closed loop of “data collection—user profiling—algorithmic

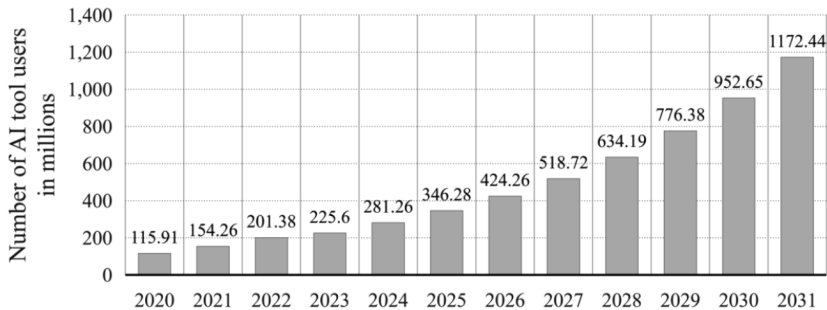

Figure 1. – Number of AI tool users worldwide from 2020 to 2031 (in millions) [3]

recommendation–behavioral feedback–model optimization.” Platforms build user profiles by collecting multidimensional data, such as browsing history, click behavior, and time spent. These profiles not only reflect explicit needs but also infer latent preferences through machine learning models. Recommendation algorithms (such as collaborative filtering and deep learning models) use these profiles to deliver personalized content, thereby increasing click-through and conversion rates. Each user’s click and purchase behavior, in turn, “trains” the algorithm, continuously optimizing the recommendation system and forming a dynamic reinforcement mechanism.

How Does AI Influence Consumer Decision-Making?

1. AI marketing, through algorithmic recommendations, effectively filters information before consumers make choices. This means that what consumers see is not the full market, but information curated by algorithms. While this mechanism reduces search costs, it may also limit the range of options, leading consumers to make decisions within a constrained set of choices—resulting in “guided choices.”

2. The core resource of AI marketing is user attention. Algorithms continuously optimize recommended content to maximize user engagement and time spent on platforms. For example, by pushing emotionally stimulating content (such as discounts, limited-time offers, and trending products), algorithms can trigger impulse purchases and influence decision-making. This mechanism makes consumers more likely to fall into a cycle of impulsive consumption and instant gratification.

3. AI systems tend to recommend content that aligns with users’ existing preferences. Over time, this reinforces prior preferences and leads to more homogeneous consumption patterns. For instance, a user who frequently purchases a certain type of product will continuously receive similar recommendations, thereby reducing exposure to alternative options.

4. Traditional marketing aims to satisfy existing needs, whereas AI marketing, through prediction and guidance, actively participates in the creation of demand. By analyzing user behavior, algorithms can push products or content before users are even aware of their needs, thereby “stimulating” demand. This implies that some consumer needs are, in fact, constructed by algorithms.

When algorithms “know you better than yourself,” marketing is no longer merely about information dissemination but becomes a mechanism deeply embedded in the consumer decision-making process. While AI marketing enhances efficiency, it also reshapes the structure of choice, influences preference formation, and even participates in the construction of demand.

One of 2025’s most prominent examples comes from H&M, the global fashion powerhouse. The company launched an ambitious initiative featuring AI-generated digital twins” of around thirty real-world models. These avatars seamlessly appear in advertisements, e-commerce sites, and social media, significantly reducing the time and resources required for traditional photoshoots. Importantly, H&M has integrated an ethical framework into this effort: real-life models keep full rights to their likenesses and are properly compensated, setting a precedent for more responsible use of generative AI in the fashion industry [4].

In the future, achieving a balance between emotional engagement and rational decision-making will become a central challenge in the development of AI-driven marketing. This challenge becomes even more complex in the context of omnichannel marketing, where consumers interact with brands across multiple interconnected touchpoints, including e-commerce platforms, social media, mobile applications, and offline retail environments. In such a seamlessly integrated ecosystem, algorithmic recommendations are no longer confined to a single platform but continuously shape consumer perceptions and choices across channels.

Literature

1. Artificial intelligence // Encyclopaedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/technology/artificial-intelligence> (date of access: 25.03.2026).

2. What is Artificial Intelligence (AI)? // IBM. – URL: <https://www.ibm.com/think/topics/artificial-intelligence> (date of access: 27.03.2026).

3. Number of AI tool users worldwide 2020–2031 // Statista. – URL: <https://www.statista.com/forecasts/1449844/ai-tool-users-worldwide/> (date of access: 30.03.2026).

4. Generative AI in marketing // Statista. – URL: <https://www.statista.com/topics/10994/generative-ai-in-marketing/#topFacts> (date of access: 31.03.2026).

Объединенные Арабские Эмираты как реэкспортный хаб для обхода санкций и тарифных барьеров

*Ташилева М. М., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Хмурович Л. В.*

Глобальная торговая система, которая строилась на либеральных принципах, в настоящее время переживает глубокие изменения из-за санкций, тарифных войн и геополитических конфликтов. Традиционные логистические маршруты стали ненадежными. Страны БРИКС, которые после расширения 2024 г. охватывают почти половину населения Земли и обеспечивают более 1/3 мирового ВВП, вынуждены искать альтернативные каналы для торговли. В этих условиях ОАЭ (член БРИКС с 1 января 2024 г.) стремятся стать нейтральным логистическим узлом, соединяющим Восток и Запад.

ОАЭ, а именно свободные экономические зоны Дубай и Абу-Даби, закрепили за собой роль глобального реэкспортного хаба, что создает окно возможностей для санкционного и тарифного арбитража. Механизм арбитража работает довольно просто. Сначала в ОАЭ завозят товары из стран, находящихся под санкциями, часто через свободные экономические зоны, где груз может храниться без выпуска в обращение. Затем в СЭЗ проводится легальная «обработка»: переупаковка, смена бренда и даже изменение кода ТН ВЭД в рамках допустимых процедур. После этого товар отправляется дальше уже как продукция, прошедшая через ОАЭ, что позволяет обойти прямые санкционные ограничения и воспользоваться более выгодными тарифными условиями.

Официальные показатели внешней торговли ОАЭ подтверждают масштаб и эффективность этого механизма. По данным Правительства Дубая и Министерства внешней торговли, нефтефтяная внешняя торговля ОАЭ в первой половине 2025 г. превысила 1,7 трлн дирхамов (около 470 млрд долл. США), продемонстрировав рост на 24–24,5 % по сравнению с предыдущим годом [1]. При этом реэкспорт достиг примерно 389 млрд дирхам, увеличившись на 14 %. Эти данные отражают роль страны как глобального центра перераспределения товарных потоков [1].

Ключевым институциональным инструментом, усиливающим санкционный и тарифный арбитраж, выступают соглашения ОАЭ о всеобъемлющем экономическом партнерстве (Comprehensive Economic Partnership Agreements, СЕРА). С 2021 г. по программе СЕРА ОАЭ к середине 2025 г. подписано 28 соглашений, из которых 10 уже вступили в силу, обеспечивая беспрепятственный или существенно либерализованный доступ на рынки, где проживает почти 3 млрд потребителей [1]. СЕРА обеспечили кратный рост экспорта в страны-партнеры: нефтефтяные национальные экспортные поставки достигли около 370 млрд дирхамов и утроились по отношению к уровню пятилетней давности.

Однако существуют инфраструктурные ограничения, особенно в условиях геополитической турбулентности и перераспределения потоков вокруг Ормузского пролива, обострение ситуации с которым наблюдается в 2026 г. Через Ормузский пролив проходит около трети мировых поставок нефти и 20 % мировых поставок СПГ [2]. Угроза его блокировки для ОАЭ является фундаментальным вызовом для сложившейся реэкспортной модели, поскольку ключевой порт – Джебел-Али – расположен внутри акватории Персидского залива. Остановка прохождения судов ведет к росту тарифов на авиа- и морские перевозки по ряду направлений [3]. В этих условиях ОАЭ предпринимают попытки по переориентации потоков через порт Фуджейры, гораздо менее масштабный, и сухопутные коридоры. Реэкспорт через ОАЭ становится дороже и сложнее, но сохраняет свою привлекательность благодаря нейтральной юрисдикции и развитой инфраструктуре. Дальнейшее развитие ситуации зависит от способности ОАЭ выстраивать отношения с ведущими мировыми державами и инвестировать в расширение портовых мощностей и цифровизацию таможенных процедур.

Литература

1. UAE Non-Oil Foreign Trade Exceeded AED 1 Trillion in H1 2025 // UAE Media Office: официальный новостной портал Правительства ОАЭ. – 30 июля 2025. – URL: <https://mediaoffice.ae/en/news/2025/july/30-07/mohammed-bin-rashid-uae-non-oil-foreign-trade-exceeded-aed1-trillion-in-h1-2025> (дата обращения: 14.04.2026).
2. Логистика на Ближнем Востоке: что происходит с поставками и ценами // РБК Компании: новостной портал. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/McsTeDbqwF/logistika-na-blizhnem-vostoke-chto-proishodit-s-postavkami-i-tsenami/> (дата обращения: 14.04.2026).
3. Нефтяная «шоковая терапия» // Expert.ru: аналитический портал. – URL: <https://expert.ru/amp/v-mire/neftyanaya-shokovaya-terapiya/>(<https://expert.ru/amp/v-mire/neftyanaya-shokovaya-terapiya/>) (дата обращения: 14.04.2026).

Риски теневой экономики в свободных экономических зонах: зарубежный опыт

*Терёхин З. Д., Василевская А. С., студ. II к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Журавская К. С.*

Свободные экономические зоны (СЭЗ) на протяжении нескольких десятилетий рассматриваются большинством государств как эффективный инструмент привлечения иностранных инвестиций, стимулирования экспорта и создания новых рабочих мест. Однако наряду с очевидными

преимуществами функционирования СЭЗ сопряжено с серьезными рисками. Из-за слабого или отсутствующего таможенного надзора, недостаточного контроля, а также минимального налогообложения СЭЗ становятся финансовыми центрами по отмыванию денег, уклонению от уплаты налогов, торговле людьми, оружием. Уязвимость к коррупции, присущая СЭЗ, привела к тому, что комиссар ЕС по вопросам юстиции Вера Йоурова назвала их «возникающими угрозами» [1].

Особенно наглядно негативные стороны функционирования СЭЗ проявляются в развивающихся странах, где контрольные механизмы зачастую недостаточно развиты. Одним из наиболее показательных примеров является Сьюдад-дель-Эсте. Этот город включает в себя две зоны свободной торговли: Zona Franca SA Global и Zona Franca International. Здесь процветает многомиллиардная индустрия контрабанды: подавляющее большинство товаров, поступающих в эти две зоны, реэкспортируется в соседнюю Бразилию [1].

Город Сьюдад-дель-Эсте, стратегически расположенный в приграничном регионе (Парагвай, Бразилия, Аргентина), печально известен масштабной деятельностью по отмыванию денег. Его свободные экономические зоны способствуют огромным потокам контрабанды и контрафактных товаров, позволяя преступным сетям, включая наркоторговцев и финансистов терроризма, отмывать средства посредством поддельной торговой документации. Дорогостоящие электронные товары и предметы роскоши часто становятся объектом мошеннического выставления счетов, что способствует реализации масштабных схем отмывания денег [2].

За последние годы территории стран Юго-Восточной Азии начали превращаться в настоящие мошеннические центры. Свободные экономические зоны, задуманные как инструменты привлечения инвестиций и развития территорий, на практике превращаются в «анклавы беззакония». В Камбодже, Лаосе (ОЭЗ «Золотой треугольник») и Мьянме зоны, позиционируемые как промышленные парки с упрощенным налоговым режимом, фактически стали убежищем для китайских криминальных группировок. Под прикрытием юридического статуса ОЭЗ, ослабленного государственного контроля и частных охранных структур там процветает торговля людьми и принудительный труд, где жертв заманивают обещаниями легальной работы, а затем заставляют заниматься онлайн-мошенничеством. В Камбодже кризис, связанный с мошенничеством с использованием рабского труда, достиг такой степени серьезности, что это послужило причиной решения правительства США в 2022 г. понизить рейтинг Камбоджи до 3-го уровня – самого низкого из возможных [3].

Одно из наиболее крупных дел за последнее время связано с китайским бизнесменом Ченом Чжи, который организовал крупный конгломерат, связанный с мошенническими операциями и торговлей людьми. Компания Prince Group TCO получала прибыль от целого ряда транснациональных преступлений,

включая сексуальное вымогательство, отмывание денег, различные виды мошенничества, рэкет, коррупцию, незаконные азартные игры, а также торговлю людьми, которые были целенаправленно доставлены в специальные экономические зоны Камбоджи для проведения мошеннических операций [4].

Таким образом, свободные экономические зоны могут стать как важным и успешным инструментом экономического развития, так и источником серьезных проблем. Основным риском создания и функционирования СЭЗ является развитие теневой экономики, так как минимальные налоги и пошлины создают благоприятную среду для ведения нелегальной деятельности, а также снижение налоговых поступлений, что ведет к необходимости взыскивать большее количество налогов с других экономических субъектов либо искать другие источники дохода для финансирования расходов государственного бюджета. В связи с этим государствам, развивающим свободные экономические зоны, необходимо уделять первоочередное внимание на выстраивание эффективных механизмов противодействия финансовым и другим преступлениям.

Литература

1. Free ports favoured by Boris Johnson are money-laundering threat. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jul/24/eu-identifies-free-ports-as-money-laundering-threat> (date of access: 05.04.2026).

2. Kahn, F. How Free Trade Zones Make It Easier for Trade-Based Money Laundering / F. Kahn. – 2025. – URL: <https://fincrimecentral.com/free-trade-zones-money-laundering-risks/#ciudad-del-este-paraguay> (date of access: 13.04.2026).

3. The Diplomat. Inside Southeast Asia's Casino Scam Archipelago. – 2022. – URL: <https://thediplomat.com/2022/08/inside-southeast-asias-casino-scam-archipelago/> (date of access: 13.04.2026).

4. U.S. and U.K. Take Largest Action Ever Targeting Cybercriminal Networks in Southeast Asia. – 2025. – URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sb0278> (date of access: 12.04.2026).

Рынок цифрового здравоохранения в Республике Беларусь

*Филиппович В. В., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Воробьёва Т. В.*

Современный рынок высокотехнологичных медицинских решений в Беларуси переживает этап активного институционального развития и демонстрирует уверенную положительную динамику. Согласно данным аналитической платформы Statista Market Insights, по итогам 2025 г. сегмент цифрового

здоровья (Digital Health) в республике предположительно составит 86,7 млн долл., что в пять раз больше, чем в 2017 г. (17,1 млн долл.) [1].

Во многом этот рост обусловлен интересом граждан к дистанционной диагностике, мобильным приложениям для контроля состояния здоровья и онлайн-консультациям с врачами. Выручка в расчете на одного пользователя составляет в среднем 52,3 млн долл. [1].

ВОЗ определяет цифровое здравоохранение как комплексную сферу, которая охватывает электронное здравоохранение (e-Health), мобильное здравоохранение (m-Health), телемедицину, искусственный интеллект и др. [2]. Самую большую долю среди белорусских цифровых медицинских услуг занимает направление Digital Fitness & Well-Being – 45,2 млн долл. Это объясняется растущим спросом на приложения для отслеживания физической активности и ведения здорового образа жизни. На долю Digital Treatment & Care, а также онлайн-консультации врачей приходится остальная часть рынка [1].

Телемедицина является одним из самых быстрорастущих сегментов рынка здравоохранения. Согласно исследованию Института социологии НАН Беларуси, проведенному в конце 2024 – начале 2025 г. (выборка 900 респондентов старше 18 лет), 43,2 % жителей столицы выразили готовность воспользоваться онлайн-консультацией, если такая опция предоставляется клиникой. При этом 51,3 % пока не готовы переходить на дистанционный формат, а 5,5 % затруднились с ответом. Треть жителей столицы (33,1 %) вообще не пользуются цифровыми медицинскими сервисами. По стране в целом этот показатель выше и составляет 45,5 %, а в сельской местности достигает 59,5 % [3].

Главный государственный проект в сфере цифровизации медицины – создание Централизованной информационной системы здравоохранения (ЦИСЗ). ЦИСЗ призвана соединить все организации здравоохранения в единую информационно-коммуникационную сеть, что позволит наладить обмен данными без сбоев, повысить качество медицинской помощи. В ноябре 2025 г. система, охватывающая 60 организаций (от центральных районных больниц до РНПЦ) по всей стране, начала работать в тестовом режиме. Промышленный запуск ЦИСЗ намечен на январь 2026 г. [4].

Искусственный интеллект в медицинской практике – это еще один приоритет. На выставке «Здравоохранение Беларуси – 2025» Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси представил свои разработки в области ИИ и цифровых медицинских технологий. Среди них стоит отметить систему для выявления диабетической ретинопатии, систему обнаружения патологических зон на снимках легких. Всего академия наук показала на форуме более 140 разработок [5].

Таким образом, рынок цифрового здравоохранения в Беларуси активно развивается. Спрос растет за счет дистанционных услуг и wellness-решений,

а также государственной поддержки цифровизации. В свою очередь, создание централизованной информационной системы и ИИ-проектов закладывает основу для повышения качества медицинской помощи.

Литература

1. Рынок цифрового здравоохранения в Беларуси вырос в пять раз // ThinkTanks.pro. – 2025. – URL: <https://thinktanks.pro/publication/2025/11/03/gynok-tsifrovogo-zdravoohraneniya-v-belarusi-vyros-v-pyat-raz.html> (дата обращения: 13.04.2026).

2. Цифровое здравоохранение: преобразование системы медицинского обслуживания и расширение его доступности // Всемирная организация здравоохранения (WHO). – 2020. – URL: <https://www.who.int/europe/ru/news/item/09-09-2020-digital-health-transforming-and-extending-the-delivery-of-health-services> (дата обращения: 13.04.2026).

3. Насколько востребованы у минчан цифровые медуслуги, рассказали в Институте социологии НАН // Минск-Новости. – 2025. – URL: <https://minsknews.by/naskolko-vostrebovany-li-u-minchan-cifrovye-meduslugi-rasskazali-v-institute-socziologii-nan/> (дата обращения: 13.04.2026).

4. Амбициозный проект в режиме 24/7, или Какой будет Централизованная инфосистема здравоохранения // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2025. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/november/90966/> (дата обращения: 13.04.2026).

5. О разработках в области искусственного интеллекта и цифровых медицинских технологий, представленных на выставке «Здравоохранение Беларуси – 2025» // Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси. – 2025. – URL: <https://uiip.by/rus/news/431/> (дата обращения: 13.04.2026).

Международный рынок криптовалют: состояние и перспективы развития

*Фисенко Т. И., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Давыденко Е. Л., д-р эк. наук*

Криптовалюты представляют собой цифровые активы, функционирующие на основе технологии распределенного реестра (DLT), которая обеспечивает децентрализованное хранение и верификацию транзакций без участия центрального эмитента. В узком смысле криптовалюта – это цифровые деньги, создаваемые с применением криптографических методов, обладающие стоимостью и возможностью купли-продажи [1]. В отличие от традиционных цифровых денег криптовалюты опираются на криптографические алгоритмы и механизмы консенсуса для подтверждения операций и управления предложением [2]. Понятие «криптоактив» шире: оно охватывает нативные активы

(монеты), токены, стейблкоины, NFT и токены реальных активов – каждый с собственной логикой ценообразования и правовым статусом [3].

Рыночная капитализация криптовалютного рынка прошла через несколько циклов. До 2017 г. объем рынка оставался незначительным. В январе 2018 г. совокупная капитализация впервые достигла ~0,85 трлн долл. США, в ноябре 2021 г. – исторического на тот момент рекорда в 3,07 трлн долл. США. После коллапса биржи FTX в 2022 г. рынок просел примерно на 77 %. В декабре 2024 г. зафиксирован новый пик – 3,91 трлн долл. США, а абсолютный максимум установлен в октябре 2025 г. – 4,38 трлн долл. США. На дату анализа (7 марта 2026 г.) капитализация составляла 2,41 трлн долл. США, что соответствует коррекции около 45% от октябрьского пика [4]. Bitcoin в структуре рынка удерживает 58,8 %, стейблкоины сформировали самостоятельный сегмент с долей 11,8 %, Ethereum занимает 10,4 % [5].

Годовой объем спот-торгов на крупнейших централизованных биржах вырос с 1,80 трлн долл. США в 2017 г. до рекордных 25,21 трлн долл. США в 2021 г. (+567 % за год). После снижения до 7,70 трлн долл. США в 2023 г. последовало восстановление: в 2024 г. объем составил 18,83 трлн долл. США [6]. Рынок остается высококонцентрированным: доля Binance устойчиво держится в диапазоне 39–47 %, хотя признаки усиления конкуренции со стороны Vubit (8,1 %) и MEXC (7,8 %) очевидны [6]. Число верифицированных пользователей криптоактивов выросло с 9,5 млн чел. в 2016 г. до прогнозных 800 млн чел. в 2025 г.. Ускорение с 2020 г. объясняется пандемией COVID-19, расширением денежной базы центральными банками и появлением криптосервисов на платформах PayPal и Robinhood [7]. Азия лидирует по абсолютному числу пользователей (~320 млн чел. в 2024 г.), а Южная Америка – по темпам роста (+116 % за 2024 г.) [7].

Начиная с 2020 года криптовалютный рынок приобрел выраженную чувствительность к макроэкономическим факторам. Доля институциональных инвесторов в торговом объеме выросла с 8% в 2017 г. до оценочных 63 % в 2025 г. [8]. Ключевым событием стало одобрение Комиссией по ценным бумагам США (SEC) спотовых биткоин-ETF 10 января 2024 г. Фонд BlackRock iShares Bitcoin Trust (IBIT) к середине 2025 г. аккумулировал свыше 55 млрд долл. США под управлением, а совокупный AUM спотовых BTC ETF к концу 2024 г. достиг 105 млрд долл. США [9]. Компания Strategy (бывш. MicroStrategy) удерживает свыше 450 000 BTC стоимостью более 40 млрд долл. США, ежегодно наращивая позицию через выпуск долговых инструментов. Корреляция Bitcoin с индексом S&P 500 в периоды системного стресса устойчиво превышает 0,60, тогда как с золотом – периодически уходит в отрицательную зону, что опровергает нарратив о «цифровом золоте» [10].

Особое место в структуре рынка занимают стейблкоины. Их совокупная капитализация выросла с 3 млрд долл. США в 2018 г. до 230 млрд долл. США по

итогах II квартала 2025 г. – нового исторического максимума. Примечательно, что в период медвежьего рынка 2022 г. капитализация стейблкоинов снизилась лишь на ~14 % от пика, тогда как Bitcoin терял 65–80%. Это свидетельствует о том, что пользователи переходили в стейблкоины, сохраняя ликвидность внутри криптоэкосистемы [11]. Tether (USDT) обеспечивал около 13,3 трлн долл. США из суммарных 33 трлн долл. США объема стейблкоинового трафика в 2025 г., USD Coin (USDC) занимает второе место с капитализацией ~75 млрд долл. США [11]. Для стран с нестабильными валютами стейблкоины фактически заменили традиционные инструменты долларизации сбережений.

Рост рынка сопровождается накоплением финансовых рисков. Суммарные потери от мошенничества и взломов за 2021–2024 гг. превысили 12 млрд долл. США, а только в первом полугодии 2025 года составили около 2,5 млрд долл. США [12]. Структура угроз претерпела изменения: если в 2022 г. главной целью служили кросс-чейн мосты и DeFi-протоколы, то в 2024 г. вектор сместился к централизованным биржам – компрометация приватных ключей обеспечила около 70 % потерь от взломов [13]. В первом квартале 2025 г. взлом биржи Bybit (~1,4 млрд долл. США) стал крупнейшим единичным инцидентом в истории рынка [13]. Параллельно сохраняется энергетическая проблема: расчетное энергопотребление сети Bitcoin к сентябрю 2025 г. приблизилось к 195–200 ТВт·ч в год, сопоставимым с годовым потреблением электроэнергии Аргентины [14]. На Bitcoin приходится около 81 % суммарного энергопотребления всего криптовалютного рынка [14].

Подходы стран к регулированию криптоактивов принципиально различаются. Европейский союз в мае 2023 года принял регламент MiCA (Regulation EU 2023/1114) – первый в мире комплексный законодательный акт о криптоактивах, вступивший в полную силу 30 декабря 2024 года [15]. Регламент обязывает всех поставщиков услуг в сфере криптоактивов (CASP) получать лицензию от национального регулятора, а надзор осуществляют ESMA и EBA. В США единого закона о криптоактивах по-прежнему нет: в январе 2025 г. президент Трамп подписал указ о создании благоприятной регуляторной среды и запрете разработки цифрового доллара [16]. В России Федеральный закон № 259-ФЗ от 2020 г. признает криптовалюты имуществом, в августе 2024 г. легализован майнинг (ФЗ № 221-ФЗ) и допущено использование криптовалют в международных расчетах (ФЗ № 223-ФЗ) [17].

Республика Беларусь создала один из наиболее системно проработанных регуляторных режимов для криптовалютного рынка. Декрет Президента РБ №8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. заложил комплексную институциональную рамку: правовой статус токенов, возможность майнинга, проведения ICO, применения смарт-контрактов и введения инструментов английского права. Беларусь стала первой страной, легализовавшей смарт-контракты на государственном уровне. Контроль

осуществляется двумя органами: Администрацией Парка высоких технологий (ПВТ) – технологическая экспертиза и лицензирование и Национальным банком – финансовый надзор и соблюдение требований AML/KYC. Указ № 367 от сентября 2024 г. обязал физических лиц проводить фиатный ввод/вывод исключительно через лицензированных операторов ПВТ, перекрыв P2P-схемы, использовавшиеся мошенниками [18]. К началу 2025 г. в стране действовало 13 компаний-резидентов ПВТ, уполномоченных работать с токенами (против 5 в 2023 г.). В январе 2026 г. принят Указ №19 «О криптобанках», вводящий институт организаций с двойной лицензией [18].

Рынок корпоративных долговых токенов в Беларуси развивается устойчиво. Платформа Finstore.by, оператором которой выступает компания из холдинга ОАО «Банк БелВЭБ», к 2024 г. привлекла свыше 80 млн долл. США инвестиций и насчитывала более 18 500 инвесторов. Доходность долговых токенов в 2022–2024 гг. составляла 9–18 % годовых – существенно выше ставок по банковским депозитам [19]. Первый крупный выпуск – ЗАО «Авангард Лизинг» в 2021 г.: 600 тыс. долл. США, доходность 9,5 % годовых. В 2023–2024 гг. на платформе появились российские эмитенты: ООО «Аталайя» разместило облигации на 40 млн долл. США, что свидетельствует о превращении Беларуси в региональный хаб токенизации для СНГ. В июле 2024 г. начала работу конкурирующая платформа FainEx, за первые четыре месяца привлекая 9 млн бел. руб. и 1 100 инвесторов [19]. Национальный банк с 2023 г. обслуживает корпоративный блокчейн на базе Hyperledger Fabric, на котором фиксируются все операции с токенами Finstore, а расчеты проводятся в стейблкоинах USD.sc, EUR.sc, BYN.sc.

Мировой рынок криптовалют за относительно короткий срок вырос из нишевого эксперимента в полноценный финансовый сегмент с капитализацией 4,38 трлн долл. США. Регулирование при этом движется в разных направлениях одновременно: MiCA в ЕС, легализация майнинга в России и появление криптобанков в Беларуси показывают, что единой модели нет, но каждая из них становится все более проработанной. Гипотеза о Bitcoin как инструменте защиты от инфляции на практике не выдерживает проверки, поскольку его динамика в большей мере объясняется монетарной ликвидностью, а не динамикой потребительских цен. Потери от взломов и нагрузка на окружающую среду от майнинга пока остаются нерешенными вопросами, требующими скорректированного международного подхода.

Литература

1. Клюня, В. Л. Криптовалюты: сущность, содержание, методы регулирования / В. Л. Клюня, А. В. Черновалов, П. А. Черновалов. – URL: <https://journals.bs.by/index.php/economy/ru/article/view/2244/1890> (дата обращения: 11.04.2026).
2. Синельникова-Мурылева, Е. В. Сущность криптовалют: дескриптивный и сравнительный анализ / Е. В. Синельникова-Мурылева, К. Д. Шилов,

А. В. Зубарев // Финансы: теория и практика. – 2019. – Т. 23, № 6. – С. 36–49. – URL: <https://financetp.fa.ru/jour/article/download/926/615> (дата обращения: 11.04.2026).

3. Кочергин, Д. А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота / Д. А. Кочергин. – URL: <https://iorj.hse.ru/2022-17-3/779632796.html> (дата обращения: 11.04.2026).

4. CoinGecko. Совокупная рыночная капитализация криптовалютного рынка. – URL: <https://www.coingecko.com/en/charts> (дата обращения: 11.04.2026).

5. CoinGecko. Распределение рыночных долей Bitcoin. – URL: <https://www.coingecko.com/en/charts/bitcoin-dominance> (дата обращения: 11.04.2026).

6. CoinGecko Research. Centralized Crypto Exchanges Market Share. – URL: <https://www.coingecko.com/research/publications/centralized-crypto-exchanges-market-share> (дата обращения: 11.04.2026).

7. Statista. Global Cryptocurrency User Base. – URL: <https://www.statista.com/statistics/1202503/global-cryptocurrency-user-base/> (дата обращения: 11.04.2026).

8. МЕХС. Институциональная торговля на криптовалютном рынке. – URL: <https://www.mex.com/news/691323> (дата обращения: 11.04.2026).

9. Bitbo. US Bitcoin ETFs Treasuries. – URL: <https://bitbo.io/treasuries/us-etfs/> (дата обращения: 11.04.2026).

10. NYDIG. Q3 2025 Review and Look Ahead. – URL: <https://www.nydic.com/research/q3-2025-review-and-look-ahead> (дата обращения: 11.04.2026).

11. CoinGecko. Stablecoins. – URL: <https://www.coingecko.com/ru/categories/stablecoins#key-stats> (дата обращения: 11.04.2026).

12. Statista. Cryptocurrency Losses by Quarter. – URL: <https://www.statista.com/statistics/1498018/cryptocurrency-losses-by-quarter/> (дата обращения: 11.04.2026).

13. Statista. Cryptocurrency Losses by Type. – URL: <https://www.statista.com/statistics/1498083/cryptocurrency-losses-by-type/> (дата обращения: 11.04.2026).

14. Statista. Worldwide Bitcoin Energy Consumption. – URL: <https://www.statista.com/statistics/881472/worldwide-bitcoin-energy-consumption/> (дата обращения: 11.04.2026).

15. EUR-Lex. Regulation (EU) 2023/1114 (MiCA). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj/eng> (дата обращения: 11.04.2026).

16. Federal Register. Strengthening American Leadership in Digital Financial Technology. – 2025. – URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2025/01/31/2025-02123/strengthening-american-leadership-in-digital-financial-technology> (дата обращения: 11.04.2026).

17. Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте». – URL: <https://base.garant.ru/74451466/> (дата обращения: 11.04.2026).

18. Указ Президента Республики Беларусь от 17.09.2024 №367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)». – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-367-ot-17-sentabra-2024-g> (дата обращения: 11.04.2026).

19. Finstore. Цифровая инвестиционная платформа. – URL: <https://finstore.by/> (дата обращения: 11.04.2026).

Development of the Theoretical Foundations for Managing Economic Security Under New Challenges

*Чэнь Сяохуэй, магистрант I к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Головенчик М. Г., канд. юр. наук*

In the contemporary global geopolitical environment, alongside ongoing digital transformation, many theories of economic security governance were developed during periods characterized by a relatively stable international economic order. However, these theories may exhibit certain limitations in addressing specific aspects of current economic security challenges. In this context, this article examines major theoretical approaches to economic security and their limitations, refines the key concepts of threat, challenge, and risk, and proposes a more adaptive analytical framework for economic security governance.

The principal challenges to global economic security can be understood as arising from the interaction of geopolitical tensions, technological transformation, financial vulnerabilities, and climate-related risks. Geopolitical tensions and processes of economic fragmentation are often regarded as significant sources of risk [1]. In addition, relatively slow global economic growth, trade frictions, and rising debt levels may adversely affect economic prospects [2]. Technological and digital factors are also increasingly recognized as important components influencing economic security [1]. These developments suggest the need for a theoretical framework capable of integrating multiple dimensions of analysis while maintaining a clear conceptual distinction between threat, challenge, and risk.

Economic security governance has traditionally been informed by three major theoretical approaches within international political economy. Each of the above analytical approaches can offer valuable analytical perspectives, but they also have certain limitations. Liberalism focuses on emphasizing cooperation among countries, free trade, and interdependence [3]. It offers useful tools for analyzing financial crises and exchange rate dynamics, although it may provide a less comprehensive account of power asymmetries and strategic competition.

Mercantilism highlights the role of state involvement in economic activity and the accumulation of national wealth, often in connection with protective economic policies [4]. This approach is helpful in explaining economic vulnerability and supply chain security concerns, although it may understate the potential benefits of openness. Marxist and dependency approaches focus on structural inequality and asymmetric interdependence. At the same time, the use of non-academic or policy-oriented sources within this tradition should be approached with caution, and reliance on rigorous scholarly literature is advisable [5].

Although these theoretical traditions still have some reference value, they often fail to form a complete and coherent analytical framework, making it difficult to

consistently and clearly define concepts such as threat, challenge, and risk in the contemporary context of economic security, and to apply them in an operational manner.

Under the analytical framework established in this article, threat can be defined as intentional actions carried out by identifiable entities, which have the potential to directly affect a country's sovereignty or its core economic interests; challenge, on the other hand, can be understood as structural or long-term pressures arising from systemic changes, such as technological gaps and demographic shifts. Risk may be defined as an uncertain event that can be assessed probabilistically and, to some extent, managed through policy instruments.

These categories may be more effectively addressed through differentiated governance strategies rather than through a single approach based exclusively on securitization or market mechanisms.

Adaptive economic security can be conceptualized as a system in which a state, operating under conditions of openness and interdependence, dynamically adjusts its strategies through institutional flexibility, policy learning, technological development, and multilateral cooperation. In comparison with more traditional static approaches, this concept places greater emphasis on resilience, cooperation, and institutional adaptability.

This framework may be operationalized across four interrelated dimensions. Firstly, the institutional flexibility provides the country with the space to adjust regulatory strategies both domestically and internationally. Secondly, the construction of industrial and technological resilience requires integrating elements of mercantilist (or realist) and liberal traditions, and achieving this through the combination of protective measures, technological innovation, and opening up to the outside world. Thirdly, social inclusiveness aims to address the issue of distribution imbalance through social protection mechanisms and labor market matching policies. Finally, multilateral cooperation helps promote the development of decentralized network-based governance structures, rather than relying on a single dominant force.

In conclusion, this article clarifies the conceptual boundaries among threat, challenge and risk, and integrates the core elements of existing theoretical schools to construct an adaptive analysis framework centered on resilience and dynamic governance. This framework may contribute to a more balanced understanding relationship between national security and economic openness. In this regard, economic security governance appears to be gradually evolving from predominantly static protective models toward more dynamic, adaptive, and resilience-oriented forms of cooperation. Such an approach may support the development of a more stable and inclusive international economic order.

Literature

1. Global Risks Report 2026 (14.01.2026) // World Economic Forum. – URL: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2026/> (date of access: 29.03.2026).
2. UN report: Global economy shows resilience but growth is weak Trade tensions and debt pressures weigh on the outlook (08.01.2026) // United Nations. – URL: <https://news.un.org/zh/story/2026/01/1141426> (date of access: 29.03.2026).
3. Economic Liberalism (2008) // Science Direct. – URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/economic-liberalism#definition> (date of access: 29.03.2026).
4. What is Mercantilism? (08.02.2024) // Economics Online. – URL: <https://www.economicsonline.co.uk/definitions/what-is-mercantilism.html/> (date of access: 29.03.2026).
5. 50 years of dependency theory (04.11.2023) // Michael Roberts Blog. – URL: <https://thenextrecession.wordpress.com/2023/11/04/50-years-of-dependency-theory/> (date of access: 29.03.2026).

Пенсионная система Швеции

*Шапорда А. В., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Хмурович Л. В.*

Швеция отличается стабильной экономикой, успешной экологической политикой, приверженностью принципам устойчивого развития, низким уровнем преступности и развитой инфраструктурой. В стране реализованы принципы равенства, социальной защищенности, доступности качественной медицины и бесплатного образования. Понятие «шведская модель» развития возникло к концу 1960-х гг. в связи с тем, что Швеция демонстрировала успешное сочетание динамичного экономического роста и масштабных реформ, проводимых при относительной социальной бесконфликтности [4]. Основной особенностью модели является эффективное сосуществование рыночной экономики и государственного регулирования, что обеспечивает высокие показатели качества жизни, что подтверждается стабильным лидерством страны в мировых рейтингах. Например, по данным американского бизнес-журнала CEOWORLD Magazine Швеция в 2025 г. оказалась на 5-м месте из 196 стран в рейтинге по уровню качества жизни [2]. При его составлении учитывались различные показатели: ожидаемая продолжительность жизни, ВВП на душу населения, удовлетворенность условиями труда, уровень образования и некоторые другие.

В 1913 г. Швеция предприняла один из первых в мире шагов к созданию системы всеобщего социального страхования. Однако на начальном

этапе эта система была доступна лишь ограниченному кругу лиц, который в основном состоял из госслужащих и работников акционерных обществ. Постепенно, через четыре года, в нее были включены работники частных компаний, однако для обычных рабочих возможность пользоваться социальным страхованием появилась лишь в 1973 г., спустя 60 лет. В связи с тем, что цены на жилье в Швеции довольно высоки, пенсионеры подвергались риску оказаться без собственного жилья. Чтобы решить эту проблему, в 1948 г. было принято решение о предоставлении субсидий на оплату жилья в дополнение к пенсиям, и эта практика сохраняется в системе по сей день.

На протяжении своей истории пенсионная система Швеции неоднократно подвергалась реформированию. В настоящий момент обязательная государственная пенсия формируется на основе общего дохода, полученного человеком за весь период его трудовой деятельности, в ней учитываются следующие составляющие:

- пенсионный доход (*inkomstpension*). Он составляет основу пенсии и формируется ежегодно за счет 16 % от всех налогооблагаемых доходов. К таким доходам относятся, в частности, заработная плата, прибыль от предпринимательской деятельности, родительские пособия, а также выплаты по временной нетрудоспособности и прочие социальные начисления. Важно отметить, что такие факторы, как иностранные пенсионные выплаты или наличие у человека текущей заработной платы или других активов, не учитываются при расчете пенсионного дохода;

- премиальная пенсия (*premierpension*). Она составляет 2,5 % от дохода, которые в свою очередь направляются на индивидуальный инвестиционный счет. Размер премиальной пенсии не зависит от наличия у человека иных выплат в Швеции или из другой страны. Также на него не влияет, получает ли человек заработную плату или имеет накопленный капитал [1];

- гарантированная пенсия (*garantipension*). Данная выплата предназначена для тех, кто проживает в Швеции не менее трех лет и имеет небольшой или нулевой трудовой доход. Это так называемая социальная поддержка, которая помогает обеспечивать минимальный уровень жизни тем, кто не смог сформировать достаточные пенсионные накопления для себя за счет трудовой деятельности. Размер выплаты может зависеть от размера государственной пенсии, продолжительности проживания в стране, а также от семейного положения человека.

Ежегодно шведы получают бумажный или электронный конверт, в котором содержится вся информация о том, сколько у будущих пенсионеров накоплений и куда они вложены, а также прогноз о том, на какую пенсию они смогут рассчитывать в дальнейшем.

По данным на январь 2026 г., средняя пенсия в стране составляет около 2 260 евро. Минимальная гарантированная пенсия в Швеции является

приблизительно равной 1 100 евро [3]. В случае, если пенсии на аренду жилья не хватает, то до 96 % расходов может покрыть специальная государственная жилищная субсидия.

Пенсионная система в Швеции обеспечивает доступность услуг и равенство возможностей с достойными пенсионными выплатами. Суть этой системы заключается в прямом участии государства в реализации социальных программ и обеспечении гарантий для своих граждан. Данный подход оказался успешным и на протяжении ряда лет демонстрирует высокие показатели.

Литература

1. Pension system in Sweden // Pensionsmyndigheten. – URL: <https://www.pensionsmyndigheten.se/other-languages/english-engelska/english-engelska/pension-system-in-sweden> (date of access: 07.04.2026).

2. Рейтинг стран по качеству жизни: кто вошел в топ-10 // MYFIN. – URL: <https://myfin.by/article/zhizn/rejting-stran-po-kacestvu-zizni-kto-vosel-v-top-10-39518> (дата обращения: 07.04.2026).

3. Старость в Швеции // Швеция Sverige. – URL: <https://ru.sweden.se/lyudi-i-obschestvo/obschestvo/starost-v-shvecii> (дата обращения: 07.04.2026).

4. Швеция // export.by. – URL: <https://export.by/articles/shveciya> (дата обращения: 07.04.2026).

Анализ рынка финансовых услуг на примере отдельных стран европейского региона

*Шлейчкова А. О., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Богатырева Е. А.*

В современной экономике сектор финансовых услуг обеспечивает движение капитала, перераспределение ресурсов и устойчивость хозяйственной системы. Одним из показателей эффективности оказания финансовых услуг является величина их экспорта [1].

Для определения структурной значимости финансового сектора во внешней торговле услугами для отдельных стран европейского региона рассмотрим показатель удельного веса экспорта финансовых услуг в общем экспорте услуг. Данный показатель дает возможность выявить страны с выраженной финансовой специализацией, сопоставить национальные модели участия в международном обмене услугами и точнее определить место отдельных европейских государств в системе региональных и мировых финансовых центров.

Представленный график показывает, что в 2020–2024 гг. среди рассмотренных европейских стран наиболее высокая доля экспорта финансовых

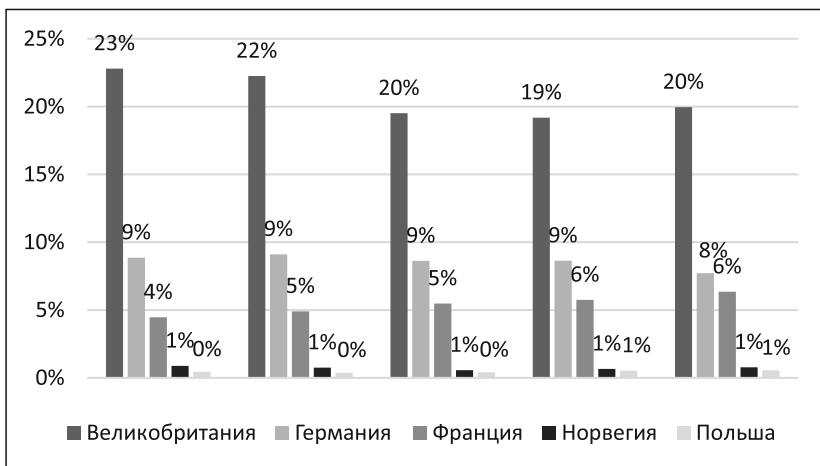

Рисунок 1. – Доля экспорта финансовых услуг в общем экспорте услуг отдельных европейских стран (2020–2024 гг.), %

Примечание: собственная разработка автора на основе источника [2].

услуг в общем экспорте услуг устойчиво сохранялась у Великобритании: показатель снизился с 23 % в 2020 г. до 19 % в 2023 г., а в 2024 г. немного восстановился до 20 %. Германия на протяжении всего периода удерживала относительно стабильный уровень около 8–9 %, тогда как Франция, напротив, демонстрировала постепенное увеличение доли – с 4 до 6 %. Норвегия и Польша на графике заметно отстают: их значения остаются минимальными и лишь к концу периода слегка возрастают. Уже по этой структуре видно, что европейский рынок финансовых услуг развивается неравномерно: его ядро формируют немногие страны, тогда как для остальных финансовые услуги не являются ведущей экспортной специализацией.

Наиболее интересна динамика Великобритании. Формально ее удельный вес в экспорте услуг снижается, однако это не означает ослабления самого финансового сектора. Стоимостный объем экспорта финансовых услуг Великобритании, наоборот, вырос с 90,7 до 129,6 млрд долл. США. Снижение доли объясняется тем, что общий экспорт услуг страны рос еще быстрее – с 397,9 до 649,0 млрд долл. Иначе говоря, финансовые услуги сохраняли крупные позиции, но их относительный вес уменьшался на фоне более быстрого расширения всего сектора услуг. Для Германии ситуация иная: ее доля почти не меняется, что говорит о более сбалансированной структуре

экспорта услуг, где финансовый сектор важен, но не доминирует настолько сильно, как в британской модели.

Франция, напротив, демонстрирует восходящую тенденцию. Рост доли с 4 до 6 % означает, что финансовые услуги в ее экспортной структуре усиливали свои позиции быстрее, чем многие другие виды услуг. Это подтверждается и абсолютными данными: экспорт финансовых услуг Франции за период увеличился примерно вдвое – с 14,9 до 30,0 млрд долл. США. Такая динамика позволяет говорить об укреплении внешней конкурентоспособности французского финансового сектора. Низкие показатели Норвегии и Польши показывают другую модель участия в международной торговле услугами: даже при росте финансового экспорта его вклад в общую экспортную выручку остается ограниченным, а значит, специализация этих стран заключается в большей степени в экспорте иных видов услуг.

Таким образом, график отражает высокую концентрацию международного рынка финансовых услуг в Европе. Его главная особенность состоит в том, что лидерство определяется не только масштабом экономики, но и глубиной финансовой специализации. Великобритания остается наиболее выраженным финансовым центром среди рассмотренных стран, Германия занимает устойчивые, но более умеренные позиции, а Франция постепенно усиливает свое значение. Остальные страны участвуют в этом сегменте заметно слабее. Следовательно, рынок финансовых услуг в европейском регионе носит ярко выраженный иерархичный характер: одни страны формируют его ядро, а другие выступают скорее как участники с ограниченной финансовой специализацией.

Литература

1. Мезина, А. С. Экспорт финансовых услуг – предпосылки платформизации : Электронная библиотека БГУ / А. С. Мезина, А. В. Канаш. – Мн., 2023. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/302939/1/438-441.pdf> (дата обращения: 14.04.2026).

2. International Trade Centre [website]. – Genova, 2026. – URL: <https://www.intracen.org/> (date of access: 14.04.2026).

Китайско-Американская торговая война 2025: итоги и последствия

*Щурок П. Д., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. доц. Синкевич И. В., канд. эк. наук, доц.*

В 2025 г. китайско-американские торговые отношения достигли критической нестабильности. После возвращения Дональда Трампа в Белый дом в феврале 2025 г. началась новая фаза тарифного противостояния,

сопровождаяшая рекордными пошлинами и экспортными ограничениями. По данным Главного таможенного управления КНР, в 2025 г. товарооборот между двумя странами сократился на 18,2 % и составил 4,01 трлн юаней (около 578 млрд долл.) [3]. Доля США в общем внешнеторговом обороте Китая снизилась до 8,8 % – минимального значения за последние десятилетия. Китайский экспорт в США сократился на 19,5 % до 3,01 трлн юаней [3]. Американская статистика (январь–октябрь 2025 г.) подтверждает схожую динамику: двусторонний оборот составил 373,64 млрд долл., что соответствует 7,8 % от внешней торговли США [4].

Эскалация тарифных мер стала ключевым фактором спада. США ввели дополнительные пошлины на китайские товары, а затем объявили о «взаимных тарифах». Китай ответил симметричным повышением пошлин. После серии переговоров наступило временное перемирие. Тем не менее по оценке ANZ Research, даже с учетом достигнутых договоренностей эффективная ставка пошлин на китайские товары сохранилась на уровне около 43 % [2].

Одновременно Вашингтон ужесточал экспортный контроль в сфере высоких технологий, ограничив доступ к передовым чипам. Доля Китая в американском импорте сократилась с 21 % в 2017 г. до 13 % в 2024 г., а к концу 2025 г. опустилась примерно до 8 %. Компании начали перестройку цепочек поставок: Вьетнам и Мексика нарастили свои доли в импорте США [1].

Китайские экспортеры активизировали переориентацию на альтернативные рынки. К августу 2025 г. доля прямых поставок в США в общем объеме китайского экспорта снизилась до 12 % по сравнению с 19 % в 2018 г. [2]. Китай также принял ответные меры: в октябре 2025 г. были введены ограничения на экспорт редкоземельных металлов [5], что вызвало угрозу введения 100 %-ных пошлин со стороны США, но стороны в итоге договорились о временной паузе в эскалации [2].

В результате 2025 год кардинально изменил структуру китайско-американской торговли. Доля США в китайском экспорте достигла исторического минимума, цепочки поставок претерпели масштабную перестройку, а тарифно-технологическое противостояние стало «новой нормой», то есть постоянным фактором неопределенности в двусторонних отношениях. Китай сумел частично компенсировать потери за счет переориентации экспорта, однако долгосрочные последствия экономического декаплинга еще предстоит оценить.

Литература

1. Alfaro, L. An Anatomy of the Great Reallocation in US Supply Chain Trade / L. Alfaro, D. Chor // National Bureau of Economic Research. – URL: <https://www.nber.org/papers/w34490> (date of access: 06.04.2026).
2. ANZ Research. China, trade tension & the new normal // ANZ. – URL: <https://www.anz.com/institutional/insights/articles/2025-10/china-trade-tension-the-new-normal/> (date of access: 06.04.2026).

3. 海关总署2025年全年进出口情况新闻发布会 = Главное таможенное управление КНР. Пресс-конференция по итогам внешней торговли за 2025 год // 海关总署 (GACC) . – URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/302330/hgzs2025nqsjdjckqkxwfbh/index.html> (дата обращения: 06.04.2026).

4. U.S. Census Bureau. Trade in Goods with China // U.S. Department of Commerce. – URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html> (date of access: 06.04.2026).

5. 中国发布 | 海关总署谈2025年中美经贸情况 = Министерство коммерции КНР / Информационное агентство Синьхуа. Китай объявил о введении экспортного контроля в отношении технологий, связанных с редкоземельными металлами // 中国网 (China.com.cn). – URL: http://news.china.com.cn/2026-01/14/content_118278719.html (дата обращения: 06.04.2026).

Digital Transformation of Lunar Economy: Turning the Moon into a Startup

*Belousova A. E., 1st year student, BSU,
Scientific supervisor: Makarevich I. I.,
senior lecturer, MA in Philol., MPA*

For most of human history the Moon has been only a short-term destination. We went, we collected rocks, we planted flags and then we left. That model is now obsolete. Elon Musk’s announcement on 8 February 2026, shifts focus from Mars to the Moon. A self-growing city built by robots from local lunar materials is a realistic goal for the next decade [1, 2].

This paper analyzes the digital transformation of the lunar economy following Elon Musk’s announcement. It defines the concept of a “self-growing city” built by robots from local lunar materials and identifies practical opportunities for countries like Belarus in precision engineering, microelectronics and agricultural automation.

This study is based on a qualitative analysis of publicly available primary sources including official statements by Elon Musk on platform X (February 8, 2026), technical reports from NASA and ESA on lunar resource assessment and in-situ resource utilization and publicly disclosed data on industrial capabilities of Belarusian enterprises (MTZ, Planar, Integral, Peleng, Gomselmash). The methodological approach includes comparative logistical analysis (launch windows, travel time, iteration speed) and a case-study method applied to Belarusian precision engineering, microelectronics and agricultural automation sectors. No experimental or empirical data were collected; the study relies on document analysis and logical inference.

The Moon has never been an economic place. For decades, it served only as a stage for political competition, a source of scientific samples and a distant object of curiosity. However, a series of recent technological breakthroughs and Elon Musk's strategic announcement have changed this forever. The purpose of this paper is threefold: first, to explain the economic and logistical logic behind the shift from Mars to the Moon; second, to define the concept of a "self-growing city"; and third, to identify practical opportunities for countries with advanced engineering capabilities such as Belarus.

To understand the novelty of the lunar startup model, we must recall existing economic typologies: resource-based, industrial, service and digital, circular and space economy [3]. All these models share a common assumption: the means of production are located on Earth and transportation costs are negligible. On the Moon this assumption breaks. Transportation costs dominate everything. Therefore, we need a new category. Elon Musk is not a traditional CEO but an engineer and entrepreneur whose core motivation is making humanity a multiplanetary species. His companies form a single ecosystem aimed at solving this global problem.

On 8 February 2026, Musk wrote on his platform X: "SpaceX has already shifted focus to building a self-growing city on the Moon. We can do this in less than 10 years, while Mars would take 20 years" [1, 2]. A self-growing city means robots fly to the Moon, start mining lunar soil (regolith), process it into building materials, and gradually build new structures [4]. The key is iteration speed: launch windows to Mars open every twenty-six months and the flight lasts six months. To the Moon, ships can be launched every ten days and the journey takes only three days. The best location is the Moon's south pole due to water ice, constant sunlight and minerals like helium-3. Water ice at the south pole could supply a lunar city for 10000 years. The lunar city has a global goal (turning humanity into an interplanetary species) and a commercial goal (mining water, rare earth metals, helium-3; building data centers).

Belarus could enjoy useful participation in Elon Musk's lunar project in several directions. First, precision engineering: the experience of the Minsk Tractor Plant (MTZ) in motion control and navigation systems is directly applicable to lunar rovers and construction robots. Second, microelectronics and optics: products of Planar, Integral and Peleng could be used for radiation-resistant onboard systems and high-resolution optics for mapping. Third, agricultural automation: Gomselmash and MTZ have expertise in precision farming which can be adapted for robotic greenhouses on the Moon. Students can start interdisciplinary projects like "Belarus – Moon", bringing together physicists, programmers and engineers.

The lunar economy is not science fiction. It is the next logical step in digital transformation – applied to a celestial body. For Belarus, this is not about rockets. It is about robotics, optics and automation. Things we already know

how to do. A self-growing city built by robots from local lunar materials is not science fiction but a realistic goal for the next decade.

Literature

1. SpaceX to build “self-growing city” on Moon, Elon Musk says. 08.02.2026. – URL: <https://newsapp.abc.net.au/news/2026-02-09/spacex-building-lunar-self-gowing-city-moon-elon-musk/106322472> (date of access: 09.04.2026).

2. Elon Musk reveals plans for “self-growing city” on the moon within a decade. 08.02.2026. – URL: <https://nypost.com/2026/02/09/business/elon-musk-reveals-spacex-to-focus-on-self-growing-city-on-the-moon-instead-of-mars/> (date of access: 09.04.2026).

3. Макаревич, И. И. Цифровая трансформация: руководство для специалиста в сфере международных отношений / И. И. Макаревич, Т. И. Макаревич. – Мн. : БГУ, 2022. – 351 с.

4. LEGO bricks from space dust. 08.04.2026. – URL: https://www.esa.int/ESA_Multimedia/Images/2024/06/LEGO_bricks_from_space_dust. (date of access: 09.04.2026).

Eurasian Economic Union and Global Value Chains: The Case of Belarus

*Chen Huixian, PhD student, BSU,
Scientific supervisor: Shalupayeva N. S., Associate Professor,
PhD in Economics, Associate Professor*

The Eurasian Economic Union (EAEU) acts as one of the most important regional integration platforms for Belarus to engage in global value chains (GVCs). This paper explores the ways in which Belarus’s position in global value chains has been influenced by its membership in the EAEU. The study shows that EAEU membership offers Belarus a stable supply of production materials and market access, especially in energy, agriculture and machinery manufacturing. Geopolitical uncertainties, insufficient technological collaboration and weak institutional coordination have further restricted deeper industrial upgrading.

Global value chains have international production, making regional economic integration an important supporting condition for small open economies (UNCTAD, 2022) [2]. Since its official launch in 2015, the EAEU, which includes Belarus, Russia, Kazakhstan, Armenia and Kyrgyzstan, has built a unified market covering goods, services, capital and labor mobility. EAEU membership as a core part of its foreign economic strategy (World Bank, 2025) [1]. This research mainly discusses three key issues: first, how integration into the EAEU affects Belarus’s participation in global value chains; second, what structural constraints restrict the

improvement of its value-added capacity; third, what policy improvements can help the country move to a higher position in global value chains (Kolb, 2023) [3].

Belarus is highly dependent on EAEU, especially Russia, for both export markets and production inputs. Intra-union trade is dominated by energy, chemical, agricultural. The trade rules of the EAEU have lowered tariff and non-tariff barriers, which helps form stable production networks in food processing, petrochemical industry and transportation equipment manufacturing. As a result, Belarus has gradually developed into a regional processing and assembly center within the EAEU-centered production networks. Nevertheless, the domestic value-added created by Belarus is still concentrated in the intermediate production links, while core links such as research and development, brand building and high-tech component production are mostly controlled by other partners at the upper end of the value chain.

Three challenges slow GVC upgrading: over-dependence on a single market, weak technological cooperation within the EAEU, and poor connectivity to extra-regional value chains. These factors keep Belarus in low-return segments.

To achieve a shift toward higher value-added stages, Belarus is suggested to take the following measures: deepen industrial cooperation within the EAEU to promote joint research and development and unified standard formulation; diversify external markets through neutral economic cooperation partnerships; improve logistics and digital infrastructure to enhance cross-chain operational efficiency; support small and medium-sized enterprises to enter high value-added segments. For Belarus, regional integration should be regarded as a foundation for further development, rather than a final goal of global value chain upgrading.

In summary, EAEU membership provides Belarus with necessary economic stability and market scale for participating in global value chains, but it also leads to path dependence in middle and low value-added production. Strategic market diversification enhanced technological innovation, and institutional reform will help Belarus gain more benefits from both regional and global production networks. Balancing the obligations within the EAEU framework with open external reform policies is crucial to maintaining long-term industrial competitiveness.

Literature

1. World Bank. Belarus Economic Update / World Bank // Washington. – 2025. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099816010142421529/pdf/IDU1deeb8a4917fa614a49195091e81c4430b2c6.pdf> (date off access:19.03.2026).

2. UNCTAD. Trade and Development Report 2022: The Crisis of Globalization / UNCTAD // Geneva: United Nations Conference on Trade and Development. – 2022. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2022_en.pdf. (date of access:19.03.2026).

3. Kolb, O. D. Analysis of the effectiveness of countries' participation in global value chains / O. D. Kolb // European Journal of Humanities and Social Sciences. – 2023. – № 3(1). – P. 11–15. – URL: <https://ej-social.org/index.php/ejsocial/article/view/356>. (date of access:19.03.2026).

The Evolution of Education: An Analysis of New Opportunities and Risks of Using Artificial Intelligence in Education

*Dozmorova N. O., 1st year student, BSU,
Scientific supervisor: Makarevich I. I.,
senior lecturer, MA in Philol., MPA*

This study explores how the educational process can be transformed in the context of technological advancements' significant impact on students' thinking and critical analysis, as well as how the educational model can be modified to enhance student motivation and improve the quality of studying, learning and teaching. The research focuses on the impact of the unsupervised use of AI on students' independent thinking, critical evaluation of information received and their own motivation to learn. The goal of the article is to understand the true significance of independent thinking and students' own motivation in the educational process. The study addresses issues at the intersection of education, digital economics, sociology and the psychology of work motivation. Data collected from The UN digital resources during the recent years 2024–2026 also reveals a decline in critical thinking among students which is linked to the excessive and uncontrolled use of artificial intelligence. An alternative model for using artificial intelligence is suggested.

We live in the epoch when information reaches us faster than ever and a student can get any answer in seconds. Yet instead of becoming easier, education faces a crisis: students overuse artificial intelligence [1] for essays and homework, teachers note a loss of independent thinking and employers report a shortage of capable minds despite many diplomas. According to UNESCO data, in high-income countries more than two-thirds of high school students already use generative AI tools to complete school assignments, while a survey of 450 institutions conducted by UNESCO in May 2023 found that only 10% of schools and universities have official guidelines on the use of AI [2]. Traditional education has long been one-sided teacher sends, student receives and now artificial intelligence [1] does the same, only faster, reducing quality and destroying personal reflection. So, can artificial intelligence [1] unlock potential or destroy thinking?

Undoubtedly, artificial intelligence [1] opens new horizons within the digital economy [1] ecosystem: education becomes flexible and accessible. First, neuro

networks [1] personalize learning by analyzing errors, adapting pace, and offering individual tasks. Second, artificial intelligence [1] facilitates education management [1] automated testing, scheduling, analytics free teachers for live communication. As Andrey D. Korol writes, digital technologies should be considered as a means secondary to the meanings and goals of education. At BSU, for example, their own digital platforms were developed, which made it possible to quickly switch to distance learning during the pandemic. The authors emphasize that «the use of ICT in the educational process is not an end in itself, but should provide a technological platform for creating and applying new pedagogical methods [3] ». Third, edutainment [1] learning through entertainment grows via gamification and simulators, valuable for future managers. However, artificial intelligence [1] also has disadvantages. One-sided teaching plus AI dictates ready-made answers, depriving students of personal assessment and reflection. Experience cannot be transferred directly; it forms from within. Even Elon Musk warned about this risk. In his speech at the World Government Summit in 2023, he said: «artificial intelligence poses a fundamental threat to the existence of human civilization if we do not develop it carefully». In education, carelessness means replacing thinking with a machine. Vladimir Gerchikov's model identifies five types of motivation: instrumental, professional, patriotic, possessive, and lumpenized [4]. But artificial intelligence [1] gives average answers, ignoring these shades, demotivating creative students. Another risk is losing the ability to ask questions, AI answers well but does not teach doubt, reducing critical thinking.

We should not abandon AI, but education under digital economy conditions [1] needs a new approach: AI as assistant, not master. First, shift from monologue to dialogue student creates a product, AI compares with analogues. Second, leave routine to AI (curriculum, materials, diagnostics), but critical analysis remains with the student. Third, motivation requires teacher's live participation; AI only diagnoses effectiveness. Fourth, AI can help anonymize peer review, create personalized flashcards, summarize lectures, detect plagiarism with explanation, simulate job interviews, manage group projects, or visualize math equations. These examples show that artificial intelligence [1] works best when supporting human judgment, not replacing it. Only a balance of technology and live communication, asking questions, searching for meanings will unlock the student's potential, not destroy it.

Literature

1. Makarevich, I. I. Digital Transformation: A Guide for Specialists in the Field of International Relations / I. I. Makarevich, T. I. Makarevich. – Mn. : BSU, 2022. – 351 p.
2. UNESCO dedicates International Education Day 2025 to artificial intelligence // UNESCO. – URL: <https://www.unesco.org/pt/articles/unesco-dedica-o-dia-internacional-da-educacao-2025-inteligencia-artificial?hub=32618> (date of access: 23.04.2026).

3. Korol, A. D. Artificial Intelligence in the Mirror of Education: The Problem of Dialogue / A. D. Korol, E. A. Bushmanova // *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. – 2025. – Vol. 34, no. 2. – P. 125–135. – DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-2-125-135.

4. Gershikov, V. I. Motivation, Stimulation and Remuneration of Personnel: textbook / V. I. Gershikov. – M., 2003.

Gender Employment Differences and Labor Market Discrimination: An Economic Analysis – The Case of Belarus

Feng Lu, PhD student, BSU,

*Scientific supervisor: Shalupayeva N. S., Associate Professor,
PhD in Economics, Associate Professor*

In many transition economies, gender gaps in the labor market continue to exist despite formal legal guarantees of equality. Belarus is often recognized for its high rates of female employment and education, but noticeable differences in wages, career advancement, industrial distribution and employment conditions still point to the presence of structural discrimination in practice. This paper uses economic analysis and official statistical data to examine gender employment differences and labor market discrimination in Belarus, and puts forward practical suggestions to promote greater gender equality in the economic sphere.

Gender inequality in employment can be understood through several economic concepts, including statistical discrimination, occupational segregation, uneven human capital investment and traditional social norms (ILO, 2023) [1]. Although Belarus has established clear legal provisions for equal pay and equal employment opportunities in its Constitution and Labor Code, informal constraints still affect women's real economic performance (Belstat, 2025) [2]. Women tend to take on a much larger share of unpaid household and care responsibilities, frequently experience career breaks due to childcare, and are concentrated in lower-paid sectors, while men are more represented in high-wage industries and management roles.

According to recent official data, Belarus maintains relatively high employment levels for both genders. Among people aged 15 to 74, the employment rate stands at 64.7% for women and 72.8% for men (Belstat, 2025) [2]. Female labor force participation in Belarus remains high by international standards, yet a stable gap of nearly 8 percentage points remains. Women make up approximately 50.5% of total employment, but their distribution across economic sectors is highly unbalanced: women account for 63.1% of workers in the service sector, whereas men represent 67.8% of employment in manufacturing, construction and heavy industry. This type of segregation limits women's access to higher earnings.

Educational attainment does not fully account for these gaps. In Belarus, employed women often have higher education levels than men: 41.5% of working women hold higher education qualifications, compared with only 29.9% of men. Despite this educational advantage, women still earn significantly less. The unadjusted gender pay gap in Belarus ranges from about 22.6% to 25.4%, meaning women earn roughly three-quarters of men's average wages. Even after accounting for education, work experience and occupation, a large unexplained portion remains, which researchers widely identify as a sign of discrimination.

Several interrelated forms of discrimination contribute to these outcomes. First, occupational and sectoral segregation pushes women into areas such as healthcare, education, administration and social services, while men dominate higher-paid fields including energy, engineering, construction and transportation. Second, the glass ceiling effect prevents many women from reaching senior management and decision-making positions, especially in state-owned enterprises and the public sector. Third, some employers practice statistical discrimination against women of reproductive age due to concerns about maternity leave and related costs. Fourth, unequal distribution of household labor reduces women's ability to take on full-time, high-responsibility jobs.

To reduce gender-based discrimination in the labor market, Belarus could improve wage transparency and regular monitoring of pay gaps, expand access to affordable childcare facilities, and encourage female employment in higher value-added sectors. Expanding flexible working arrangements and challenging traditional gender stereotypes would also support greater equality. In addition, stronger enforcement of anti-discrimination laws in recruitment, promotion and payment is needed.

In summary, Belarus achieves relatively high levels of formal gender equality in employment and education, but meaningful gaps remain in wages, career development and sectoral distribution. These differences stem mainly from structural segregation and discriminatory practices rather than actual differences in skills or education. Reducing gender disparities will not only improve social fairness but also enhance overall economic efficiency and support sustainable and inclusive development.

Literature

1. ILO. Global Wage Report 2022–2023 / ILO // Geneva: International Labour Organization. – 2023. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_859748.pdf (дата обращения: 19.03.2026)/

2. Belstat. Employment in Belarus 2025 / National Statistical Committee of the Republic of Belarus // Minsk. – 2025. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2025/zanyatost_bezrabotica_2025-en.pdf (дата обращения: 19.03.2026)/

AA+.esg Banks in Belarus Monetizing the SDGs

*Grechishko A. V., Lazarenko A. D., 3rd year students, BSU,
Scientific supervisors: Gitskaya O. P., Shmidt T. V., senior lecturers*

High ESG ratings are becoming not only an indicator of sustainable development but also a source of direct financial returns. In Belarus, several banks have received the national ESG rating of AA+.esg and are actively monetising the Sustainable Development Goals (SDGs) [1].

BSB Bank, rated AA+.esg with a stable outlook, has already allocated 4% of its loan portfolio and 23% of its securities portfolio to ESG-compliant companies, generating interest income and dividends. Sber Bank, with its AA+.esg with a positive outlook, leverages operational efficiency and digitalisation to reduce costs and attract responsible investment [2].

These ESG ratings are assigned according to the national Belarusian scale by BIK Ratings. While the AA+.esg level signifies very high adherence to sustainability principles, the market for green finance in Belarus is still in its early stages. A recent study showed that less than half of the surveyed banks had begun ESG reporting.

Monetising the SDGs in practice means creating long-term financial value by solving social and environmental problems through core business activities. At BSB Bank, this works through three mechanisms: risk reduction, revenue generation, and cost savings combined with reputational capital [3].

First, risk reduction. By following ESG principles, the bank avoids fines, reputational damage, and losses from risky clients. Between 2022 and 2024, the bank recorded zero corruption incidents and no legal cases – saving millions in potential penalties. Second, revenue generation. The bank creates products for vulnerable groups and supports local communities. In 2024, the bank allocated about 5.8% of its profit to sponsorship, building loyal client relationships and increasing sales. Third, cost savings. Switching to LED lighting and electronic document flow, the bank reduced waste disposal and logistics costs.

Integrating ESG into core strategy allowed BSB Bank to rank 1st in return on equity and 3rd in return on assets among Belarusian banks in 2024, with carbon intensity as low as 5.2 kg CO₂ equivalent per 1,000 rubles of profit. These are market-leading financial results achieved through ESG [4].

According to its 2024 ESG report, Belarusian Sber Bank has achieved a very high level of integration of the UN Sustainable Development Goals, with an 18% reduction in water consumption (vs. 2022), a 32% decrease in greenhouse gas emissions (vs. 2021), and 21.3% waste recycling. The “paperless office” initiative increased electronic document processing by 63%, generating direct savings on paper, cartridges, storage, and logistics [5].

In order to reduce the carbon footprint, Sber Bank is gradually replacing its fleet of vehicles with electric and hybrid vehicles. The bank is an active participant

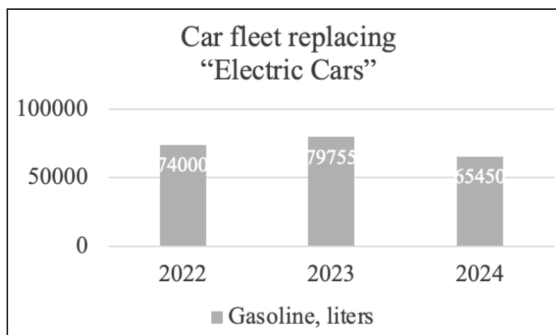

Illustration 1. – The results of Sber Bank’s “Electric Cars” initiative, liters of gasoline, 2022–2024 [5, p. 75]

in the UN Global Compact and was the first in Belarus to join the “Forward Faster” initiative, making concrete, time-bound pledges on gender equality, climate action, living wages, and water resilience. Social investments in training and employee health reduce staff turnover. The highest ESG rating enables access to green financing on more favourable terms. The bank has already issued bonds to fund green projects, opening new revenue streams and lowering the cost of capital [6].

Thus, integrating the SDGs reduces operating costs, improves risk profiles, lowers the cost of capital, and strengthens customer loyalty – becoming a proven driver of long-term profitability.

Literature

1. BIK Ratings. National ESG Rating Scale of the Republic of Belarus [Online]. – 2025. – URL: Available at: <https://bikratings.by/esg> (date of access: 10.04.2026).
2. BSB Bank CJSC. ESG Report 2024. – Mn., 2025. – 48 p.
3. UNDP. Monetizing the SDGs: A Practical Guide for Financial Institutions. – N. Y., 2024. – 112 p.
4. National Bank of the Republic of Belarus. Comparative Efficiency Analysis of Belarusian Banks. – Mn., 2025. – 67 p.
5. Sber Bank Belarus. Sustainable Development Report 2024. – Mn., 2025. – 52 p.
6. IFC. Green Bonds Market Update. – Washington, D.C., 2025. – 33 p.

Digital Progress, Toxic Footprint: Confronting the Global E-Waste Crisis

*Pavlova D. V., 1st year student, BSU,
Scientific supervisor: Makarevich I. I.,
senior lecturer, MA in Philol., MPA*

Electronic devices, including smartphones, computers and other digital technologies have become indispensable components of everyday life. The subject of this study is its growing by-product: electronic waste (*a.k.a.* e-waste) as well as its informal recycling practices which have expanded significantly due to the rapid growth of electronic consumption and insufficient formal waste management systems. The object of the research encompasses the environmental and economic impacts of e-waste on ecosystems and human populations. The aim of the article is to examine the multifaceted nature of the e-waste problem, analyse its key dimensions and draw attention to the substantial harm it inflicts on both the environment and society. Accordingly, this research addresses issues situated at the intersection of ecology, economics, sociology and public health.

The global volume of e-waste has increased markedly over the past decades. In 2010, approximately 34 billion kilograms of e-waste were generated worldwide, rising to 62 billion kilograms by 2022 [1]. Projections indicate that this figure may reach 82 billion kilograms by 2030 if current trends persist [2]. Several interrelated factors contribute to this growth. First, rapid technological innovation shortens product life cycles, leading to frequent replacement of devices. Second, rising consumer demand and expanding access to electronic goods increase overall consumption levels. Third, economic and market dynamics, including planned obsolescence and aggressive marketing strategies, further accelerate product turnover. Consequently, the rate of e-waste generation continues to outpace the development of adequate recycling and waste management systems.

Electronic waste contains a complex mixture of hazardous substances, including heavy metals such as lead and mercury, as well as other toxic chemical compounds. Improper disposal and informal recycling practices facilitate the release of these substances into the environment. Environmental contamination occurs through multiple pathways. Toxic elements can leach into soil and groundwater or be transported into aquatic ecosystems via surface runoff. Additionally, the open burning of electronic components releases harmful pollutants, including dioxins, into the atmosphere which may subsequently accumulate in the food chain. The health impacts associated with e-waste exposure are severe and multifaceted. Individuals involved in informal recycling activities, not to mention nearby populations, are particularly vulnerable. Documented health risks include neurological disorders, respiratory diseases, dermatological conditions and increased cancer incidence [3]. The exposure of children to such hazards is of particular concern due to their heightened physiological susceptibility.

A considerable share of global e-waste is processed within informal sectors, particularly in developing countries lacking adequate regulatory frameworks and infrastructure. Informal recycling is typically characterized by labour-intensive and hazardous practices, including manual dismantling and open burning of electronic components. But despite its environmental risks, e-waste represents a substantial source of secondary raw materials. Discarded electronic devices contain valuable metals such as gold, copper and rare earth elements. In 2022, the estimated total value of recoverable materials in global e-waste amounted to approximately 91 billion USD. However, only a limited proportion of these materials is currently recovered through recycling processes with an estimated value of 28 billion USD [4]. This discrepancy indicates a significant loss of economic potential.

Addressing the e-waste problem requires comprehensive and coordinated policy responses at both national and international levels. Various regulatory frameworks including international agreements and regional directives have been established to control the transboundary movement and management of electronic waste. However, the effectiveness of these measures remains uneven.

In conclusion, the issue of electronic waste represents a critical challenge of the contemporary technological era. While electronic devices have significantly enhanced human well-being, their disposal generates complex environmental, economic and social problems. Addressing this challenge requires an integrated approach that combines regulatory measures, technological advancements and societal engagement. Only through coordinated global efforts can the adverse impacts of e-waste be mitigated and its potential benefits fully realized.

Literature

1. World Health Organization. 2024. Electronic Waste (E-waste) – Fact Sheet. 1 Oct. 2024. – URL: [https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/electronic-waste-\(e-waste\)](https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/electronic-waste-(e-waste)) (date of access: 10.04.2026).

2. Baldé, C. P. The Global E-Waste Monitor 2024. United Nations University/ITU/UNEP // C. P. Baldé [et. al.]. – 2024 . – URL: <https://ewastemonitor.info/the-global-e-waste-monitor-2024/> (date of access: 10.04.2026).

3. Makarevich, I. I. International Technological Project the Raised Controversy / I. I. Makarevich, T. I. Makarevich, O. I. Makarevich // Translation and Interpreting: Theory and Practice. – Mn. : BSU, 2024. – P. 119–131.

4. Basel Convention // Basel Convention E-waste Overview. – 2022. – URL: <https://www.basel.int/> (date of access: 10.04.2026).

РАЗДЕЛ 4

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ. ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО

The Role of Risk Management in Modern Customs

*Бибенина К. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Дрозд А. Ф., канд. филол. наук, доц.*

Management is the primary mechanism for navigating volatility, fostering innovation and driving strategies in the ever-growing technological world. It enables not only private companies, but also all government sectors to adapt quickly to evolving demands by integrating the newest technological concepts, data-driven insights and agile practices. Management is an integral part of the customs sector, allowing officials to perform key functions in the field of state security, protection of interests of participants of foreign economic activity and facilitation of international trade in general.

Initially, risk management in customs can be defined as the systematic application of procedures and practices to determine, analyze, evaluate and mitigate risks associated with the cross-border operations. It enables authorities to focus resources on high-risk consignments while facilitating legitimate trade through streamlined, automated and targeted controls. Due to the sophisticated nature of global market, the risks associated with movement of goods are always high. In order to manage these processes customs officers rely on systems to identify and control these risks on a daily basis.

Moreover, the primary role of risk management systems (RMS) in customs is to ensure compliance with national regulations and international trade agreements, while minimizing customs processing delays and costs for low-risk shipments. A successful RMS relies on accurate and comprehensive data:

- details provided by importers, exporters and transporters about the goods, including classification, valuation and origin;
- data from various sources, including intelligence reports, customs audits, trade patterns, which may point to unusual or non-compliant activities;
- automated tools that analyze massive amounts of trade data to flag potential risks based on pre-defined criteria.

Additionally, economic alliances are actively applying risk management in the most vulnerable processes that necessitate greater control from customs. For example, The European Commission and European Union countries have established common risk criteria, which are applied throughout the Union. Customs authorities use these criteria to target shipments that represent a threat to the safety and security of the EU, its citizens and financial interests. The Eurasian Economic

Union (EAEU) also utilizes a centralized RMS to streamline customs, medical and phytosanitary controls among its member states. In compliance with the Customs Code of the EAEU, it focuses on selecting high-risk shipments for inspection, speeding up trade for compliant businesses and establishing a unified, safe market [1].

In 2023, the development of EAEU RMS was discussed at International Customs Forum. The event included heads of customs services from Armenia, Belarus, Kyrgyzstan and Russia. The discussion addressed the organization of RMS in customs services according to the EAEU Customs Code and the role of the Joint Board of EAEU Customs Services in establishing common customs control standards, key topics of the Forum also included the unification and development of RMS under Strategy-2025, advancements in automatic image analysis from inspection complexes and the exchange of images for analyzing customs control of transit shipments. The session concluded with a call for enhanced integration in customs administration through unified risk analysis and management systems to improve customs control uniformity and mutual trust among customs services [2].

The application of the RMS is a standard practice for the customs authorities in the Republic of Belarus mainly for the prevention of illegal activities, such as smuggling. For example, in 2025, customs authorities have intercepted an international shipment of over 637 kg. of the highly dangerous psychotropic substance from the EU. Citizens of Lithuania, Belarus, Russia and Ukraine involved in the crime have been identified and detained. Vitebsk customs officers, as a part of their RMS, sent the truck for inspection using a non-intrusive inspection system. Based on the data, customs officers made a decision to inspect the goods. As a result, the members of the criminal group face imprisonment for up to 20 years [3].

In the foreseeable future, in the context of the substantial impact of artificial intelligence (AI) on a wide range of public sectors the implementation of RMS on a long-term basis is going to be one of the main trends in the customs sphere. RMS driven by AI have proven to be the strongest shield against security threat and the most efficient way to increase revenue collection. The EU's Customs Risk Management Framework (CRMF) is one of the most exponential examples of this process. AI is crucial in refining risk assessments within Priority Control Areas (PCAs) and the customs RMS. These systems leverage machine-learning algorithms to analyze trade data and identifying high-risk shipments for targeted inspections. AI-powered approach can be viewed as one of the best auxiliary tools used by customs authorities to optimize their work, allowing them to allocate their resources effectively [4].

In conclusion, it is necessary to highlight that risk management is a core basic principle and priority direction of improvement of modern methods of customs control and customs clearance requirements. The further usage of such systems enables faster clearance for low-risk goods while targeting resources on high-risk

consignments, improving efficiency, compliance and revenue collection. Furthermore, the integration of advanced technologies, such as AI and machine learning, into risk management frameworks can facilitate real-time monitoring and predictive analysis, enabling customs agencies to adapt to emerging threats and trends in global trade. In our opinion, future research should focus on the development of innovative methodologies and collaborative frameworks that leverage data sharing among customs authorities, trade partners and other relevant entities to bolster the efficacy of risk management in customs operations.

Literature

1. Customs risk management // The European Commission. – URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/customs/customs-risk-management_en (date of access: 04.04.2026).

2. Development of EAEU risk management system discussed at International Customs Forum // The Eurasian Economic Commission. – URL: <https://eec.eaeunion.org/en/news/razvitiye-sistemy-upravleniya-riskami-v-eaes-obsuzhdeno-namzhdunarodnom-tamozhennom-forume/> (date of access: 04.04.2026).

3. Таможенными органами Беларуси пресечен международный канал поставки из Евросоюза на территорию Российской Федерации более 637 кг особо опасного психотропа 4-СМС // Таможенные органы Республики Беларусь. – URL: <https://www.customs.gov.by/news/tamozhennymi-organami-belarusi-presechen-mezhdunarodnyy-kanal-postavki-iz-evrosoyuza-na-territoriyu-/> (дата обращения: 04.04.2026).

4. AI in Customs Compliance and Risk Assessment // eClear Tax Technology Innovation Made for Europe. – URL: <https://eclear.com/article/ai-in-customs-compliance-and-risk-assessment/> (date of access: 04.04.2026).

Динамика въездного туризма в Республике Беларусь

*Лахач М. В., студ. I к. БГУ,
науч. рук. проф. Фрольцов В. В., д-р ист. наук, проф.*

Въездной туризм является важным индикатором международной привлекательности государства на международной арене и существенным источником валютных поступлений. За последнее десятилетие Республика Беларусь добилась значительных успехов в развитии отрасли туризма. Это подтверждается сравнительным анализом ключевых статистических показателей за 2015 и 2025 гг.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2015 г. страну посетило около 300 тыс. организованных иностранных туристов и экскурсантов. Опираясь на информацию, видно, что основной поток посетителей был сформирован за счет граждан Российской Федерации,

а среди стран вне СНГ лидирующие позиции по числу посещений занимали Германия, Китай, Италия, Латвия, Литва, Польша, Франция и Эстония. Средняя продолжительность пребывания иностранного туриста в стране составляла 5 дней. Если говорить о бизнесе в сфере туризма, то, к примеру, в санаторно-курортных и оздоровительных организациях было размещено 760,7 тыс. человек, из которых 172,9 тыс. (22,7 %) приходилось на иностранных граждан [1].

К 2025 г. отрасль продемонстрировала существенный рост. Согласно официальному пресс-релизу Национального статистического комитета, численность организованных иностранных туристов и экскурсантов, посетивших Республику Беларусь, достигла 579,2 тыс. человек [2]. Таким образом, за десятилетний период данный показатель увеличился практически вдвое, что свидетельствует о значительном повышении туристической привлекательности страны. При этом средняя продолжительность пребывания иностранного туриста в Беларуси в 2025 г. составила 4 дня. В санаторно-курортных, оздоровительных организациях и других специализированных средствах размещения было предоставлено услуг 1,1 млн человек, из которых иностранные граждане составили порядка 232,7 тыс. человек [2].

Важнейшим экономическим результатом развития въездного туризма стал рост экспорта туристических услуг. По информации, размещенной на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь, в 2025 г. объем экспорта туристических услуг увеличился на 46 % по сравнению с предыдущим годом, достигнув рекордного значения [3]. Абсолютные цифры, приведенные в официальных источниках, указывают, что данный показатель превысил 392 млн долл. США [4].

Сравнительный анализ демонстрирует устойчивую положительную динамику развития въездного туризма в Республике Беларусь. Количественные показатели 2025 г. значительно превосходят уровень 2015 г. по численности организованных иностранных туристов и объему экспорта услуг. Сравнение статистических данных позволяет сделать однозначный вывод об эффективности предпринимаемых государством мер по развитию въездного туризма. Республика Беларусь не только значительно нарастила объемы приема иностранных гостей, но и укрепила свои позиции на международной арене в качестве безопасного, комфортного и привлекательного для путешествий государства. Достигнутые результаты создают прочный фундамент для дальнейшего совершенствования туристической инфраструктуры и расширения спектра предлагаемых услуг, что в долгосрочной перспективе будет способствовать еще более активной интеграции национального туристического комплекса в мировую экономику.

Литература

1. Около 300 тыс. туристов посетили Беларусь в 2015 году // Официальный сайт Республики Беларусь : [сайт]. – URL: https://www.belarus.by/ru/press-center/press-release/okolo-300-tys-turistov-posetili-belarus-v-2015-godu_i_0000035950.html (дата обращения: 08.04.2026).

2. Пресс-релиз «Организованный туризм в 2025 году» // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/turizm/godovye-dannye/press-reliz-organizovanny-turizm/> (дата обращения: 08.04.2026).

3. Наталья Кочанова: у туризма в Беларуси огромный потенциал // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/april/93012/> (дата обращения: 08.04.2026).

4. В 2025 году в Беларуси достигнут рекордный объем экспорта туристических услуг в более чем 392 млн долларов США // RUSSIAN.NEWS.CN : [сайт]. – URL: <https://russian.news.cn/20260313/5ae6159ec3894e0db16448924f691c86/c.html> (дата обращения: 08.04.2026).

РАЗДЕЛ 5
КУЛЬТУРОЛОГИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ
ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.
ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА.
ПСИХОЛОГИЯ

**Влияние интернет-мемов на английский язык
и культурное самовыражение молодежи**

*Анцух К. С., ученик 7 класса
ЧУО «Минская международная гимназия»,
науч. рук. учитель англ. яз. Кильчевская О. А.,
магистр лингводидактики*

В настоящее время стремительное распространение социальных медиа привело к возникновению новых форм общения, среди которых немаловажное место заняли интернет-мемы. Будучи «единицами культурной трансляции», в цифровой среде мемы трансформировались в объекты, сочетающие в себе текст, изображение и специфический контекст.

Актуальность работы обусловлена тем, что мемы перестали быть исключительно средством развлечения. Сегодня они выступают в роли основного канала передачи культурных смыслов и формирования ценностей среди молодежи. В условиях глобализации мемы способствуют распространению английского сленга и неологизмов, которые выходят за пределы интернет-пространства и проникают в живую речь.

Новизна исследования заключается в анализе влияния ряда мемов на английский язык. В работе также представлены данные опроса, позволяющие соотнести теоретические выводы с реальной практикой использования языка современными подростками, что позволяет выявить актуальные тренды, еще не зафиксированные в классических словарях и учебных пособиях.

Цель исследования – систематизировать механизмы влияния интернет-мемов на английский язык и способы культурного самовыражения молодежи.

Термин «мем» был введен британским биологом Р. Докинзом в работе «Эгоистичный ген» (1976). Он определил мем как единицу культурной передачи подобно биологическому гену [1]. С развитием интернета эта концепция приобрела материальную, цифровую форму. Согласно Л. Шифман, интернет-мем – это группа цифровых объектов, обладающих общими характеристиками, которые создаются, тиражируются и трансформируются

пользователями в процессе активного участия [6]. В отличие от биологических генов интернет-мемы не просто копируются, а эволюционируют и адаптируются.

Мемы служат источником для современного английского сленга. Лингвистическая особенность мемов часто проявляется в нарушении правил грамматики. Например, формат «I can has cheezburger?» положил начало стилю «lolspeak» (его вариация «lolcat» стала одним из языков в Minecraft). Шифман утверждает, что такие искажения не являются признаком безграмотности, а представляют собой «культурный код», сигнализирующий о принадлежности к определенной субкультуре [6]. Использование конструкций типа «No one: / Literally everyone:» демонстрирует развитие новых синтаксических шаблонов, позволяющих лаконично передавать сложные иронические смыслы. Процесс лексической деформации в мем-культуре характеризуется рядом механизмов.

Сокращения и упрощения. Термин *rizz* возник в результате сокращения слова «харизма». В цифровой среде громоздкое понятие упрощается до одного слога, который мгновенно превращается в универсальный маркер: теперь это и существительное (наличие обаяния), и глагол (*to rizz up* – проявлять харизму).

Семантический сдвиг. Слово «Kagen» трансформировалось из имени собственного в термин, описывающий определенный тип социального поведения [5]. Мемы создают общее семантическое основание, где новые слова мгновенно получают культурный контекст, понятный миллионам пользователей.

В современной медиасреде мемы стали новой формой межличностного общения. Р. Милнер отмечает, что они создают пространство для «пополифонии», где серьезные социальные проблемы обсуждаются через призму юмора [5]. Мемы упрощают трансляцию важных идей для меньшинств, превращая сложную критику в контент, которым хочется делиться. Благодаря этому участие в социальной жизни становится доступным и популярным среди молодежи.

Ярким примером социального комментария в молодежной среде являются мемы, затрагивающие тему социальных стандартов и повседневных трудностей.

Мем «6'7» (Six-seven). Обозначает рост человека (около 200 см). Это число стало символом гиперболизированных ожиданий в культуре отношений. Мем критикует поверхностность стандартов, навязываемых социальными сетями, используя число для ироничного изображения «идеализированного» человека. Фраза превратилась для подростков в универсальную отговорку. На любой вопрос – будь то об успехах в школе, сделанных уроках или

обеде – можно просто ответить абсурдным «шесть-семь», обрывая дальнейший диалог.

Мем «*My mum is kinda homeless*». Кейс иллюстрирует специфический для поколения Z и Alpha «черный юмор», который строится на несоответствии. Шокирующее содержание подается с безразличием через наречие «*kinda*» (вроде как). Это отражает склонность молодежной культуры к дестигматизации проблем через их упрощение и эмоциональную отстраненность.

Для молодежи мемы выступают в роли «социального клея», формируя коллективную идентичность поколения.

Для более глубокого понимания механизмов влияния мемов на интернет-культуру рассмотрим три классических формата.

«*Distracted Boyfriend*» (*Визуальная метафора*). Использование меток (labeling) поверх изображения позволяет трансформировать бытовую ситуацию в абстрактный комментарий о приоритетах или заблуждениях. Юмор возникает из сопоставления визуального сценария с абстрактными понятиями (например, «Я» / «Новый сериал на Netflix» / «Сон, который мне жизненно необходим»). В культурном плане мем критикует человеческие склонности к искушению, прокрастинации, часто в преувеличенной или сатирической форме. Его популярность доказывает, что мемы могут сжимать сложный социальный комментарий в простой визуально-лингвистический формат.

«NPC» (*Лингвистическая стилизация*). Мем NPC (неигровой персонаж) заимствован из терминологии видеоигр, где NPC – это персонажи с прописанными, повторяющимися диалогами. В культуре мемов навешивание ярлыка NPC на человека подразумевает отсутствие независимого мышления или «роботизированное» поведение. Лингвистически мем часто использует минималистичный текст (например, NPC говорит: «Ого, ну и погодка сегодня»), чтобы имитировать шаблонную речь. Это намеренное упрощение языка подчеркивает кажущееся отсутствие оригинальности в повседневном дискурсе. Мем используется как с юмором, так и в спорных целях: если одни используют его для иронии в банальных разговорах, то другие превратили его в инструмент для дискредитации взглядов оппонентов. Мем NPC иллюстрирует, как языковая игра пересекается с культурной критикой.

«*Drakeposting*» (*Бинарный контраст*). Мем, основанный на кадрах с рэпером Дрейком из клипа «Hotline Bling», состоит из двух панелей: на одной он отвергает что-то пренебрежительным жестом, на другой – одобряет с довольным лицом. Лингвистически мем использует бинарный контраст – часто структурированный как «Не X / Да Y» – для выделения предпочтений, ценностей и оценок. Эта синтаксическая структура делает мем адаптивным, позволяя пользователям вставлять любую пару

контрастирующих идей. Культурно Drakeposting отражает склонность людей делить опыт на желаемый и нежелательный, служит инструментом сатиры. Его долговечность объясняется гибкостью. Он может критиковать социальные тренды, подчеркивать предпочтения поколений, выражать бытовую юмор.

Особую категорию составляют *мемы-реакции (Reaction Memes)*, заменяющие развернутые высказывания короткими, закодированными фразами.

Мем «Sus». Это сокращение от английского *suspicious* (подозрительный) демонстрирует процесс максимальной лингвистической компрессии. Популяризированный игрой *Among Us*, термин вышел за пределы гейминга и стал универсальным прилагательным для обозначения любого двусмысленного или неискреннего поведения. «Sus» выполняет роль мгновенного лингвистического маркера, понятного внутри цифрового сообщества.

Мем «Emotional Damage». Фраза, ставшая вирусной благодаря комику Стивену Хе, используется как вербальная реакция на сокрушительную критику или чей-то психологический провал.

Лингвистическая ценность данных примеров в том, что они формируют *«цифровую прагматику»*: пользователи выбирают эти фразы не только из-за их смысла, но и из-за узнаваемого интонационного и контекстуального окраса, который они несут. Это позволяет минимизировать усилия при передаче сложных эмоциональных оттенков в быстром темпе интернет-общения.

Благодаря визуальной составляющей мемы легко преодолевают языковые барьеры. Исследование Хуанга показывает, что английский мем-сленг интегрируется в локальные языки, создавая гибридные формы речи [2]. Это делает английский язык фундаментом глобальной цифровой культуры.

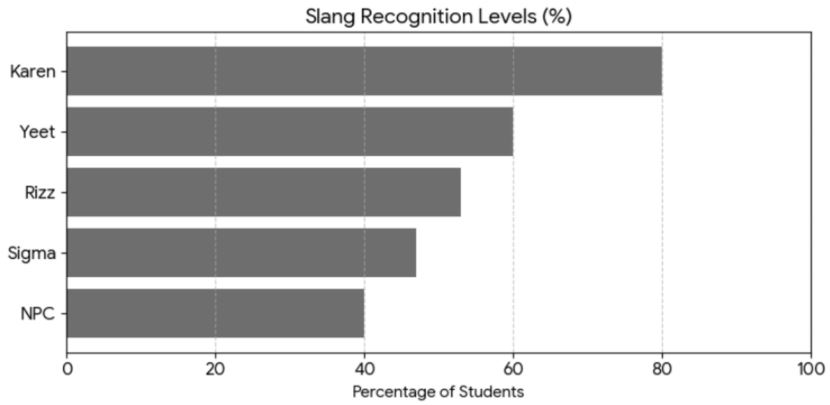
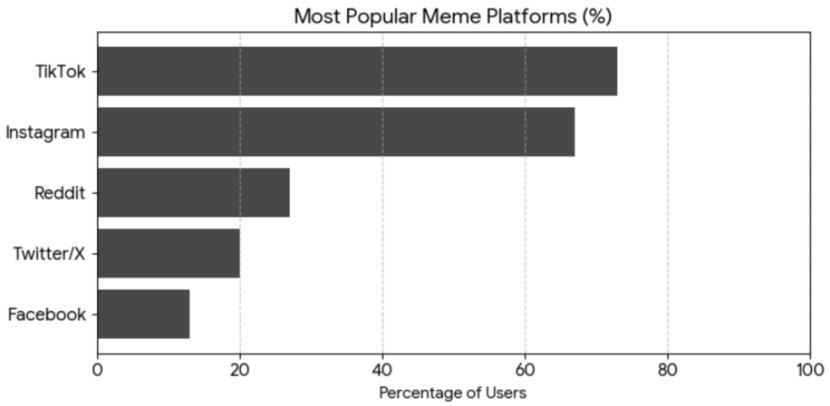
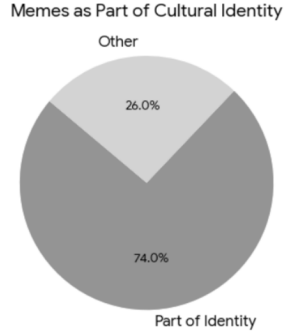
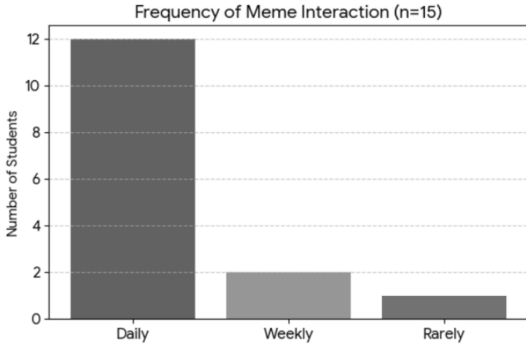
В рамках работы был проведен опрос, результаты которого подтверждают практическую значимость работы.

Опрос «Мемы, язык и вы» был проведен среди 15 подростков с целью изучить влияние мемов на использование языка и культурную идентичность. Ответы выявили четкие закономерности в частоте столкновения с мемами, принятии сленга и культурном восприятии.

Мемы функционируют как полноценная знаковая система, которая не только отражает изменения в языке, но и активно их провоцирует.

В ходе исследования были сформулированы выводы о влиянии интернет-мемов на английский язык и культурное самовыражение молодежи.

1. *Лингвистическая значимость*. Мемы доказали свою роль как источника неологизмов. В отличие от традиционных способов словообразования, мем-сленг (такой как «rizz») распространяется мгновенно, минуя этапы академической фиксации. Это свидетельствует о высокой степени гибкости современного английского языка под влиянием цифровой среды.

2. *Новые формы передачи значений через интеграцию множественных каналов восприятия.* Сущность мема заключается в неразрывном единстве визуального образа и вербального компонента. В работе было установлено, что смысл мема рождается не из суммы текста и картинки, а из их синтеза. Анализ кейсов («*Distracted Boyfriend*», «*NPC*») продемонстрировал, что визуальные шаблоны мемов стали универсальным языком, понятным представителям разных культур.

3. *Социальная и культурная функции.* Мемы выполняют функцию «социального клея», формируя групповую идентичность молодежи. Совместное использование мемов служит маркером принадлежности к поколению и конкретному цифровому сообществу. Через механизмы они позволяют молодежи вовлекаться в обсуждение серьезных социально-этических вопросов.

4. *Подтверждение гипотезы результатами опроса.* Опрос подростков подтвердил высокое взаимодействие с мем-контентом (80 % – ежедневно) и осознанное восприятие мемов как части личной культурной идентичности. Половина респондентов рассматривает мемы как позитивный фактор в изучении английского языка, делающий его более живым и релевантным их интересам.

5. *Интернет-мемы не являются преходящим увлечением или тривиальным продуктом интернет-юмора.* Мемы активно меняют структуру английского языка, адаптируя его под потребности ускоренной цифровой коммуникации, и служат зеркалом, отражающим ценности, страхи и иронию современного общества.

Литература

1. Dawkins, R. The Selfish Gene / R. Dawkins. – URL : <https://dn790008.ca.archive.org/0/items/pdfy-RHEZa8riPwBuUyrV/The%20Selfish%20Gene.pdf> (date of access : 03.01.2026).

2. Huang, X. The Rise of Cross-Language Internet Memes: A Social Semiotic Analysis / X. Huang, Y. Han, Y. Ran, Y. Yang // ResearchGate. – URL : https://www.researchgate.net/publication/381624914_The_Rise_of_Cross-Language_Internet_Memes_A_Social_Semiotic_Analysis (date of access : 04.01.2026).

3. Knobel, M. Online memes, affinities, and cultural production / M. Knobel, C. Lankshear // ResearchGat. – URL: https://www.researchgate.net/publication/283968435_Online_memes_affinities_and_cultural_production (date of access : 04.01.2026).

4. Kress, G. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication / A. Kress, G. Leeuwen, – URL: <https://archive.org/details/multimodaldiscou0000kres> (date of access : 03.01.2026).

5. Milner, R. The World Made Meme: Public Conversations and Participatory Media / R. Milner // ResearchGate. – URL: <https://archive.org/details/worldmadememepub0000miln> (date of access : 03.01.2026).

6. Shifman, L. Memes in Digital Culture / L. Shifman // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/293193433_Memes_in_Digital_Culture_edited_by_Limor_Shifman_Cambridge_MA_MIT_Press_2014_x_200_pp_1595_paper_ISBN_9780262525435_paper (date of access : 03.01.2026).

Семантическое значение корейского термина *вантта* (왕따) и сложность его перевода на английский язык

*Игнатюк К. И., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Ладик Н. А.*

Термин *вантта* возник в Южной Корее в качестве школьного сленга еще в конце 1990-х гг. для обозначения школьной травли. В самом слове сочетаются две части, произошедшие от других слов. Данное явление можно встретить является распространенным для корейского языка. Первый корень *ван* дословно переводится как «король». Второй слог в свою очередь является сокращением от корня глагола *ттадоллида*, что означает «изолировать» или «отстранять». Таким образом, *вантта* буквально означает «великая изоляция» или человек, который полностью исключен из группы.

В переводе на английский язык для данного термина выбирается вариант «bullying». Это слово перешло во многие языки и стало еще одним синонимом к уже существующим словам (например, в русском языке слова «травля» или «издевательство» теперь можно заменить словом «буллинг»). Однако стоит понимать, что несмотря на схожесть значения, все-таки существует и явная семантическая разница в словах «bullying» и «왕따». Bullying акцентирует повторяющиеся агрессивные действия, которые исходят от буллера (человек, издевающийся над другим или другими, от англ. *to bully* – издеваться), *вантта* фокусируется на социальном состоянии жертвы – полном изгнании из группы сверстников.

Исследования с использованием метода карточек показали, что *вантта* получает низкие оценки по пунктам физической агрессии, но чрезвычайно высокие по серьезному социальному исключению, тогда как западное понимание буллинга придает больший вес физическим и вербальным формам [1]. Наиболее распространенными формами *вантта* являются вербальная и репликационная агрессия (социальная изоляция, распространение слухов), в то время как физические формы встречаются относительно редко.

Также стоит отметить и различия, существующие не только в методах травли. Дело в том, что в ходе опросов исследователей, выяснилось, что в США чаще можно встретить жертв буллинга, в отличие от статистики в Южной Корее, где агрессоров, совершавших *вантта*, практически в два раза

больше, чем жертв (10,2 % учащихся сообщили о совершении *вантта* против 5,8 %, сообщивших о виктимизации [1]). Более того, жертв обычно преследуют не старшие ученики из более высоких классов, а одноклассники – бывшие друзья и сверстники из того же класса. Это отражает коллективистский характер корейского общества, где *вантта* – это фундаментально групповой феномен: однажды заклеянный индивид систематически исключается большинством, и это исключение часто распространяется на обычных учеников, которые не являются ни инициаторами агрессии, ни близкими друзьями жертвы [2]. Также травля в корейских школах зачастую совершается группой в отношении одного человека. Поэтому в рамках вантта исследователями выделяются роли не только агрессора и жертвы, но и помощников, подкрепляющих авторитет агрессора, сторонних наблюдателей и защитников [3].

Перевод *вантта* как «bullying» создает несколько проблем. Во-первых, он стирает центральность социального исключения, подразумевая более широкий спектр агрессивных поведений, чем те, которые на самом деле характеризуют корейский феномен. Во-вторых, он не учитывает коллективное измерение явления: *вантта* представляет собой не столько отдельные акты агрессии, сколько отражение социальной структуры. В-третьих, такой подход исключает из анализа дискурс *виктимблейминга* (от англ. *victimblaming* – обвинение жертвы), неотъемлемо сопутствующий *вантта*, в рамках которого исключенный индивид воспринимается как заслуживающий свое положение в силу девиантного поведения либо недостаточных социальных навыков [4]. Когда корейские школьники говорят, что одноклассник является *вантта*, они не просто сообщают, что кого-то травят, они утверждают, что этот человек занимает определенную социальную позицию, позицию полного исключения, часто молчаливо принимаемую всем классом. Это качественно отличается от фразы «его травят», которая подразумевает продолжающееся действие со стороны агрессора.

Таким образом, *вантта* демонстрирует, что термины, связанные с буллингом, не являются универсальными ярлыками, а представляют собой культурно укорененные конструкции, а перевод никогда не бывает нейтральным. Осознание этих семантических различий необходимо для кросс-культурных исследований феномена травли в Южной Корее и за ее пределами.

Литература

1. Koo, H. Victimization in Korean schools: the nature, incidence, and distinctive features of Korean bullying or wang-ta / H. Koo, K. Kwak, P. K. Smith // *Journal of School Violence*. – 2008. – Vol. 7, № 4. – P. 119–139.
2. Lee, S. Meaning and usage of a term for bullying-like phenomena in South Korea: a lifespan perspective / S. Lee, P. K. Smith, C. P. Monks // *Journal of Language and Social Psychology*. – 2012. – Vol. 31, № 3. – P. 342–349.

3. Smith, P. K. Linguistic issues in studying bullying-related phenomena / P. K. Smith, K. Kwak, Y. Toda // *School Bullying in Different Cultures: Eastern and Western Perspectives*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – P. 280–298.

4. Smith, P. K. The Korean research tradition on wang-ta / P. K. Smith, K. Kwak // *School Bullying in Different Cultures: Eastern and Western Perspectives*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – P. 93–112.

Проблема «социальной изоляции» как вызов для системы социального обеспечения Японии

*Казакевич А. Д., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Шевцов Ю. В., проф.*

Япония является уникальным примером общества, столкнувшегося с беспрецедентным демографическим старением. Статус сверхстарого общества был закреплен еще в 2007 г., когда доля населения старше 65 лет превысила 14 %, а к 2011 г. достигла 23.3 % [1]. По данным на 1 октября 2018 г., население старше 65 лет впервые превысило отметку в 35 млн человек [2]. Демографические сдвиги создают нагрузку на систему соцобеспечения, и одной из наиболее острых проблем становится феномен социальной изоляции людей, крайним проявлением которой является «кодokusи» (одинокая смерть).

Исследования показывают, что риск кодokusи коррелирует не столько с фактом проживания в одиночестве, сколько с отсутствием социальных контактов: отсутствие общения хотя бы раз в неделю связано с последующей потребностью в уходе и ранней смертностью [3]. При этом некоторые пожилые сознательно выбирают изоляцию, что осложняет профилактические меры [4]. Критическим фактором риска изоляции является рост числа одиноких домохозяйств среди пожилых. В 2013 г. домохозяйства с участием лиц старше 65 лет составляли 44,7 % от общего числа [3].

Термин «кодokusи» начал использоваться в СМИ в 1970-х гг., однако широкое общественное внимание проблема привлекла после землетрясения в Кобе в 1995 г., когда в временном жилье участились случаи смерти одиноких людей [4]. В исследовательской среде под «кодokusи» понимается смерть человека, который был социально изолирован и чье тело не было обнаружено в течение значительного времени. Исследования показывают, что риск одинокой смерти коррелирует не только с проживанием в одиночестве, но и с отсутствием социальных контактов [3].

Важно отметить, что проблема эволюционировала от восприятия как «проблемы пожилых» к «проблеме сообщества». Если в 1970-х гг. акцент делался на чувстве одиночества пожилых, то после 2000-х гг., особенно после

случаев смерти в многоквартирных домах, фокус сместился на распад социальных связей в целом [4].

В 2007 г. был запущен «Проект по продвижению предотвращения изолированной смерти». Политика была направлена на восстановление социальных связей на местном уровне. Однако критики указывают, что чрезмерный акцент на восстановлении сообщества может игнорировать структурные причины изоляции, такие как бедность, проблемы со здоровьем и др. [4].

В условиях нехватки кадров возрастает роль частных и некоммерческих организаций. Примером служит НКО «Sawayaka-Aichi», реализующая модель «взаимопомощи 24 часа в сутки, 365 дней в году». Такая модель позволяет самим пожилым людям выступать в роли помощников, что укрепляет их социальные связи и чувство нужности [2].

Для компенсации нехватки человеческого ресурса и обеспечения безопасности одиноких пожилых людей внедряются информационно-коммуникационные технологии. Предлагается создание региональных интеграционных систем, использование роботов для помощи в уходе и мониторинге, а также систем экстренного оповещения для одиноких домохозяйств [1]. Однако отмечается, что технологии должны быть адаптированы под потребности пожилых и не заменять полностью человеческое взаимодействие [2].

Проблема старения населения в Японии напрямую детерминирует рост социальной изоляции и феномена «кодokusи». Демографические данные свидетельствуют о неизбежном росте доли одиноких пожилых людей на фоне сокращения числа потенциальных опекунов из числа трудоспособного населения. Трансформация системы социального обеспечения должна выходить за рамки традиционной финансовой и медицинской поддержки.

Литература

1. 小尾敏夫, 岩崎尚子。超高齢社会日本における官民の高齢者支援活動の現状と問題点 / 敏夫小尾, 尚子岩崎 // アジア太平洋討究。- 2013。- № 21。- P. 87-105.
2. An Acquaintance with An Aging Society。- URL: <https://www.mdpi.com/2076-0760/8/4/110> (date of access: 29.03.2026).
3. 山崎久美子, 逸見功。孤独死研究の動向と今後の課題 / 久美子山崎, 功逸見 // 日本保健医療行動科学会雑誌。- 2017。- 第 32 卷, 第 1 号。- P. 66-73.
4. 吳獨立。社会問題としての孤独死と、政策対応の方向性に関する再考 / 獨立吳 // 早稲田大学社会科学。- 2021。- P. 16-21.

Сравнительная характеристика образов Синдбада-Морехода в контексте культуры Аббисидов и Одиссея Гомера

*Ковалевская Е. Г., студ. III к. БГУ,
науч. рук. проф. Баньковская Ю. Л., д-р филос. наук, доц.*

Позиция европоцентризма в отношении образа Синдбада и стремление выстроить его по западному образцу проявились еще в XIX в. при переводе «Тысячи и одной ночи» на английский язык. Переводчик и ориенталист Эдвард Лейн заявлял прямо, что «Синдбад – не кто иной, как Улисс, снабженный тюрбаном и написанный поверх картины на тему ближневосточной мифологии» [3, с. 4]. Традиционная арабистика в целом отличалась скепсисом по отношению к открытиям, исследованиям и изобретениям арабской культуры. Но, как утверждает Т. Шумовский в своей книге «По следам Синдбада-Морехода», «ученые, отказывающие арабам в славе морской нации, а в лучшем случае отмечающие лишь их каботаж, не в силах предоставить этому факту ничего, кроме слепого скепсиса, всосанного с молоком традиционной арабистики» [2, с. 43–44.]

Путешествие Синдбада изначально не имеет конечной цели. Им движет желание найти в себе то, чего он раньше не замечал, или же подвергнуть испытаниям свои тело и душу. По этой причине Синдбад обречен, возвращаясь из одного путешествия, пускаться в следующее. Цель, ради которой он отправлялся в путь, недостижима с точки зрения психологии, поскольку после одного успешно пройденного испытания появляется следующее. Синдбад замкнут в цикле собственных странствий, что делает его образ более выразительным в качестве облика странника по сравнению с Одиссеем, имеющим конечную цель, в рамках которой путешествие не представляет самоценности в своей сущности.

Обосновывая и дидактическую ценность образа Синдбада как персидского гражданина, следует упомянуть, что на протяжении всего текста в моменты душевных терзаний Синдбад из раза в раз вспоминает стихотворения поэтов и цитаты великих для его времени людей, ориентируясь на их мудрость; «я испугался и растерялся и стал думать об одном рассказе, который я раньше слышал от отца, – и был это рассказ о господине нашем Сулеймане, сыне Дауда (мир с ними обоими!), который говорил: «Есть три вещи лучше трех других: день смерти лучше дня рождения, живой пес лучше мертвого льва, и могила лучше бедности»» [1, с. 170]. Подобно Одиссею, Синдбад не является физически сильным человеком, а, следовательно, полагаться может только на собственный разум. Это сильно сближает его с героями четвертого эпического поколения. Однако Синдбад стоит все же несколько выше них,

поскольку не является «героем» в привычном эпическом понимании. Стоит иметь в виду, что сформировавшаяся в европейском сознании хитроумность Синбада является результатом того же самого «огречевания». Синдбад в первую очередь предстает как образованный, воспитанный и религиозный человек, который в трудные моменты считает необходимым действовать согласно этическим принципам мудрости и честности, а не обмана, пусть даже в благих целях. Это обусловлено тем, что велико внимание к религиозным нормам в «Тысяче и одной ночи». Бог сам по себе не может быть хитроумным, а потому соревноваться с ним в коварстве не имеет смысла. И в данном случае цениться будет скорее умение найти выход из сложной ситуации, прибегая к уже имеющимся знаниям, в надежде, что все останутся довольными. Синдбад выступает ярко положительным героем, который в своем пути натывается как и на хтонических зверей из мифологических мотивов, так и на бесчестных людей, которые в итоге погибают, поскольку в данной системе ценностей искупление не предусматривается.

«Путешествия Синдбада» в контексте культуры Аббасидского халифата рассматривались в первую очередь как развлекательная литература. «Тысяча и одна ночь» была той частью культуры, которую нельзя было контролировать посредством механизмов власти, поскольку сама по себе она являлась частью массовой культуры того периода. А значит впитывала в себя многие культурные особенности, переродившиеся в образы других литературных героев. Развитие международной торговли подразумевало под собой при путешествиях наличие разного рода опасностей и длительности, а купцы на своих кораблях были вынуждены проделывать огромные расстояния. И, разумеется, это вызывало интерес общественности, поскольку у большинства людей не было возможности увидеть страны своими глазами, а культура посредством литературного образа позволяла приобщиться к ним. Можно сказать, что сам образ Синдбада-морехода является «отчетом» о путешествиях купца, реальных или «фиктивных». Таким образом, появление образа героя-странника в культуре Аббасидов было вызвано новой формой мышления и, как следствие, эпического сознания.

Литература

1. Тысяча и одна ночь / Эпосы, легенды и сказания; пер. с араб. Салье М. А. – М. : ФТМ, 2015. – 1184 с.
2. Шумовский, Т. А. По следам Синдбада-Морехода. Океанская Аравия / Т. А. Шумовский. – М. : Мысль, 1986. – 135 с.
3. Ivaniuk, J. The seventh signification of Sindbad. The «Greeking» of Sindbad from the Arabian nights to Disney / J. Ivaniuk // Semiotica. – N. Y., 2012. – Vol. 189, № 1–4. – P. 1–22.

Разновидности сказуемого на примере памятника «Чжуанцзы»

Крицук-Тарасов Н. И., асп. БГУ,
науч. рук. проф. Гордей А. Н., д-р филол. наук, проф.

«Предикативность – синтаксическая категория, определяющая функциональную специфику основной единицы синтаксиса – предложения; ключевой конституирующий признак предложения, относящий информацию к действительности и тем самым формирующий единицу, предназначенную для сообщения; категория, противопоставляющая предложение всем другим единицам, относящимся к компетенции синтаксиса» [2, с. 392]. Наличие сказуемого в предложении обязательно: «...например “летающая птица”, “полет птицы” и “птица летит”, последний способ обозначения этого объекта обладает особым функциональным качеством – предикативностью» [1, с. 392].

Сказуемое – это ключевой элемент предложения, который всегда присутствует в предложении в явном виде либо же выводится рекурсивно. Ниже мы продемонстрируем данное утверждение на конкретных примерах из памятника «Чжуанцзы», параллельно производя классификацию сказуемого в них. Классификация осуществляется на основании комбинаторных и сочетаемостных показателей. Схемы разбора даны в сокращенном виде.

Один из самых распространенных вариантов сказуемого, свойственного языкам, тяготеющим к предикативной, а не *номинативной* [1, с. 336–337] стратегии описания *копии мира* [2, с. 22–227] – это **переходное сказуемое**. В предложении ниже оно представлено в **явном виде** или **отображено в поверхностной синтаксической структуре**:

不+知+其幾千里+也 bù + zhī + qí jǐ qiān lǐ + yě

|эллиптированное подлежащее (ниже «П»)| + негатор 不 + **сказуемое** (ниже «Ск») + [рекурсивное **прямое дополнение** (ниже «ПД»)] + конечная частица (ниже «КЧ») 也

|Люди| {П} + не {негатор 不} + **знают** + его <размер> **неопределенное количество тысяч ли** (*древняя мера длины*) [3, с. 959] + <же> {КЧ 也}. Вариант перевода с узуальной адаптацией – «людям/никому не ведомо, какова его длина».

Следует отметить, что сказуемое может быть **контекстуально отображенным** либо **не отображенным**, но **контекстуально реконструируемым** (вариант рекурсивного выведения). Ниже разберем примеры

непереходного процессного сказуемого, первое из которых отображено контекстуально:

故+九萬+里+則+風+斯+在+下+矣 **gù + jiǔ wàn + lǐ + zé + fēng**
+ **sī + zài + xià + yǐ**

Начальная частица (ниже «НЧ») 故 + [определения (ниже «Оп») микроуровня + определяемое (ниже – «Оп-е») микроуровня] {Оп} + |обстоятельство места (ниже «ОМ»)| + | Π_1 | + | Ск_1 {непер. проц.}| /+/- служебная связка 則 <контрастивная когезия (16:Т:Т)> + Π_2 + служебная связка 斯 + Ск_2 + ОМ_2 + КЧ 矣

А потому {НЧ故} + [<на> девяносто тысяч + ли] + |ввысь| + | $\Pi_{эн}$ | + |**взлетает**| /+/- тогда {則} + **ветер** + именно <в этот момент> {斯} + **находится** + внизу <под ним> + вот так {КЧ 矣}

Существенная свернутость первой части предложения допустима, исходя из предыдущего контекста памятника.

Следующая разновидность сказуемого – **непереходное качественное сказуемое** (т.е. сказуемое, выраженное «прилагательным» или «наречием», а не глаголом). Для данного сказуемого были зафиксированы ситуации отображенности в поверхностной синтаксической структуре, а также **рекурсивной выводимости**. Рассмотрим оба случая:

水+淺+而+舟+大+也 **shuǐ + qiǎn + ér + zhōu + dà + yě**

Π_1 + Ск_1 {непер. кач.} + соединительная частица 而 + Π_2 + Ск_2 {непер. кач.} + КЧ 也

Вода + мелка + а/при этом {而} + ладья + велика + вот так {КЧ 也}

其+幾千里+也 **qí jǐ qiān lǐ yě** (рекурсивное ПД из примера выше)

Π_0 {«Местоимение» 其} /+/- | Ск_0 | {непер. кач.} + [$\text{Оп}_{0.1}$ + $\text{Оп}_{0.2}$ + Оп-е_0] {Комплемент степени} + КЧ 也

Она {其} <‘спина Пэна’> /+/- |большая| + [<на> неопределенное количество + тысяч + ли] {Комплемент степени} + <же> {КЧ 也}

Таким образом, в древнекитайском языке (в частности, в памятнике «Чжуанцзы») сказуемое бывает переходным, непереходным процессным и непереходным качественным. Переходные сказуемые и непереходные процессные сказуемые могут быть отображены явно или контекстуально (для переходных теоретически возможно, не было зафиксировано), непереходные качественные могут быть отображены явно или выводятся рекурсивно.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
2. Гордей, А. Н. Лингвистическая пропедевтика / А. Н. Гордей // Беларусь в современном мире: материалы IV Респ. науч. конф., 28 сент. 2005 г. / РИВШ ; редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. – Мн. : 2005. – С. 226–229.
3. 古代汉语词典 : 大字本 / 主编: 陈复华; 副主编: 楚永安; 编写: 《古代汉语词典》编写组. – 北京: 商务印书馆, 2002. – 2087页.

Тенденции развития китайской детской литературы в XXI веке

*Сун Цзе, соискатель БГУ,
науч. рук. Сидорова Т. П., канд. филол. наук, доц.*

Детская литература представляет собой особую отрасль литературной системы, гармонично сочетающую в себе художественную, воспитательную и развлекательную функции. Ориентированная на детскую читательскую аудиторию как на целевую, она несет на себе важную миссию когнитивного просвещения, формирования личности и трансляции культурного наследия.

Работы о развитии детской литературы двух стран остаются достаточно редкими. Существующие работы по большей части ограничиваются сопоставлением поверхностных явлений, при этом ощущается недостаток глубокого анализа первопричин этих различий и конкретного выстраивания путей межкультурного взаимодействия

В XXI в. китайская детская литература вступила в золотой период стремительного развития. Под руководством национальной культурной стратегии и движимая творческим энтузиазмом писателей, она осуществила переход от «количественного накопления» к «качественному скачку».

В XXI в. в кругах китайской детской литературы появилась группа писателей, пользующихся широким влиянием, охватывающая старшее, среднее и молодое поколения творцов. Они образовали рационально структурированный творческий эшелон с разнообразными стилями. Их произведения не только завоевали множество наград и огромную читательскую аудиторию внутри страны, но и заявили о себе на международной арене, способствуя успешной реализации стратегии «выхода за рубеж» китайской детской литературы.

Ян Хунъин, несомненно, является знаковой фигурой коммерциализации и популяризации китайской детской литературы в XXI в. За более чем тридцатилетнюю творческую карьеру она выпустила свыше 80 сказок, детских романов и эссе, создав литературный мир, близкий к жизни

современных детей. Ядром ее творчества является «воплощенное познание» (embodied cognition), преобразующее повседневный жизненный опыт и психологическое восприятие детей в живой и яркий ритм повествования. Благодаря тонкому описанию школьных сцен, семейных взаимодействий и четкой детской перспективе, маленькие читатели испытывают сильное чувство вовлеченности в процессе чтения. Ее репрезентативное произведение – серия «Озорник Ма Сяотяо» – с момента выхода в 2003 г. неизменно занимает лидирующие позиции в списках бестселлеров детской литературы. К концу 2023 г. совокупный объем продаж в стране превысил 350 млн экземпляров, установив рекорд продаж для отдельной серии в китайской детской литературе. Главной сюжетной линией серии являются школьная жизнь, семейные забавы и приключения школьника Ма Сяотяо.

Цао Вэньсюань является ведущей фигурой в сфере художественной детской литературы в Китае. Его творчество славится поэтичным стилем, эстетическими образами и глубоким гуманизмом. Действие большинства произведений Цао Вэньсюаня разворачивается на фоне водных пейзажей севера провинции Цзянсу (Субэй) и фокусируется на историях взросления китайских сельских детей. Так, произведение «Соломенный дом» рассказывает историю взросления мальчика Сан Сана на фоне сельской школы 1960-х гг. В 2016 г. Цао Вэньсюань был удостоен Международной премии имени Г. Х. Андерсена, став первым китайским писателем, получившим эту награду. Эта честь является не только признанием его личных творческих достижений, но и знаменует собой официальное вхождение китайской детской литературы в мейнстрим мировой детской литературы [1].

Развитие в сфере научно-фантастической детской литературы также привлекает внимание. Творчество таких писателей, как Лю Цысинь, способствовало популяризации и углублению научно-фантастической тематики в детской литературе, восполнив пробел в воспитании научного духа в китайской детской литературе. Детское издание романа Лю Цысиня «Задача трех тел» является знаковым произведением научно-фантастической детской литературы. Сохранив ключевые научно-фантастические концепции оригинала, это произведение упрощает сложные сюжетные линии и жесткие научные знания. Доступным для детей языком и в подходящем ритме повествования оно рассказывает историю противостояния земной человеческой цивилизации и цивилизации Трисоляриса, пробуждая у детей интерес к тайнам Вселенной, научным исследованиям и миру будущего [2]. Помимо Лю Цысиня, такие детские писатели-фантасты, как Дун Хэнбо, Лу Ян и Ян Пэн, также выпустили ряд выдающихся произведений. Серия Дун Хэнбо «Маленький сыщик Орел» посвящена научным исследованиям и сочетает

в себе логические рассуждения с научными знаниями; серия Лу Яна «Межзвездное путешествие» фокусируется на межзвездных экспедициях и контактах с инопланетными цивилизациями, демонстрируя богатое научно-фантастическое воображение; а серия Ян Пэна «Папа в кармане» объединяет научно-фантастические элементы с семейной жизнью и школьными историями, отличаясь юмором и образовательным значением.

Тематическое конструирование китайской детской литературы в XXI в. тесно связано с пульсом времени, отвечая на потребности социального развития и запросы взросления детей. Сформировались четыре основных тематических направления: наследование традиционной культуры, воспитание научного духа, внимание к психологическому здоровью и описание реальной жизни, что демонстрирует такие характеристики развития, как плюрализм, современность и глубина.

В XXI в., на фоне множественных процессов глобализации, цифровизации и социальных трансформаций, детская литература Китая пошла по собственному пути развития с уникальной национальной спецификой.

Литература

1. Цитирование замечаний Комитета по присуждению Международной премии имени Ханса Кристиана Андерсена 2016 года / Комитет по присуждению Международной премии имени Х. К. Андерсена // Мировая детская литература. – 2016. – № 4. – С. 78–80.

2. Лю, Цысинь. Предисловие к «Задаче трех тел» (детское издание) / Цысинь Лю. – Пекин : Издательство СИТЭС, 2022.

Особенности продвижения китайских брендов в контексте развития технологий искусственного интеллекта

*Сунь Хаожань, соискатель БГУ,
науч. рук. Никифоров О. В., канд. пед. наук*

В условиях стремительной цифровой трансформации китайские бренды переживают фундаментальную переоценку подходов к продвижению, где искусственный интеллект перестал быть просто маркетинговым инструментом и превратился в ключевой драйвер конкурентоспособности на глобальном рынке [1]. Этот сдвиг отражает более глубокую тенденцию: Китай постепенно переходит от роли технологического последователя к позиции лидера в отдельных сегментах ИИ-разработок, что находит отражение в настроениях потребителей. Согласно исследованию Tencent Marketing Insight, опубликованному на платформе Baidu, 56 % китайских покупателей убеждены,

что отечественные технологии искусственного интеллекта не уступают зарубежным аналогам, а более 70 % положительно оценивают применение ИИ-решений локальными брендами [2].

Такая технологическая уверенность подкрепляется реальными достижениями: модели Qwen от Alibaba, Hunyuan от Tencent и Ernie Bot от Baidu не просто конкурируют с международными разработками, но и глубоко интегрируются в повседневные экосистемы, такие как WeChat и платформы электронной коммерции [2]. При этом позитивное восприятие неоднородно: 44,1 % респондентов отмечают стремительное внедрение ИИ-функций в сегментах электроники и бытовой техники, 28,9 % считают, что китайские технологии уже достигли международного уровня, а 19,6 % видят потенциал в узкоспециализированных вертикальных решениях [2].

Успех китайских брендов во многом обусловлен применением комплексной стратегии «Технологии + Сценарии + Эмоции». Технологический компонент проявляется в персонализации на основе больших данных: алгоритмы машинного обучения анализируют поведение потребителей и прогнозируют спрос [3]. Параллельно развивается направление генеративного контента: платформы вроде «Мяо Сы» от Tencent автоматически создают рекламные материалы, сокращая время и ресурсы на производство контента [2]. Однако технологии сами по себе не гарантируют лояльности – ключевым становится их интеграция в жизненные сценарии пользователей. Умные носимые устройства с функциями мониторинга здоровья интересуют 63 % потребителей, решения для «умного дома» – 60 %, адаптивные интерфейсы смартфонов – 58 %, а системы автономного вождения – 45 % [2].

На эмоциональном уровне китайские бренды стремятся трансформировать восприятие: из поставщиков товаров они превращаются в «партнеров по образу жизни». Исследования показывают, что 69 % потребителей ассоциируют ИИ-бренды с технологичностью, 64 % видят в них лидеров инноваций, а 63 % ценят креативный подход [2]. Эта эмоциональная связь усиливается за счет грамотного выбора каналов коммуникации. WeChat остается центральным хабом для брендов (66 % упоминаний), где компании сочетают экспертный контент в официальных аккаунтах, демонстрацию продуктов через видеоканалы и персонализированные рассылки [2]. Параллельно растет роль платформ коротких видео и лайвстриминга: виртуальные ИИ-продавцы, работающие круглосуточно, уже демонстрируют рост эффективности, обходя человеческие ограничения по времени и энергии [3].

Важным фактором доверия остается авторитет источников информации: китайские потребители склонны больше доверять официальным

отчетам государственных органов (TGI=117), глубоким аналитическим материалам брендов (TGI=117) и отраслевым исследованиям (TGI=127) [2]. Однако на пути к глобальному лидерству китайские компании сталкиваются с серьезными вызовами. Парадокс «внутренней конкуренции» заставляет многие бренды жертвовать качеством ради объемов в условиях ценовой войны, что подрывает долгосрочную ценность бренда [4]. Одновременно растет зависимость от маркетплейсов и инфлюенсеров: производители вынуждены платить значительные комиссии за продвижение, а контроль над потребительским вниманием постепенно смещается от бренда к агрегаторам контента [4].

Глобализация добавляет еще один слой сложности: несмотря на технологический прогресс, китайским брендам необходимо адаптировать продукты под культурные особенности зарубежных рынков и преодолевать регуляторные барьеры в области обработки данных и этики ИИ [2]. Тем не менее перспективы остаются оптимистичными. Эксперты выделяют три ключевых тренда: глубокую интеграцию ИИ во все звенья производственной цепочки – от исследований и разработок до послепродажного обслуживания; развитие вертикальных решений для специфических отраслей, таких как медицина, образование и сельское хозяйство; и формирование глобально-локальной стратегии, сочетающей мировые технологические стандарты с глубоким пониманием локальных потребностей [5].

В конечном счете опыт китайских брендов демонстрирует, что успех в эпоху искусственного интеллекта зависит не только от технологического превосходства, но и от способности выстраивать доверительные, человеческие отношения с потребителем. Как отмечают отраслевые аналитики, «потребители ждут от китайских брендов не просто технологий, а видения, инноваций и человечности» [2]. Именно этот баланс между передовыми алгоритмами и эмоциональной эмпатией станет определяющим фактором в глобальной конкурентной борьбе ближайшего десятилетия.

Литература

1. 人工智能时代下中国品牌建设的机遇与挑战[site] – Baidu, 2025. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1844715712496283272&wfr=spider&for=pc> (date of access: 01.03.2026) = Возможности и вызовы для построения китайских брендов в эпоху искусственного интеллекта [сайт] – Baidu, 2025. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1844715712496283272&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 01.03.2026).

2. 企业AI代运营, 品牌推广^^: [site] – Baidu, 2025. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1833042655225309269&wfr=spider&for=pc> (date of access: 30.03.2026) = Управление бизнес-процессами и продвижение бренда с помощью искусственного интеллекта. – Baidu, 2025. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1833042655225309269&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 30.03.2026).

3. 腾讯研究院 | AI 浪潮中的中国品牌优势解码 [site] – Baidu, 2025. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1838596341920403395&wfr=spider&for=pc> (date of access: 25.03.2026) = Исследовательский институт Tencent. Расшифровка преимуществ китайских брендов в эпоху искусственного интеллекта : [site] – Baidu, 2025. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1838596341920403395&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 25.03.2026).

4. 人工智能时代中国品牌的艰难保卫战 : [site] – Guancha, 2025. – URL: <https://user.guancha.cn/main/content?id=1505199> (date of access: 25.03.2026) = Трудная борьба китайских брендов в эпоху искусственного интеллекта : [site]. – Guancha, 2025. – URL: <https://user.guancha.cn/main/content?id=1505199> (дата обращения: 25.03.2026).

5. 打造“数字引擎”为“中国品牌”强赋能: [site]. – Tougao, 2025. – URL: <https://tougao.12371.cn/gaojian.php?tid=5977180> (date of access: 30.03.2026) = Создание «цифрового двигателя» для мощного укрепления позиций «китайских брендов» : [site]. – Tougao, 2025. – URL: <https://tougao.12371.cn/gaojian.php?tid=5977180> (дата обращения: 30.03.2026).

Современная массовая культура Китая как фактор мягкой силы

*Тянь Чжунюань, асп. 1 г. БГУ,
науч. рук. доц. Лебедев С. Ю., канд. филол. наук, доц.*

В условиях усиления культурной конкуренции на международной арене особую значимость приобретает изучение тех инструментов, которые позволяют государству формировать благоприятный внешний образ без прямого политического давления. Одним из таких инструментов выступает «мягкая сила», основанная на привлекательности культуры, ценностей и моделей общественного развития [1, р. 191]. Для современного Китая важным фактором «мягкой силы» становится массовая культура, сочетающая широкую доступность, эмоциональное воздействие и способность транслировать национальные культурные коды.

Под массовой культурой в данном случае понимается совокупность культурных продуктов и практик, ориентированных на широкую аудиторию и распространяемых через современные каналы коммуникации. В Китае к ним относятся популярная музыка, кино и сериалы, анимация, спортивные события, цифровые платформы и различные формы культурного потребления. В отличие от исключительно развлекательного понимания массовой культуры, китайский подход предполагает ее тесную связь с традицией, исторической памятью и государственными задачами культурного развития [2, с. 15–22]. Именно поэтому современная

китайская массовая культура все чаще рассматривается не только как часть внутренней культурной индустрии, но и как инструмент внешней репрезентации страны.

Значительный потенциал «мягкой силы» Китая проявляется в сфере экранной культуры. Исторические фильмы, сериалы в жанре фэнтези и драмы, а также анимационные проекты популяризируют китайские сюжеты, эстетические нормы и ценностные установки. Через визуальные образы, костюм, музыку и речевые модели зарубежная аудитория знакомится с культурными традициями Китая, что способствует снижению культурной дистанции и формированию устойчивого интереса к стране [3, с. 78–84]. Аналогичную функцию выполняет популярная музыка, включая направление со-рор, объединяющее современные музыкальные формы с национальными интонациями, визуальной символикой и элементами традиционной культуры.

Не менее важным направлением является использование спортивных достижений и крупных международных мероприятий. Олимпийские игры в Пекине, развитие китайских спортивных брендов и активная медиатизация успехов спортсменов усиливают представление о Китае как о технологически развитом и культурно самодостаточном государстве [4, р. 205–219]. В данном случае спортивная сфера взаимодействует с массовой культурой, поскольку спортивные события становятся частью глобального медиапространства и формируют эмоционально насыщенный образ страны, доступный самой широкой аудитории.

Вместе с тем эффективность китайской массовой культуры как фактор «мягкой силы» не является безусловной. Ее восприятие за рубежом зависит от качества культурного продукта, степени его адаптации к иной аудитории, переводческой политики, деятельности цифровых платформ и общего политического контекста [5, р. 342]. Тем не менее уже сегодня можно утверждать, что массовая культура занимает важное место в механизме международного позиционирования КНР. Она позволяет сочетать современность и традицию, коммерческую привлекательность и идеологическую насыщенность, национальную специфику и глобальную коммуникацию.

Таким образом, современная массовая культура Китая выступает значимым фактором его «мягкой силы». Через кино, музыку, спорт и цифровые медиа Китай не только расширяет культурное присутствие в мире, но и формирует более сложный и многомерный образ страны. Исследование данной проблематики позволяет глубже понять особенности культурной дипломатии КНР и перспективы ее дальнейшего развития в условиях глобальной конкуренции символов и смыслов.

Литература

1. Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. – N. Y. : PublicAffairs, 2004. – 191 p.
2. Лукьянов, А. Е. Культурная политика современного Китая / А. Е. Лукьянов // Азия и Африка сегодня. – 2021. – № 6. – С. 15–22.
3. Шабага, В. В. Китайский кинематограф как инструмент формирования международного имиджа страны / В. В. Шабага // Журнал международного права и международных отношений. – 2022. – № 4. – С. 78–84.
4. Xu, X. China's Sports Diplomacy in the New Era / X. Xu // International Journal of Sport Policy and Politics. – 2023. – Vol. 15, No. 2. – P. 205–219.
5. d'Hooghe, I. China's Public Diplomacy / I. d'Hooghe. – Leiden ; Boston : Brill, 2015. – 342 p.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1 ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Абакунчик Р. Р., Мелькова П. А. Африканские государства как драйверы изменений в португалоязычном сообществе	3
Алексютенко А. А. Внешнеполитическая стратегия Объединенных Арабских Эмиратов на Африканском Роге	5
Алексютенко А. А. Отношения между Японией и США во второй половине XX в.	7
Аль Битар О. М. Подходы второй администрации Д. Трампа в области миграционной политики	9
Аожигэлэ Роль китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии как культурного моста	11
Богдан Д. В. Методология исследования социальной динамики и идейного единства интернациональных партизанских формирований Беларуси (1941–1944)	12
Василевская В. Э. Координационные механизмы инициативы «Один пояс – один путь»: белорусско-китайское измерение	15
Гюльмамедова Р. З. Влияние геополитического положения Турции на энергетическую безопасность Европы	17
Дрозд М. Р. Приоритеты внешней политики Бразилии на современном этапе	19
Дубатовка К. С., Юган К. А. Приоритеты КНР в Шанхайской организации сотрудничества	21
Ермакова А. Ю. Эволюция политической системы Непала. От монархии к республике	23

Зайко А. Н. Турецкий «суперпрезидентский» поворот: от парламентской системы к гиперцентрализации власти	25
Каплун Б. А., Кузьмич Д. Д. Китайский фактор в падении немецкой автопромышленности	27
Копытаенко И. А. Эволюция внешнеполитических доктрин в Соединенных Штатах Америки	29
Кулешова К. А. Региональная политика ЮАР в период председательства в Африканском союзе (2020–2021) и Тройке САДК (2021)	31
Лазовская О. С., Щербачевич С. Д. Интеграция Афганистана в проекты инициативы «Один пояс – один путь» после прихода к власти движения «Талибан» в 2021 г.	33
Ларина П. К. Инструменты «мягкой силы» Италии в XXI в.	35
Линкевич Д. И. А. А. Ляховский об афганской войне	37
Лопан М. А. Особенности развития евразийского вектора Бразилии при президентстве Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003–2010)	39
Лю Минюэ A Re-evaluation of the Davidson Window under the China-U.S. Strategic Competition	41
Лю Юань Сотрудничество КНР и Северной Африки в сфере образования	43
Михалап П. В. Коллекции этнографии в мемориальных экспозициях филиалов Государственного литературного музея Янки Купалы	45
Михалап П. В. Научно-исследовательская деятельность в краеведческих музеях Беларуси: особенности и специфика на современном этапе	47
Наумчик М. Ю. Влияние диалогового ИИ на политический процесс: риски и возможности	49
Нищименко Е. С. Опыт развития института молодежного парламентаризма в странах бывшего СССР	51

Розмысл Е. В. Музейные экспонаты как источник реконструкции биографии	53
Сапоненко А. А., Смальцер В. С. Развитие германо-китайских отношений в период канцлерства Олафа Шольца (2021–2025)	55
Сун Юнбин Туристические обмены Китая и стран Центральной и Восточной Европы в рамках инициативы «Один пояс – один путь»	57
Ташчы Ф. Энергетическая безопасность в Африке: историческое наследие, колониальная эксплуатация и структурные проблемы	59
Урбанович А. Е. Методология исследования белорусской и зарубежной историографии о событиях Отечественной войны 1812 г. на белорусских землях	61
Чикин А. М. Основные направления развития военно-технического сотрудничества США и Японии в 2026 г.	64
Щербачевич С. Д., Лазовская О. С. Деятельность ООН по противодействию транснациональной организованной преступности	66

РАЗДЕЛ 2

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аланини Т. А. Правовое регулирование валютной интеграции в Евразийском экономическом союзе	69
Албабаева Р. И., Мороз И. Ю. Международно-правовое обеспечение кибербезопасности: современные тенденции и перспективы развития	71
Гара П. Е. «Право на забвение» как составляющая процесса ресоциализации осужденных	73
Герасимова К. И. К вопросу о трансграничном применении БПЛА в современных вооруженных конфликтах (на примере Ближнего Востока)	76

Голов М. М.	
Правовое регулирование международного взаимодействия по уголовным делам	78
Зайцев К. С.	
Сталкинг как преступление.	
Международный опыт в борьбе со сталкингом	82
Золоторевич П. Д.	
Направления по совершенствованию законодательства и иные меры по изменению отношения к женщинам в инновационной деятельности	84
Иванчук П. Э., Тайник О.	
Механизм международно-правовой защиты персональных данных в эпоху развития искусственного интеллекта	86
Карнейчик М. П.	
Проблемы квалификации и пробелы в правовом регулировании биотерроризма в международном праве	89
Кветковская Е. В., Лущик К. В.	
Ответственность международных организаций за нарушение норм международного права: современное состояние и тенденции	91
Кветковская Е. В., Лущик К. В.	
Пиратство в современном международном праве: проблемы юрисдикции	93
Краснова А. Г.	
Гарантии реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, проблемы их реализации на практике	95
Лазовский Н. В.	
Лицензионный аспект осуществления деятельности по оказанию юридических услуг	99
Лях В. И.	
Оценка зарубежного опыта кредитования малого бизнеса	101
Мазовка Т. В.	
Правовое регулирование в сфере защиты персональных данных в системе публичного права Республики Беларусь	103
Маринина М. Ю.	
Международно-правовое закрепление и пределы права на самооборону	105
Мартянова А. А.	
Генезис права на судебную защиту в Республике Беларусь	107

Матвейков К. С. О последствиях прекращения действия договора для «нехорошего» контрагента	112
Островская А. А. Право на развитие как фундамент для справедливого мирового правопорядка	114
Первенецкая К. Д. Содержание понятия «информационный суверенитет» в контексте международного права	117
Пичурова В. Д. Проблема правового статуса частных военных компаний с точки зрения международного гуманитарного права	120
Полтавцева В. А. Профессиональные риски в деятельности адвоката: пути решения проблем	121
Пригожая А. Г. Правовой вакуум в сфере противодействия кибероперациям против критической инфраструктуры здравоохранения в международном гуманитарном праве	123
Севрюк Е. В. Инвестиционное сотрудничество государств – членов ШОС	125
Синицкая М. В. Перспективы включения экоцида в перечень международных преступлений: теоретические и практические аспекты	127
Смолей В. Ю., Тарабарова Т. П. Международно-правовая ответственность государств за применение автономного оружия	128
Смолей В. Ю., Тарабарова Т. П. Международно-правовое регулирование борьбы с правонарушениями в сфере международной гражданской авиации	130
Стреха Д. М. Международно-правовая защита женщин от насилия в условиях вооруженных конфликтов: развитие положений резолюций Совета Безопасности ООН после резолюции S/RES/1325	132
Стреха Д. М. Международно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности при захоронении ядерных отходов: анализ мирового опыта	134

Сысой Д. А. Конфискация замороженных активов государства: нарушение иммунитета или допустимая контрмера?	136
Усарова Д. А. Международно-правовая ответственность государств в связи с возникновением мусорных островов в открытом море	138
Храмая Я. Е. Международно-правовая квалификация угрозы применения ядерного оружия	142
Чепова У. А. Проблема определения немеждународного вооруженного конфликта в международном гуманитарном праве	145
Чёрный Г. А., Новичук А. С. Международно-правовая ответственность за ущерб, причиненный космическим мусором: проблема идентификации объекта и концепция «активного удаления мусора» (ADR)	147
Чёрный Г. А., Новичук А. С. Соглашение о морском биологическом разнообразии территорий за пределами национальной юрисдикции 2023 г.: вклад в развитие международного морского права	149
Чэнь Сяохуэй Responsibility Framework of Agentic AI in Autonomous Mining	151
Чэнь Сяохуэй The Tension between Technical Rationality and Individual Justice: Legal Theory in Algorithmization of Criminal Justice	153
Шагило Д. С. Международные договоры, применимые к уголовно-правовой защите сохранения исторической правды и памяти о Холокосте	156
Шепелевич М. Ю. О правовой природе самовольной постройки	163
Шмакова К. А. О некоторых вопросах применения медиации при расторжении брака в семейном праве Республики Беларусь	165
Diao Yueqi Institutional Competence and Governance Design in the Asian Infrastructure Investment Bank	167
Zhou Y. Institutional Interaction between IOMed and APEC in Digital Trade Dispute Settlement	169

РАЗДЕЛ 3
МЕНЕДЖМЕНТ. МАРКЕТИНГ.
ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО. ЭКОНОМИКА

Бабич Е. С., Сеницкая А. Д. Инвестиционный бум в сфере искусственного интеллекта 2026 года: риски перегрева и сценарии коррекции	171
Большакова М. А. Оценка конкурентной среды белорусской банковской сферы	173
Василевская А. С., Терёхин З. Д. Key Challenges in the Labour Market of the Republic of Belarus	175
Выговская Т. Д., Емельянова А. Д. Влияние климатических изменений на миграционную политику Тувалу и Бангладеш	177
Выговская Т. Д., Емельянова А. Д. Экологические аспекты майнинга криптовалют	179
Гузова А. В. Неравномерность распределения доходов на глобальном уровне	181
Дрозд М. Р. Феномен «розового» налога в современной экономике	183
Дудкина Э. А. Современные тенденции развития банковской системы Бельгии	185
Ефимова К. К. Современное состояние и перспективы развития электронной коммерции в мировой экономике	187
Жамойда И. Е., Пурьков А. В. Проектирование многоступенчатых систем стимулирования налоговой дисциплины в цифровой экономике Беларуси	192
Жихарева А. И. Роль искусственного интеллекта в оптимизации процесса принятия инвестиционных решений	194
Корнилюк Н. А. Правовое регулирование банковской деятельности в ЕАЭС	197
Коряченкова А. В., Михайленко Ф. Д. Цифровые валюты ЦБ как инструмент международных платежей: перспективы использования	199

Мирошник А. А. Маркетплейсы как современная форма торговли	201
Новик Е. В. Решоринг как новый вектор развития МРТ: опыт США	203
Панич К. Г. Экспортная активность МСП в Европе: эконометрический анализ	205
Послед А. С. Монетизация блога в Республике Беларусь	208
Секержицкая В. В. Френдшоринг в современных международных экономических отношениях: сущность понятия и модели реализации	210
Сидорчук И. С. Факторы конкурентоспособности стран в экономике знаний	212
Сун Чжэни When Algorithms Know You Better Than Yourself: How AI-Driven Omnichannel Marketing Influences Consumer Choices	214
Ташлиева М. М. Объединенные Арабские Эмираты как реэкспортный хаб для обхода санкций и тарифных барьеров	217
Терёхин З. Д., Василевская А. С. Риски теневой экономики в свободных экономических зонах: зарубежный опыт	218
Филиппович В. В. Рынок цифрового здравоохранения в Республике Беларусь	220
Фисенко Т. И. Международный рынок криптовалют: состояние и перспективы развития	222
Чэнь Сяохуэй Development of the Theoretical Foundations for Managing Economic Security Under New Challenges	227
Шапорда А. В. Пенсионная система Швеции	229
Шлейчкова А. О. Анализ рынка финансовых услуг на примере отдельных стран европейского региона	231
Щурок П. Д. Китайско-Американская торговая война 2025: итоги и последствия	233

Belousova A. E.	
Digital Transformation of Lunar Economy: Turning the Moon into a Startup	235
Chen Huixian	
Eurasian Economic Union and Global Value Chains: The Case of Belarus	237
Dozmorova N. O.	
The Evolution of Education: An Analysis of New Opportunities and Risks of Using Artificial Intelligence in Education	239
Feng Lu	
Gender Employment Differences and Labor Market Discrimination: An Economic Analysis – The Case of Belarus	241
Grechishko A. V., Lazarenko A. D.	
AA+.esg Banks in Belarus Monetizing the SDGs	243
Pavlova D. V.	
Digital Progress, Toxic Footprint: Confronting the Global E-Waste Crisis	245

РАЗДЕЛ 4

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ. ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО

Бабенина К. А.	
The Role of Risk Management in Modern Customs	247
Лахач М. В.	
Динамика въездного туризма в Республике Беларусь	249

РАЗДЕЛ 5

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ. ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Анцух К. С.	
Влияние интернет-мемов на английский язык и культурное самовыражение молодежи	252
Игнатюк К. И.	
Семантическое значение корейского термина <i>вантта</i> (왕따) и сложность его перевода на английский язык	258

Казакевич А. Д.	
Проблема «социальной изоляции» как вызов для системы социального обеспечения Японии	260
Ковалевская Е. Г.	
Сравнительная характеристика образов Синдбада-Морехода в контексте культуры Аббисидов и Одиссея Гомера	262
Крицук-Тарасов Н. И.	
Разновидности сказуемого на примере памятника «Чжуанцзы»	264
Сун Цзе	
Тенденции развития китайской детской литературы в XXI веке	266
Сунь Хаожань	
Особенности продвижения китайских брендов в контексте развития технологий искусственного интеллекта	268
Тянь Чжиюн	
Современная массовая культура Китая как фактор мягкой силы	271

Научное издание

**СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ, АСПИРАНТОВ**

Выпуск 36

На русском и английском языках

Составитель
Галковская Анастасия Андреевна

*Статьи публикуются
в авторской редакции*

Дизайн обложки *В. В. Аниух*
Компьютерная верстка *И. П. Бондарович*
Корректоры: *О. С. Гладкова, А. А. Галковская*

Подписано в печать 09.06.2026.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16,51. Уч.-изд. л. 16,03.
Тираж 99 экз. Заказ 1286.

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: +375 17 350 25 42. E-mail: info@4-4.by

ISSN 2224-0845

9

772224 084005

1 1 0 0 8

